Д.А. КЕРИМОВ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС
КАФЕДРА ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Д.А. КЕРИМОВ

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МЫСЛЬ»
МОСКВА
1972

34
К 36

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ВПШ и АОН при ЦК КПСС

1-10-1
125-73

ВВЕДЕНИЕ

Марксистско-ленинская правовая наука достигла ныне такого уровня развития, когда выдвигаются все более высокие требования к исследованию системы, структуры и логики ее познавательного процесса. Теперь она уже не удовлетворяется теми лишь результатами познания, которыми овладела, но интересуется тем, какими путями, методами и способами эти результаты получены. И это вполне закономерно не только потому, что на определенной стадии зрелости науки возникает естественная потребность в знании ее собственной гносеологической природы, но и главным образом потому, что необходимость дальнейшего, более углубленного изучения предмета предполагает философское осмысление и обобщение всего арсенала средств его познания.

Отмечая значение разработки методологических проблем права, П. Н. Федосеев писал: «Всесторонняя разработка методологических проблем правовой науки поможет лучше связать ее с жизнью, глубже раскрыть основные процессы в развитии политической и правовой надстройки социалистического общества» [1].

Эту задачу призвана выполнить общая теория государства и права, предмет которой в результате разрешения названной задачи не только обогащается, но и су-

---

[1] *П. Н. Федосеев.* Диалектика современной эпохи. М., 1966, стр. 337.

щественным образом видоизменяется[1]. Но прежде чем говорить о видоизменении предмета общей теории государства и права, следует выяснить, в чем он состоит, и тем самым объяснить, почему именно эта наука должна разрабатывать методологические проблемы правоведения[2].

Вопрос о предмете общей теории государства и права оказался довольно сложным, дискуссионным и недостаточно разработанным[3]: отсутствует четкое отграничение предмета данной науки от предмета исторического материализма; недостаточно раскрыто ее политико-юридическое содержание; не определено в полной мере методологическое значение теории государства и права в

---

[1] Предисловие гегелевской «Философии права» заканчивается словами: «Понятие предмета не является природным нашим достоянием. Каждый человек обладает пальцами, может получить в свое распоряжение кисть и краски, но это еще не делает его живописцем. Точно так же обстоит дело и с мышлением. Мысль о праве не есть нечто такое, чем каждый обладает непосредственно; лишь правильное мышление есть знание и познание предмета, и наше познание должно быть поэтому научным» (*Гегель.* Соч., т. VII. М.—Л., 1934, стр. 19).

[2] Некоторые из последующих рассуждений по данному вопросу были развиты нами в статьях и главах монографий (см. *Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин.* О предмете общей теории государства и права. — «Советское государство и право», 1957, № 12; «Общая теория государства и права». Л., 1960, гл. 1; *Д. А. Керимов, Г. Б. Гальперин.* Методологические проблемы науки общей теории государства и права. — «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Л., 1967; «Общая теория государства и права», т. I. Л., 1968, гл. 1).

[3] Объясняя это обстоятельство, Т. И. Ойзерман пишет: «Изучая науку, мы осознаем те изменения, которым подвергается ее предмет в ходе исторического развития, понимаем неизбежность дискуссий о ее предмете в среде специалистов. Такого рода дискуссии необходимы для развития науки; они происходят отнюдь не потому, что ученые не знают, чем они занимаются, что исследуют, что преподают.

Научное определение предмета любой науки, конечно, не может быть исходным пунктом ее действительного исторического развития: оно становится возможным на сравнительно высокой ступени развития науки, являясь подытожением, обобщением пройденного пути и достигнутых результатов» (*Т. И. Ойзерман.* Проблемы историко-философской науки. М., 1969, стр. 229). И. С. Нарский по этому поводу также отмечает: «Периодическое возвращение той или иной науки к рассмотрению своего собственного предмета с целью его уточнения свидетельствует о ее быстром развитии» (*И. С. Нарский.* Еще раз о предмете и функциях философии марксизма. — «Философские науки», 1971, № 1, стр. 84).

системе юридических наук[1]. Остановимся на этих проблемах.

Общая теория государства и права — наука высокого уровня обобщений государственно-правовой действительности. И именно поэтому в ее состав входят не только знания, добытые данной наукой, но и в синтезированном виде знания, накопленные многими другими науками, в той или иной мере исследующими политико-юридическую надстройку.

Государство и право как части единой социальной действительности подчиняются общим объективным закономерностям развития общества. Вместе с тем, будучи относительно самостоятельными звеньями общественной жизни, государство и право имеют свои закономерности, которые оказываются специфическими по отношению к общесоциальным закономерностям и одновременно общими по отношению к тем конкретным закономерностям, которые действуют в пределах отдельных сфер государственной и правовой практики (и которые изучаются отраслевыми юридическими науками). В соответствии с этим общая теория государства и права изучает как общие закономерности социальной жизни, определяющие развитие государственных и правовых явлений, так и те относительно самостоятельные специфические закономерности, которые вместе с тем являются общими для всех частей государственно-правового организма. Отсюда логически вытекает, что она должна не только опираться на всеобщий метод диалектического материализма, но и разрабатывать на его основе те конкретные методоло-

[1] Кризис буржуазной философии права выражается, в частности, в том, что вопрос о его предмете (равно как и философские проблемы права вообще) менее всего интересует современных правоведов. Так, характеризуя состояние этого вопроса в США, А. Старченко правильно пишет: «Уже в начале 40-х годов в философии права США явно чувствуется неудовлетворенность субъективно-релятивистской методологией, которая окончательно завела юриспруденцию в тупик, лишив ее сколько-нибудь устойчивых критериев для правовых оценок и перспектив развития... замкнуто-юридический анализ отраслевых проблем права отличается необычайно узким эмпиризмом, бедностью и боязнью философских обоснований и обобщений» (*А. Старченко.* Философия права и принципы правосудия в США. М., 1969, стр. 71, 106). Все это, естественно, приводит к печальному выводу, сформулированному Т. Бекером: «Мы, видимо, обречены быть ненаучными в науке» (*T. Becker.* On Science and Law.— «The American Behavioral Scientist», 1963, vol. VII, N 4, p. 13).

гические принципы, установки, приемы и способы исследования, которые обеспечивают познание специфических закономерностей развития государственно-правовых явлений.

Это относится прежде всего к той части исторического материализма, которая посвящена закономерностям государственно-правового развития. В связи с этим возникает вопрос об отграничении предмета общей теории государства и права от предмета исторического материализма. Пытаясь ответить на данный вопрос, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут: «Исторический материализм раскрывает сущность государства и права и их общие закономерности, а теория... исследует сущность и общие закономерности государства и права в конкретных формах их проявления». И далее: «...теория государства и права может быть определена как наука, изучающая сущность и закономерности государства и права в целом, в конкретных формах проявления последних, в их исторической, экономической и классовой обусловленности» [1].

Вряд ли можно согласиться с этими положениями. Во-первых, не только общая теория государства и права, но и исторический материализм исходит при исследовании государственно-правовых явлений из «конкретных форм их проявления». Как справедливо отмечает Тодор Павлов, «ни философия, ни частная наука не являются и не могут быть науками только и исключительно о формах вещей и явлений, а являются и должны быть одновременно науками и об их глубоком и все более глубоком объективно-реальном содержании, об их объективно-реальных отношениях и закономерностях, об их все более и более глубокой объективно-реальной сущности. И поэтому нет и не может быть наук, занимающихся чистыми формами, как нет и не может быть наук, которые, интересуясь все более глубоким содержанием вещей и явлений, не интересуются их формами или способами существования и проявления» [2].

---

[1] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права. М., 1961, стр. 9, 14; см. также *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки). Киев, 1971, стр. 4—5.

[2] *Тодор Павлов.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1961, стр. 182.

Во-вторых, общая теория государства и права не только рассматривает государственно-правовые явления с точки зрения «конкретных форм их проявления», но и прежде всего вскрывает сущность и содержание, общую структуру и структурные закономерности государства и права, чем она и отличается, в частности, от отраслевых юридических наук [1].

В-третьих, различие между историческим материализмом и общей теорией государства и права в исследовании государственно-правовых явлений состоит не в том, что первый изучает эти явления вообще, вне «их исторической, экономической и классовой обусловленности», а вторая — «в конкретных формах их проявления» и соответствующей обусловленности, как это вытекает из приведенных цитат, а в том, что общая теория государства и права является по сравнению с историческим материализмом более конкретной ступенью в познании этих явлений.

Поясним это подробнее, прежде всего подчеркнув, что «конкретные формы проявления тех или иных явлений» и «более конкретная ступень в познании» этих явлений при всей словесной сходности отнюдь не тождественные понятия. В любом случае общие научные понятия (как и вообще абстрактное мышление) основываются на конкретных явлениях реальной действительности и обобщают «конкретные формы их проявления», без чего вообще нет и быть не может познания этих явлений, а следовательно, и представлений о них. Но степень обобщения явлений в понятиях и определениях может быть различной. Она зависит не только от уровня развития соответствующей науки, но и от назначения этих понятий и определений.

Так, если в науке исторического материализма признаются достаточными наиболее общие понятия и определения государственных и правовых явлений для познания, объяснения и характеристики всеобщих закономерностей общественного развития в целом, то общая теория государства и права такими понятиями и определениями ограничиться не может, так как роль этой науки состоит помимо всего прочего в обслуживании

---

[1] См. *Тодор Павлов*. Избранные философские произведения, т. I, стр. 178—179.

отраслевых юридических наук. А это означает, что общая теория государства и права должна не только проникать в сущность соответствующих государственно-правовых явлений, но и вскрывать их особенное, специфическое содержание, формы внутренней организации и внешнего выражения, условия их функционирования, действия, осуществления и т. д. Таким образом, общая теория государства и права наряду с включением в сферу своего предмета всеобщих научных законов развития государства и права, исследуемых историческим материализмом, вскрывает и формулирует особые, специфические научные законы развития государственно-правовых явлений. Именно в этом смысле наука общей теории государства и права является более конкретной ступенью познания государственно-правовых явлений по сравнению с историческим материализмом [1].

Отграничение общей теории государства и права от исторического материализма проводится не только по степени конкретности познания, но и по различию аспектов изучения ими государства и права. Объектом изучения исторического материализма являются общие законы возникновения, функционирования и развития общества как целостного социального организма. В этой связи он раскрывает также сущность отдельных частей этой целостности, в том числе государства и права. Но сущностью не исчерпывается все богатство содержания явления. Поэтому познание сущности государства и права отнюдь не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость всестороннего изучения объективных специфических закономерностей развития этих особых, относительно самостоятельных общественных явлений специальными науками [2]. Исторический материализм изучает

[1] См. также «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия». М., 1970, стр. 10.

[2] Б. М. Кедров на совещании по методологическим вопросам истории отмечал, что для специальных наук об обществе «характерен прием вычленения из всей суммы общественных отношений каких-то определенных их сторон и изучение их... в относительной их изоляции от других сторон общества, которые в данной связи оказываются либо несущественными, либо берутся лишь в той связи, в какой они стоят по отношению к выделенной стороне общественных явлений». Предметами этих наук являются «различные «этажи» общественного «здания»: экономический базис; политическая надстройка над этим базисом; более высокие идеологические надстройки» («История и социология». М., 1964, стр. 110, 111).

государственно-правовые явления не для того, чтобы подменять специальные науки о государстве и праве, а для того, чтобы, опираясь на данные и выводы этих наук, определить место, назначение и роль государственно-правовой части надстройки в общем историческом процессе, в развитии общества как единого целостного организма.

Эти положения не обнаруживают, однако, объективной отграничительной линии между предметами исторического материализма и общей теории государства и права, поскольку указывают на специфику всей системы юридических наук, а не специально общей теории государства и права, которая изучает не только содержание государственно-правовых явлений, но, так же как и исторический материализм, их сущность.

Действительно, общая теория государства и права изучает общие закономерности развития государственно-правовых явлений, действующих во всех классовых социально-экономических формациях, а также закономерности, выражающие взаимоотношения государственно-правовых явлений со всеми другими сторонами общественной жизни. Но в отличие от исторического материализма общая теория государства и права изучает также и закономерности, существующие внутри государственно-правовой части надстройки, закономерности взаимодействия компонентов ее внутренней системы, структуры, механизма функционирования[1] и т. д. Этим и определяется особый по сравнению с историческим материализмом аспект исследования государствен-

[1] Необходимо обратить внимание на то, что форма взаимодействия государства и права с регулируемыми общественными отношениями отличается особенностями, определяемыми специфическими закономерностями развития государственно-правовой действительности. В нашей литературе неоднократно подчеркивалось, что именно эти особенности (а не общественные отношения сами по себе) изучаются общей теорией государства и права (см. «Советское трудовое право». Под редакцией Н. Г. Александрова. М., 1949, стр. 22; *С. Н. Братусь*. Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук.— «Ученые записки ВИЮН», вып. 2. М., 1955, стр. 10—11; *О. А. Красавчиков*. Советская наука гражданского права (понятие, предмет, состав и система).— «Ученые труды», т. VI. Свердловск, 1961, стр. 49, 161—169, 173—190; *его же*. Советское гражданское право, т. I. М., 1968, стр. 42; *В. Н. Кудрявцев*. Социология, право и криминология.— «Советское государство и право», 1969, № 2, стр. 65; *П. Е. Недбайло*. Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 15.

но-правовых явлений, осуществляемый общей теорией государства и права, обнаруживаются не только закономерности их взаимодействия и функционирования в системе всего комплекса общественных отношений, но и закономерности взаимодействия и функционирования между элементами относительно единой системы государственно-правовых отношений и т. д. Поэтому в общей теории государства и права закономерные связи государственно-правовых явлений с другими факторами общественной жизни изучаются уже обогащенные познанием их внутренних взаимных отношений.

Основу этих внутренних взаимоотношений государственно-правовых явлений составляет неразрывная, органическая связь между государством и правом не только в аспекте их одновременного исторического развития (происхождения, существования и отмирания), но и в аспекте их функционирования [1]. Государство, будучи политической организацией господствующего класса, создает право, которое выражает волю этого класса. Право является средством обязательного проведения в жизнь политики господствующего класса, организованного в государство. С другой стороны, само государство, его устройство, форма правления и режим функционирования нуждаются в юридическом оформлении, в закреплении правовыми нормами определенного порядка образования, организации, компетенции и форм деятельности государственных органов. При этом государство может, конечно, создавать новые, отменять старые, изменять, дополнять или уточнять действующие правовые нормы по своему усмотрению. «Но ни одно государство, — как правильно отмечает Г. С. Остроумов, — не может произвольно менять объективно обусловленную систему права, не рискуя серьезно ослабить, подорвать себя и даже погибнуть. В этом смысле любое государство зависит от права не в меньшей степени, чем право от государства» [2].

[1] См. подробно об этом: *М. А. Аржанов.* Государство и право в их соотношении. М., 1960; *М. С. Строгович.* Философия и правоведение. — «Советское государство и право», 1965, № 6; «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия».

[2] *Г. С. Остроумов.* Теория государства и права как политическая наука. — «Советское государство и право», 1968, № 2, стр. 27.

Государство не может проводить определенную политическую линию, осуществлять свои функции, не предписывая в правовых нормах строго определенных правил поведения для граждан, для всего населения страны. Реализация же правовых норм обеспечивается государством, в том числе и принудительной силой государственного механизма. Ф. Энгельс писал, что «вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение, — публичная власть, государство» [1]. В. И. Ленин также подчеркивал, что «право есть ничто без аппарата, способного *принуждать* к соблюдению норм права» [2].

Следовательно, государство и право — это две неразрывно, непосредственно и органически связанные между собой стороны одного и того же исторического явления, а именно классово-политического господства в обществе; они не могут ни существовать, ни функционировать друг без друга. А отсюда становится очевидной необходимость познания государства одновременно с познанием права и, наоборот, необходимость познания права одновременно с государством [3].

Именно этим объективно определяется объединение в одной научной и учебной дисциплине данных общественных явлений. И именно поэтому общая теория государства и права, изучающая политическую и юридическую части надстройки, является единой политико-юридической наукой. «Наука о государстве и праве — это сумма и система знаний о политико-юридических закономерностях, явлениях и процессах классового общества» [4].

Однако характеристика общей теории государства и права как юридической науки оспаривается отдельными

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 272.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

[3] «Это, конечно, не означает, — как правильно замечает П. Е. Недбайло,— что все то, что свойственно праву, свойственно и государству, и, наоборот, то, что свойственно государству, свойственно и праву» (*П. Е. Недбайло*. Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 11).

[4] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 9; С. Н. Братусь также отмечает, что теория государства и права «представляет собой синтез политических и правовых идей» (*С. Н. Братусь*. Теория государства и права, ее предмет и место среди общественных наук. — «Ученые записки ВИЮН», вып. 2, стр. 16).

авторами. Так, А. И. Денисов считает, что общая теория государства и права является прежде всего наукой политической, поскольку государство есть явление в первую очередь политическое, однородное в этом смысле с такими явлениями, как классовая диктатура, политическая жизнь и политическая организация общества, демократия и т. д. Учение о государстве и его связях прежде всего входит в систему политических наук наряду с учением о партии, о Советах и т. д.[1]

То, что государство, равно как и право, — явление политическое, не вызывает сомнения. Но очевидно также и то, что право, равно как и государство, — явление юридическое. По мнению же А. И. Денисова, лишь учение о государстве относится к политической науке. Таким образом, единый предмет общей теории государства и права разрывается на политическую и юридическую науки. Между тем хорошо известно, что право — категория политическая, есть одна из форм политики. Поэтому и оно относится к политической науке. Но ни государство, ни право нельзя отождествлять с политикой (равно как противопоставлять политике), поскольку они имеют не только политическое, но и юридическое значение. Именно поэтому общая теория государства и права (как, впрочем, и все юридические науки) характеризуется как политико-юридическая наука.

Еще более настойчиво отрицает юридический характер общей теории государства и права С. С. Алексеев. «Теория государства и права, — пишет он, — никогда не была юридической наукой и в науку юридическую по самой своей природе преобразована быть не может»[2]. С. С. Алексеев пытается обосновать этот тезис тем, что предметом этой науки «является не только право, но и государство...»[3]. Но подобный довод отнюдь не отрицает юридического содержания этой науки, а лишь доказывает, что общая теория государства и права является не только правоведческой, но и государствоведческой наукой.

Аргументируя свою точку зрения, автор далее указы-

---

[1] См. *А. Денисов.* Некоторые вопросы предмета марксистско-ленинской теории государства и права. М., 1962.

[2] *С. С. Алексеев.* Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961, стр. 167.

[3] Там же, стр. 168.

вает, что «предметом теории государства и права является «общее и необходимое, т. е. классовая сущность, классовые основы исторических типов государства и права», в соответствии с чем теория государства и права представляет собой науку «об общих классовых основах государства и права». Поскольку теория государства и права выступает в качестве науки об общих классовых основах государства и права, то понятно, почему специальная юридическая проблематика не умещается в пределах этой научной дисциплины» [1].

В этих суждениях содержатся два ошибочных, на наш взгляд, положения. Во-первых, не только государство, но и право есть социологическая категория, и в этом качестве право, так же как и государство, исследуется историческим материализмом. Во-вторых, общая теория государства и права, исходя из классовой природы государства и права, изучает не только право как юридическую категорию, но и правовые аспекты государства, в частности такие проблемы, как правовые формы организации государственной власти, правовые формы деятельности различных государственных органов, правовые методы осуществления функций государства, правовой аспект государственного суверенитета, правотворческая и правореализующая деятельность государства и т. д. В этих аспектах наиболее полно раскрывается взаимопроникновение и взаимопереплетение двух частей надстройки, исключающие одностороннюю трактовку государства только как социологической категории. Здесь уместно заметить, что разграничение двух частей надстройки вообще носит относительный характер. «Следует ли... выделять юридическую надстройку в качестве особой надстройки, отдельной от политической? — спрашивает В. П. Тугаринов и отвечает: — Нам кажется, что при общем понимании политических отношений, как связанных с вопросом о власти, этого делать не следует. Мы видели, что К. Маркс в некоторых своих положениях не выделяет ее из политической. Ведь право есть неотъемлемый атрибут государственной власти. Политическая деятельность есть другой ее атрибут. Между этими двумя атрибутами есть прямая связь: политические акты

[1] *С. С. Алексеев.* Общие теоретические проблемы системы советского права, стр. 169.

государства «освещаются» законом и являются практическими действиями по реализации законов»[1].

Еще более решительные возражения вызывает определение предмета теории государства и права как науки о классовых основах государства и права, целиком посвященной общесоциологическим закономерностям. Верно, конечно, что, изучая государство и право, вскрывая их сущность, общая теория государства и права выявляет их классовые основы. Но классовые основы государства и права изучаются и другими общественными дисциплинами, и прежде всего историческим материализмом. Специфику предмета общей теории государства и права составляют не только классовые основы государства, государственные и правовые институты, не только общесоциологические закономерности, изучаемые историческим материализмом, но и особенные закономерности, выражающие политические и правовые отношения общества.

Определение общей теории государства и права как науки об общесоциологических закономерностях и отрицание юридического содержания ее предмета неминуемо приводят к отождествлению или растворению данной науки в предмете исторического материализма, т. е. практически к ликвидации общей теории государства и права как самостоятельной научной дисциплины. Вместе с тем в другой своей работе С. С. Алексеев все же признает, что теорией государства и права изучаются и правовые вопросы (в частности, такие, как норма права, элементы правоотношений), но изучаются они пропедевтически, т. е. в предварительном и подготовительном плане, а по существу они познаются наукой общей теории права[2]. Таким образом, выдвигается идея о существовании двух самостоятельных наук — теории государства и права, которая хотя и изучает те или иные вопросы права, но не является юридической наукой, и общей теории права, которая является юридической наукой.

В этой связи вполне естественно возникает вопрос, чем конкретно отличается предмет общей теории права

[1] *В. П. Тугаринов.* Соотношение категорий исторического материализма. Л., 1958, стр. 100.

[2] См. *С. С. Алексеев.* Общая теория социалистического права, вып. 1. Свердловск, 1963, стр. 5.

от предмета той части теории государства и права, которая посвящена учению о праве. Сравнительный анализ позволяет заключить, что обе эти науки имеют один и тот же объект исследования — право, что изучают они право в одном и том же аспекте, что обобщают они правовые явления на одном и том же уровне. Очевидно, что эти предметы совпадают, что общая теория права не имеет самостоятельного предмета. Утверждение же С. С. Алексеева, что отличие теории государства и права от общей теории права состоит в том, что она изучает вопросы права как данные, т. е. без раскрытия их особенностей, их специфики, их многогранного содержания, а общая теория права познает существо этих вопросов, ведет фактически к ликвидации общей теории государства и права как науки, сведению ее к вводной учебной дисциплине и замене ее общей теорией права, ибо наука, которая не изучает особенностей, специфики познаваемых явлений, не раскрывает содержания исследуемых вопросов, не может рассматриваться как самостоятельная наука.

В действительности же общая теория государства и права является единой специальной общественной наукой об общих закономерностях развития сущности, содержания, внутренних и внешних форм государственно-правовой жизни общества[1]. Это означает, что закономерности, изучаемые общей теорией государства и права, являются одновременно едиными, общими и специфическими[2]. Едиными потому, что они распространяют-

[1] Положение о неразрывной органической связи государства и права отнюдь не исключает возможность их раздельного исследования, в процессе которого, однако, важно (и необходимо) лишь постоянно иметь в виду эту связь, учитывать ее, исходить из нее. Нелепым выглядело бы требование при изложении результатов исследования воспроизводить все те основания, отношения и опосредствования, которые сопровождали рабочий процесс этого исследования. И с этой точки зрения вполне оправданным является сложившееся «разделение труда» между специалистами общей теории государства и права, одни из которых посвящают свою научную деятельность преимущественно изучению проблем государства, а другие — изучению проблем права. То же относится и к отдельным проблемам, избранным для исследования в пределах той или иной основной области, — общей теории государства или общей теории права.

[2] См. *Г. Б. Гальперин, А. И. Королев.* О предмете науки истории государства и права СССР. — «Правоведение», 1960, № 4, стр. 111.

ся и на государство, и на право; общими потому, что охватывают всю государственно-правовую жизнь общества в ее логическом развитии; специфическими потому, что относятся только к государственно-правовой действительности.

Крайне противоположную позицию по данному вопросу занимает П. Е. Недбайло, утверждающий, что общая теория государства и права — это не политическая, а чисто юридическая наука [1]. Вместе с тем он достаточно убедительно показывает, что общая теория государства и права является не только юридической, но вместе с тем и политической наукой, поскольку изучает государство и право как явления политические, хотя и «с юридической стороны» [2]. Отметим, что П. Е. Недбайло справедливо упрекает буржуазную науку за отрыв политического от юридического и их противопоставление [3]. Однако в его позиции имеются некоторые неточности, неясности. «Юридическое», в особенности в общих закономерностях его развития, невозможно представить вне «политического», равно как и «политическое» в необходимых случаях обретает форму «юридического». С этой точки зрения вся система юридических наук может одновременно характеризоваться и как политическая. Но если специальные отрасли правоведения имеют своим предметом преимущественно юридическую проблематику, то общая теория государства и права, изучая общие закономерности развития политико-юридической надстройки на «стыке» экономических, философских, социологических, исторических и правоведческих наук, особенно обнаруживает не только юридический, но и политический характер своего предмета. Именно поэтому представляется более правильным признать общую теорию государства и права единой политико-юридической наукой.

Исходя из классовой сущности государства и права, обоснованной историческим материализмом, общая теория государства и права исследует закономерности государства и права, в которых раскрываются их качественные особенности. Изучение государственных и правовых

[1] См. *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 53—54.
[2] См. там же, стр. 51.
[3] См. там же, стр. 54.

явлений в общей теории государства и права — это более конкретная ступень в их познании, опирающаяся на единую, общую для всех отраслей общественного знания марксистско-ленинскую методологию, на метод и теорию исторического материализма. Общая теория государства и права представляет собой, таким образом, результат непосредственного распространения материализма и диалектики на познание государственных и правовых явлений.

Между историческим материализмом и общей теорией государства и права существует органическая, теснейшая связь и взаимообогащение в процессе изучения государственно-правовых закономерностей. Так, вооружая общую теорию государства и права и другие юридические науки общим методом научного познания, исторический материализм проникает в эти науки, пронизывает собой их содержание. В свою очередь общая теория государства и права, равно как и другие юридические науки, дает конкретный материал для широких философских обобщений, необходимый историческому материализму для дальнейшего раскрытия наиболее общих закономерностей общественного развития, дальнейшего совершенствования марксистско-ленинского диалектического метода.

В этой связи следует заметить, что от сотрудничества философии и правоведения выигрывает не только последнее. Так, в частности, общая теория государства и права, поднимаясь в познании своего предмета от отдельного к всеобщему, все более приближается к философскому осмыслению изучаемой ею действительности. Но такое осмысление вместе с тем является одной из необходимых форм развития самой философии. Экономика, как отмечал Ф. Энгельс, влияет на надстроечные явления «по большей части косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения» [1].

Специфика государственных и правовых проблем нередко ставит перед диалектическим и историческим материализмом ряд новых вопросов, разрешение которых развивает и оплодотворяет философскую мысль.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 420.

Общая теория государства и права, следовательно, возникает «на границе» исторического материализма и отраслевых юридических наук. И это вполне естественно, поскольку всякое познание предполагает несколько «срезов», ступеней, уровней обобщения исследуемых явлений. В частности, от познания отдельных, конкретных, непосредственных проявлений государственно-правовой действительности, исследуемых специальными отраслями юридических наук, правоведение в целом поднимается до обобщения их общих специфических особенностей в общей теории государства и права. Эти последние обобщения используются историческим материализмом в качестве основы для более высокого уровня обобщения, для определения места и роли государства и права во всеобщем историческом развитии общества в целом.

Благодаря тому, что общая теория государства и права является обобщающей наукой в системе юридических наук, она и приобретает методологическое значение в этой системе. Некоторые авторы, однако, это отрицают. Так, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пишут: «Методологическая наука — это наука, разрабатывающая метод научного исследования. Совершенно очевидно, что общая теория не выполняет и неспособна выполнить подобную роль»[1]. Почему же? Оказывается, потому, что она сама пользуется методом диалектического материализма. «Метод материалистической диалектики, — пишут они, — лежит в основе как отраслевых юридических дисциплин, так и науки теории государства и права. Более того, он лежит в основе всей советской и вообще социалистической науки и практики... Однако в различных областях знаний конкретные формы применения диалектического метода зависят от специфики предмета, изучаемого в каждой данной науке»[2].

Верно, конечно, что общая теория государства и права основывается на диалектическом материализме и пользуется его методом. Но как и сам исторический материализм, будучи распространением материализма и диалектики на познание общества, не перестает быть методологической основой для других общественных наук, так и использование общей теорией государства и

[1] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 12.

[2] Там же.

права диалектического материализма отнюдь не исключает выполнения ею методологических функций по отношению к отраслевым юридическим наукам.

Из того факта, что методом диалектического материализма пользуются и все другие, в том числе и отраслевые, юридические науки, нельзя делать крайне противоположный вывод, в частности, о том, что не только общая теория государства и права, но и все юридические науки имеют методологическое значение[1].

Конечно, отраслевые юридические науки могут вырабатывать (и нередко вырабатывают) отдельные методологические значимые для ряда частных проблем положения, но отсюда отнюдь не следует, что функциональное назначение этих наук состоит в разработке методологии правоведения. Общая же теория государства и права имеет в качестве одной из основных задач всестороннюю разработку методологии исследования государственно-правовых явлений.

В отличие от отраслевых юридических наук общая теория государства и права изучает не какую-либо одну область, направление или историю государственной и правовой жизни, а общие и специфические закономерности развития государства и права в целом[2]. При этом общая теория государства и права не ограничивается исследованием государства и права одной какой-либо страны, какой-либо отдельной области или направления государственно-правовой жизни, а на основе изучения государства и права всех времен и народов, всех областей и направлений государственно-правовой действительности определяет их общие и специфические закономерности развития, их основные признаки и существенные, характерные черты[3].

---

[1] См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия». стр. 62—63.

[2] Критикуя И. Е. Фарбера и В. В. Николаева за неточность при характеристике предмета общей теории государства и права, Н. Е. Недбайло справедливо замечает, что эта наука изучает не все стороны деятельности государства и не все отрасли права, а именно общие закономерности их развития. Общее не тождественно всему, что свойственно государственно-правовым явлениям в качестве общей закономерности их развития (см. *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 39).

[3] Д. М. Угринович пишет: «В системе общественных наук можно выделить две их группы: науки теоретические и науки истори-

Историко-юридические науки, например, изучают государственно-правовые явления, свойственные отдельным общественно-экономическим формациям (основные этапы развития государства и права в различных странах и регионах мира). При этом историко-юридические науки, опираясь на общие закономерности государства и права, раскрывают конкретно-исторические проявления специфических закономерностей развития государственно-правовой жизни отдельных социально-экономических формаций: они призваны отобразить и объяснить исторический ход развития государственно-правовой действительности во всей ее конкретности и хронологической последовательности.

Главным же содержанием общей теории государства и права являются не отдельные, а именно общие закономерности государственно-правовых явлений. Это совсем не означает, что общая теория государства и права игнорирует специфические закономерности государственно-правовых явлений различных социально-экономических формаций. Без учета особенных и даже отдельных закономерностей развития государственно-правовых явлений различных формаций вообще невозможно понять их общие закономерности, но основным, центральным ее содержанием являются общие закономерности развития государственно-правовых явлений, действующих во всех или по крайней мере в ряде социально-экономических формаций классового общества. Еще Е. Пашуканис писал, что «общую теорию права можно определить как развитие основных, т. е. наиболее абстрактных, юридических понятий... что развитое юридическое мышление, к какому бы материалу оно ни об-

---

ческие. Теоретические науки имеют своей задачей выявление и изучение социальных законов, в то время как в предмет исторических наук входит наряду с изучением законов и изучение реальных исторических форм их реализации. Иначе говоря, теоретические науки изучают необходимые и существенные социальные связи, в то время как исторические науки исследуют историю человечества как единство необходимого и случайного, общего, особенного и индивидуального» (*Д. М. Угринович.* О предмете марксистской социологии. — «Очерки методологии познания социальных явлений». М., 1970, стр. 19). Болгарский философ Н. Стефанов выделяет еще в качестве особой группы общественных наук науки статистические (см. *Н. Стефанов.* Теория и метод в общественных науках. М., 1967).

ращалось, не может обойтись без некоторого количества наиболее абстрактных и общих определений», что право «неуловимо вне своих ближайших определений», что, наконец, «большим или меньшим совершенством абстракции определяется зрелость той или иной общественной науки» [1].

Необходимость выделения из системы юридических наук общей теории государства и права как самостоятельной научной отрасли знания обусловлена тем, что в реальной жизни действуют такие объективные закономерности развития государственно-правовых явлений, такие существенные их связи и отношения, которые являются общими, присущими всем явлениям данного рода и без познания которых невозможно более или менее глубоко изучить предмет отраслевых (специальных) юридических наук. Так, например, без общего определения государства невозможно выяснить особенности, отличающие феодальное государство от рабовладельческого, буржуазное от феодального, социалистическое государство от всех типов эксплуататорских государств; без общего научного понятия сущности, содержания и формы права, отрасли и института права, системы и систематики права, нормы права и правоотношения и т. д. ни одна отрасль юридической науки не сможет плодотворно разрабатывать вопросы своей специальной сферы знаний.

«Тем самым теория государства и права,— как правильно пишет П. Е. Недбайло,— не поглощает другие юридические науки, не заменяет их и не олицетворяет собой всей юриспруденции. Она представляет одну из юридических наук, входит в их общую систему, но отличается от других в той мере, в какой общие законы развития государства и права отличаются от частных законов государственно-правовых явлений» [2].

Каждая отраслевая (специальная) юридическая наука, взятая в отдельности, отражает лишь отдельную, хотя и существенную сторону всеобщей связи государственно-правовых явлений как между собой, так и с окружающим общественным бытием, фиксирует лишь

[1] *Е. Пашуканис.* Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. М., 1926, стр. 11, 12, 19, 25.

[2] *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 32.

некоторые моменты, части и черты этих связей [1]. Но если бы мы пользовались лишь понятиями, выработанными теми или иными отраслевыми юридическими науками, то лишили бы себя возможности выяснить связи между теми или иными областями государственно-правовой действительности, обнаружить закономерности развития государства и права в целом, определить их место и роль в общественной жизни [2]. Так, даже доскональное и глубокое знание советского гражданского или земельного законодательства не может дать полное представление о значении советского права в жизни социалистического общества, его роли в строительстве социализма и коммунизма. Задача науки общей теории государства и права в том и состоит, чтобы вскрыть внутреннюю связь и тенденции закономерного развития государственно-правовых явлений в целом, объяснить и показать, в частности, роль социалистического государства и права в создании коммунистического общества.

Объективные закономерности, отражаемые в выводах, положениях, понятиях и определениях общей теории государства и права, наиболее существенны для характеристики основных тенденций развития государст-

---

[1] П. Е. Недбайло считает это положение ошибочным, ибо в такой трактовке оказывается, что отраслевые юридические науки и общая теория государства и права изучают одни и те же закономерности, но первые изучают лишь часть, отдельные стороны, некоторые элементы общих закономерностей, а теория изучает те же общие закономерности, но только «в целом, в общем, в итоге». По мнению автора, общая теория государства и права изучает лишь общие, основные закономерности возникновения, развития, назначения и функционирования государства и права в общественной жизни, а отраслевые юридические науки — только их специфические закономерности (см. *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 33). Нетрудно видеть, что в данном случае искусственно разрываются общие и специфические закономерности, хотя хорошо известно, что они не только сосуществуют и взаимодействуют, но и взаимопроникают друг в друга. Не случайно поэтому и сам П. Е. Недбайло, отвергнув наше положение, тут же утверждает, что отраслевые юридические науки изучают отдельную сторону, сферу или область государственно-правовой жизни, в которой «связь целого и частного базируется на взаимопроникновении общих и частных закономерностей...» (там же, стр. 39).

[2] Эту же мысль обосновывают авторы монографии «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 59.

венно-правовых явлений. Именно поэтому общая теория государства и права по отношению к отраслевым юридическим наукам является наукой обобщающей, имеющей руководящее, направляющее, методологическое значение при разработке специальных проблем, составляющих предмет отраслевых юридических наук. Формулируя общие научные закономерности развития государственно-правовых явлений всех классовых социально-экономических формаций, вскрывая связи и взаимоотношения между различными областями, сферами, сторонами единой и целостной государственно-правовой действительности отдельных социально-экономических формаций, общая теория государства и права благодаря этому вносит «методологическое единство» в исследования государственных и правовых проблем, т. е. тем самым общая теория государства и права приобретает значение методологической науки в системе юридических наук.

Отсюда вовсе не следует, что общая теория государства и права заменяет диалектический и исторический материализм или претендует на его замену. Но она есть продолжение, развитие и конкретизация диалектического и исторического материализма применительно к специальной области научного знания. «Конкретные науки,— правильно пишут П. В. Копнин и А. Г. Спиркин,— являясь по отношению к философии специальными, в свою очередь могут выступать как методологические по отношению к более узким разделам данной области знания. Так, общая биология вооружает общими методами исследования, например, ботанику, зоологию и т. д. Общая биология, опираясь на философию, разрабатывает методологические проблемы, относящиеся ко всем разделам биологической науки...» [1] Точно такое же соотношение между философией, общей теорией государства и права и специальными юридическими науками: общая теория государства и права, базируясь на философии, разрабатывает методологические проблемы правоведения, вооружает общими методами исследования все отраслевые юридические науки.

Вместе с тем общая теория государства и права опирается и на достижения отраслевых юридических наук,

---

[1] *П. В. Копнин, А. Г. Спиркин.* Методология. — Философская энциклопедия, т. 3. М., 1964, стр. 421.

обобщает, синтезирует и систематизирует их достижения. При этом в общетеоретическом мышлении знания отраслевых юридических наук отнюдь не «упрощаются» [1], а, наоборот, интегрируясь, обогащаются, совершенствуются на высшем уровне синтеза.

Общие закономерности развития государственно-правовой действительности, основываясь на особенных и отдельных закономерностях, вовсе не сводятся к последним, а, синтезируя их, реально существуют и действуют самостоятельно через особенные и отдельные закономерности развития этой действительности. «Поэтому,— правильно отмечается П. Е. Недбайло,— общие закономерности, как и всякая реальность, подлежат изучению и исследованию и ими нужно руководствоваться при изучении единичного и особенного» [2].

Из сказанного вытекает, что те выводы общей теории государства и права, которые формулируются на основе анализа и обобщения единичных, отдельных результатов отраслевых юридических наук, выступают по отношению к этим результатам как вторичные, производные.

Эта мысль, выдвинутая нами совместно с Б. В. Шейндлиным [3], подвергнута критике в монографии «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», авторы которой пишут: «Выходит, что общая теория государства и права не может сделать тех или иных выводов, пока не скажут своего слова отраслевые науки, что она тем самым лишена самостоятельного значения» [4].

Но этого вовсе не «выходит», если к анализу предмета интересующей нас науки подходить диалектически. Ранее уже отмечалось, что общая теория государ-

---

[1] См. «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 76.

[2] *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 31.

[3] См. *Д. А. Керимов, Б. В. Шейндлин.* О предмете общей теории государства и права.— «Советское государство и право», 1957, № 12, стр. 11—12.

[4] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 59; см. также *К. Opaeek.* Problemy Methodologiczne nauki prawa. Warszawa, 1962, s. 275; *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 41—42.

ства и права опирается на исторический материализм, отнюдь не теряя при этом своей самостоятельности. Она опирается и на многие другие общественные науки (политическую экономию, отраслевые экономики, научный коммунизм, психологию, педагогику, этику, науку управления и т. д.). Почему же она не может опираться и на отраслевые юридические науки, ближе всего к ней стоящие?!

Авторы указанной монографии продолжают: «Действительно ли выводы теории государства и права как общетеоретические выводы в отношении государства и права вторичны? Они были бы вторичны, если теория государства и права была бы наукой, лишь обобщающей достижения отраслевых и других юридических наук... Они первичны в жизни, в действительности, поэтому и общетеоретические понятия и категории, отражающие и обобщающие эти общие и основные закономерности государства и права, имеют первичное и первенствующее значение для разработки всех государственно-правовых проблем» [1].

Наши критики были бы, конечно, правы, если бы мы нечто подобное утверждали. Но в нашей статье, как заметили это и сами критики, отнюдь не утверждается, что общая теория лишь обобщает достижения отраслевых юридических наук. Она изучает общие закономерности развития государственно-правовых явлений и лишь опирается в необходимых случаях на данные отраслевых юридических наук. И в этих лишь случаях, и в этом лишь смысле выводы общей теории, обобщающие данные отраслевых юридических наук, выступают как вторичные. Но это же «вторичное», будучи синтезировано с данными, добытыми самой общей теорией государства и права

---

[1] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 60. Эту мысль, с точки зрения авторов, убедительно обосновал М. Д. Луцкий (см. *М. Д. Луцкий.* О предмете «теории государства и права». — «Труды Среднеазиатского государственного университета им. Ленина. Правоведение. Новая серия», вып. 149, кн. 7. Ташкент, 1960, стр. 24), который, однако, не исключает использования общей теорией «конкретного фактического материала». Но почему же нельзя использовать «конкретный фактический материал» не непосредственно, а опосредствованно, т. е. в уже обобщенном отраслевыми юридическими науками виде? Не рациональнее ли такое использование в тех случаях, когда это возможно и целесообразно?!

и другими общественными и естественными науками, превращается в первичное для тех же отраслевых юридических наук. Здесь нет ничего более сложного, чем проявление диалектического соотношения общего и отдельного во взаимодействии наук.

В этой связи необходимо остановиться и на другом моменте. Критикуя С. С. Алексеева, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского, допускающих возможность выработки отраслевыми юридическими науками общетеоретических положений [1], П. Е. Недбайло считает, что специальные юридические науки в силу особенностей своего предмета не могут создавать общетеоретические понятия в таком «чистом виде», чтобы теория государства и права взяла их готовыми. Обосновывая это свое мнение, П. Е. Недбайло утверждает, что, даже если общетеоретическая и частная юридическая наука будут интересоваться одним и тем же государственно-правовым явлением, выводы и заключения у них будут неодинаковыми, что отраслевые юридические науки в силу особенностей своего положения в системе наук не могут подняться до тех обобщений, которые нужны при выяснении вопросов познания основных закономерностей государства и права и которые достигаются наукой теории государства и права [2].

С этой критикой и аргументами, выдвинутыми в ее обоснование, нельзя согласиться не только потому, что они неоправданно воздвигают стену между общей теорией государства и права и отраслевыми юридическими науками, но и потому, что они противоречат фактическому положению вещей. Хорошо известно, что отраслевые юридические науки нередко в своих специальных изысканиях поднимаются до такого уровня обобщения, что выходят далеко за пределы отраслевой проблематики, послужившей основой для движения познающей мысли (достаточно в этой связи вспомнить, например, разработку в гражданском и уголовном праве проблемы вины и ответственности). И эти обобщения, конечно, могут

---

[1] См. *С. С. Алексеев.* Общие теоретические проблемы системы советского права, стр. 171; *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 39.

[2] См. *П. Е. Недбайло.* Введение в общую теорию государства и права (Предмет, система и функции науки), стр. 35—36.

и должны быть включены (и включаются) в арсенал научных идей общей теории государства и права.

Отсюда следует, что наша задача состоит вовсе не в том, чтобы ставить «преграды» (что, впрочем, и невозможно) отраслевым наукам, а в том, чтобы общая теория, не ограничиваясь исследованием государства и права и их отражением в правоведении, способствовала достижению специальными юридическими науками все более высоких форм обобщения государственно-правовой практики вплоть до их общетеоретического уровня. Тем самым будут обогащаться как общая теория, так и отраслевые юридические науки.

Изучая общие объективные закономерности развития государства и права всех времен и народов, общая теория государства и права исследует их в первую очередь применительно к наиболее важным и актуальным проблемам государственного и правового строительства той или иной социально-экономической формации. В частности, обобщая объективные закономерности развития государственно-правовых явлений в нашей стране, общая теория государства и права изучает их прежде всего применительно к проблемам социалистического государственного и правового строительства, к выявлению исторической роли социалистического государства и права в борьбе за коммунизм, к определению конкретных путей постепенного перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление и социалистического права — в правила коммунистического общежития.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть основное научное и практическое значение общей теории государства и права как марксистско-ленинской науки.

Во-первых, без общетеоретической трактовки проблем государства и права невозможно представить себе сколько-нибудь серьезную идеологическую работу по политическому и правовому воспитанию советских граждан, по повышению их политического и правового сознания. В. И. Ленин говорил, что «не снимать теоретические вопросы должны мы, а поднимать всю нашу партийную практику на высоту теоретического освещения задач рабочей партии» [1].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 314.

Лишь глубокое и всестороннее познание общих объективных закономерностей государственно-правового развития позволяет вести последовательную, принципиальную и научно обоснованную борьбу за повышение роли Советского государства в общественном развитии, за совершенствование советского законодательства и укрепление социалистической законности, на что вновь обратил внимание XXIV съезд КПСС. Значение общей теории государства и права в том и состоит, что, формулируя научные выводы, положения и понятия, определяя сущность, роль, задачи и цели государства и права, она способствует повышению уровня политического и правового сознания советского народа, а тем самым становится необходимым фактором практического укрепления государственной дисциплины, ответственности, социалистической законности и постоянного поддержания правопорядка в стране.

Во-вторых, вооружая советский народ знанием общих объективных закономерностей государственно-правового развития, сущности, роли, задач и целей государства и права, общая теория государства и права определяет основную тенденцию, направление, пути и средства наиболее целесообразного, рационального и эффективного использования государственно-правовых рычагов для закрепления, охраны, изменения, совершенствования и преобразования общественных отношений в целях успешного строительства коммунизма. Значение общей теории государства и права в том и состоит, что она указывает научно обоснованное общее направление, пути и средства использования объективных закономерностей государственно-правового развития для практического повышения роли Советского государства и права в прогрессивном движении общества, для укрепления социалистической законности в целях искоренения любых нарушений правопорядка, ликвидации преступности и устранения причин, ее порождающих.

В-третьих, вскрывая внутреннюю связь между различными сторонами государственной и правовой действительности, определяя место и роль государственно-правовых образований в общественном развитии, общая теория государства и права тем самым помогает не только познать, из каких «составных частей» эти образования складываются, но и понять, почему компоненты данной

системы взаимодействуют между собой именно так, а не иначе, какова объективная основа данного взаимодействия. Значение общей теории государства и права в том и состоит, что она вносит методологическое единство в исследованиях специальных проблем, осуществляемых отраслевыми юридическими науками.

В-четвертых, на основе обобщения результатов исследований отраслевых юридических наук и данных собственных исследований общая теория государства и права выполняет роль связующего звена между юридической наукой в целом и иными общественными науками, и прежде всего диалектическим и историческим материализмом. Значение общей теории государства и права в том и состоит, что она, синтезируя достижения юридической науки в целом, позволяет диалектическому и историческому материализму делать более широкие философские и социологические обобщения, разрабатывать всеобщий метод научного познания и раскрывать наиболее общие закономерности развития общества, определять место, назначение и роль государства и права в общем процессе общественного развития. Тем самым общая теория государства и права вместе с другими марксистско-ленинскими общественными науками имеет весьма существенное значение в научном руководстве развитием общества, в выработке генеральной линии Коммунистической партии, в использовании государства и права в практике строительства коммунизма.

В-пятых, опираясь на данные теории научного коммунизма, на основе научного предвидения общая теория государства и права определяет перспективы развития социалистической государственности и социалистической правовой системы в период постепенного перехода к коммунизму. Значение общей теории государства и права в том и состоит, что она вооружает советский народ научным знанием конкретных путей перерастания социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление и норм социалистического права в правила коммунистического общежития.

Изложенное позволяет сформулировать следующее определение предмета общей теории государства и права:

Предметом общей теории государства и права являются общие и специфические объективные закономерно-

сти развития и функционирования государственно-правовых явлений, на основе познания и использования которых формулируются принципиальные выводы, имеющие методологическое значение для отраслевых юридических наук. При социализме она содействует осуществлению научного руководства государственно-правовым строительством, играет существенную роль в воспитании политико-правового сознания трудящихся.

Именно методологическая природа науки государства и права обусловливает ее тяготение к диалектике, логике и теории познания государственно-правовой действительности [1]. И это тяготение отнюдь не носит характер эмпирического влечения развлекающегося ума, а является рациональным осознанием ее потребности, обусловленной необходимостью развития науки.

Следует в этой связи заметить, что в философской литературе в последнее время все чаще подчеркивается значение законов мышления, входящих в предмет философии марксизма. Так, Б. М. Кедров пишет, что кроме диалектических закономерностей развития природы и общества, составляющих «главное ядро» предмета философии марксизма, «остается еще нечто такое, что не входит ни в одну частную науку. Это специфические законы мышления, которые составляют предмет логики (диалектической) как определенной стороны, или функции, диалектики» [2]. Продолжая эту мысль, Т. И. Ойзерман отмечает, что значение этой стороны предмета философии марксизма возрастает благодаря интенсивному развитию и дифференциации научного знания, созданию новых методов исследования [3]. Но почему же тогда закономерности развития мышления не становятся наряду с закономерностями развития природы и общества «главным ядром» предмета философии?

Если в задачу философии входит исследование все-

[1] Здесь (как и в последующем) единство диалектики, логики и теории познания понимается как диалектическая связь тождества и различия, предполагающая различия внутри тождества и тождество в различии. Подробно об этом см.: *Б. М. Кедров.* Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963.

[2] *Б. М. Кедров.* Философия как общая наука.— «Вопросы философии», 1962, № 6, стр. 59.

[3] См. *Т. И. Ойзерман.* Проблемы историко-философской науки, стр. 273.

общих законов движения и развития природы, человеческого общества и мышления [1], то одновременно она призвана разрабатывать также пути, методы и средства познания этих систем, приобретая тем самым общеметодологическое значение для всех частных наук.

Аналогичным образом дело обстоит и с задачей общей теории государства и права: исследуя онтологию государственно-правовых закономерностей, она не может вместе с тем не разрабатывать и проблемы гносеологии, проблемы познания этих закономерностей. И в зависимости от успехов в разработке этих проблем она все в большей мере приобретает методологическое значение для всех отраслевых юридических наук. Прав поэтому Б. М. Кедров, указывающий, что философия не может дать юристу конкретные методы для изучения государственно-правовых явлений, но она занимается вопросом о том, «каков должен быть общий характер его приемов и способов, применяемых при решении любых научных задач», т. е. каким «должен быть общий путь к открытию истины» [2].

Всесторонняя и глубокая разработка методологических проблем государства и права вызвана потребностью дальнейшего совершенствования практики государственного строительства и правового регулирования общественных отношений развитого социалистического общества; она необходима для повышения уровня теории и метода познания явлений государственно-правовой действительности, для укрепления позиций марксистско-ленинского государственно-правового мировоззрения в идеологической борьбе, приобретающей особенно острый характер в современную эпоху мирового развития.

В этой связи представляется необходимым остановиться на вопросе о соотношении онтологической и гносеологической сторон общей теории государства и права. Предметом общей теории государства и права является государственно-правовая действительность, исследуемая в единстве онтологического и гносеологического аспектов. И это вполне естественно, поскольку общая теория государства и права зиждется на диалектическом мате-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 145.

[2] *Б. М. Кедров*. Философия как общая наука.— «Вопросы философии», 1962, № 6, стр. 60.

риализме, в котором «не существует онтологии как таковой (учение о бытии вне его отношения к сознанию) и гносеологии (учение о познании вне отношения его к формам бытия); отношение мышления и бытия — исходный пункт всех философских категорий диалектического материализма, который одновременно выполняет функцию и онтологии и гносеологии. Все категории диалектического материализма одновременно являются и онтологическими в том смысле, что имеют содержание, взятое из объективного мира, из бытия, и гносеологическими, ибо в них решается вопрос об отношении мышления к бытию, и они сами служат ступенькой в движении познания»[1].

В разрабатываемых общей теорией государства и права положениях, понятиях и категориях отражается онтологическое содержание объекта ее познания. Вместе с тем эти положения, понятия и категории обладают и гносеологическим содержанием, поскольку они определяют метод познания объекта данной науки.

На основе метода создается теория, но в процессе предметного познания в конечном итоге оказывается, что доминантой самого метода является теория. Отсюда вытекает их органическое, неразрывное единство, но отнюдь не абсолютная тождественность, полное совпадение. Необходимость разграничения в общей теории государства и права ее онтологического и гносеологического содержания при всем их единстве и внутри этого единства обусловлена задачей, возникающей в конкретной познавательной ситуации, когда для ее решения на передний план выступает тот или иной аспект содержания данной науки. Здесь проявляется та же тенденция, которая действует и в философии. «В зависимости от преобладания одного или другого аспекта философского анализа, — пишет по этому поводу В. С. Тюхтин, — всю философскую, методологическую проблематику делят обычно на две группы: на так называемую онтологическую и логико-гносеологическую. Соответственно этому говорят о философии науки и логике и методологии науки. Как известно, в марксистской философии в отличие от прежней натурфилософии онтология и гносеология не существуют обособленно. И тем не менее плодотворно

[1] *П. Н. Копнин.* Введение в марксистскую гносеологию. Киев, 1966, стр. 28—29.

четкое разграничение двух аспектов анализа и соответственно двух типов методологических проблем»[1].

Плодотворность этого различения как в философии, так и в общей теории государства и права вытекает из того, что всякая общая наука, выполняющая методологические функции в определенной системе наук, имеет как свое онтологическое, так и гносеологическое основание, систему достоверных фактических знаний и систему средств, методов познания, результат и путь к нему, теорию и метод. Этот метод по существу метатеория, но не сама теория в ее онтологическом смысле. Это знание о специфике движения познания, о формах, способах и средствах познания соответствующего предмета, которые сами по себе, последовательность и приемы их применения становятся особым объектом исследования[2].

Однако исторически сложилось так, что основные усилия общей теории государства и права до сих пор были направлены преимущественно на разработку ее онтологической проблематики. И лишь последние годы ознаменовались все возрастающим интересом к проблемам гносеологии государства и права[3]. Становится все более осознаваемой та неприложная истина, что дальнейшее

---

[1] *В. С. Тюхтин.* Системно-структурный подход и специфика философского знания. — «Вопросы философии», 1968, № 11, стр. 52.

[2] Буржуазная правовая философия хотя иногда и затрагивает эту проблематику, но далека от ее научного решения. «Мы нисколько не преувеличим, — писал Иеринг, — если скажем, что у большинства юристов полностью отсутствует подлинное понимание их метода и что наша наука знает все другие законы лучше, чем законы самой себя. На практике и из практики юридический метод им, конечно, очень хорошо известен, но он представляется скорее предметом темного чувства и рутины, чем ясного сознания» (*Jhering.* Geist des römischen Rechts, Bd II, 1881, S. 310).

[3] Авторы монографии «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия» пишут: «Успешное развитие науки о государстве и праве требует выявления философского значения ее проблем, т. е. осознания, объяснения связей этих проблем с наиболее общими вопросами мировоззрения, с наиболее общими законами развития природы и общества. Эта сторона исследования общих проблем государства и права может быть отнесена к философским вопросам юридической науки. Такие вопросы, как и тесно связанная с ними методология изучения государства и права, являются областью, принадлежащей одновременно и историческому материализму и науке о государстве и праве» (стр. 28).

развитие и совершенствование созданной теории находится в прямой зависимости от интенсивной разработки тех ее гносеологических проблем, которые были в тени, недостаточно глубоко и всесторонне исследованы. Постепенно гносеологическая проблематика общей теории государства и права завоевывает «право гражданства». По мере накопления данных, полученных в результате исследования диалектики, логики и теории познания государственно-правовой действительности, происходит видоизменение предмета общей теории государства и права не только количественного, но и качественного порядка: с одной стороны, он дифференцируется на относительно самостоятельные онтологическую и гносеологическую части[1], а с другой — интегрируется на высшем уровне его онтологическое и гносеологическое единство.

Все сказанное позволяет перейти к непосредственному определению границ, специфики и задач настоящей монографии. Разумеется, она не охватывает всех философских проблем права. Любое произведение имеет те или иные рамки, которые зависят от множества причин. Настоящая монография ограничивается использованием основных категорий диалектики в исследовании наиболее существенных проблем общей теории права. В связи с этим может возникнуть ряд вопросов. Почему выделяются именно данные (обозначенные в оглавлении), а не иные категории диалектики при исследовании правовых явлений? Почему эти категории диалектики используются для познания не права вообще, а лишь наиболее существенных его проблем? Оправдано ли исследование этих проблем, когда они уже в извест-

---

[1] Недостаточно ясную позицию по данному вопросу занимает В. Кнапп, утверждающий существование марксистской философии права как научной отрасли, которая, однако, не является специальной философией, а тождественна общей теории государства и права (*Viktor Knapp.* Filosofické problémy socialistickeho prava. Praha, 1967, s. 7—18). Но общая теория государства и права в том виде, в каком она ныне представлена в учебной и даже монографической литературе, едва ли может быть отождествлена с марксистско-ленинской философией права. Во всяком случае, прежде чем ответить на вопрос о существовании марксистско-ленинской философии права, следует определить ее предмет, а это в свою очередь требует соответствующего накопления разработанных философских проблем права.

ной мере решены наукой? Каков смысл разработки общетеоретических проблем права?

Ответы на эти вопросы имеют различную степень трудности, иногда требуют подробной аргументации, основывающей целесообразность предпринятого исследования.

Необходимой задачей любого исследования является предварительное выяснение своего объекта, изучение которого осуществляется в зависимости от предмета соответствующей науки. При этом специфика самого объекта обусловливает применение тех познавательных средств, которые в наибольшей мере способствуют обнаружению его природы, свойств, признаков. Проблемы сущности права, выявление его главных сторон и своеобразных черт составляют основное направление настоящего исследования. Оно потребовало использования таких категорий диалектики, как сущность и явление, содержание и форма, отдельное, особенное и общее, целое и часть, система, структура и элементы, действительность, возможность и цель, необходимость и свобода. Несомненно, что для анализа избранного объекта могли бы быть привлечены и другие категории, но не менее очевидно и то, что именно данные категории имеют основополагающее и первостепенное значение для познания сущности права и его важнейших проявлений.

Следует также отметить, что данная работа ограничивается не только по линии полноты использования законов и категорий диалектики, но и в смысле применения их лишь к сущностным проявлениям права, а не к праву вообще. Это последнее обстоятельство обусловлено характером предмета науки общей теории государства и права, о чем подробно говорилось выше. Что же касается исчерпывающего использования законов и категорий диалектики при исследовании правовых явлений, то эта задача под силу лишь коллективу ученых[1] или во всяком случае требует продолжительных изысканий. Если бы между началом и завершением такого

[1] Быть может, поэтому настоящая книга носит в известной мере очерковый характер. Но в каждой главе автор стремился к той полноте подачи материала, которая требовалась темой. Ради этого автором частично использовались ранее опубликованные им работы по тем или иным философским проблемам права.

исследования был незначительный временной период, то предпочтительнее было бы предложить читателю полностью завершенную (в указанном смысле) разработку темы. Но этот период исчисляется годами. Поэтому уже сделанное, как нам кажется, может принести известную пользу хотя бы тем, что составит какую-то часть той целостной системы философии права, которая послужит фундаментальной основой дальнейшего развития гносеологии и онтологии права. С другой стороны, товарищеская критика данной части исследования (равно как и иной) окажет неоценимую помощь в дальнейшем развитии и совершенствовании марксистско-ленинской концептуальной теории права.

Любое явление общественной жизни, а тем более такое сложное, как право, имеет не только сущности различного уровня (сущности первого, второго и т. д. порядка), но и такое множество и разнообразие отношений, что каждое новое его исследование оказывается необходимым и плодотворным при условии, конечно, если оно не повторяет уже известные истины, а идет дальше, проникает глубже или обнаруживает новые стороны, черты, аспекты в сущности постоянно развивающегося права.

С течением времени развитие права приводит к изменению не только его формы, содержания, но и самой сущности, познание которой также предполагает изучение этого развития. Всякое исследование, далее, хотя бы даже в итоге и подтвердившее то, что было установлено наукой ранее, имеет тот смысл, что обосновывает установленную истину новыми данными, фактами, аргументами. Наконец, каждое новое исследование отличается от предыдущих специфическим аспектом анализа объекта изучения, особенностями логико-структурного подхода к овладению им и тем самым обогащает арсенал познавательных средств науки.

Познание и определение сущности права отнюдь не являются предметом той или иной отдельной, единственной науки, а представляют собой итог поиска целого комплекса общественных наук, интегральный результат усилий совокупности различных отраслей общественного знания. Данное положение вовсе не означает, что все общественные науки в равной мере заняты обнаружением сущности права, дублируя друг друга и

осуществляя параллельные исследования. Но каждая из соответствующих наук вносит свою лепту в изучение этой сложной проблемы. И это вполне естественно, поскольку для того, чтобы понять право, необходимо выйти за его пределы, вскрыть те экономические, политические, социальные и иные причины, которые определили его назначение, функции и роль в классовом обществе. И если право является «совокупным продуктом» сложного взаимодействия экономических, политических, социальных и других факторов, то и его изучение детерминирует необходимость всестороннего исследования всех этих факторов. Так, право, как известно, в конечном счете определяется материальными условиями жизни общества, и прежде всего его производственными отношениями, и, следовательно, нуждается в экономическом анализе; оно, далее, является надстроечной категорией, обратно воздействующей на свой базис, и поэтому требует философского осмысливания; право, наконец, выражает волю государственно-организованного господствующего класса и, следовательно, необходимо предполагает его политико-юридическое и социально-психологическое познания и т. д. и т. п.

Однако среди многообразия наук, изучающих право или во всяком случае в той или иной мере соприкасающихся с ним, особая «заинтересованность» во всестороннем и глубоком познании правовой действительности, естественно, принадлежит юридической науке. Что же касается проблемы сущности права, то она является основным объектом исследования общей теории права. Именно эта наука, изучающая, как было показано выше, наиболее общие закономерности развития правовой действительности, исследует сущность права, синтезируя при этом выводы как отраслевых юридических наук, так и всех тех общественных наук, которые анализируют правовые «опосредствования» в тех или иных сферах социальной жизни.

Специфика настоящей работы, наконец, состоит в том, что ставит перед собой в основном гносеологическую цель. Разработка философско-познавательных проблем права на основе диалектического материализма, применение категорий диалектики к анализу правовых явлений составляют методологическую базу в теоретическом осмыслении эмпирических, экспериментальных и факти-

ческих данных, в обобщении практики создания и реализации правовых норм, в определении реальных перспектив плодотворного развития марксистско-ленинского правоведения и успешного решения стоящих перед ним задач [1].

Следует, однако, заметить, что первоначально задуманный чисто гносеологический аспект работы претерпел существенные изменения в процессе исследования. Сама логика познания обнаружила несостоятельность попытки оторвать гносеологию от онтологии: государственно-правовая жизнь, действительность, практика неудержимо врывались в процесс исследования, изменяя и уточняя теоретические суждения, конструкции, умозаключения, выводы. И тем не менее, когда поставлена была последняя точка в рукописи данной монографии и оказалось возможным мысленно обозреть целиком ее содержание, стало очевидным, что она носит преимущественно гносеологический характер, синтезирующий в себе достижения онтологии права.

Быть может, такой подход к теме покажется односторонним, но автор сознательно пошел на усиление гносеологического аспекта темы ради того, чтобы привлечь внимание научной общественности к необходимости преодолеть отставание в разработке методологических проблем правоведения. Только постоянное укрепление марксистско-ленинского философского фундамента нашей науки обеспечит развитие творческой мысли, позволит оказать более существенную, чем до сих пор, помощь в практической деятельности Советского государства по созданию и реализации права, по определению конкретных путей его дальнейшего совершенствования.

Разумеется, мы далеки от мысли, что предпринятый нами труд достиг столь высокой цели. Нет сомнения в том, что исследования наших коллег в этом же направлении будут значительно более плодотворными. Именно этой перспективой можно частично оправдать первый шаг, на который лишь и претендует настоящая монография.

---

[1] В юриспруденции пока осуществлены лишь отдельные разработки гносеологических проблем права. Дальнейшее движение по этому пути приведет, очевидно, к вычленению в системе юридических наук специальной философско-правовой науки.

В заключение автору остается выполнить приятный долг: выразить глубокую признательность докторам философских наук, профессорам Г. Е. Глезерману и П. М. Кейзерову, доктору юридических наук, профессору А. В. Мицкевичу и кандидатам юридических наук, доцентам А. Я. Берченко и М. П. Лебедеву за ценные замечания, сделанные при чтении рукописи. Я сердечно благодарен также Н. В. Ардаровой и Л. П. Сусловой за помощь, оказанную при подготовке работы к печати.

ОБЩИЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ПРАВА

§1. Понятия сущности и явления в праве, их взаимоотношение

Право существует в многочисленных и разнообразных формах проявления, связях и отношениях, понять которые невозможно без специального научного исследования, без обнаружения и определения их сущности. Характеризуя правовые явления и скрытую за ними сущность права, можно сказать словами К. Маркса: «Первые непосредственно воспроизводятся сами собой, как ходячие формы мышления, вторая может быть раскрыта лишь научным исследованием»[1]. Подобно тому как видимое движение конкуренции в условиях буржуазного строя становится понятным лишь для того, кто знает его действительное (но чувственно не воспринимаемое) движение, обусловленное внутренней природой капитала[2], так и все правовые явления окажутся понятыми лишь после того, как познана внутренняя природа, сущность самого права. Так, отдельные правовые нормы, акты или отношения, будучи конкретными правовыми явлениями, обладают самыми разнообразными характеристиками и связями как между собой, так и с другими явлениями. Для того чтобы в них разобраться, понять

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 552.
[2] См. там же, стр. 326—327.

тенденцию их движения, назначение и роль в общественной жизни, необходимо прежде всего выяснить то, что их объединяет, вскрыть «ядро», основу, общую закономерность развития всех правовых явлений [1], т. е. обнаружить и определить сущность права [2]. Эта цель окажется достигнутой лишь в результате анализа правовой действительности и в дальнейшем — синтеза, теоретического обобщения изученных явлений. По мере выявления отдельных признаков, черт, сторон, свойственных правовым явлениям, объяснения одного за другим процессов, составляющих содержание их развития, возникает потребность объединения всех добытых знаний в единое целое, воссоздание всех компонентов целого в их естественной взаимной связанности, обусловленности и зависимости. При этом нужно отделить существенное, главное и важное от несущественного, второстепенного и случайного, определить основу, причинную необходимость, объективную закономерность возникновения, существования и развития исследуемых правовых явлений. Успешное решение этой задачи приведет к познанию сущности права, с помощью которой окажется возможным воспроизвести в сознании действительную, подлинно научную картину правовой жизни того или иного общества.

Классики марксизма-ленинизма пользуются многими и разнообразными терминами, выражениями для того, чтобы вскрыть и объяснить смысл категорий «сущность» и «явление». Так, под сущностью они понимают «внутреннее движение», «внутренние связи», «физиологию» отношений. Сущность — это внутренняя субстанция в противоположность внешним ее формам, обобщаемым в понятии «явление», это «устойчивое отношение», нечто «единое» в многообразии явлений.

Поэтому явление рассматривается ими как неустойчивое, изменчивое, колеблющееся. При этом явление отнюдь не тождественно видимости или кажимости, включающим в себя субъективный момент (явление кажется,

---

[1] К. Маркс охарактеризовал закон как «внутреннюю и необходимую связь между двумя явлениями...» (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 246).

[2] В. И. Ленин указывал: «Закон есть отражение существенного в движении универсума» (*В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 137).

видится таким-то), а представляет собой проявление сущности предмета. Но в отличие от сущности, выражающей предметы в их необходимости, в «очищенном» от случайности виде, явление всегда в той или иной мере содержит в себе момент случайного [1].

Из сказанного вытекает, что под сущностью права следует понимать те внутренние и необходимые, общие и основные, существенные, главные и устойчивые свойства, признаки, черты правовых явлений, единство и взаимообусловленность которых определяют их специфику и закономерности развития.

Это определение позволяет провести различие между категориями сущности и явления права. Во-первых, сущность права выражает общие закономерности развития правовой действительности, в то время как отдельные правовые явления или их группы выражают лишь специфичные закономерности их развития. Во-вторых, в сущности права представлены все основные, существенные, главные характеристики правовых явлений в их единстве, тогда как отдельные правовые явления не только не могут обладать этим качеством, но нередко содержат неосновные, несущественные, неглавные их свойства, признаки или черты. В-третьих, в сущность права включено лишь нечто внутреннее, глубинное, необходимое, а в правовые явления — зачастую внешнее, поверхностное, случайное. В-четвертых, сущность права более устойчива, спокойна, постоянна, в то время как правовые явления отличаются подвижностью, изменчивостью, текучестью. Наконец, в-пятых, если сущность права, как нечто общее для всех правовых явлений, может быть выражена только и исключительно посредством данных правовых явлений, то последние выступают сами по себе, прямо и непосредственно.

Следует, однако, тут же оговорить: единство сущности и явления права детерминирует весьма относитель-

[1] Понятие «явление» относится к числу широко употребляемых в литературе. Его значение весьма многообразно. Это и всеобщий объект познания (явление природы, общества, мышления), и категориальное определение отдельных реальностей (предметные явления), и гносеологическая или логическая форма мышления (явления сознания, явления сущности) и т. д. Однако, несмотря на различие содержаний этих понятий, в дальнейших рассуждениях их качественное значение будет выражено достаточно ясно в каждом конкретном случае.

ный характер отмеченных различий, что окажется очевидным в последующем изложении при анализе взаимоотношений сущности и явления права. Здесь же необходимо более подробно остановиться на отдельных характеристиках (и их взаимосвязи) интересующих нас понятий.

Прежде всего отметим, что, говоря о сущности права, мы имеем в виду его закономерное развитие. В. И. Ленин указывал: «...*закон* и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.» [1].

Однако нельзя отождествлять сущность права с его закономерностями. При всем том, что они категории «однородные», «однопорядковые», «одностепенные», между ними имеется различие. Это различие состоит в том, что сущность права выражается не в одной, а в ряде закономерностей (например, в нормативности, системности, обязательности права). Каждая закономерность права есть лишь одна из форм движения его сущности. Более того, сущность права включает в себя не только закономерности развития правовых явлений, но и связь этих закономерностей с закономерностями других (неправовых) явлений социальной действительности (например, обусловленность права материальными условиями жизни общества, обеспеченность права принудительным механизмом государства, связь права с политикой, моралью, наукой, техникой и т. д.). «Закон есть *отношение*... — отмечал В. И. Ленин. — Отношение *сущностей* или между сущностями» [2]. Следовательно, закономерности правовых явлений как свойство сущности права являются конкретизацией последней. В закономерностях правовых явлений сущность права получает более определенное выражение.

С другой стороны, в сущности права выражаются не только закономерности правовых явлений, которым подчиняются их функционирование и развитие, но и основа права, свойственные ему необходимые характеристики. Основу права составляют не все его особенности, признаки, черты, а именно необходимые, существенные и

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 136.
[2] Там же, стр. 138.

главные, т. е. такие, которые одновременно являются решающими и специфическими, накладывающими свой отпечаток на все другие проявления права. Такой основой сущности права является общая воля государственно-организованного господствующего класса (а в развитом социалистическом обществе воля всего народа), определяемая в конечном счете материальными условиями существования этого класса. Но воля представляет собой хотя и важнейший, решающий и определяющий, но не единственный признак сущности права. В понятие сущности права входят и все те обусловленные ею закономерности правовых явлений, о которых говорилось выше.

Понятие сущности права, далее, мы характеризовали через категорию «внутренних» качеств его в отличие от «внешних» качеств, свойственных правовым явлениям. Но такое различие нельзя рассматривать не только в абсолютном смысле (как и другие отмеченные различия, на что было обращено внимание выше), но и в том смысле, который нередко придается этим категориям в философской литературе: сущность выражает внутреннюю сторону явления, а явление — внешнюю сторону сущности. Такое понимание данных категорий не может быть принято по двум основаниям. Во-первых, характеристика сущности любого явления, в том числе и права, не ограничивается, как мы видели, лишь определением его внутренних качеств. Во-вторых, и это особенно важно, категории внутренние и внешние не распределяются прямолинейно между сущностью и явлением права, а могут характеризовать и то и другое (и это будет показано в дальнейшем, при рассмотрении взаимоотношений сущности и явления права) [1].

Говоря о внутренних качествах, присущих праву, следует иметь в виду те из них, которые имманентно при-

---

[1] М. Н. Руткевич по этому поводу пишет: «...было бы упрощенчеством понимать «внутреннее», когда мы говорим о сущности, как попросту нечто происходящее за внешней оболочкой предмета. И во внутренних (в геометрическом смысле) частях предмета происходит немало второстепенного, несущественного и — в этом смысле — внешнего; с другой стороны, и на поверхности — в геометрическом смысле — может происходить существенное, т. е. внутреннее в более общем смысле слова» (*М. Н. Руткевич.* Диалектический материализм. М., 1959, стр. 563).

сущи праву, неотделимы от него, необходимо находятся в нем, но, как правило, не выступают на его поверхности и поэтому скрыты от внешнего созерцания.

Наконец, понятие сущности права имеет ту специфику, что включаемые в ее состав свойства, признаки и черты обладают относительным постоянством и устойчивостью, в то время как правовые явления — более текучи, изменчивы, менее спокойны. В. И. Ленин писал, что «несущественное, кажущееся, поверхностное чаще исчезает, не так «плотно» держится, не так «крепко сидит», как «сущность»»[1]. В. И. Ленин также указывал: «...не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также»[2].

Но сущность права изменяется несравненно медленнее, чем правовое явление. Кроме того, если качественное изменение правового явления может привести к исчезновению старого и возникновению другого, нового правового явления, хотя, правда, и другого, но все же явления той же сущности[3], то возникновение другой, новой сущности права может быть следствием лишь революционного преобразования всей социально-экономической системы общества. Поэтому изменения сущности права каждой данной социально-экономической формации осуществляются внутри, в границах той же сущности. Так, основой сущности советского права на первой фазе развития советского общества (переход от капитализма к социализму) было то, что оно выражало волю рабочего класса и его союзников, а на второй (переход от социа-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 116.

[2] Там же, стр. 227.

[3] «Общее у единичного проявления сущности с самой сущностью, — пишет В. И. Чернов, — относится только к происхождению единичного, а не к сути, которая как раз противоположна общему. Общее у единичного с другим единичным состоит лишь в том, что и то и другое есть единичные проявления сущности; спокойное и устойчивое — лишь в том, что они постоянно текут, что одно единичное уступает место другому единичному, и в том, что, постоянно исчезая как данное единичное, оно постоянно пребывает как единичное вообще, как единичное по природе, которая спокойно и устойчиво совпадает у данного единичного с тем единичным, которое в следующий миг придет ему на смену» (*В. И. Чернов.* Анализ философских понятий (Некоторые вопросы теории). М., 1966, стр. 119—120).

лизма к коммунизму) — волю всего советского народа. Однако сущность советского права, несмотря на эти изменения, была и остается социалистической. Советское право всегда выражало волю трудящихся масс, руководимых рабочим классом и его авангардом — Коммунистической партией.

Исходным пунктом, раскрывающим диалектику взаимоотношения сущности и явления права, является тезис В. И. Ленина: «...сущность является. Явление существенно»[1]. Этим положением прежде всего определяется единство, тождество и противоположность сущности и явления права. Они нерасторжимые противоположности единого, взаимопроникающие стороны целого.

Реальное бытие сущности права обнаруживается, проявляется в правовых явлениях. Нет сущности права вне правовых явлений, в которых она обретает свою реальную объективность.

В. И. Ленин отмечал: «Явление есть проявление сущности»[2]. Поэтому правовое явление есть превращенная, осуществленная сущность права, ее проявление, ее непосредственная действительность, конкретная форма выражения. Правовое явление, говоря языком Гегеля,— это «сущность в ее существовании...»[3]. Но оно представляет собой не независимое от сущности права существование, а именно существование сущности права. Всякое правовое явление так или иначе, но в конечном итоге всегда суть явление сущности права. Следует, однако, иметь в виду, что сущность права содержит в себе все богатство связей и отношений правовой действительности, поэтому каждое отдельное правовое явление может обнаруживать не всю сущность права, а ее отдельный момент, сторону, черту[4].

Взаимоотношение сущности и явления права характеризуется не только единством, тождеством, но и противоположностью, противоречивостью. Сущности права как общему противополагается особенное и отдельное. Право в целом не является простой совокупностью от-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 227.
[2] Там же, стр. 154.
[3] *Гегель.* Соч., т. V. М., 1937, стр. 596.
[4] См. *В. И. Чернов.* Анализ философских понятий (Некоторые вопросы теории), стр. 144.

расслей, институтов, норм права, не сводится к непосредственным формам своего бытия, а представляет собой, как правильно отмечал Б. В. Шейндлин, определенную внутренне связанную и закономерно обусловленную их систему[1]. И наоборот, сумма правовых явлений не составляет сущности права, и отдельные и особенные формы их проявления далеко не полностью выражают эту сущность. Если в каждом особенном и отдельном правовом проявлении есть только явление сущности права, то именно в силу этого в них нет самой сущности права, в котором представлено все богатство правовых явлений в обобщенном и системном виде. Например, не всякое правовое явление выступает как нормативное, а общенародная воля, выраженная в советском праве, отнюдь не составляет лишь волю субъектов конкретного правоотношения.

Итак, каждое правовое явление выражает лишь особенный или отдельный момент сущности права; каждое особенное или отдельное правовое явление может обнаруживать не всю сущность права, а его отдельные стороны, черты. При этом степень соответствия правового явления своей сущности может быть различной: в одних правовых явлениях сущность права представлена более полно, прямо и непосредственно, чем в других явлениях. Это обусловлено не только тем, что в зависимости от конкретно-исторических условий одна и та же сущность права проявляется по-разному, но и тем, что эти условия неизбежно влияют на правовые явления, вносят в их содержание определенные моменты, которые непосредственно не вытекают из их сущности. В результате правовые явления нередко объединяют в себе как то, что детерминировано их сущностью, так и то, что явилось причиной воздействия на них других явлений социальной действительности. Именно поэтому сущность и явление права никогда не совпадают[2]; сущность права

---

[1] См. *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права. Л., 1959, стр. 10.

[2] Определяя всеобщие и частные причины несовпадения сущности и явления, С. Г. Шляхтенко и Г. П. Шляхтенко пишут: «К числу всеобщих можно отнести следующие причины. Между сущностью и явлением существует противоречие единого и многого. Сущность многогранна. В единичном явлении могут быть выражены одна или несколько сторон сущности, что определяется конкрет-

не только проявляется, обнаруживается, раскрывается в правовых явлениях, но и скрывается в них. Задача научного исследования в том и состоит, чтобы за внешней формой правовых явлений вскрыть, обнаружить, определить их сущность.

Если сущность выражает общее в массе отдельных правовых явлений, то именно поэтому она не может быть полностью воспроизведена в каждой из них. Кроме того, сущность модифицируется не только конкретными особенностями отдельного правового явления, но и теми конкретными условиями, в которых она проявляется. В результате оказывается, что та форма, в которой может или должна быть отражена сущность, процесс движения явления, закономерность явления, не совпадает с его непосредственно созерцаемым видом, а нередко и прямо ей противоречит.

Так, буржуазное право, затушевывая классовую природу капиталистической социально-экономической формации, от имени государства формально провозглашает для всех членов общества свободу, равенство, справедливость и т. д., а в действительности, выражая лишь волю государственно-организованного господствующего класса, является мощным и в то же время тонким средством подавления, эксплуатации и угнетения трудящихся масс[1]. Пожалуй, ни в какой иной эксплуататорской

ным характером и ограниченностью условий взаимодействия данного предмета с другими. Всесторонне и полно сущность выражается лишь в совокупности, массе явлений. Но явление не может полностью совпадать и с отдельной стороной сущности. Наличие внешних связей накладывает на явление специфические черты, не вытекающие из природы сущности. Большую или меньшую роль играют исторические условия и предпосылки формирования сущности... К числу специфических можно отнести причины, связанные с природой самой сущности... Причиной отклонения явления от сущности могут быть и субъективные ошибки в познании законов, в оценке ситуаций и т. д.» («Категории диалектики как отражение закономерностей перехода к коммунизму». Л., 1965, стр. 13—14).

[1] Так же дело обстоит и с самим буржуазным государством, которое с внешней своей стороны выглядит как всеобщий беспристрастный арбитр, стоящий над классами и их интересами, а на самом деле, в действительности является орудием, машиной в руках буржуазии для подавления своих классовых противников — пролетариата и других классов и слоев трудящегося населения. Эта действительная роль буржуазного государства умышленно маскируется пропагандой представления о его надклассовости,

формации нет такого резкого противоречия между сущностью права и внешними формами ее выражения, как при капитализме.

Анализируя подлинную сущность заработной платы, маскирующей действительные отношения между рабочими и капиталистами, К. Маркс отмечал: «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» [1].

Аналогичные «увертки» характерны и для буржуазного правоведения. Не будучи в состоянии понять противоречивость развития правовой действительности, буржуазный ученый-юрист в недоумении останавливается перед глухой стеной, отделяющей правовые явления от их сущности. Пытаясь же найти для себя лазейку, он либо прямо отождествляет сущность с явлением, искажая тем самым и то и другое, либо, выражаясь словами К. Маркса, «вместо раскрытия внутренней связи вещей с важным видом утверждает, что в явлениях вещи выглядят иначе. Фактически он кичится тем, что твердо придерживается видимости и принимает ее за нечто последнее» [2].

Представление о совпадении правовых явлений с их сущностью, равно как и подмена сущности ее видимостью, фактически исключает развитие права. Впрочем, это вполне устраивает буржуазных теоретиков, стремящихся законсервировать действующее право капитализма и основанный на нем «правопорядок» эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Но то, что устраивает апологетов капиталистического строя, вовсе не «устраи-

---

будто бы скрепляющей гражданскую жизнь. В «Философских тетрадях» В. И. Ленин в этой связи приводит следующие слова К. Маркса: «Только *политическое суеверие* способно еще воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 27).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 550.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 461.

вает» науку. На самом деле, если хотя бы на одну минуту допустить нелепость полного совпадения правовых явлений с их сущностью, то, спрашивается, к чему же тогда вообще нужна наука права? [1]

«...Если бы форма проявления,—указывал К. Маркс,— и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» [2] Поэтому «задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению...», а это не удается сделать, «если не произвести очень обстоятельного анализа промежуточных звеньев...» [3].

Этот гениальный вывод позволил К. Марксу за запутанностью и хаотичностью явлений капиталистической социально-экономической формации обнаружить ее действительную сущность, закономерности становления, развития и гибели данной формации.

В социалистическом обществе, которое приходит на смену капиталистическому, общественные отношения людей становятся, как отмечал К. Маркс, «прозрачно ясными как в производстве, так и в распределении» [4].

Но означает ли достижение «прозрачной ясности» отношений полное разрешение противоречий между сущностью и явлением вообще и в праве в частности? Разумеется, не означает, и не только потому, что они объективно никогда не могут непосредственно совпадать. Строительство социализма и коммунизма, осуществляемое впервые в истории человечества, сталкивается с трудностями.

Отсюда следует, что и при социализме задача обнаружения за внешней формой явлений их глубинной сущности, задача разрешения противоречий между ними сохраняется в полной мере [5]. Эта задача решается логи-

---

[1] К. Маркс, критикуя поверхностно мыслящих теоретиков, отмечал, что их представления основываются «именно на том, что в их мозгу всегда отражается лишь непосредственная *форма проявления* отношений, а не их *внутренняя связь*. Если бы, впрочем, имело место последнее, то зачем вообще нужна была бы тогда *наука?*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 266).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 343.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 89.

[5] См. *М. М. Розенталь*. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967, стр. 368—369.

кой исследования социальной действительности, выработанной марксизмом-ленинизмом, научно обоснованным руководством практикой коммунистического строительства.

§2. Проникновение от правовых явлений к сущности права

Юридическое познание начинает свой долгий и сложный путь с отражения правовой действительности. Но это не простое, не механическое, не зеркальное отражение, а многоэтапный, многоступенчатый мыслительный процесс обобщения, абстрагирования, образования понятий, обнаружение закономерностей развития отражаемого и т. д. Само собой разумеется, что на этом пути юридического (как, впрочем, и любого другого) познания достигается тем больший успех, чем рациональнее он организован, чем оптимальнее его план и эффективнее направление.

Великий русский ученый Д. И. Менделеев отмечал: «Здание науки требует не только материала, но и плана, воздвигается трудом, необходимым как для заготовки материала, так и для кладки его, для выработки самого плана, для гармонического сочетания частей, для указания путей, где может быть добыт наиполезнейший материал» [1].

Невозможно последовательное накопление научного знания, его развитие и углубление без определения пути, направления, плана и метода исследования [2], которые в конечном счете зависят от самого объекта познания [3].

Т. Павлов пишет, что *«научный метод — это внут-*

---

[1] *Д. И. Менделеев.* Основы химии, т. I. М.—Л., 1947, стр. 9.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 497; т. 20, стр. 14.

[3] В буржуазной философии весьма распространенным является субъективно-идеалистическое истолкование происхождения и сущности метода. Г. Пос, например, полагает, что «искать происхождение метода — значит всегда искать его происхождение в самом уме: метод меньше, чем что-либо иное, может идти извне» (*H. Pos.* L'Origine de la Methode. Travaux du IX-me Congrés International de Philosophie, vol. IV. Paris, 1937, p. 32). В связи с этим не утратили своей актуальности слова Гегеля: «Отчаяние, приведшее к утверждению, что наше познание — лишь субъективное познание и что никакое другое познание нам не доступно, есть болезнь нашего времени» (*Гегель.* Соч., т. 1. М.— Л., 1929, стр. 50).

ренняя закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение объективного мира, или, что одно и то же, как «пересаженная» и «переведенная» в человеческом сознании объективная закономерность, используемая сознательно и планомерно, как орудие объяснения и изменения мира» [1].

Материалистически-диалектической теории познания принадлежит выдающаяся заслуга в определении пути и метода всякого исследовательского процесса, в том числе и юридического [2], обеспечивающего подлинно научные его результаты.

Формулируя «диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности», В. И. Ленин указывал, что он проходит «от живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике...»* [3].

Следовательно, познание сущности права начинается с анализа того, что «ежедневно разыгрывается на наших глазах» [4], что дано на поверхности правовой действительности, т. е. непосредственной видимости правовых явлений. Отсюда вовсе не следует, что во всех случаях познания правовой действительности нужно начинать

---

[1] *Тодор Павлов.* Избранные философские произведения, т. 3. М., 1962, стр. 498. Г. А. Подкорытов отмечает, что метод не может, конечно, заменить собой творческую силу ума, но, дисциплинируя мышление, он дает ученому возможность экономить силу и время, идти к достижению цели кратчайшим путем (см. *Г. А. Подкорытов.* Историзм как метод научного познания. Л., 1967, стр. 9). Но дело не только в этом, но также и в том, что лишь с помощью метода (если, разумеется, он является подлинно научным) результаты мыслительной деятельности превращаются в систему знаний, в стройную научную теорию, адекватно отражающую объективный процесс движения изучаемого объекта.

[2] Отсюда вовсе не следует отрицания специфики познания правовой действительности. Как правильно отмечает В. П. Казимирчук, особые принципы подхода к изучению правовых проблем представляют конкретизацию философского метода применительно к специфике изучаемого предмета. «Общие гносеологические законы и категории диалектики не переходят в правовую науку в готовом, схематически неизменном виде. Наоборот, происходит наполнение их конкретным содержанием, своеобразная «адаптация», они модифицируются и, таким образом, получают специфическое выражение, имеющее значение применительно к правовой науке» (*В. П. Казимирчук.* О разработке вопросов методологии в советской юридической науке. — «Советское государство и право», 1962, № 9, стр. 40).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 153, 152—153.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 157.

с внешних форм ее проявления[1]. В том случае, когда уже известны существенные признаки данных проявлений, нет смысла начинать познание с непосредственной их видимости. Но это обстоятельство отнюдь не отменяет общего пути познания, который начинается именно с того, что дано на поверхности движения правовой действительности. Лишь преодолев внешний «барьер», за которым скрывается истинное содержание правовых явлений, можно продвигаться к их сущности, обнаружение которой отнюдь не сводится к одноактному сведению внешнего к внутреннему, а состоит из ряда звеньев, цепи проникновения от сущности первого порядка к сущности второго и т. д. порядка. «Если сущность вещей и явлений «многоэтажна», — пишет Б. М. Кедров, — то этим устанавливается определенная последовательность в переходе познания от одного ее «этажа» к следующему за ним, затем к следующему за этим и т. д. Образно говоря, познание движения в этом отношении подобно лифту в высоком здании: нельзя сразу с первого его этажа подняться на самый верхний этаж, минуя второй, третий и т. д. Точно так же происходит это и в процессе познания: *вся сущность вещи или явления никогда не раскрывается сразу, целиком и полностью до конца, а только постепенно,* шаг за шагом, ступень за ступенью, «этаж» за «этажом»»[2]. Но и движение познающей мысли от ме-

[1] Б. М. Кедров отмечает, что человеческое сознание в развитой своей форме «предполагает *взаимодействие* обеих форм, или ступеней, познания — чувств и мышления; в этом более сложном случае нельзя механически членить каждый отдельный процесс познания на две обособленные одна от другой ступени, а необходимо видеть взаимообусловленность обоих нераздельно существующих его моментов, представленных чувственным познанием и абстрактным мышлением» (*Б. М. Кедров*. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963, стр. 182). П. В. Копнин также обращает внимание на этот момент: «Эмпирическое и теоретическое — относительно самостоятельные уровни познания, граница между ними до некоторой степени условна, эмпирическое переходит в теоретическое, а то, что считалось на одном этапе науки теоретическим, на другом, более высоком, становится эмпирически доступным. Однако выделение двух различных уровней стало возможным только в период зрелого научного познания; даже для античной науки разделение познания на эмпирическое и теоретическое теряет смысл» (*П. В. Копнин*. Введение в марксистскую гносеологию, стр. 192).

[2] *Б. М. Кедров*. Единство диалектики, логики и теории познания, стр. 251—252.

нее глубокой к более глубокой сущности правовых явлений нельзя себе представлять как движение прямолинейное. В процессе правового исследования нередко оказывается необходимым отклоняться от этой линии в сторону, анализировать те или иные социальные и иные факторы, которые так или иначе воздействуют и тем самым изменяют не только сам изучаемый объект, но и тенденцию его развития. Более того, зачастую приходится возвращаться к познанной сущности правовых явлений, к тем формам внешнего их выражения, с которых началось исследование. Это вызывается необходимостью убедиться в том, что познанная сущность выражена именно в данных внешних формах, установить, какие причины обусловили выражение сущности именно в этих формах, какие внутренние и внешние связи существуют не только между сущностью и ее формами, но и между изучаемым целостным правовым объектом и другими социальными факторами и т. д. Тем самым сущность правовых явлений и внешние формы их выражения связываются в мышлении воедино, устанавливается единство сущности и форм выражения правовых явлений, обнаруживаются их связи и взаимодействие с другими явлениями.

Б. М. Кедров по этому поводу справедливо замечает, что «раздвоение единого (объективной действительности) на противоречивые стороны (явление и сущность) составляет объективную основу того, что сам процесс познания раздваивается на два противоположных момента, или этапа, в результате чего он совершается как движение познания от явления к сущности» [1].

Какими же способами за формами выражения, внешним движением правовых явлений обнаруживается их основа, сущность, внутреннее движение?

Осознание правовых явлений осуществляется прежде всего через непосредственное соприкосновение с ними или, выражаясь традиционным языком философии и психологии, через их ощущение [2]. Но само это ощущение

[1] *Б. М. Кедров.* Единство диалектики, логики и теории познания, стр. 179.

[2] «Иначе, как через ощущения, — писал В. И. Ленин, — мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 320.)

нельзя себе представлять в обычном смысле, как простое превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания[1], как прямое воздействие материи на чувственные анализаторы познающего субъекта. Здесь дело обстоит гораздо сложнее, хотя бы уже потому, что сама правовая «материя» есть продукт рационального мышления, воздействие ее «энергии» на сознание происходит на значительно более высоком уровне познавательной способности человека. Поэтому-то и термин «ощущение», будучи весьма условным в применении к правовой сфере познания, употребляется в данном случае как первоначальный результат субъективного отражения человеком правовой действительности.

С самого начала процесс осознания человеком правовых явлений происходит в сложных условиях общественного бытия, в условиях ощущения своей причастности к общественному общежитию со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Практически соприкасаясь с правовыми аспектами своей жизни, человек первоначально узнает о существовании и действии правовых предписаний через общение с другими людьми (особенно, как показывают конкретно-социологические исследования, через общение в так называемых малых группах), знакомится с текстами правовых предписаний, испытывает их влияние на образ жизни, деятельность, поведение других людей и самого себя. Здесь нет еще понимания права, принципов действующего законодательства, сопоставления различных правовых дозволений, требований, запретов в их «системности», еще нет осознания себя как субъекта права. Но лишь на этой основе человек впоследствии начинает понимать свои субъективные права и обязанности, ответственность перед обществом и государством, всю совокупность правовых связей и отношений отдельных индивидов, коллективов, общества в целом. Первоначально его осознание правовой действительности носит наиболее элементарную, общую и исходную форму — форму непосредственного субъективного воспроизведения лишь отдельных свойств правовых явлений. Правда, эта первая ступень осознания правовой действительности отделена от более высоких форм сознания — восприятия и пред-

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 44.

ставления — весьма незначительным временным расстоянием, но она, несомненно, существует и имеет определенное значение в познании человеком правовых явлений: без живого созерцания правовой действительности исключается знание о ней, ибо мышление, стремясь проникнуть в сущность правовых явлений, может опираться только на данные, возникающие в результате непосредственного соприкосновения с этой действительностью. Иначе говоря, реальная правовая жизнь входит в сознание человека через каналы ощущений и восприятий, возникновение которых возможно лишь при условии его практического соприкосновения с этой жизнью [1].

Более сложной формой чувственного отражения правовой действительности является восприятие правовых явлений, которое формируется на основе синтеза ощущений. Так же как и ощущение, восприятие возникает при непосредственном воздействии правовых явлений на сознание человека, но в отличие от ощущений оно обладает тремя особенностями. Во-первых, восприятие отражает правовые явления в совокупности, в единстве их внешних свойств, признаков, сторон, т. е. целостно. Во-вторых, оно отражает эти свойства, признаки, стороны правовых явлений в их взаимной связи, т. е. системно-структурно. В-третьих, оно относительно устойчиво отражает целостную системно-структурную картину правовых явлений в независимости от ее изменений в определенном диапазоне, т. е. константно. При этом, как показывают психологические исследования последних лет, зависимость субъективных величин от объективных действует не только в отношении ощущения, но и на уровне восприятия [2].

Ощущение и восприятие правовых явлений не дают еще возможности человеку не только понять их сущность, но даже выделить внешнее характерное сходство тех или иных явлений с другими явлениями данного ро-

---

[1] Философские и экспериментально-психологические исследования последнего времени позволили расчленить чувственную ступень познания, выделив в ней несколько уровней и форм отражения, а именно: ощущение, восприятие и представление (см. *Б. Г. Ананьев.* Теория ощущений. Л., 1961).

[2] См. *Ф. Кликс.* Проблемы психофизики восприятия пространства. М., 1965.

да (например, созерцательное знакомство с отдельным нормативным актом не вскрывает еще его сущности, положения в определенной законодательной системе, специфических черт как общего правила поведения, наконец, роли и значения в общественной жизни).

В известной, ограниченной мере это достигается при переходе от ощущений и восприятий к представлениям — высшей форме чувственного познания. Представление воспроизводит образы правовых явлений, сформировавшиеся в процессе восприятия, но воспроизводит их не в полном, а в трансформированном виде. Эта трансформация выражается в обобщении и схематизации образов (отбор признаков правовых явлений, одни из которых подчеркиваются и усиливаются, другие затушевываются и редуцируются). Представление, таким образом, отличается от своей основы — восприятия тем, что уже отходит, отрывается от непосредственной связи с правовыми явлениями, фиксирует их наиболее рельефные стороны, признаки, черты, обнаруживает их отдельные и внешние связи с другими явлениями [1].

На данном этапе познания перед человеком возникает широкая картина многообразного сплетения при-

---

[1] Здесь необходимо отметить весьма существенный момент, на который правильно обращает внимание Э. В. Ильенков: «...под данными созерцания и представления... имеется в виду отнюдь не только то, что индивид лично созерцает и представляет себе в виде чувственно-наглядного образа. Такое толкование, характерное для домарксистской философии, для антропологического представления о субъекте познания совершенно ложно, крайне узко. Под данными созерцания и представления Маркс имел в виду всегда всю массу общественно-накопленного эмпирического опыта, всю колоссальную массу эмпирических данных, известных теоретику из книг, из сводок, из статистических таблиц, газет и свидетельств. Но в кладовой общественной памяти все эти эмпирические данные хранятся, как само собой понятно, в уже сокращенном, в сведенном к абстрактному выражению виде... Специфическая задача теоретика, который из всей этой информации о действительности исходит, заключается, конечно, не в том, чтобы придать этому «абстрактному» выражению еще более абстрактную форму. Напротив, его работа всегда начинается с критического анализа и переосмысливания абстракций эмпирической ступени познания, с критического преодоления этих абстракций, и движется вперед через критику односторонности и субъективности этих абстракций, через разоблачение заключенных в них иллюзий, с точки зрения действительности в целом, в ее конкретности» (*Э. В. Ильенков.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960, стр. 126—127).

знаков, сторон и частей целостной правовой действительности, их связи с окружающими явлениями. И хотя человек может верно охватить общие контуры этой картины, эти контуры оказываются при ближайшем рассмотрении недостаточными для научного ее познания, ибо пока еще не только не вскрывают внутренней закономерности связей и взаимодействия частей целого между собой и окружающими явлениями, но и имеют существенные пробелы в знании составляющих ее компонентов. На этом этапе познания человек еще не в состоянии выявить внутренние связи между отдельными сторонами интересующих его правовых явлений, отличить необходимые их проявления от случайных. «Эмпирическое наблюдение, — отмечал Ф. Энгельс, — само по себе никогда не может доказать достаточным образом необходимость»[1]. Общее представление, например, о правотворчестве, праве и законности может в лучшем случае дать возможность лишь более или менее полно описать выступающие на поверхности формы изучаемых явлений, дать их систематизацию. Но подлинное научное исследование правотворчества, права и законности ограничиться только этим не может. Еще Гегель писал: «...то, что́ *известно* (bekannt), еще не есть поэтому *познанное* (erkannt)...[2]» Задача заключается в том, чтобы проникнуть внутрь этих явлений, определить их сущность, содержание, формы проявления и на этой основе объяснить и обосновать их закономерную необходимость, предвидеть пути их дальнейшего развития[3]. Так,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 544.

[2] *Гегель*. Наука логики, т. 1. М., 1970, стр. 83.

[3] И именно здесь обозначивается та тонкая грань различия между осознанием бытия и его исследованием, которую удачно вскрывает Т. И. Ойзерман. «Осознание существует, — пишет он, — до всякого исследования и от него не зависит. То, что результаты исследования осознаются, становятся содержанием сознания, не стирает качественного различия между наукой (исследованием) и сознанием... Общественное сознание, отражая общественное бытие, не есть еще в силу этого *познание* общественного бытия: для этого необходимо его исследование, которое не всегда имело место и, конечно, не всегда достигало своей цели. Познание общественного бытия, как и всякое познание, беспредельно. Что же касается общественного сознания, то оно в рамках исторически определенного общественного бытия получает относительно завершенную форму, которая существенно изменяется не вследствие прогрессирующего

в частности, исследование правотворческого процесса состоит в необходимости обнаружения многообразия тех причин, и в первую очередь основных, главных, существенных причин, которые породили и определили ту или иную правовую норму, в необходимости выяснения существа определенной группы причинно-взаимосвязанных явлений, обусловивших то или иное содержание и форму права.

Сущность того или иного правового явления, как отмечалось ранее, не лежит на поверхности данного явления, и поэтому внутренний закон его движения не может быть схвачен одним лишь чувственным восприятием, непосредственным созерцанием, представлением. В. И. Ленин отмечал: «Представление не может схватить движения *в целом,* например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км. в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить» [1].

Правовая действительность становится известной человеку уже на стадии накопления соответствующего количества эмпирических сведений о ней, но она отнюдь еще не становится научно познанной.

Чувственное познание и его высшая форма — представление не могут дать подлинной картины конкретной правовой действительности; они не в состоянии воспроизвести всего богатства содержания данной действительности; они отражают в основном лишь внешние и простые признаки, составляющие лишь «поверхность» этой действительности; они, наконец, есть лишь снимок, где в случайном не познано необходимое, а в явлении — сущность. Поэтому не существовало бы правовой науки, если бы исследователи правовых явлений только наблю-

---

процесса познания, а прежде всего благодаря коренным социально-экономическим преобразованиям... Не следует, конечно, метафизически противополагать друг другу сознание и знание. Осознание общественного бытия содержит в себе и знание о нем, но это еще не научное знание, поскольку в нем не разграничены объективное содержание и субъективные представления. Ясно также и то, что знание, полученное в результате исследования, также становится содержанием сознания. Но это диалектическое единство сознания и знания не стирает существенного различия между ними» (*Т. И. Ойзерман.* Проблемы историко-философской науки, стр. 76, 77).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 209.

дали и описывали наблюдаемое [1]. Но отсутствие в процессе познания правовых явлений представления о правовой действительности привело бы к потере реальной связи исследователя с этими явлениями, к исчезновению этой действительности. Общая картина правовой действительности, составленная на основе чувственной ступени познания, является необходимой предпосылкой диалектического развития этого познания, ибо, как указывал В. И. Ленин, «диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли...» [2]. Поэтому, опираясь на представления, необходимо воссоздать правовую действительность как целое; но «целое, как оно представляется в голове в качестве мыслимого целого, есть продукт мыслящей головы, которая осваивает мир исключительно ей присущим образом...» [3].

Эта цель достигается путем расчленения целого и анализа его частей, сторон, черт, а затем с помощью синтеза воспроизводится в мышлении как богатая совокупность «с многочисленными определениями и отношениями» [4].

Путем самостоятельного анализа каждого признака изучаемого правового явления, а затем и группы однотипных правовых явлений достигается более или менее полная картина правовой действительности. Конечно, изучение и на этой основе определение отдельных признаков того или иного правового явления не могут

---

[1] Именно поэтому нельзя признать научно-исследовательскими те произведения, нередко еще встречающиеся в нашей литературе, которые хотя и имели в виду служить развитию науки, но по существу носят эмпирический, сугубо описательный характер и в лучшем случае могут претендовать на справочное или пропагандистское значение. Характеризуя состояние правовой науки, П. Н. Федосеев пишет: «Боязнь каких бы то ни было изменений в установленных схемах и формулах зачастую ведет науку права к простому комментированию, описанию действующего законодательства и тем самым к нарушению основного требования диалектико-материалистического метода исследования — требования изучения государственных и правовых институтов не в статике, а в возникновении и развитии, в борьбе нового со старым, в единстве содержания и формы, в соединении теоретического обобщения с конкретным социальным анализом фактического материала» (*П. Н. Федосеев.* Диалектика современной эпохи, стр. 337).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 727—728.

[4] Там же, стр. 726.

вскрыть подлинной сущности этого явления, а сами эти определения не могут не носить однобокий, неполный, в основе своей формальный характер (например, определение диспозиции правовой нормы не дает еще представления о правовой норме в целом).

Всякое явление, в том числе и правовое, не сводится к сумме своих частей. Но расчленение целого и анализ его частей являются необходимым этапом в познании правового явления, ибо лишь на основе этого вскрываются отношения между данными частями, намечаются контуры их связи с другими явлениями, а это тем самым приближает исследователя к общему представлению о целом, об особенностях его возникновения, развития, назначения и роли в общественной жизни (так, полное структурное определение правовой нормы, состоящей из гипотезы, диспозиции и санкции, позволяет вплотную подойти к постановке вопроса о причинах ее возникновения и развития, о назначении и роли в регулировании общественных отношений).

С точки зрения формального правоведения (например, нормативизма), рассуждая, в частности, о правовой норме, нельзя выходить за ее пределы. Поэтому-то «чистое учение о праве» и ограничивается лишь описанием и в лучшем случае определенной систематизацией того, что выступает на поверхности правовой действительности. С точки же зрения диалектически-материалистического правоведения нельзя рассматривать правовую норму без привлечения всего того, что является по отношению к ней отличным, противоположным, что одновременно предполагает и отрицает ее. Поэтому подлинно научное познание правовой нормы окажется возможным лишь тогда, когда изучена не только структурная ее организация или форма выражения вовне, но и те исторические условия и внутренние причины возникновения (весь процесс правотворчества), которые обусловили определенную сущность, содержание и форму данной нормы, а тем самым и пути, характер, методы ее осуществления (весь процесс реализации права). Такое познание предполагает не только анализ, но и синтез.

Анализ и образование простейших понятий об отдельных частях изучаемого правового явления есть необходимая предпосылка для перехода к синтезу, к обоб-

щению, к воссозданию данного органически целого правового явления с его многочисленными определениями и отношениями. «Образование (абстрактных) понятий,— указывает В. И. Ленин,— и операции с ними *уже* включают в себе представление, убеждение, *сознание* закономерности объективной связи мира... Самое простое *обобщение,* первое и простейшее образование *понятий* (суждений, заключений...) означает познание человека все более и более глубокой *объективной* связи мира» [1].

Определение каждого отдельного признака изучаемого правового явления хотя уже и включает в себя общее представление о целом, но еще не обнаруживает его сущности, внутренних связей с другими явлениями, закономерности развития. Всякая часть, будучи внешне обособленной характеристикой того или иного явления, входит в состав целого и выполняет в нем определенную роль, но эта часть органически связана и взаимодействует с другими частями данного целого. Именно поэтому целое отнюдь не является простым результатом «суммирования» своих частей, а представляет собой своеобразную диалектическую связь этих частей, их взаимную обусловленность, зависимость, их взаимное проникновение и обогащение. Целое не сводится к свойствам своих частей, а приобретает особые свойства, качества, специфические характеристики, которые вытекают из переплетения, взаимовлияния и т. п. частей целого, обусловливаются определенным положением (местом) и ролью каждой части в системе целого.

В процессе исследования правовой действительности необходимо на основе эмпирических знаний, представлений образовать абстрактные понятия, в которых должно быть отражено существенное, главное, основное, характерное для этой действительности [2].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 160, 161.

[2] Отмечая значение юридических определений, А. А. Пионтковский пишет: «В юридических науках определения играют бо́льшую роль, чем в каких-либо других науках. От характера определений соответствующих юридических понятий, юридических институтов, правоотношений и их элементов зависит качество разработки всей данной отрасли юридической науки. От этого в сильной степени зависит и процесс применения действующих правовых норм на практике» (*А. Пионтковский.* К методологии изучения действующего права.— «Ученые записки ВИЮН», вып. VI. М., 1946, стр. 36).

Образование абстрактных юридических понятий предполагает расчленение, выделение и определение каждой из сторон, свойств, черт изучаемого правового явления и синтезирование в мышлении их общих признаков. В понятии, следовательно, определенным образом объединяются уже изученные отдельные, отвлеченные от целого его части. Тем самым понятие воссоздает внутреннюю целостность изучаемого правового явления, без чего это явление «распалось» бы в мышлении на отдельные части. Но подобно тому как всякое целое не сводится к сумме своих частей, так и общее научное понятие не является итогом простого объединения всех общих черт, свойств, признаков отражаемых явлений. Если бы это было так, то оказались бы правыми те, кто объявляет понятия пустыми, бессодержательными, лишенными конкретности и уступающими в познании явлений ощущению, восприятию, представлению, где явления выступают в многообразии их свойств и связей. Можно, например, в различных исторических системах права обнаружить множество общих свойств и связей, которые в своей совокупности лишь фиксируют общность определенных моментов в этих системах, описывают их. Такого рода познание правовых систем различных исторических типов остается на уровне представлений о них и не вскрывает сущности, закономерности их развития, ибо общее в правовых системах различных исторических типов не всегда является их существенным признаком, а потому не всегда должно мыслиться и в качестве содержания понятия об этих системах. Поэтому в понятиях отражаются не все признаки, хотя бы даже общие для различных частей целого, а лишь существенные, главные, основные, характерные признаки и отношения между частями целого.

С другой стороны, правовые явления имеют наряду с общими также специфические признаки. Поэтому наше знание о правовых явлениях окажется отвлеченным, если мы характеризуем их лишь общими признаками и игнорируем те существенные специфические признаки, которыми различные группы правовых явлений отличаются друг от друга. В этой связи в научных юридических понятиях находят отражение не только существенные общие признаки правовых явлений, но и те существенные признаки, которые характеризуют специфиче-

скую определенность данных правовых явлений. Минералог, отмечал К. Маркс, который при нахождении все новых и новых минералов ограничивался бы подведением их под общее понятие «минерал», был бы минералогом лишь в своем собственном воображении [1].

На самом деле правовые явления имеют то общее, что все они являются продуктом классового общества. Но хотя это и очень важное обстоятельство, оно, однако, не исключает необходимости обнаружения специфической определенности, отличающей, например, правовые явления социалистического общества от правовых явлений всех эксплуататорских социально-экономических формаций (равно как и внутри этих формаций). Или другой пример. Известно, что в процессе советского правотворчества, в самом советском праве и в процессе его реализации на основе требований социалистической законности выражается общая воля всего советского народа. Однако констатация данного общего признака указанных категорий отнюдь не исключает необходимости познания специфических проявлений общей воли народа в процессе создания права, в самом праве, а также в процессе его осуществления.

Следовательно, понятия окажутся подлинно научными лишь тогда, когда они образуются из существенных признаков, каждый из которых необходим для раскрытия специфики изучаемого явления, а вместе достаточны для определения его сущности. Так, образуя понятие о праве и формулируя это понятие в определении, исследователь игнорирует несущественные, второстепенные, случайные его признаки, отвлекается от них (например, от структурного построения каждой правовой нормы, от формы выражения вовне каждого правового акта и т. д.) и объединяет лишь те признаки, которые с достаточной полнотой вскрывают его специфику, сущность и назначение (волевой характер права, его нормативность, обеспеченность принуждением в целях закрепления отношений, выгодных и угодных господствующему классу, и т. д.).

Значение научной абстракции в праве в том и состоит, что она вскрывает то, что есть существенно-общего в многообразных правовых явлениях, устанавливает их

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 63.

внутреннюю связь, единство, общность, позволяет отделить главное от неглавного, существенное от несущественного, за случайным увидеть необходимость и тем самым дает возможность найти объективные законы, управляющие процессом правового развития. Посредством отвлечения от несущественного, случайного, частного и учета того существенно-общего, что свойственно массе единичных явлений, абстракция поднимает единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность [1].

В процессе образования понятий исследователь отвлекается от сферы отдельных, чувственно воспринимаемых проявлений правовой действительности. При этом, однако, абстрактное мышление, хотя и отделяется от реальных проявлений правовой действительности, не теряет своей предметности. Показывая материалистический подход К. Маркса к процессу абстрагирования, Ф. Энгельс писал: «Маркс сводит то общее содержание, которое заключается в вещах и отношениях, к его наиболее обобщенному мысленному выражению. Его абстракция, следовательно, только отражает в форме мысли то содержание, которое уже заключается в вещах»[2]. Истинно научная (а не «тощая», как выражался К. Маркс) абстракция отнюдь не является продуктом произвольного теоретизирования исследователя; она рождается на почве практики, резюмирует, концентрирует, упорядочивает многосторонний практический опыт. Например, выработанные марксистско-ленинской юридической наукой общие научные понятия права, законности или правоотношения вовсе не опустошаются, не отрываются от конкретного многообразия типов и форм государства и права, от их назначения и роли в жизни общества, от фактических требований законности и их осуществления на практике, от конкретного содержания различных правоотношений и т. д. Следовательно, общее научное понятие права, законности или правоотношения является воспроизведением их конкретных проявлений, но воспроизведением не в виде чувственного образа, не в виде представления, а как познанного в их объективной закономерности. Именно благодаря этому общие науч-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 548.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 180.

ные понятия вскрывают явления глубже, вернее, полнее, истиннее, чем простое чувственное созерцание или представление. «Мышление, — указывал В. И. Ленин, — восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закона* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1].

Было бы вместе с тем ошибочным полагать, что общие научные понятия, отвлекаясь от конкретных форм отражаемых правовых явлений, теряют качество конкретности или во всяком случае являются менее конкретными, чем чувственно воспринимаемое их отдельное, единичное существование[2].

Ф. Энгельс указывал, что перевод единичного (конкретного) во всеобщность (абстракция, закон) и есть познание, что «общий закон изменения формы движения гораздо конкретнее, чем каждый отдельный «конкретный» пример этого»[3].

Следует различать конкретность чувственного восприятия и конкретность понятия. Если конкретность чувственного восприятия, характеризуясь некоторой непосредственностью и целостностью, вместе с тем является поверхностным, «хаотическим», бедным, малосодержательным познанием явлений, то конкретность понятия, преобразуя чувственный материал, объединяя его в обобщенном виде, становится значительно более богатой и разносторонней по содержанию, воспроизводит наиболее существенное, главное, основное, что свойственно внутренней сущности явлений, что определяет их качественную специфику, устанавливает объективную закономерность развития явлений. При этом в понятии материал,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 152.

[2] Между прочим, это обстоятельство явилось, по-видимому, одним из оснований, к сожалению, имевшего место в нашей литературе отрицания значения для юридической науки общих понятий. В этой связи напомним лишь, что еще Гегель отмечал, что с некоторого времени стало хорошим тоном «говорить всевозможные дурные вещи о *понятии*, делать его, эту вершину мышления, предметом презрения и, напротив, считать наивысшей вершиной научности и моральности *непостижимое* и *отсутствие постижения*» (*Гегель.* Соч., т. VI. М., 1939, стр. 12).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 537.

полученный исследователем на стадии чувственного познания явлений, не исчезает, не «ликвидируется», не «отбрасывается», а своеобразно сохраняется, мысленно перерабатывается и в преобразованном виде воссоздается как единое целое. Понятие является логической основой конкретного, представляет собой своеобразный узловой пункт, в котором объединяются в строгой логической системе общие, наиболее характерные, существенные, главные, основные признаки и специфические особенности явлений.

Абстракцию (в том числе и юридическую), разумеется, нельзя пощупать руками, увидеть глазами, попробовать на вкус, но отсюда вовсе не следует, что она не существует или оказывается менее конкретной любого отдельного правового явления. Будучи орудием идеального воспроизведения самих правовых явлений в их существенности, юридическая абстракция отнюдь не находится по ту сторону мира этих явлений. Она вбирает в себя все многообразие этого мира в его обобщенном выражении. И именно благодаря этому она не просто фотографирует, не натуралистически изображает правовые явления, а отображает их в развитии, в закономерной необходимости. Юридическая абстракция, если она действительно научная, не отрывает своих корней от почвы многообразных проявлений правовой жизни, а через эти корни впитывает в себя их жизненные соки. Абстракцию, из которой выхолощено все единичное и особенное, Гегель называл пустой, скудной, безжизненной, бесцветной и бессодержательной всеобщностью [1].

Научная абстракция противостоит, по Гегелю, такого рода скудным абстракциям, поскольку вбирает в себя все

---

[1] «*Абстрактное,*— писал Гегель,— считается в таком случае по той причине менее значительным, чем конкретное, что из него, дескать, опущено так много указанного рода материи. Абстрагирование получает согласно этому мнению тот смысл, что из конкретного вынимается (лишь для *нашего субъективного употребления) тот* или *иной признак,* так что с опущением стольких других *свойств* и *модификаций* предмета их не лишают ничего из их *ценности* и *достоинства,* а они по-прежнему оставляются как *реальное,* лишь находящееся на другой стороне, сохраняют по-прежнему полное свое значение, и лишь *немощь* рассудка приводит согласно этому взгляду к тому, что ему невозможно вобрать в себя все это богатство и приходится довольствоваться скудной абстракцией» (*Гегель.* Соч., т. VI, стр. 17—18).

богатство особенного, индивидуального, отдельного и обобщает их в существенности и определенности. Изучая «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин отмечал: «Прекрасная формула: „Не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного“ (все богатство особого и отдельного!) !!» [1].

Подлинно научные юридические понятия должны не только опираться на реальные явления объективной правовой действительности, но и воплощать в себе все богатство особенного, индивидуального, отдельного в этой действительности.

Речь идет, следовательно, не о том, чтобы общие юридические понятия включали в себя все без исключения признаки отдельных правовых явлений, а о том, чтобы в них нашли свое воплощение существенные, первостепенные и необходимые признаки [2], которые в своей совокупности и составляют «богатство» отдельных правовых явлений. Поскольку же в общих юридических понятиях объединяются лишь существенные признаки правовых явлений и отбрасываются их несущественные, второстепенные, случайные признаки, постольку и создается с первого взгляда впечатление, что эти понятия носят неконкретный характер. Такое впечатление, однако, само по себе поверхностно и не соответствует действительности. На самом деле, если общие юридические понятия при всей своей абстрактности более богаты по содержанию, всестороннее, глубже, полнее, адекватнее, чем чувственное восприятие, отражают правовую действительность, то они, естественно, являются подлинно конкретными. Научные понятия о тех или иных право-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 90.

[2] П. В. Копнин, воспроизводя рассуждения известного физика В. Гейзенберга о сущности абстрактного (*W. Heisenberg.* Die Abstraktion in der modernen Wissenschaft.— «Wissenschaft und Fortschrit», 1964, N 3, S. 100). приходит к выводу, что односторонность («одинаковость», по В. Гейзенбергу) в постижении объекта является одним из важнейших признаков сущности абстрактного (см. *П. В. Копнин.* Введение в марксистскую гносеологию, стр. 193). С этим нельзя согласиться. Конечно, без «одинаковости» вообще исключается возможность образования абстракции, но если речь идет о сущности абстракции, то ее характеризует отнюдь не всякая, а прежде всего «одинаковость» в главном, основном, наиболее важном.

вых явлениях вскрывают многообразие этих явлений в их взаимной связи и обусловленности, единстве, полноте и необходимости, т. е. наиболее конкретно. Конкретное знание в том именно и состоит, что, обнаружив, вскрыв сущность, внутренние закономерности существования и развития определенных правовых явлений, оно дает возможность представить в мышлении те внешние стороны их, с которых началось познание, не как не связанные между собой и случайные (какими они представлялись вначале, на чувственной стадии познания), а как необходимые проявления сущности данных явлений. С помощью научных понятий, абстракций стороны изучаемых правовых явлений выступают в мышлении уже не как мертвые, оторванные, изолированные друг от друга, но в их взаимозависимости, развитии, в их конкретной целостности с внутренней сущностью данных явлений. В. И. Ленин показывает, что движение познания от конкретного, т. е. чувственно воспринимаемого многообразия, к абстрактному есть не отход от объективного мира, а, напротив, приближение ко все более и более объективной и точной картине мира. «Движение познания к объекту, — отмечено в «Философских тетрадях», — всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть...»[1]

Следовательно, диалектика познания, в частности, правовой действительности состоит в том, чтобы, «отходя» от этой действительности, с помощью абстракций, понятий прояснить ее сущность, помочь нашему знанию становиться все более конкретным. Именно поэтому, как выражался К. Маркс, тоска по содержанию гонит абстракцию в предметность, гонит абстрактного мыслителя к соприкосновению с действительностью.

Однако, несмотря на то что научные юридические понятия конкретно отражают реальные явления правовой действительности, они всегда и неизбежно «огрубляют» всю сложность связей и отношений этой действительности. Иначе и быть не может, ибо всякое понятие (схема, теоретическая модель или конструкция) «останавливает» движение реальной действительности, жизни. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия»[1].

Однако, «омертвляя» живую действительность, понятие в то же время является единственно возможной ступенью к ее постижению. «Значение *общего,*— писал В. И. Ленин, — противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть *ступень* к познанию *конкретного...*»[2] С другой стороны, это «омертвление» отнюдь не означает, что, в частности, юридические понятия в состоянии давать лишь мертвую фотографию правовой действительности. Оживление «омертвленного» в понятиях достигается диалектичностью самих этих понятий. Если объективная правовая действительность постоянно развивается и изменяется, если процесс движения правовых явлений протекает в борьбе противоречий и имеет своим результатом ликвидацию старого и возникновение нового[3], то и юридические понятия, для того чтобы они были верным отражением этой действительности, должны быть всесторонними, гибкими, подвижными, изменяющимися, едиными в противоположностях, дабы обнять мир[4].

Достигается это путем сложного процесса отражения, концентрации в юридических понятиях реальных противоречий правовой действительности[5], ее развития и изменения. «И в этом, — отмечал В. И. Ленин, — *суть* диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей»[6].

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.

[2] Там же, стр. 252.

[3] Сущность, писал Гегель, «*существенна* лишь постольку, поскольку она имеет внутри самой себя свое отрицательное, соотношение с другим, опосредствование». При этом он подвергает резкой критике «абстрактное тождество», которое исключает внутреннее различие, противоречие. Признание различия в тождестве позволяет отличить всякую плохую философию от того, «что единственно и заслуживает названия философии» (*Гегель.* Соч., т. I, стр. 195, 198).

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 131.

[5] Б. М. Кедров отмечает, что «*познание противоречия обусловливает собой противоречие познания*» (*Б. М. Кедров.* Единство диалектики, логики и теории познания, стр. 208).

[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.

Научные юридические понятия могут и должны «схватить», «вобрать», «включить» в себя реальные противоречия объективного движения и изменения отражаемой правовой действительности. Только тогда они будут диалектическими, смогут выразить сущность, закономерность развития этой действительности. «...В абстрактных понятиях (и в их системе), — указывал В. И. Ленин, — *нельзя* иначе выразить принцип движения, как принципом тождества противоположностей»[1].

С другой стороны, если развитие правовой действительности непрерывно, если она в процессе развития изменяется и преобразуется, то и юридические понятия не могут быть неизменными, раз и навсегда данными, пригодными для любых условий и обстоятельств. В процессе исторического развития правовой действительности постепенные количественные изменения приводят к качественным изменениям, старые правовые воззрения и нормы уступают место новым, со временем преобразуется как форма правовых предписаний, так и их содержание, возникают новые связи и отношения между различными правовыми явлениями, между ними и другими окружающими их явлениями жизни.

В этом процессе развития самих научных юридических понятий необходимо учитывать то, насколько они соответствуют и правильно выражают объективно-закономерное движение правовой действительности. В. И. Ленин указывал: «*Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения*, ***не без противоречий*** а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их»[2]. Известно, например, что советское право в своем историческом развитии постепенно преобразуется из права диктатуры рабочего класса в общенародное социалистическое право. Этот объективный процесс, очевидно, должен отразиться и в определении понятия советского права периода перехода от социализма к коммунизму. В этом определении должны быть показаны те качественные изменения, которые произошли в содержании и форме советского права в современный

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 308.
[2] Там же, стр. 177.

период, и прежде всего то, что теперь оно выражает общенародную государственную волю.

Следовательно, по мере развития правовых явлений обнаруживаются такие новые факты и обстоятельства, которые не подпадают под существующие понятия о них, не согласуются с этими понятиями. Новые понятия должны вскрывать те существенные закономерности, которые обнимали и объясняли бы все реальные как старые, так и новые факты и обстоятельства, характеризующие данные явления. «Нужно,—пишет А. А. Пионтковский,—чтобы юридические определения действительно выражали главное, и при том главное с точки зрения нашей правовой системы в определенных конкретно-исторических условиях ее существования» [1].

Лишь в том случае, если юридические понятия будут носить диалектический характер, будут соответствовать отражаемой правовой действительности, они окажутся конкретными понятиями, выполнят роль инструмента познания этой действительности.

Всякое подлинно научное юридическое понятие не только имеет конкретно-познавательное значение, поскольку вскрывает истинную сущность соответствующего правового явления, но и представляет собой средство, инструмент дальнейшего, более углубленного познания данного явления. Значение юридических научных понятий в том именно и состоит, что с их помощью оказывается возможным глубже проникать в сущность правовых явлений и овладевать ими; они «суть ступеньки... познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» [2].

Изучая различные правовые явления и процессы, исследуя многообразие проявлений правовой действительности, мы опираемся на понятия, чтобы правильнее подойти к конкретному объекту, предмету нашего исследования, охватить его всесторонне. Научные юридические понятия не только итог, но и средство, инструмент познания сложной сети правовых явлений. Цель образования научных юридических понятий состоит не в простой любознательности; они образуются ради возможности

---

[1] *А. Пионтковский.* К методологии изучения действующего права. — «Ученые записки ВИЮН», вып. VI, стр. 39.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 85.

более глубокого познания, а затем и практического преобразования правовой действительности.

Сказанное показывает, что процесс познания правовых явлений есть движение от простого их ощущения, восприятия и представления к образованию о них сложных понятий, в которых высшее возникает из низшего, низшее переходит в высшее, высшее мысленно преобразует низшее, вскрывая его внутреннее позитивное содержание. Тем самым общие юридические понятия приобретают такие качества, которые позволяют использовать их не только как средство выяснения прошлого и настоящего соответствующих правовых явлений, но и как средство проникновения, постижения, предвидения тенденции дальнейшего развития этих явлений.

Каждое научное юридическое понятие, объединяя в себе главные, основные, существенные признаки соответствующей группы, круга, типа правовых явлений, определяет их сущность, необходимость, перспективы закономерного развития, а совокупность, система этих понятий образует подлинную, научно познанную картину конкретной правовой действительности. «*Бесконечная* сумма общих понятий, законов etc., — указывал В. И. Ленин, — дает *конкретное* в его полноте» [1].

Конкретное в его полноте, в единстве многообразного постигается мышлением в результате осуществления обратного пути от абстрактного к тем конкретным правовым явлениям, с которых начался процесс юридического исследования.

§3. Восхождение от сущности права к конкретным правовым явлениям

Формулированием общих юридических понятий, отражающих закономерное развитие правовой действительности, не исчерпывается познание этой действительности. Юридические абстракции, их система являются важной ступенью, но не завершающим этапом процесса познания права. Завершающим этапом познания является обратный путь от юридических абстракций к той

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 252.

реальной правовой действительности, с которой началось это познание [1].

Как известно, Гегелю принадлежит величайшая заслуга в обнаружении пути научного исследования — «восхождения от абстрактного к конкретному», которому, однако, он же дал ложную идеалистическую интерпретацию. «...Познание,— писал он,— катится вперед от содержания к содержанию. Прежде всего это поступательное движение характеризуется тем, что оно начинает с простых определенностей и что последующие определенности становятся все *богаче и конкретнее*. Ибо результат содержит в себе свое начало, и дальнейшее движение этого начала обогатило его (начало) новой определенностью. *Всеобщее* составляет основу; поэтому поступательное движение не должно быть понимаемо как *течение* от некоторого *другого* к некоторому *другому*. В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее — в своем обособлении, в суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее поднимает выше всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет вследствие своего диалектического поступательного движения, не только ничего не оставляет позади себя, но уносит с собой все приобретенное и обогащается и уплотняется внутри себя» [2].

Выписав это гегелевское определение пути от абстрактного к конкретному, В. И. Ленин высоко его оценивает: «Этот отрывок очень недурно подводит своего рода итог тому, что́ такое диалектика» [3]. При этом

---

[1] «На рассматриваемом втором, завершающем этапе исследования, — писал С. И. Аскназий, — мы возвращаемся к исходному пункту исследования. От вскрытой ранее «сущности» определенной группы правовых отношений мы синтетически восходим к тому, как эта сущность «проявляется» в правовой сфере, т. е. к тому, что непосредственно дано в законодательстве (в форме правовых норм) и в хозяйственном обороте (в форме правоотношений). Однако если в исходном пункте анализа эти данные в правовом опыте нормы и отношения выступали лишь как факт (по выражению Маркса, как «хаотическое целое»), то в результате этого завершающего этапа исследования они оказываются уже познанными как необходимые во всех своих качествах и определениях» (*С. И. Аскназий.* Общие вопросы методологии гражданского права.— «Ученые записки ЛГУ». Серия юридических наук, вып. I. Л., 1948, стр. 49).

[2] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 315; см. также стр. 43, 269, 271.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 212.

В. И. Ленин отмечает, что здесь у Гегеля менее всего проявляется идеализм и речь прежде всего идет о диалектическом методе.

Бытие, природу, действительность, вне и независимо от духа существующую, Гегель изображает как неподвижную, застывшую, абстрактную картину мира, которая приобретает конкретность лишь благодаря разуму. Абсолютная идея как система «чистых» логических понятий выступает исходным пунктом, порождающим чувственно данную конкретную действительность.

Отражая метафизический и исторически ограниченный уровень современного ему состояния науки, знание о реальной, объективной действительности, Гегель непосредственно и в качестве постоянного ее свойства приписывает самой этой действительности. И здесь выявляется глубокая противоречивость Гегеля. Критикуя кантовский априоризм, он связывает способ мышления с содержанием научного знания, указывая, что метод «не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо движет себя вперед содержание внутри себя, *диалектика, которую оно имеет в самом себе*»[1]. В нашей способности познания, по Гегелю, мы можем убедиться не иначе как через самый процесс познания; желание же иметь инструмент познания до процесса познания столь же несуразно, как мудрое намерение того схоласта, который хотел научиться плавать, прежде чем броситься в воду[2]. «...Метод, — пишет Гегель, — есть сознание о форме внутреннего самодвижения ее содержания»[3].

В. И. Ленин при конспектировании «Науки логики» выписывает слова Гегеля о том, что метод есть «сам себя конструирующий путь» науки, и вместе с тем отмечает, что в них гвоздь действительного познания[4].

Однако Гегель, исходя из принципа тождества мышления и бытия, превращает в субстанцию логические формы мысли, онтологизирует метод познания как выражение активности абсолютной идеи. Любой предмет, по мнению Гегеля, мы «постигаем в понятии и знаем

---

[1] *Гегель.* Соч., т. V, стр. 34.
[2] См. *Гегель.* Соч., т. I, стр. 27—28.
[3] *Гегель.* Соч., т. V, стр. 33.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 80.

его в его истине только постольку, поскольку он *полностью подчинен методу;* он есть собственный метод всякой вещи, так как его деятельность есть понятие»[1]. Развитие ступеней содержания абсолютной идеи «есть образ абсолютного, но вначале абсолютное выступает в этих ступенях лишь ограниченным образом, и поэтому оно заставляет себя двигаться дальше к целому, раскрытие которого есть то, что мы называем методом»[2].

В поисках способа развертывания определенной мысли Гегель обнаруживает принцип движения познания от простейших, абстрактных определений к конкретному, многостороннему знанию. При этом данный процесс изображается им как становление конкретного не только в мышлении, но и в самой действительности[3].

В экономической сфере, по Гегелю, действуют противоположные абстрактные индивиды. Поэтому здесь исключается действительное развитие без вмешательства рассудка, с помощью которого все абстрактные противоречивые крайности экономического состояния разрешаются путем перехода к правовой действительности. Право как целесообразно действующая воля есть конкретная субстанция, которая создает адекватную своей природе форму своего собственного обнаружения в экономике, в сфере потребностей, в «системе потребностей». «Право состоит в том, что наличное бытие вообще есть наличное бытие свободной воли»[4]. Не являясь предметом особой науки, сфера экономической жизнедеятельности людей должна рассматриваться лишь внутри философии государственного права, т. е. как одна из конкретных форм абстрактного разума, действующего в истории.

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 299.

[2] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 341.

[3] Здесь вступает в силу механизм идеалистической диалектики, который ярко изобразил К. Маркс: «Как посредством абстракции мы превращаем всякую вещь в логическую категорию, точно так же стоит нам только отвлечься от всяких отличительных признаков различных родов движения, чтобы прийти к движению в абстрактном виде, к чисто формальному движению, к чисто логической формуле движения. И если в логических категориях мы видим субстанцию всех вещей, то нам не трудно вообразить, что в логической формуле движения мы нашли *абсолютный метод,* который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 131).

[4] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 53.

Вовсе не отвергая выявленного Гегелем закона движения теоретического знания, К. Маркс вместе с тем решительно отрицает гегелевское представление о мышлении как творце предметного мира. Фактически способ восхождения от абстрактного к конкретному есть нечто иное, как способ, с помощью которого мышление усваивает вне его и независимо от него существующую конкретную действительность. «...Метод восхождения от абстрактного к конкретному,— писал К. Маркс,— есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [1].

Поставив, таким образом, данный метод «с головы на ноги», К. Маркс открыл возможности его развития применительно к процессу познания не только мира, но и самого мышления [2].

Определяя данный исследовательский путь как «правильный в научном отношении», поскольку «абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» [3], К. Маркс ставит его на твердую материалистическую почву, тем самым обеспечивая его плодотворное развитие.

Каков же «механизм» восхождения от абстрактного к конкретному в юридическом исследовании, позволяющий познавать конкретные правовые явления во всей их полноте, как «единство многообразного»? Прежде чем ответить на этот, пожалуй, наиболее сложный вопрос гносеологии права, необходимо предварительно остановиться на ряде дополнительных моментов, характеризующих категории абстрактного и конкретного, диалектику их соотношения в юридическом исследовании.

В предыдущем параграфе уже отмечались особенности юридической абстракции. Но для последовательности дальнейших рассуждений целесообразно в общей форме повторить эти особенности и развить их, с тем чтобы открылась возможность логического перехода к анализу понятия конкретного в праве и его соотношения с юри-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

[2] См. *Э. В. Ильенков*. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, стр. 133, 137.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

дической абстракцией, а затем на этой основе перейти к рассмотрению способа восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании права.

Прежде всего юридическая абстракция — это специфическая способность мышления в огромном многообразии конкретных проявлений правовой действительности обнаруживать те повторяющиеся или одинаковые признаки, которые свойственны всей их массе. Следовательно, юридическая абстракция отвлекается от специфики каждого конкретного проявления правовой действительности и обнаруживает лишь то общее, что свойственно им всем. Но абстрактно общее отнюдь не является результатом выделения одинакового признака, характерного для всех конкретных явлений, и исключением всех остальных, «не общих» их признаков. Общими могут быть и несущественные признаки явлений. В юридической абстракции осуществляется отвлечение от несущественных признаков правовых явлений, хотя бы даже и одинаковых для всех них, и трансформируются лишь те общие признаки данных явлений, которые составляют их сущность. Следовательно, в абстракции общее следует понимать не как простое выделение всего того, что свойственно массе отдельных явлений, а как выделение существенного общего в этих явлениях. Образование такого абстрактного понятия целостной картины правовых явлений представляет собой «одно из тех наиболее абстрактных продуктов познания, которые организуют все дальнейшее познание, играя роль его методологических предпосылок, выступая философским определением объекта исследования»[1]. Однако юридическая абстракция лишается познавательной силы, будучи изолированной от конкретных правовых явлений; лишь во взаимодействии с ними она обретает жизненную одухотворенность. В чем же сущность категории конкретного в праве?

Конкретное в праве суть сами правовые явления во всем их многообразии, со всеми специфическими признаками, чертами и свойствами каждого из них. Однако дело не только в этом. До сих пор конкретное в праве рассматривалось лишь как данное в непосредственном

---

[1] *В. И. Черков.* Анализ философских понятий. (Некоторые вопросы теории), стр. 92.

созерцании. Между тем сложность категории конкретного в праве (как, впрочем, и любого конкретного) состоит в том, что оно имеет и другой смысл, а именно как целостное правовое явление с многочисленными определениями и отношениями.

В этой связи Ф. В. Константинов совершенно справедливо замечает: «У нас получило довольно широкое распространение понимание конкретного как эмпирически данного. Отсюда и вошедшее в обиход понятие конкретных социальных исследований, связанное со сбором фактов, наблюдений путем использования статистики, анкетных опросов, интервью и т. д. и т. п. Конечно, такое понятие конкретного правомерно и должно обязательно учитываться в познании общественной жизни. Это азбука для марксиста. Но не следует забывать, что в марксизме есть и другое, более глубокое понятие конкретного, воспроизводимого в теории и являющегося результатом познания» [1]. Это «другое» — результат постижения истинности объекта. Как отмечает П. В. Копнин, «конкретной может быть только истина, которая постигает объект во всей полноте его свойства и закономерностей» [2].

Таким образом, данная категория имеет двоякий смысл. Во-первых, как первоначальное представление о конкретном правовом явлении, выступающем на поверхности правовой действительности. С такого именно конкретного и начинается любое юридическое исследование. Во-вторых, как результат постижения мышлением конкретных правовых явлений в единстве их многообразия. Этим, собственно, и заканчивается определенный цикл процесса восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании права.

Имея в виду второй смысл понятия конкретного в праве, проследим его соотношение с юридической абстракцией в процессе познания.

Процесс познания права, как было отмечено выше, не останавливается на образовании юридических абстракций. Они поэтому отнюдь не итог и не самоцель,

---

[1] *Ф. В. Константинов.* В. И. Ленин о конкретно-историческом подходе в историческом материализме. — «Вопросы философии», 1970, № 4, стр. 17.

[2] *П. В. Копнин.* Введение в марксистскую гносеологию, стр. 146.

а лишь этап в мысленном воспроизведении конкретных явлений правовой действительности. Поскольку всякая юридическая абстракция представляет собой обобщение определенных сторон или отдельных признаков конкретных правовых явлений, постольку она не только не совпадает, но и противоречит каждому отдельному правовому явлению как целому. Задача познания в том и состоит, чтобы преодолеть, снять это противоречие, что и достигается путем восхождения от абстрактного к конкретному. Но прежде чем говорить о том, каким образом снимается это противоречие, необходимо обнаружить, в чем оно проявляется.

Движением мышления от конкретного к абстрактному обнаруживается сущность соответствующих правовых явлений в «чистом» виде, без учета конкретного своеобразия каждого отдельного правового явления. И именно в силу этого обстоятельства конкретное в праве всегда противоречит юридической абстракции. Кроме того, каждое конкретное правовое явление постоянно развивается, обрастая новыми признаками, чертами, свойствами. Через определенный отрезок времени мышление вновь возвращается к тем конкретным правовым явлениям, которые в процессе своего развития претерпели известные изменения и в силу этого могут уже не соответствовать их первоначальному обобщению в юридической абстракции. К. Маркс неоднократно обращал внимание на существование противоречия «между общим законом и более развитыми конкретными отношениями...» [1]. Естественна поэтому потребность изменения и самой ранее сформулированной абстракции. И это постоянно возникающее несоответствие юридической абстракции развитию конкретных правовых явлений и составляет противоречие между ними. Данные противоречия, если они не преодолеваются, могут привести, с одной стороны, к отвлечению юридической абстракции от конкретной правовой действительности, а с другой — к накоплению лишь известной суммы знаний о конкретном в праве на эмпирическом уровне, не связанной с юридической абстракцией [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 85.

[2] Эта опасность становится вполне реальной, например, в тех случаях применения конкретно-социологических методов в юриди-

Учитывая высказанные соображения, можно теперь перейти к непосредственному рассмотрению механизма восхождения от абстрактного к конкретному в юридическом исследовании. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что в познании отсутствует прямой переход от абстрактного к конкретному, что этот путь исключительно трудный, сложный, требующий большого опыта и тонкого исследовательского мастерства. Отправляясь от юридической абстракции как результата обобщения конкретных правовых явлений, исследователь совершает огромную мыслительную работу по поиску наиболее правильных подходов к тем же явлениям, с которых начался процесс познания [1].

Проследим путь восхождения от абстрактного к конкретному в самых общих чертах (поскольку детальный анализ его и есть путь каждого специального исследования) на примере восхождения от сущности права к конкретным правовым явлениям. Сущность права как абстракция, образованная в результате обобщения конкретных проявлений правовой действительности, переходит, выражаясь Марксовым языком, в «отношения внешней жизни» через конкретные правовые нормы и далее через правоотношения и иные формы реализации данных норм. В связи с этим первоначально анализируется простейшее проявление сущности права, его клеточка — правовая норма. В итоге этого анализа каждая правовая норма, ее стороны, черты, свойства получают многочисленные определения. Так, в частности, обнаруживаются ее социально-классовая природа, содержание,

---

ческих исследованиях, когда забывают о направляющей роли общих понятий в использовании этих методов. Тогда можно первое попавшееся эмпирическое знание о правовых явлениях (не исключено — чисто случайное) принять за фундамент всего «здания» правовой действительности. В этом случае напомним, пользуясь ироническим замечанием В. И. Ленина в адрес Струве, что мелкотравчатый эмпиризм восторжествует, а закономерности развития права «исчезнут аки дым» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 53).

[1] Э. В. Ильенков в этой связи пишет: «Сводя готовые, ранее полученные абстракции в систему, теоретик всегда критически анализирует их, вновь проверяет их на фактах и тем самым как бы заново проделывает процесс восхождения от конкретного в действительности к абстрактному в мышлении» (*Э. В. Ильенков.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, стр. 114—115).

внутренняя и внешняя форма, юридическая сила и положение в правовой системе в целом, связь и отношения с другими нормами, институтами и отраслями, равно как и с другими факторами социальной жизни, и многое другое. Вслед за этим анализируются более сложные проявления сущности права — конкретное действие правовой нормы в общественной жизни. В процессе этого анализа определяются, в частности, содержание правоотношений, основания их возникновения, изменения и прекращения, составные части данных правоотношений и других форм реализации правовой нормы, механизм и эффективность их регулирующей роли и т. д. и т. п.[1]

В этом сложнейшем движении мышления от абстрактного к конкретному особая роль принадлежит категориям материалистической диалектики как узловым пунктам, моментам, ступенькам процесса изучения правовой действительности. Восходя по этим ступенькам к конкретным проявлениям правовой действительности, исследователь достигает той ее полноты и единства в многообразии, которые и составляют конечную цель юридического познания. Последующие главы настоящей монографии и посвящены подробному рассмотрению особого значения данных категорий для познания специфики права[2]. Здесь же необходимо остановиться на

---

[1] Следовательно, как справедливо отмечает Б. М. Кедров, путь (или ход) познания какого-либо объекта определяется взаимодействием двух моментов: 1) общими закономерностями движения научного познания к истине и 2) специфическими особенностями исследуемого предмета. Второй момент может вносить коррективы в первый, но не меняет коренным образом основных ступеней познания и последовательности раскрытия определенных сторон у изучаемого объекта (см. *Б. М. Кедров.* Структурные уровни материальных систем и пути их познания.— «Структурные уровни биосистем». Материалы к конференции. М., 1967, стр. 5).

[2] В статье, подготовленной сектором теории социалистического государства и права Института государства и права АН СССР, указывается, что «глубокое исследование проблем государства и права возможно лишь на основе всестороннего учета философских категорий должного и сущего, формы и содержания, свободы и необходимости, общего и особенного, сущности и явления и др. В свою очередь глубокая разработка этих и многих иных проблем в применении к государству и праву конкретизирует и тем самым обогащает философские категории.

Философские законы, категории и понятия в области государ-

тех логических средствах процесса движения познающей мысли, которые позволяют переходить от менее конкретных к более конкретным юридическим категориям. Речь идет о применении анализа и синтеза в юридическом исследовании. Посредством анализа оказывается возможным познать конкретные правовые явления, их стороны и признаки не как индифферентно стоящие друг возле друга [1], а как единое, связанное целое, т. е. вскрыть то общее, что внутренне объединяет многообразные проявления конкретной правовой действительности.

Однако обнаружение единства, существенной общности различных правовых явлений, далеко еще не завершает процесс познания. С помощью анализа целостная правовая действительность распадается на ее составные части — нормы права, правоотношения, юридические факты и т. д., каждая из которых сама по себе является юридической абстракцией. Их знание хотя и необходимо, но пока не воспроизводит правовой действительности во всей ее полноте и противоречивости, не вскрывает главного — конкретного способа соединения этих частей, сочетания в единстве противоположных тенденций их развития, от чего в первую очередь зависит природа изучаемой правовой системы. Эта цель достигается в результате сложных процессов работы мышления по синтезированию ранее полученных данных.

Посредством синтеза конкретные правовые явления не просто воспроизводятся в их многоразличных формах [2]; последние выводятся из образованной путем ана-

---

ства и права проявляются подчас весьма специфически. Эта специфика составляет специальную философскую область государствоведения и правоведения, в границах которой возможны самостоятельность и инициатива, благодаря чему общая теория государства и права будет вносить свой вклад в систему философских знаний и преобразование окружающей нас социальной действительности» (см. «Научные исследования в области теории Советского государства и права». — «Советское государство и право», 1970, № 12, стр. 13).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 525.

[2] П. В. Копнин пишет: «...синтез не просто соединяет результаты анализа, воспроизводя то, что было до анализа. В таком случае и аналитический и следующий за ним синтетический процессы были бы излишними» (*П. В. Копнин*. Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969, стр. 300).

лиза юридической абстракции как из своей общей основы [1].

Синтез конкретизирует общее, благодаря чему отдельные проявления правовой действительности оказываются едиными в своем многообразии. Но этим роль синтеза не исчерпывается. С его помощью определенным способом объединяются, сочетаются в единстве противоположные тенденции в развитии конкретных правовых явлений.

Однако было бы неверным рассматривать анализ и синтез как независимые друг от друга способы юридического исследования. Одним из элементов диалектики В. И. Ленин считал как раз «соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе» [2].

Будучи различно направленными способами подхода к познанию правовой действительности, они оказываются эффективными лишь в неразрывной связи между собой и только в единстве постигают истинную картину правового развития; они находятся между собой в постоянном взаимодействии, переходят друг в друга и переплетаются на каждом этапе познания правовой действительности. Противоречивому характеру этой действительности соответствуют и противоречивые способы ее познания: анализ, вскрывающий тождество противоположных явлений правовой действительности в их общем единстве, подготавливает «почву» для синтеза; воспроизводя же целостную правовую действительность, синтез позволяет на новом этапе познания глубже анализировать сущность правовых явлений. И это чередование, это диалектическое соотношение анализа и синтеза составляет, по образному выражению Гегеля, «алмазную сеть» [3] тождества и различия процесса познания.

Итак, посредством анализа единая правовая целостность разлагается на отдельные ее составные части, детально рассматривается каждая из них, а затем с по-

---

[1] Э. В. Ильенков пишет: «Как критический анализ понятий невозможен помимо и вне анализа фактов, так и теоретический анализ фактов невозможен, если нет понятий, через которые они могут быть выражены» (*Э. В. Ильенков.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, стр. 140).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 202.

[3] См. *Гегель.* Соч., т. II. М.— Л., 1934, стр. 17.

мощью синтеза все эти части соединяются в мышлении во всем богатстве их специфики и восстановленном целостном единстве многообразного проявления правовой действительности. Именно здесь, на завершающем этапе пути восхождения от абстрактного к конкретному в юридическом исследовании воспроизводится правовая действительность во всей ее полноте как единство общих закономерностей развития правовых явлений и многообразия конкретных форм их проявления, как синтез абстрактного и конкретного в праве. Абстрактное превращается в конкретное благодаря синтезированию, концентрации противоречий развития правовых явлений в единой, целостной картине правовой действительности. Но это отнюдь не то конкретное, которое дано нам в непосредственном созерцании и с которого начинается процесс познания любых проявлений права, а то конкретное, которое постигается лишь в итоге юридического исследования. Выражаясь Марксовым языком, «духовно конкретное»[1] суть синтез многих определений различных сторон, свойств, черт правовой действительности как «конкретной целостности», познанной в ее существенных связях. Это конкретное не только соединение различных определений, а и единство многообразного. «Конкретное потому конкретно, — указывает К. Маркс, — что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного»[2]. В отличие от многообразия конкретных проявлений права, данных в созерцании, юридически «духовно конкретное» — именно *единство* многообразного, т. е. синтезировано познанной сущностью права, красной нитью проходящей через все многообразие отдельных проявлений правовой действительности. Это объединение сущностью права всей картины правового развития и выступает «как процесс синтеза, как результат»[3] его познания.

Однако трудности восхождения к «духовно конкретному» в праве, как было отмечено ранее, обусловлены не только сложностью самого процесса анализа и синтеза, но и обнаружением тех «посредствующих звеньев»[4], через которые это восхождение осуществляется.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.
[2] Там же.
[3] См. там же.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 85.

Например, при изучении и обобщении практики реализации права нельзя, в частности, упускать из виду, что пути воздействия правовых норм на общественную жизнь весьма разнообразны и специфичны. Так, если нормы права, направленные на регулирование поведения людей в процессе производства, более непосредственно связаны с базисом и тем самым прямо воздействуют на базисные отношения, то нормы права, регулирующие поведение людей в области идеологических отношений, связаны с базисом опосредованно, нередко через длинную цепь посредствующих звеньев. Подобно тому как невозможно познать образование тех или иных норм, исходя из анализа только и единственно производственных отношений, так и исследование специфических путей обратного воздействия различных отраслей, институтов и норм права на экономический базис немыслимо без обнаружения и определения всех «звеньев» причинного ряда этого воздействия.

Едва ли можно понять и объяснить с достаточной полнотой характер обратного воздействия, скажем, тех или иных норм советского семейного или наследственного права на социалистическую экономику без подробного изучения ряда причинно связанных «звеньев», через которые это воздействие осуществляется. Следовательно, изучая механизм правового регулирования, необходимо учитывать сложность связи между причиной, следствием и результатом, определяемую степенью удаленности права от тех общественных отношений, на которые имелось в виду воздействовать правовыми средствами. И эта сложность может быть преодолена лишь при условии последовательного восхождения от одного «звена» социальных факторов к другому, третьему и т. д. — до тех пор пока взаимосвязь и взаимодействие этих факторов в процессе правового воздействия не будут полностью вскрыты, познаны, объяснены в своей причинной обусловленности и единстве. Только после этого окажется понятным результат действия права, степень его эффективности, а следовательно, будут обнаружены пути практического совершенствования правового регулирования общественных отношений и дальнейшего укрепления социалистической законности.

Итак, в общей цепи познавательного движения мысли образуются «опорные пункты», «узловые звенья» в

виде юридических понятий и определений, опираясь на которые исследование продвигается ко все более глубокому, всестороннему и конкретному познанию правовых явлений [1]. С помощью этих понятий и определений познание проникает в суть конкретного, чтобы, выражаясь гегелевским языком, «нащупать внутренний пульс и ощутить его биение также и во внешних образованиях» [2]. На этом пути восхождения к конкретным правовым явлениям каждое последующее «звено» невозможно понять без предыдущего, например юридический факт без правоотношения, правоотношение без нормы права, а правовую норму без сущности права. При этом каждое новое и более сложное юридическое понятие синтезирует в себе все предыдущие определения, связи и отношения этого явления и тем самым представляет собой то «звено», которое все ближе подводит исследователя к «духовно конкретному» выражению правовой действительности. Каждое новое «звено», опосредствуясь всеми предшествующими (и прежде всего тем, к которому оно непосредственно примыкает), несет в себе более богатое содержание, поскольку не только сохраняет в снятом виде содержание всех предшествующих «звеньев», но и прибавляет новые штрихи к картине правовой действительности, уточняет ее рисунок, обогащает ее новыми тонами красок, совершенствует ее композицию. Этот процесс перехода от одного «звена» познания к другому продолжается до тех пор, пока не завершено полное воспроизведение действительного развития права во всей его противоречивой сложности, конкретности и единстве многообразного.

Сказанное показывает, что процесс восхождения от абстрактного к конкретному отнюдь не сводится к простому «приложению» общих юридических дефиниций к отдельным проявлениям права. Воплощая в себе «богатство особенного, индивидуального, отдельного», общие философские понятия права вовсе не приобретают характера абсолютной универсальности в том смысле, что

[1] «...Повсюду абстрактное, — писал Гегель, — должно составлять начало и ту стихию, в которой и из которой развертываются особенности и богатые образы конкретного» (*Гегель.* Соч., т. VI, стр. 271).

[2] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 15.

позволяют прямолинейно, чисто логическим путем выводить особенное и единичное. К такого рода попыткам в юридических исследованиях в полной мере относятся слова К. Маркса, сказанные в адрес буржуазных экономистов, о том, что они хотят разрешить противоречие между общим законом и развитыми конкретными отношениями «не путем нахождения посредствующих звеньев, а путем прямого подведения конкретного под абстрактное и путем непосредственного приспособления конкретного к абстрактному»[1]. В. И. Ленин также указывал, что «стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины... есть опошление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом»[2].

Создавая общую научную абстракцию, мышление через ее посредство познает особенное и отдельное[3]. Высшее богатство человечества, накопленное им тысячелетиями, в том именно и состоит, что оно располагает величайшими духовными ценностями — научными абстракциями, системами научных абстракций. Но как ничтожно обесценивается это богатство, когда стремятся во что бы то ни стало низвести научную абстракцию до уровня обыденного сознания, прямо, как в зеркале, увидеть в ней лишь то конкретное, которое доступно данному сознанию.

Абстрактное создается, обогащается, развивается множеством конкретного, но оно и возвышается над ним; конкретное — источник абстрактного, его основа, содержание, преобразованное мышлением в сущность, но не есть само абстрактное. Стремление же непосредственно приспособить каждое конкретное к абстрактному, низвести абстрактное до уровня конкретного превращает богатство абстрактного в бедность отдельного конкретного и тем самым фактически бездумно растрачивает и варварски уничтожает человеческие ценности.

Общие философские понятия права могут служить инструментом проникновения в сущность изучаемого единичного правового явления лишь при условии, если

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 85.

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.

[3] Разум, писал Гегель, «порождает *всеобщее* и постигает в нем особенное» (*Гегель*. Наука логики, т. 1, стр. 78).

они применяются на основе конкретного анализа самого единичного, условий и обстоятельств его существования и развития[1]. Это положение следует, по-видимому, особенно иметь в виду тем, кто видит в общих философских понятиях права «отмычку» для непосредственного разрешения конкретных проблем отраслевых юридических наук.

Бесспорно, что без общих научных понятий правотворчества, сущности, содержания и формы права, нормы, института и отрасли права, системы права и систематики законодательства, без общих научных понятий правореализации, толкования права, его соблюдения, исполнения и применения, правоотношения, законности и правопорядка и т. д., в которых резюмируются результаты абстрагирующей работы мышления, ни одна отрасль юридической науки не может плодотворно разрабатывать вопросы своей специальной сферы знаний. Это определяется, как было показано ранее, тем, что в реальной правовой действительности объективно существуют такие специфические закономерности развития правовых явлений, такие существенные их связи и отношения, которые являются общими, присущими всем явлениям данного рода и без познания которых исключается возможность более или менее глубокого изучения предмета отраслевых юридических наук. Однако, хотя роль общих понятий и определений права огромна, они не могут заменить специальное исследование конкретных проявлений отдельных сторон, признаков, черт правовой действительности в данных условиях места и времени. Общее положение, как указывал В. И. Ленин, именно потому, что оно верно по отношению к определенному кругу явлений, слишком обще, а потому недостаточно по отношению к данному особому случаю[2]. Поэтому

[1] Г. Е. Глезерман пишет: «Такие категории исторического материализма, как общественное бытие и общественное сознание, материальные и идеологические отношения и т. д., представляют собой продолжение и конкретизацию соответствующих категорий диалектического материализма. Здесь необходима конкретизация (а не только продолжение) именно потому, что из категорий диалектического материализма, взятых в наиболее общем виде, нельзя чисто логическим путем вывести ответ на специфические вопросы познания общественной жизни» (*Г. Глезерман.* О законах общественного развития. М., 1960, стр. 11).

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 13—14.

общие понятия, общие положения и определения науки лишь в том случае будут иметь практическое значение, если они связаны с конкретностью истины. Ничего общего не имея с узкоэмпирическим рассмотрением вопросов, конкретность анализа возникающих в жизненной практике правовых вопросов является необходимым условием их правильного разрешения. Вместе с тем обнаружение в каждом отдельном случае общей закономерности, тенденции развития правовых явлений дает возможность определить конкретную цель их движения. Следовательно, если общее понятие, положение и определение права есть обобщение огромного количества конкретных фактов правовой действительности, то общие понятия, положения и определения в свою очередь должны раскрываться в единичных фактах, конкретизирующих ту или иную сторону, признак, черту правовых явлений. Именно забвение того, что общее существует лишь в отдельном, через отдельное, приводит к глубоко ошибочному мнению, согласно которому познание общих закономерностей развития правовых явлений делает излишним познание их конкретного выражения в определенных условиях места и времени или во всяком случае упрощает их изучение.

Возьмем для иллюстрации данные методологических положений проблемы правотворчества (разумеется, в их общей постановке, поскольку подробное рассмотрение этих проблем требует специальных исследований).

Процесс создания права (правотворчество) включает ряд ступеней, этапов, «звеньев» и протекает под воздействием множества факторов социальной действительности, которые в своей совокупности и диалектическом сочетании определяют сущность той или иной правовой нормы, ее содержание и форму, ее положение в системе, отрасли и институте права, ее назначение и роль в жизни общества. При всем том, что, например, нормы советского гражданского законодательства и нормы советского уголовного законодательства имеют общую основу, единую сущность и общую цель, они, несомненно, отличаются друг от друга своим конкретным содержанием, методом регулирования соответствующих общественных отношений, что обусловлено различными задачами, стоящими перед каждой группой норм данных отраслей права. Отсюда вытекает, что процесс образо-

вания норм указанных (равно как и других) отраслей права наряду с общими закономерностями имеет и свои относительно самостоятельные закономерности, которые и должны быть предметом изучения соответствующих специальных отраслей юридической науки.

Таким образом, если первый этап юридического познания позволяет определить сущность, назначение и роль права в регулировании общественных отношений, его место в общественном развитии, то второй («обратный путь») помогает вскрыть специфику права, механизм действия каждой правовой нормы, особенности правоотношений, толкования юридических актов, требований социалистической законности и т. д., тем самым способствуя более широкому социальному истолкованию права и предостерегая от правового нигилизма, недооценки правовых форм.

Названные задачи окажутся, однако, решенными лишь при условии, если каждый этап познания непосредственно связан с практикой правового развития, и в этой связи возникает вопрос о месте, значении и роли практики в познании.

Моделируя познавательный процесс, Б. М. Кедров указывает, что он имеет трехступенчатый характер (обладает трехфазным ритмом): непосредственное созерцание, анализ, синтез. «На каждой из этих трех ступеней (или фаз) познания,— пишет он,— могут складываться совершенно различные представления об одном и том же изучаемом нами предмете: сначала они могут быть весьма туманными, неясными, недифференцированными («диффузными»), так как предмет еще по сути дела не был подвергнут исследованию в собственном смысле этого слова. Затем, когда анализ начнет выделять отдельные стороны предмета, представления об этом предмете станут приобретать все более и более абстрактный характер при полном элиминировании того, что было ему присуще с самого начала,— его целостности, его конкретности. Впоследствии же, когда вступит в действие синтез, такая абстрактность начнет преодолеваться новыми представлениями все о том же предмете и в них все сильнее начнет проявляться возврат к учету его исходной конкретности, пока мы не научимся воспроизводить изучаемый предмет из его частей снова таким, каким он был нам дан с самого начала, более то-

го, пока мы не научимся, зная его законы, изменять его соответственно нашим целям»[1].

При всей общей адекватности действительному процессу познания думается, что данная модель страдает отдельными недостатками. Прежде всего представляется, что непосредственное созерцание — это не ступень или фаза познания, а первоначальная основа, исходный пункт его движения именно потому, что, как отмечает сам Б. М. Кедров, «предмет еще по сути дел не был подвергнут исследованию в собственном смысле этого слова». Но важнее то, что в предложенной модели не отражен такой важнейший компонент всякого процесса познания, как практика. Между тем, как правильно пишет об этом польский философ Тадеуш М. Ярошевский, человеческая практика не есть только то, что извне воздействует на познание (как стимул или как цель познавательной деятельности), она не есть также только критерий истинности нашего знания о мире, достигнутого познанием,— практика является существенным аспектом самого познания[2].

Признанием практики как главной основы и цели всякого познания, критерия истинности представлений об окружающем мире решается проблема «моста», преодолевая который исследователь переходит (избегая ошибок в рассуждениях) от созерцания мира к «миру вещей в себе». К. Маркс писал: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»[3].

Включение практики в процесс самого познания способствует окончательному постижению истины познаю-

---

[1] *Б. М. Кедров.* Структурные уровни материальных систем и пути их познания.— «Структурные уровни биосистем», стр. 7—8.

[2] См. *Тадеуш М. Ярошевский.* Развитие В. И. Лениным марксистского понимания практики и современность.— «Вопросы философии», 1969, № 7, стр. 25; см. *его же.* Диалектика человеческой практики в трудах В. И. Ленина. — «Философские науки», 1970, № 1, стр. 20.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 1—2.

щим субъектом [1]. В. И. Ленин писал: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику)» [2]. И далее: «...человеческое понятие эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики» [3].

При моделировании познавательного процесса не следует игнорировать практику как имманентное свойство познания прежде всего потому, что логическая «мыслительная модель» действительности в специальных исследованиях (в том числе и юридических), как известно, имеет тенденцию отходить от этой действительности. Именно поэтому на каждом этапе, ступени познания, в частности правовой действительности, необходимо на практике проверять соответствие ей юридических абстракций, дабы избежать опасности превращения «духовно конкретного» в «процесс возникновения самого конкретного» [4]. Рождаясь на почве правовой практики, юридические абстракции должны отражать потребности практики дальнейшего правового строительства и вместе с тем проверяться этой практикой, корректироваться, развиваться и совершенствоваться в связи с задачами правотворческой и правореализующей деятельности государства. «Общественная жизнь,— писал К. Маркс,— является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики» [5].

В. И. Ленин, со всей силой подчеркивая значение научных понятий, абстракций для познания, вместе с тем предостерегал от опасности их отрыва от реальной действительности. Как и всякое абстрагирование, обобщение в процессе познания правовых явлений сопро-

---

[1] Познание без практики превращает мышление в самом себе замкнутое умозрение. «В тихой обители пришедшего к самому себе и лишь в себе пребывающего мышления,— как отмечал Гегель,— умолкают интересы, движущие жизнью народов и индивидов» (*Гегель*. Наука логики, т. 1, стр. 84).

[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 183.

[3] Там же, стр. 193.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 727.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 3.

вождается возможностью отрыва этого обобщения от самой правовой действительности, что может привести к идеализму, который В. И. Ленин характеризует как *«одностороннее,* преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный... Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота... гносеологические корни идеализма» [1].

Опасность такого ухода мысли исследователя от реальной правовой действительности преодолевается путем постоянной связи сформулированных им юридических понятий с этой действительностью, проверки соответствия данных понятий практике правового строительства [2]. Отрыв юридической абстракции от реальной правовой действительности, преувеличение значения отдельных ее сторон, превращение того или иного ее элемента в абсолют будут устранены лишь при условии, если каждая ступень познания правовых явлений неразрывно связывается исследователем с практикой правотворчества и реализации права. В. И. Ленин указывал: «Единство теоретической идеи (познания) *и практики* — это NB — и это единство *именно в теории познания...»* [3] Образование подлинно научных юридических абстракций, понятий всегда связано с практикой правового строительства, стимулируется практическими потребностями господствующего класса или всего народа. В процессе же практического действия права проверяется истинность данных юридических абстракций, понятий. «Результат действия, — отмечал В. И. Ленин, — есть проверка субъективного познания и критерий **ИСТИННОСУЩЕЙ ОБЪЕКТИВНОСТИ»** [4].

Следовательно, практика не только составляет основу всякого познания, но и служит критерием истинно-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

[2] Э. В. Ильенков пишет: «...в ходе разработки теории каждый отдельный шаг, каждое отдельное обобщение... постоянно соразмеряется с показаниями практики, проверяется ими, соотносится с ней как с высшей целью теоретической деятельности» (*Э. В. Ильенков.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса, стр. 117).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 200.

[4] Там же.

ти знаний, идей и теорий, единственно научным способом проверки их правильности, фактором их дальнейшего развития. Именно поэтому, как указывал В. И. Ленин, ***практика выше (теоретического) познания,*** ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности»[1]. Вместе с тем, будучи включенной в процесс познания, практика обогащает исследование животворными соками непосредственной действительности.

Соединение познания и практики особенно отчетливо можно видеть на соотношении правотворческой и правореализующей деятельности Советского государства.

Советское правотворчество, основываясь на глубоком и всестороннем познании объективного мира, преследует цель правовыми средствами способствовать практике революционного преобразования действительности. Исполнение и применение правовых норм, созданных в результате правотворчества, вскрывают, насколько закрепленные в них положения соответствуют данным историческим условиям и практическим потребностям прогрессивного развития общественной жизни, насколько правильно эти положения отражают и целесообразно используют объективные закономерности общественного развития. Проверка жизненности правовых норм посредством практики их реализации дает возможность законодателю вскрыть ошибочность или неточность тех или иных его правовых взглядов, воплощенных в соответствующих правовых актах, и обусловливает необходимость нового, более всестороннего, тщательного и углубленного изучения тех общественных отношений, которые вызвали к жизни данные правовые нормы. На основе такого изучения определенного круга отношений законодатель изменяет, уточняет, вносит коррективы в ранее изданные им правовые акты и тем самым постоянно приводит в соответствие советское законодательство с прогрессивно развивающейся действительностью нашей жизни. Но даже и тогда, когда практическая реализация правовых норм подтверждает их правильность и целесообразность, она нередко обнаруживает неполноту сформулированных в законе (и иных правовых актах) положений, вскрывает еще не изученные или недоста-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

точно изученные стороны явлений, ставит новые проблемы, вопросы, подлежащие решению в правовых актах.

Переход от создания закона (и иных правовых актов) к практической его реализации представляет собой воплощение в жизнь правил поведения, сформулированных в нормах права, является правовым средством достижения целей коммунистического строительства и одновременно проверкой правильности положений, выработанных законодателем и закрепленных в нормах права. Вместе с тем будучи критерием правильности отражения объективной реальности и закрепления в нормах права путей целесообразного удовлетворения назревших и назревающих потребностей материальной и духовной жизни общества, реализация правовых актов является по существу продолжением познания этой реальности, необходимого для правотворчества.

Специфика развития социалистического права как права подлинно научного в том именно и состоит, что законодатель от изучения реальной действительности идет к созданию норм права и от норм права — снова к реальной действительности, в которой уже реализуются правовые нормы. Изучая эффективность правовых норм, законодатель вносит в позитивное право необходимые изменения, коррективы, уточнения и вновь обращается к проверке их значения и роли в общественной жизни и т. д. В этой диалектической связи процесса творчества правовых норм и их реализации изменяется как правотворческая, так и правореализующая деятельность Советского государства. Реализация норм права дает необходимый материал для законодателя, позволяя проверить жизненность действующих норм и добавить к ним в необходимых случаях нечто новое или исключить устаревшее. Уточненное и обогащенное законодательство вновь реализуется в общественной жизни, проверяется ею, совершенствуется и развивается. С другой стороны, осуществление норм права улучшает, повышает уровень работы государственных органов, призванных применять право к различным жизненным случаям и отношениям.

Сказанное позволяет сделать вывод, что модель познавательного процесса имеет не трехступенчатый (как полагает Б. М. Кедров), а многоступенчатый характер. Во всяком случае эту модель следует изобразить (с уче-

том несовершенства всякого моделирования) как движение от непосредственного созерцания конкретного через анализ конкретного — образование абстракций — практическую проверку абстракций — синтезирование абстракций — практическую проверку синтеза к конкретному как к единству многообразного.

Эта модель обретет еще большую адекватность действительному процессу познания, если иметь в виду, что действия, ее составляющие, осуществляются не одноактно, а многократно, во всяком случае тогда, когда сложность изучаемого объекта не поддается прямолинейному обнаружению его сущности. В этих случаях приходится вновь и вновь возвращаться к исходным и последующим моментам (ступеням, этапам или ритмам) процесса познания, проверять их правильность, убеждаться в точности действий, адекватности отражения с отражаемым, субъективного с объективным и т. д. И только в конечном итоге раскрывается истинная картина правового развития, достигнутая в результате последовательного следования по общему пути познания и применения специфических средств исследования реальных проявлений права.

СУЩНОСТЬ ПРАВА

§1. Потребности, интересы и правообразование

В условиях классового общества люди и их коллективы постоянно соприкасаются с правом — с его требованиями, запрещениями и дозволениями. Господствующий класс, организованный в государство, с помощью права устанавливает порядок, который им охраняется и защищается. Этот порядок пронизывает все основные области общественной жизни. В современную эпоху право охватывает большинство сфер человеческой жизнедеятельности, расширяет границы своего воздействия по мере усложнения общественного бытия, непосредственно сопровождая людей в их взаимоотношениях. При капитализме, как и при любой классово антагонистической формации, право служит орудием защиты частной собственности и всего социально-политического строя, в условиях которого в максимально возможной степени удовлетворяются потребности и интересы господствующего класса и осуществляется эксплуатация трудящихся.

Право социалистического общества служит интересам народа, строительству социализма и коммунизма, охране революционных завоеваний трудящихся. Естественно поэтому, что познание права вообще и социалистического права в особенности необходимое условие его

использования в интересах народа, рационального функционирования и прогресса общественной системы социализма, обеспечения нормального существования, деятельности и всестороннего развития членов социалистического общества.

Именно столь значительная роль права в жизни личности и общества издавна направляет усилия научной мысли на определение его сущности. Но, увы, не всегда эти усилия оказывались плодотворными. Как известно, попытки буржуазных теоретиков определить действительную сущность права до сих пор не увенчались успехом. Это вынуждены признать и сами буржуазные правоведы. Так, западногерманский юрист К. А. Емге пишет: «Еще Кант сожалел о том, что юристы все еще ищут определение права. Полтора столетия философско-правовой дискуссии не облегчили решение задачи об определении права» [1]. Итальянский юрист Г. Д. Веккио также отмечает, что эти слова Канта и ныне не утратили своего значения, что «неоднократные исследования, проведенные до сих пор по этому вопросу, еще не привели к такому результату, который пользовался бы общим признанием» [2].

Этот вывод отнюдь не случаен. Рассматривая право в отрыве от материальных условий жизни общества, классовой борьбы и международной обстановки, буржуазное правоведение выводит его из мистического «духа», «абсолютной идеи» или «вечной справедливости», потустороннего «разума» или «основной нормы», мнимой «социальной солидарности» или «фактического порядка жизни» и т. д. и т. п., опираясь при этом на свою собственную интуицию, предчувствия, откровения.

Критика буржуазных теорий сущности права дана в многочисленных работах советских и зарубежных авторов социалистических стран. Значительно в меньшей степени в литературе подвергнут критическому анализу процесс правообразования в произведениях буржуазных авторов. Между тем именно здесь закладывается извра-

[1] *Carl August Emge.* Recht und Psychologie. Gedanken über ihre Beziehung.— «Akademie der Wissenschaften und Literatur. Abhandlungen der Geistes und sozialwissenschaftlichen Klasse», 1954, N 1, S. 3.

[2] *Giorgi Del Vecchio.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Basel, 1951, S. 336.

щенный теоретический фундамент для завуалирования классово-волевой сущности права и оправдания нарушений законности, культивирования режима беззакония и произвола в эпоху империализма. Поэтому представляется оправданным подробно остановиться на рассмотрении основных произведений буржуазных правоведов, посвященных данной теме.

Среди современных юридических работ буржуазных авторов, специально посвященных логическому осмыслению процесса правообразования, наиболее фундаментальной является книга Г. Синцгеймера «Теория законодательства», в которой на основе философии прагматизма предпринята попытка объяснить природу правотворчества.

Г. Синцгеймер прежде всего объявляет положение К. Маркса о том, что общественное бытие определяет общественное сознание людей, не соответствующим действительности. «Не общественное бытие, — пишет он, — определяет сознание, а сознание определяет общественное бытие» [1]. Впрочем, для теории и практики правотворчества, по заявлению автора, важно знать не то, что такое общественная жизнь, «даже если бы это возможно было», а то, какое она имеет значение для интересов законодателя. Однако очевидно, что определить значение общественной жизни для интересов законодателя возможно лишь при условии познания самой общественной жизни, познания, которое вопреки мнению Г. Синцгеймера не только возможно, но и уже осуществлено марксизмом-ленинизмом.

Отрицая это познание, Г. Синцгеймер считает, что основой мироздания «является духовная структура человека, в которой содержится общественная структура». Человек обладает «свободным духом», который отнюдь не является продуктом опыта, а, наоборот, сам нечто вносит в опыт и порождает не различные, а одни и те же идеи, изменяющиеся лишь в конкретном своем выражении [2]. Эти-то идеи и являются «идеаль-

---

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung. Die Idee der Evolution in Recht. H. D. Willink. New York, 1948, S. 7.

[2] Здесь Г. Синцгеймер буквально повторяет Ф. Ницше и Н. Гартмана (*Friedrich Nietzsche.* Einleitung in das Studium der platonischen Dialoge. Werke, Bd 19, S. 235 ff, 268; *Nicolai Hartmann.* Das Problem des geistigen Seins, 1933, S. 257—258.

ными ценностями», факторами общественного движения, даже причиной самого человека. Оказывается, человек есть не что иное, как «идея человека, от которой он производится».

Здесь, таким образом, мы имеем дело с обыкновенным, далеко не оригинальным идеализмом, известным в истории философии еще со времен Платона. Этот идеализм, как известно, уже давно был опровергнут, что, однако, не смущает Г. Синцгеймера, который в «идеальных ценностях» усматривает один из основных вопросов теории правотворчества. «Идеальные ценности» превращаются в действительность через посредство человека, который «составляет мост между ценностью и действительностью». Из созданной же человеком на основе «идеальных ценностей» действительности вытекают правотворческие проблемы [1].

Действительность, рассуждает далее Г. Синцгеймер, является объективной стороной жизни, в которой существуют и действуют связанные между собой люди. «Общественная жизнь, — пишет он, — невозможна без людей, составляющих ее. Но она невозможна и без форм, связывающих их» [2]. Задача законодателя состоит в том, чтобы образовать посредством права формы жизни, которые в результате этого приобретают характер «объективного духа», существующего реально и поэтому имеющего практическое значение. Формирование общественной жизни вытекает из самой жизни и имеет своеобразные связи на различных стадиях развития.

Сказав это, Г. Синцгеймер тут же открывает заднюю двери для субъективизма, заявляя, что формы жизни изменяются в зависимости от изменений индивида. Этими изменениями определяются общественные, массовые движения, которые должны учитываться «законодательным мышлением». В процессе общественного движения возникает противоречие между старыми формами и новыми потребностями людей. Заинтересованные в старых формах люди борются за их сохранение, «даже если при этом подавляется жизнь других». Борьба между враждебными группировками приобретает организованный, рационально управляемый характер,

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 10, 11.
[2] Там же, стр. 19.

исходит из единства «чувства, мышления и действия» каждой группировки. Поэтому ничего общего с действительностью не имеют, по словам Г. Синцгеймера, «гармония» общественных интересов, проповедуемая либеральными учениями, «основные формы управления», осуществляемые мифической властью истории, как учит историческая школа права, «развитие идей», как указывает Гегель [1].

Разделавшись с указанными теориями, Г. Синцгеймер принимается за «критику» марксистского учения. Начинает он с утверждения о том, что действительность характеризуется противоположностями, которые ставят под угрозу единство мира. Это особенно пугает Г. Синцгеймера, в связи с чем он и спрашивает: каким образом возможно разрешить существующее противоречие? При этом указывается на то, что имеется лишь одна теория, которая принципиально ставит этот вопрос, — это марксистская материалистическая теория, имеющая, как вынужден признать автор, выдающееся значение в воздействии на массы, на общественное движение.

Однако, не обременяя себя трудом сколько-нибудь серьезно разобраться в этой теории и объявляя ее спорной, Г. Синцгеймер считает, что для правотворчества представляет «интерес» лишь вопрос: закономерна ли необходимость замены капиталистической собственности собственностью социалистической? Отвечая на этот «жгучий» и ненавистный для частных собственников вопрос, Г. Синцгеймер заявляет, что марксистская материалистическая теория была бы правильной, если бы социальная причинность являлась причинностью вещей, а не причинностью людей. Между тем, изворачивается автор, обе эти причинности совершенно разные, причем воля человека является не определяемой ими, а определяющей любую из этих причинностей. «Человек, — пишет он, — не зависит лишь от внешних влияний экономического или иного рода факторов». Более того, воля человека хотя и испытывает на себе какое-то экономическое влияние, но вытекает «лишь из внутренней целеустремленности самого человека». Поэтому материалистическое понятие свободы как познанной не-

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 26, 31.

обходимости является, по утверждению Г. Синцгеймера, ошибочным.

Для «обоснования» своего тезиса автор извращает истинный смысл учения Маркса и Энгельса о свободе. Согласно этому учению, фальсифицирует он, человеческое действие является продуктом принудительно установленной необходимостью цели; поэтому марксистское учение отрицает будто бы свободное, творческое действие человека, поскольку последний, будучи зависимым от необходимости, не может иметь собственную «индивидуальную» свободу, собственную цель.

Более того, если верить этому фальсификатору, марксистское учение в дальнейшем испытывает существенное «разрыхление», оказывается непоследовательным, ибо соотношение между необходимостью и свободой «кончается в определенном пункте», а именно тогда, когда установлен новый социальный порядок [1].

Однако, как известно, марксистская диалектика ничего подобного не утверждает и утверждать не может. Такие заявления понадобились Г. Синцгеймеру для того, чтобы, во-первых, уйти от прямого ответа на вопрос о закономерной необходимости замены капиталистической собственности социалистической (автор, сам выдвинув этот вопрос, так на него и не ответил) и, во-вторых, представить марксизм, вскрывший реальные пути ликвидации капиталистической собственности и достижения свободы для всех трудящихся, утопией, якобы не имеющей значения для правотворчества.

Так легко «разгромив» марксизм, Г. Синцгеймер переходит к рассмотрению «функций законодательного творчества», к рассмотрению значения правотворчества для решения социальных проблем.

Начиная этот раздел своего труда, Г. Синцгеймер с нескрываемой тревогой пишет: «Мы живем в эру тягчайших потрясений... Мы находимся у переходной грани новой эпохи. На этой грани наши взоры, полные напряжения и ожидания, устремлены на законодателя...» [2] Может ли законодатель предотвратить революцию — вот что главным образом интересует Г. Синцгеймера.

---

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 32, 35, 36, 37—44.

[2] Там же, стр. 46.

«Решению» этого вопроса и посвящены его дальнейшие рассуждения.

Прежде всего автор указывает, что общественное движение преследует цель образовать вместо старых, изживших себя форм новые формы человеческой жизни, «которые соответствуют этой жизни». Поэтому, чтобы не допустить «катастрофы», «кризиса жизни», нужно создать новые «ценности», отвечающие новым потребностям.

Буржуазия, по мнению Г. Синцгеймера, достигла экономической свободы, совершила реформы общественной жизни и тем самым создала новые политические, правовые и духовные ценности. Однако идеи свободы, равенства и братства в дальнейшем ходе социального развития родили новое движение — освободительное движение «четвертого сословия».

«Социализм... — пишет Г. Синцгеймер, — возник как последствие буржуазной идеологии против буржуазных интересов» [1]. Для того чтобы нарушенная гармония общества была восстановлена, автор предлагает: «Если происходят угрожающие потрясения общественной жизни... то ее сохранение зависит от того, чтобы возбудились силы, способные обеспечить ее дальнейшее существование. Условием того, чтобы такое обеспечение удалось, является необходимость возникновения новых форм жизни, которые соответствуют новому содержанию жизни. Поэтому образование новых социальных форм в случае таких потрясений является жизненным вопросом социального целого» [2]. Функцией правотворчества и является создание форм, «ценностей», с помощью которых окажется возможным предотвратить революцию масс. Г. Синцгеймер недоволен буржуазной правовой наукой, которая, по его словам, не подчеркивает активности законодателя, способного создать такие «ценности», и поэтому задачу своего исследования он, в частности, видит в том, чтобы помочь буржуазному законодателю в достижении этой цели.

Законодатель, говорит автор, в процессе творчества правового акта должен предвидеть будущее и на этой основе установить «ценности», объединенные «в одном

---

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 51.

[2] Там же.

социальном целом»[1]. Для этого он должен прежде всего познать существующие «ценности», которые могут быть противоречивыми. Готового рецепта для решения «конфликтов ценностей» нет. Такое решение в каждом конкретном случае зависит от «свободы духа» законодателя, от его переживаний, от его «эмпирического априори», которое сопровождает процесс создания правового акта во всех его стадиях[2]. Поэтому, говорит автор, беспредметна мечта о том, что «правильность» какого-либо права безоговорочно может вытекать из «абстрактного разума» или подобной категории; она вытекает из конкретной ситуации[3].

Г. Синцгеймер указывает также, что правовое регулирование не достигнет цели, если оно, будучи даже юридически «элегантным», не обладает силой, не обеспечено соответствующими гарантиями, могуществом государства. Лишь при наличии сильной собственной воли законодателя, способной «даже к уничтожению ценностей», можно будет ликвидировать опасность «конфликта». Таким образом, Г. Синцгеймер ратует за усиление власти буржуазии, за эффективное подавление государством прогрессивной борьбы трудящихся против эксплуатации и угнетения, за наступление реакции на жизненные права и интересы народных масс. Панический страх перед революцией трудящихся заставляет Г. Синцгеймера забыть даже о том, что именно гитлеровская «сильная воля» и фашистское «могущественное государство» явились причиной его собственных бедствий, как об этом свидетельствует в предисловии к рассматриваемой книге ее редактор[4].

Значительную часть своей работы Г. Синцгеймер посвящает «критике законодательного разума». Пыта-

---

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 63.

[2] Там же.

[3] Здесь Г. Синцгеймер буквально повторяет В. Джемса (*William James.* Pragmatism, 1910, S. 290).

[4] См. предисловие И. Фалькоффа к книге Г. Синцгеймера там же, стр. IX—XI. Впрочем, в западногерманской юридической литературе в последние годы все чаще раздаются голоса, утверждающие, будто бы в фашистской Германии законы «определяли» отнюдь не Гитлер и даже не национал-социалистическая партия, а «квалифицированные специалисты, чиновники старой школы» (см., например, *Ernst Pabst.* Wer «bestimmte» die Gesetze in Dritten Reich? — «Die Offentliche Verwaltung», September 1954, H. 18, S. 550—552).

ясь в обычном прагматистском духе «превзойти» идеализм (субъективный и объективный) и реализм (материализм), «объединить» их, автор заявляет, что «законодательный дух не может иметь места ни в чистом идеализме, ни в чистом реализме», что «исходной точкой критики законодательного разума может быть только синтез между материалистическим и идеалистическим пониманием истории».

Как известно, этот прием отнюдь не новый, такого рода попытки «объединения» идеализма с материализмом и заигрывания с последним, особенно в наше время, когда марксистская материалистическая философия завоевывает все более широкие народные массы, являются характерными для различных направлений, школ и школок современной буржуазной философии, правоведения и других общественных дисциплин.

Однако вернемся к Г. Синцгеймеру. Исторически развивающаяся действительность, продолжает он, порождает новые интересы и волевые состояния, которые не находят удовлетворения в «существующей действительности» и поэтому стремятся к новой, «истинной действительности». Эти интересы и волевые состояния не могут быть «охвачены внешними ситуациями», они коренятся в «инстинктах» человека, действующего в общественной жизни. Следовательно, не сознательные действия человека, а его внутренние инстинкты являются, по выражению автора, «эффективными значениями» общественной жизни, в том числе и «эффективными значениями» правотворчества.

Задача законодателя состоит в том, чтобы объединить различные инстинкты и порождаемые ими интересы и на этой основе указать эффективный путь для общества в целом, «если о нормальном ходе развития социальной жизни не может быть и речи и если этого требует обеспечение общественной жизни»[1]. На этой основе Г. Синцгеймер критикует буржуазное правотворчество и призывает законодателя срочно использовать имеющиеся возможности. Каковы же эти «возможности»?

Касаясь, например, капиталистического хозяйства, автор настоятельно требует незамедлительного преобра-

[1] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 87.

зования руководства им. Руководство хозяйством должно принадлежать не отдельным предпринимателям, а коллективу предпринимателей, который будет обладать не только большей дальновидностью, но и большими материальными средствами[1]. «Законодательный дух» должен быть «свободен» от интересов отдельных предпринимателей. И в этом Г. Синцгеймер не оригинален, ибо повторяет давно известные идеи государственно-монополистического капитализма, которые, кстати говоря, с истинным коллективизмом ничего общего не имеют и иметь, конечно, не могут[2].

Г. Синцгеймер заботится не только о «преобразовании» капиталистического хозяйства с помощью права. Он призывает законодателя «воспитывать» гармонию общественного сознания, указывая при этом, что социалистическая правовая идея именно потому и является могущественной силой, что стала достоянием широких народных масс. «Законодательный дух» должен предписывать собственный путь социального развития[3]. «Только таким путем, — заключает Г. Синцгеймер, — мы достигнем того, что совершенно противоположные точки зрения не будут, как до сих пор, руководить теорией и практикой...»[4].

Проведенный анализ книги Г. Синцгеймера показывает, что она является своеобразной энциклопедией современного субъективного идеализма, агностицизма и релятивизма. Попытка автора на основе эклектического объединения различных идеалистических философских,

---

[1] Здесь Г. Синцгеймер повторяет предложения буржуазных экономистов (см., например, *Rudolf Goldscheid.* Staatssozialismus oder Staatskapitalismus, 4.u.5. Aufl., 1917, S. 181; *Walter Rathenau.* Von kommenden Dingen, Gesammelte Schriften, 1918, S. 100; см. также и более поздние работы буржуазных экономистов, например: *H. Wells.* Monopoly and Social Control. Washington, 1952, p. 110; *A. Stegner.* Die Überwindung des Kollektivismus. Göttingen, 1953, S. 253; *E. Bower.* The Cooperative Road to Abundance. The Alternative to Monopalism and Communism. New York, 1953, p. 9, 58, 77, 147).

[2] Кстати заметим, что точно за такой же «коллективизм» ратует и философ-прагматист Сидней Хук (*Sidney Hook.* Der Held der Geschichte. Eine Untersuchung seiner Grenzen und Möglichkeiten. Nürnberg, 1951, S. 276—280).

[3] См. также *H. Sinzheimer.* Das Transformationsproblem in der Soziologie des Rechts.— «Strijdenskracht door Wetensmacht», 1938.

[4] *Hugo Sinzheimer.* Theorie der Gesetzgebung, S. 94.

экономических и психологических учений выработать некую новую теорию правотворчества и противопоставить ее марксистско-ленинской теории не только не увенчалась успехом, но и явилась еще одним убедительным примером, свидетельствующим о банкротстве современной буржуазной правовой мысли.

Но если Г. Синцгеймер все же пытается создать видимость более или менее «цельной теории правотворчества», то большинство современных буржуазных теоретиков права, окончательно запутавшись в исследовании процесса правообразования, отказались от таких попыток, объявив эту проблему не юридической, «метаюридической» или вообще непознаваемой. Г. Кельзен, например, утверждает: «Факт возникновения права лежит за пределами юридического познания» [1].

В связи с этим некоторые современные буржуазные авторы ограничиваются лишь указанием на то, что процесс правотворчества — это процесс приближения к воле бога или «чистой идеи права». Так, Г. Долле пишет: «Будучи установленным правом, закон является ступенью на пути приближения к чистой идее права, вспомогательным средством для тех, кто стоит в пределах правовой жизни и призван осуществлять право» [2].

Но такая постановка вопроса легко позволяет заключить, что если «установленное право» противоречит «чистой идее права», то это «вспомогательное средство» является негодным и им следовало бы пренебречь, заменить более справедливым правом. Такой вывод, однако, вряд ли был бы полезен буржуазии. Поэтому буржуазная правовая теория стремится как-то свести концы с концами. В частности, В. Эбель рассуждает так: «Без сомнения, имеется право, которое не является законом. Во всяком случае имеется такое право, которое не является правом государства. Поэтому и возникает принципиальный вопрос, можно ли вообще создавать, творить право или можно лишь его устанавливать. Так или иначе, но в адрес законодателя всегда направляется этическое требование о том, что закон должен соответствовать идее права, справедливости или по возмож-

[1] *H. Kelsen.* Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911, S. 334. Р. Паунд также считает, что «действительная цель и задачи права не познаваемы».

[2] *Hans Dölle.* Vom Stil der Rechtssprache. Tübingen, 1949, S. 10.

ности приближаться к ней. Но если закон и не выполняет этой задачи, он должен оставаться обязательной нормой...»[1]

Почему же закон, тем более если он несправедлив, «должен оставаться обязательной нормой»? На этот вопрос В. Эбель отвечает следующим образом. Приказание законодателя «может служить исполнению права, требовать его выполнения. Как исполнительное приказание, оно может касаться отдельного, конкретного случая (распоряжение) или как постановление может служить исполнению права для множества однородных случаев... Тем самым,— продолжает автор,— создается контакт между правом и приказанием, который скоро может привести к тому, что приказание более не будет представлять собой исполнение, а явится пополнением и дополнением права и таким образом займет место права». Именно поэтому приказание законодателя в независимости от того, «называется ли оно постановлением, мандатом, эдиктом или законом», должно быть «для всех подданных обязательным правом». При этом, заключает автор, не имеет значения, участвовали ли подданные в «составлении» закона или нет, творили ли право как справедливость или не имели отношения к такому творчеству[2].

Иначе говоря, «чистая идея права» дает возможность законодателю устанавливать любые «исполнительные приказы», которые в силу этого обязательны для подданных. В. Эбель, по-видимому, полагает, что его рассуждения помогают определить «контакт» между «вечным правом» и правом, установленным законодателем. Странно, однако, что он не замечает внутренней противоречивости данной конструкции, которая сама отвергает свою же основу. Если «чистая идея права», воплощая в себе справедливость, позволяет законодателю издавать несправедливые «исполнительные приказы», то тем самым она отрицает саму себя как справедливость. Совокупность таких «исполнительных приказов» займет «скоро» место права (тем более что «подданные» фактически совершенно отстранены от

[1] *Wilhelm Ebel.* Geschichte der Gesetzgebung in Deutschland Eine staatsbürgerliche Einführung. Hannover, 1956, S. 6.

[2] См. там же, стр. 23, 24.

творчества «права как справедливости») и тем самым из «справедливой чистой идеи права» сделает (точнее, уже сделало) несправедливое позитивное право. Не фактическая ли несправедливость действующего буржуазного законодательства заставляет В. Эбеля мириться с явной непоследовательностью, противоречивостью, искусственностью в своих рассуждениях? Увы, она необходима ему, как и многим другим буржуазным авторам, не только для того, чтобы замаскировать вопиющую несправедливость буржуазного законодательства, но и для того, чтобы «обосновать» фактическое отстранение народных масс от правотворческого процесса.

«Преимущества» так называемого юридического правотворчества в сравнении с «народным правотворчеством», как известно, обосновывались еще в прошлом столетии, но и в наше время эти «преимущества» пропагандируются особенно усердно. Например, Г. Трипель пишет: «В современном обществе связь между народом и его правом, равно как и уважение к праву, значительно ослабели. Первое связано... с незнакомством профана с правом, второе — с большим развращением, которое является печальной особенностью последних столетий. Ослабление связи между правом и народом... объясняется главным образом тем, что законы стали непонятными народу, даже там, где... обратили внимание на общедоступное изложение текста законов. Малое уважение к праву выражается прежде всего в легкомысленном нарушении норм, защищенных уголовными законами, и в удивительно недостаточном неодобрении таких нарушений со стороны общественности».

В чем же усматривает автор выход из создавшегося положения? Оказывается, необходимо прежде всего избавиться от «народного правотворчества». Нельзя не видеть, говорит автор, разницу между народным правом, «если оно дается непосредственно «народом», т. е. людьми, не обученными в области «правовой техники», и юридическим правом, которое «дается юристами, сращенными вследствие учения и профессии в плотное сословие». Впрочем, как признает автор, уже «много тысячелетий нет господства народного права. Даже там, где законы издаются «народным представительством», эти законы в конечном счете определяют правительственные юристы, составляющие проект закона, и юрис-

ты, заседающие в комиссиях парламента и на заседаниях парламента» [1].

Еще дальше идет Г. Яррейс. Свои рассуждения он начинает с утверждения о том, что, «прежде чем человек сможет выступить как «законодатель» и прежде чем он сможет «принять законы», должен уже существовать социальный порядок, от которого он получает данное полномочие» [2]. Отвечая на вопрос, что такое социальный порядок, Г. Яррейс указывает: «В общении между людьми никогда не бывает двух совершенно одинаковых положений. Однако многие положения настолько похожи друг на друга, что никто из нас не сомневается в том, что они одинаковы. Только это обстоятельство делает возможным то, что мы живем среди людей довольно беззаботно, довольно спокойно, без постоянного страха перед неожиданностями и загадками... позволяет каждому из нас заранее позаботиться об обращении с окружающим миром, составить планы, предотвратить трудности, пользоваться случаем... Каждый из нас... наблюдая за сознательным поведением определенного человека, устанавливает, что он в одинаковых социальных положениях ведет себя одинаково. Чем чаще он ведет себя так, тем с большей вероятностью я считаю... что он в будущем в таких же положениях поведет себя также. Я знаю его «нормальное поведение, знаю «норму» его обращения с другими людьми в определенных положениях» [3]. «Таким образом, социальные нормы являются фразами о до сих пор одинаковом и в будущем, вероятно, таком же сознательном поведении определенных людей в определенных положениях совместной жизни» [4]. Это именно обстоятельство и образует «социальный порядок». Поэтому, приходит к выводу автор, принятие законов «не является естественно необходимым для совместной жизни людей; социальный порядок возможен и без законодательствования» [5].

---

[1] *Heinrich Triepel.* Vom Stil des Rechts. Heidelberg, 1947, S. 89, 110—111.

[2] *Hermann Jahrreiss.* Grösse und Not der Gesetzgebung. Bremen, 1953, S. 9.

[3] Там же, стр. 10.

[4] Там же, стр. 13.

[5] Там же, стр. 17.

Чем же объяснить в таком случае все увеличивающийся поток вновь создаваемых законов? Оказывается, тем, что они необходимы для охраны социального порядка в изложенном смысле. Существованию и свободе людей и общества угрожают какие-то темные силы. Люди «хотят быть защищены» от «тысячи бедствий». Гражданин «будто бы кричит: «ты, государство... сохрани меня, хотя бы и за счет ограничения свободы, от опасности природы и от давления человека, от давления чужого господства или внегосударственных держав»» [1].

Создав эту столь же фальшивую, сколь и мрачную картину, автор, однако, опасается, что недостатки действующего законодательства, выражающиеся прежде всего в бесконечном множестве предписаний, мешают выполнению государством указанной задачи. В связи с этим, заботясь о «величии» законодательства и призывая освободить его от необходимости регулировать множество жизненных отношений, Яррейс пишет: «Не существует ли у нас иногда неоправданная общая неуверенность или даже недоверие по отношению к нашему лояльному и опытному профессиональному чиновничеству, которое является лучшим в мире? Не уступаем ли мы иногда суеверию, думая, что все следует решать законами, поскольку ими можно решить практически все?» [2]

Спекулируя неустойчивостью жизненного положения населения, его страхом перед завтрашним днем, Яррейс с откровенным цинизмом заключает: «И если вообще что-нибудь может их защитить, то это может быть только всемогущее государство со своим законодательством, государство, которое существовало уже до этого и которое будет существовать в будущем. Вследствие этого мне кажется: пока этот страх, пока это стремление к безопасности занимают первое место среди других мотивов, будет трудно... уменьшить внешнее величие законодательства нашего времени и обнаружить путь к истинному, внутреннему величию законодательства. В этом заключается наш большой недостаток, недостаток права» [3].

---

[1] *Hermann Jahrreiss.* Grösse und Not der Gesetzgebung, S. 45—46.
[2] Там же, стр. 52.
[3] Там же, стр. 55.

В итоге критического анализа современных буржуазных теорий правотворчества необходимо отметить, что большинство их авторов вместо исследования действительного процесса правообразования предпочитают ограничиваться простой констатацией того, что позитивное право создается, устанавливается парламентом, правительством, судом, ведомствами и даже любым чиновником государственного аппарата. При этом в современных буржуазных теориях наблюдается явно выраженная тенденция максимально расширить круг субъектов правотворчества. Так, американский юрист Е. Джордан в книге, специально посвященной теории правотворчества, стремится доказать, что деятельность судебных органов является в такой же мере правотворческой, как и деятельность, осуществляемая законодательными органами. «Процесс правотворчества,—указывает он,— является одинаковым в любой из этих деятельностей» [1].

Джордану вторят западногерманские юристы. В частности, Герберт Крюгер считает весьма сомнительным «взгляд, что имеется только единственный законодатель, а именно государственный законодатель, и что этот единственный законодатель не терпит возле себя другого законодателя» [2]. По мнению Герберта Крюгера, «другими законодателями» являются все те, кто применяет право [3]. То же самое утверждает его однофамилец — Гильдегард Крюгер, пытаясь доказать, что вопрос о том, «является ли норма официальным законом или нет, есть вопрос правоприменения, а не правотворчества» [4].

В такого рода «доказательствах» современная буржуазная литература, как известно, не ощущает недостатка [5]. Фактически подрывая буржуазные конститу-

---

[1] *E. Jordan.* Theory of Legislation. Chicago, 1952, p. 449.

[2] *Herbert Krüger.* Staatliche Gesetzgebung und Nichtstaatliche Rechtssetzung.— «Recht der Arbeit», Juni 1957, H. 6, S. 201.

[3] Там же.

[4] *Hildegard Krüger.* Kritische Bemerkungen zur Gesetzgebungstechnik.— «Deutsches Verwaltungsblatt», Oktober 1956, H. 20, S. 711.

[5] *O. Bülow.* Gesetz und Richteramt. Leipzig, 1885, S. 3; *Carl Bilfinger.* Vom politischen und nichtpolitischen Recht in organisatorischen Kollektivverträgen. 1951, S. 618; *J. Ch. Gray.* The Nature and Sources of Law, 1938, p. 84.

ционные основы правотворчества, она вместе с тем ориентирует всех этих «законодателей» творить право отнюдь не в соответствии с потребностями объективного развития реальной действительности, а в соответствии со своими «чувствами», «переживаниями», «откровениями» и т. д.[1], основой которых является, например, «вечная» мораль[2]. Однако ссылки современных буржуазных авторов на мораль или справедливость не могут скрыть тот факт, что их рассуждения очень схожи или во всяком случае ведут к тем же выводам, к которым в свое время пришли идеологические предшественники фашизма[3].

Объективно и субъективно идеалистическое толкование правовых явлений привело буржуазных теоретиков

---

[1] См., например, *Benjamin N. Cardozo.* The Growth of the Law, Seventh Printing, 1944, p. 44—45.

[2] Так, профессор Оксфордского университета А. Гудхарт, подчеркивая важную роль морали в формировании права, пишет, что «моральное чувство является не только одной из доминирующих сил в создании действительности права, но и одной из главных основ самого существования права» (*A. Goodhart.* English Law and the Moral Law. London, 1953, p. 28).

[3] Например, Ф. Шлегельбергер (*Franz Schlegelberger.* Zur Rationalisierung der Gesetzgebung, Verlag von Franz Dahlen. Berlin, 1928), лицемерно ратуя за экономию рабочей силы в процессе правотворчества, усиленно призывал устранить «лишнюю энергию» многих участников этого процесса. Усилия большого количества участников правотворческого процесса, будучи несовершенными, создают излишние трудности, ибо «каждая бесполезная работа препятствует полезной работе или тормозит ее», а «каждая плохая работа вновь порождает новую работу» (S. 8, 9). Для того же, чтобы «немецкий народ жил лучше и дешевле» (S. 9), Ф. Шлегельбергер предлагал осуществить «рационализацию законодательства». Эта «рационализация» сводится к необходимости, во-первых, упразднить парламент, который «препятствует выполнению действительно важных задач» и «парализует деятельность ведомств» (S. 11—12); во-вторых, проводить последовательно принцип независимости суда от законодательства, а также «от мнения массы» (S. 16); в-третьих, ограничить резко «объем законодательства» (S. 18); в-четвертых, привлечь к правотворческой деятельности не «представителей хозяйства», а непосредственно «руководящий состав торговли, промышленности и земледелия», поскольку «парламентское обсуждение проблемы в составе более 30 лиц не может заменить строго деловое совещание в узком кругу лиц» (S. 20); в-пятых, сосредоточить в руках министерства юстиции руководство не только «отправлением правосудия», но и осуществлением правотворчества (S. 26). «Рационализация законодательства, — заключает автор, — это предпосылка для возобновления права. Проблему можно решить без всякой финансовой загрузки и

к отмеченным спекулятивным конструкциям правообразования и сущности права, тайну которых разоблачили К. Маркс и Ф. Энгельс. Сорвав идеалистическое покрывало с многочисленных буржуазных юридических теорий, они писали: «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»[1].

Это указание основоположников научного коммунизма, вскрывающее классовую природу буржуазного права, дает ключ к пониманию классовой сущности любой правовой системы.

Признав данное положение исходным, советская юридическая (равно как и философская) литература анализирует другие свойства и признаки сущности права и явно недостаточно раскрывает именно это классово-волевое его свойство[2]. Между тем вполне естественно возникает вопрос, почему же именно воля господствующего класса является основой права, главным, важнейшим, определяющим признаком его сущности. Почему нельзя сущностью права признать потребности, интересы или цели господствующего класса, общества в целом? Ответ на этот вопрос требует выяснения психологического и социального генезиса воли и ее значения в праве[3].

без политического волнения народа. Я не сомневаюсь в решении задачи, если существуют чистая и сильная воля и стремление энергично взяться за дело» (S. 28).

К каким печальным результатам привела эта «рационализация» на практике, всем хорошо известно.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 443.

[2] Даже в специально посвященной понятию права статье С. С. Алексеева классово-волевая сущность права объявляется не вызывающей «каких-либо сомнений» *(см. С. С. Алексеев.* О понятии права.— «Правоведение», 1970, № 1, стр. 20—29). Но то, что классово-волевая сущность права действительно не вызывает каких-либо сомнений, отнюдь не исключает необходимости дальнейшего, более углубленного ее познания, подобно тому, например, как это делается в данной статье в отношении нормативности права (так же, как известно, не вызывающего каких-либо сомнений).

[3] Т. Ионашку и А. М. Нашиц пишут: «...чтобы понять сущность такого сложного общественного явления, как право, необходимо раскрыть природу воли, выражаемой в юридических нормах, установить характер интересов и целей, которые удовлетворяются с помощью этих норм, определить специфические особенности содержания и воздействия права по сравнению с другими социальными нормами» *(Т. Ионашку, А. М. Нашиц.* К вопросу о сущно-

Право создается благодаря определенной деятельности людей, равно как и цель его состоит в определенном воздействии на поведение людей, регулирование их отношений между собой. Исходным же пунктом и движущим фактором любой человеческой деятельности являются потребности [1]. «Никто не может сделать что-нибудь,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...» [2]

Потребности человека (группы, коллектива или класса) являются двигательной силой его деятельности, но они не являются ни чем-то первично данным, ни последней причиной человеческой деятельности. Будучи продуктом исторического развития, они в свою очередь детерминированы, т. е. имеют свои причины, которые оказываются, таким образом, побудительными силами этих побудительных сил [3]. Исходя из той предпосылки, что источники человеческих действий следует искать в побуждениях, характерных не для отдельных личностей, а для масс, и что в этих массовых побуждениях существенными являются лишь те, которые достаточно продолжительны и стойки, марксизм приходит к выводу, что первопричиной всех человеческих действий являются те общественные отношения, в которых люди находятся в процессе производства [4].

Конечной основой деятельности людей выступает производство потому, что оно создает предметы, соответствующие потребностям, является определяющим детерминантом содержания данных потребностей, равно как

сти социалистического права.— «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве». М., 1969, стр. 303).

[1] Несмотря на столь существенное значение категории потребности, теоретически она разработана в нашей литературе недостаточно. В. Н. Колбановский отмечает: «К сожалению, научная психология еще не раскрыла сущности и объективного значения потребностей» («Вопросы философии», 1965, № 5, стр. 171). Д. А. Кикнадзе также пишет: «Потребностям еще не отведено соответствующее место в системе факторов поведения человека, еще не установлены с достоверностью конкретные закономерности возникновения и развития их социальной обусловленности, их роль в развитии индивида и общества» *(Д. А. Кикнадзе.* Потребности. Поведение. Воспитание. М., 1968, стр. 7).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 245.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 307.

[4] См. там же.

и конкретно-исторических форм их удовлетворения. «Производство...— писал К. Маркс,— создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) возбуждая в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт» [1].

Но и без потребностей, как отмечал К. Маркс, нет производства [2], которое возникает не самопроизвольно и не ради самого себя, а в целях удовлетворения потребности. Следовательно, производство и потребности едины, причем их единство носит динамический характер. «...Каждое из них,— писал К. Маркс,— выступает как средство для другого и одно опосредствуется другим, что находит свое выражение в их взаимной зависимости. Это — движение, благодаря которому они вступают в отношения друг к другу, выступают как настоятельно необходимые друг для друга...» [3]

Производство под воздействием все новых и новых потребностей постоянно развивается и совершенствуется в силу необходимости удовлетворения этих потребностей, но вместе с тем оно как «побуждение к потреблению» [4] является первопричиной их возникновения. «...Сама удовлетворенная первая потребность,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям...» [5] При этом, как отмечал В. И. Ленин, в развитии общества действует «закон возвышения потребностей...» [6].

Диалектика объективного движения в сфере материальной жизни общества в конечном счете обусловливает и все иные процессы человеческого общежития, в том числе и развитие самих людей как субъектов познания, общения и деятельности.

Все это в свою очередь является мощным фактором возникновения «опосредованных» потребностей, развития много- и разнообразных потребностей, их изменения, исчезновения и появления новых в зависимости от конкрет-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 718.
[2] См. там же.
[3] Там же, стр. 719.
[4] См. там же, стр. 718.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 27.
[6] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 101.

ных условий и обстоятельств. Каждая личность, конечно, индивидуальна в своих потребностях, обладает сугубо специфическими и часто преходящими потребностями [1], но одновременно для нее как общественного существа характерны типичные потребности. Помимо кратковременных потребностей, актуально переживаемых в данный конкретный момент, «в целостной жизни индивида» [2] образуются и более «отдаленные», более стойкие, продолжительные и стабильные потребности, в основном определяемые условиями его существования и тем местом, которое он занимает в социальной структуре общества. Именно эти потребности составляют ядро системы потребностей данной личности [3], являющееся главным стимулом линии ее поведения, жизненных устремлений, направления деятельности и т. д. Все это в свою очередь образует те или иные социальные общности людей.

Без признания и понимания этого основополагающего положения исключаются, на наш взгляд, какие-либо исследования, в частности в области социальной психологии, а сам предмет этой науки теряет свое объективное основание [4]. Не менее важное значение оно имеет и для юридической науки, ибо только при наличии объективной общности в системе потребностей индивидов, принадлежащих к господствующему классу, может возникнуть, существовать и действовать право как специфическое средство, способствующее удовлетворению их жизненно необходимых потребностей.

Система устойчивых потребностей людей, которая объединяет их в определенную социальную общность, составляет основу, но не непосредственную причину их деятельности. Подобно тому как потребности имеют свои

---

[1] При этом, как отмечал К. Маркс, *«чувство,* находящееся в плену у грубой практической потребности, обладает лишь *ограниченным* смыслом» *(К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений. М., 1956, стр. 594).

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 253.

[3] См. об этом: *М. Михайлов, А. Мотылев.* Социализм и интересы. М., 1970, стр. 6.

[4] К сожалению, это не только не постулируется в определениях предмета социальной психологии, формулируемых различными авторами, но даже не упоминается при его подробной характеристике (см. например, *Б. Д. Парыгин.* Социальная психология как наука (Вопросы истории, методологии и теории). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Л., 1967, стр. 15—17).

«двигательные силы», коренящиеся в производстве, и поэтому не являются первопричиной действий людей, так потребности не являются и причиной, непосредственно определяющей ту или иную их деятельность. Между потребностями и действиями находится длинный ряд посредствующих социально-психологических звеньев, объективных и субъективных факторов и условий, которые в своей совокупности и определяют конкретное направление, характер и специфику той или иной человеческой деятельности. Отсюда следует, в частности, что познание тех социально-психологических сил, которые создают право и его реализуют, составляет задачу дальнейшего правового исследования.

Говоря о последовательности социально-психологических процессов, приводящих членов господствующего класса к действиям по созданию права и обеспечению его реализации, необходимо прежде всего выяснить, какие именно потребности данной социальной общности людей лежат в основе этих действий.

Не всякие потребности господствующего класса становятся основой его правовой деятельности. Многие потребности отходят на задний план, их удовлетворение либо обходится без правовых средств, либо откладывается, а иногда и вовсе в силу объективных условий приглушается. Лишь некоторые, наиболее важные потребности господствующего класса, как такового, приобретают для его представителей притягательную силу, активизируют их размышления, направляют их помыслы по определенному руслу, побуждают к соответствующим правовым действиям и поведению. Этот социально-психологический процесс и составляет сущность мотивационного мышления[1] в праве, имеющего огромное научное значение.

Л. И. Петражицкий по этому поводу справедливо писал, что для психологии «важно научно-методически обоснованное решение вопроса о том, что, собственно,

---

[1] Д. Н. Узнадзе пишет: «...мотив выполняет ту роль, что он заменяет одно поведение другим, менее приемлемое более приемлемым и этим путем создает возможность определенной деятельности... Поведение становится волевым только благодаря мотиву, который так видоизменяет поведение, что последнее становится приемлемым для субъекта» (*Д. Н. Узнадзе.* Психологические исследования. М., 1966, стр. 403).

является мотивами поведения. И не только для психологии, как таковой. Создание научной теории мотивации поведения есть необходимое условие для научного построения множества других дисциплин, а именно всех тех, которые имеют дело с человеческим индивидуальным и массовым поведением. Сюда относится прежде всего целый ряд важных и ценных теоретических дисциплин (теорий): социология, теория хозяйства, теория государства, права, нравственности и т. д.» [1].

Однако создание научной теории мотивации оказалось недоступным для самого Л. И. Петражицкого, как последовательного представителя субъективного идеализма в праве. Решение этой задачи возможно лишь на основе материалистической теории марксизма-ленинизма.

Советская психологическая наука убедительно показала, что формирование побудительных сил, определяющих мотивацию поступков, действий, поведения человека, связано с его социальной сущностью, что существенные черты мотивационного процесса заложены не в индивидуальных особенностях личности, а в особенностях ее сознания как общественного существа [2]. «Мотивы человеческой деятельности,— пишет С. Л. Рубинштейн,— чрезвычайно многообразны, проистекая из различных потребностей и интересов, которые формируются у человека в процессе общественной жизни. В своих вершинных формах они основываются на осознании человеком своих моральных обязанностей, задач, которые ставит перед ним общественная жизнь...» [3]

Вскрывая развитие сознания человека в соответствии с усложнением его деятельности в социальной жизни, А. Н. Леонтьев глубже проникает в сущность мотивационного процесса, подчеркивает наиболее существенные его моменты. Он, в частности, указывает, что «термин «мотив» мы употребляем не для обозначения переживания потребности, но как означающий то объективное, в чем эта потребность конкретизируется в данных услови-

---

[1] *Л. И. Петражицкий.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1905, стр. 193.

[2] Подробно об этом см.: *П. М. Якобсон.* Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969; *К. А. Абульханова-Славская.* К проблеме социальной обусловленности психического.— «Вопросы философии», 1970, № 6.

[3] *С. Л. Рубинштейн.* Основы общей психологии. М., 1945, стр. 565.

ях и на что направляется деятельность, как на побуждающее ее»[1]. А. Н. Леонтьев далее говорит о сдвиге мотивов на цель действия[2], раскрывающего новый смысл более широкой деятельности человека. Однако думается, что мотивы приобретают «смыслообразующую силу» не в результате прямого сдвига на цель действия, а через интерес. Без интереса не может быть ни сознательного мотива, ни цели действования и деятельности вообще. Уходя своими корнями в потребности, интересы осознаются в сложном мотивационном процессе, обретают в нем целенаправленный характер и в свою очередь воздействуют на течение этого процесса, непосредственно определяют цель человеческой деятельности в общественной жизни. Это объективно происходит потому, что потребность одного индивидуума не имеет для другого эгоистического индивидуума, обладающего средствами для удовлетворения этой потребности, никакого само собой разумеющегося смысла, т. е. не находится ни в какой непосредственной связи с удовлетворением потребности, и поэтому каждый индивидуум должен создать эту связь, становясь в свою очередь звеном между чужой потребностью и предметами этой потребности. «Таким образом, *естественная необходимость, свойства человеческого существа,* в каком бы отчужденном виде они ни выступали, *интерес,* — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества»[3].

Здесь прежде всего подчеркивается объективный характер интереса, имеющий огромное значение, как будет показано в дальнейшем, для понимания, в частности, сущности права. Интерес, связывая членов гражданского общества на основе объективно существующих их общих потребностей, придает индивидуальности социальную сущность. Следовательно, категория интереса объективна в двух основных смыслах: во-первых, как продукт, результат объективных потребностей людей; во-вторых, как необходимое свойство социальной сущности лично-

[1] *А. Н. Леонтьев.* Проблемы развития психики. М., 1965, стр. 290.

[2] «Это акт отражения отношения мотива данной конкретной деятельности к мотиву деятельности более широкой, осуществляющей более широкое, более общее жизненное отношение, в которое включена данная конкретная деятельность» (*А. Н. Леонтьев.* Проблемы развития психики, стр. 300).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 134.

сти, с объективной необходимостью связывающей ее с другими членами гражданского общества.

Из этих обстоятельств, казалось бы, логично вытекает общность всех личностей, всего общества. Однако история человечества куда более сложна. Историческое развитие личности, равно как и их общностей, приводит к все большему отчуждению от общечеловеческих интересов. Этот процесс является следствием разделения труда, который порождает различные и даже противоположные интересы. «...Вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом...» [1] — отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс.

Становление общества, основанного на частной собственности, с неизбежной необходимостью влекло за собой возникновение классов и их обособление на основе классовых интересов. Поскольку же экономические отношения «каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» [2], постольку следует отыскивать «корни общественных явлений в производственных отношениях... сводить их к *интересам* определенных классов...» [3]. В классовом обществе, отмечал Г. В. Плеханов, производственные отношения естественно создают известные интересы, которые находят свое выражение в праве [4].

Основанный на капиталистической собственности, классовый интерес буржуазии, выраженный в праве, все в большей мере отчуждается от общечеловеческих интересов и приходит в противоречие с ним, отстаивая лишь свои особые, классово-ограниченные интересы. В противоположность этому в условиях социализма рабочему классу не приходится отстаивать какой-либо особый классовый интерес [5], поскольку его интерес совпадает с интересами общественного прогресса. Именно поэтому социалистическое право уже с момента установления диктатуры пролетариата выражает интересы всех трудя-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 31.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 271.
[3] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 532.
[4] См. *Г. В. Плеханов*. О материалистическом понимании истории. М., 1948, стр. 16.
[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 77.

щихся, большинства народа и, по мере становления развитого социалистического общества превращается в подлинно общенародное.

Объективное содержание интереса подчеркивается многими советскими философами и правоведами[1]. Так, Г. М. Гак пишет, что интерес — объективное явление, связанное с бытием предмета, и не сводится к сознанию и воле, что интерес общности дан объективно, как определяемый ее природой и условиями существования[2]. С. Н. Братусь также отмечает: «Классовый интерес вытекает из взаимной, зачастую не осознаваемой отдельными индивидами зависимости между ними, между классом, к которому они принадлежат, и другими классами, из той объективной роли, которую люди играют в общественном процессе производства»[3]. И отсюда делается вывод: право, будучи инструментом закрепления существующих производственных отношений, выражает экономические интересы господствующего класса[4]. Аналогичную точку зрения отстаивает и Г. В. Мальцев[5].

Однако при всей правильности положения об объективности интереса нельзя забывать и о другой его стороне — субъективной. Выше было отмечено, что потребности приобретают «смыслообразующую силу» через ин-

---

[1] Следует заметить, что проблеме интереса явно недостаточно уделяется внимания в психологической науке, а в тех сравнительно редких случаях, когда отдельные психологи касаются этой проблемы, они, как правило, сводят ее лишь к «познавательной направленности» субъекта на действительность (см., например, «Психология». М., 1956, стр. 361). По-видимому, одной из причин этого, как справедливо подметил французский марксист Л. Сэв, является то, что «до сих пор психология пыталась главным образом понять человека, исходя из животного; взрослого — из ребенка; нормального индивида — из больного; целостную систему личности — из изолированных функций; содержание данной личности — из некоторых форм деятельности. Мы считаем, что наступило время дополнить это малоплодотворное усилие реальным усилием противоположного направления» (*L. Séve.* Marxisme et théorie de la personnalité. Paris, 1969, p. 360).

[2] См. *Г. М. Гак.* Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме. — «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 19, 21.

[3] «Роль В. И. Ленина в становлении и развитии советского законодательства». М., 1969, стр. 20.

[4] См. там же, стр. 20—21.

[5] См. *Г. В. Мальцев.* Социалистическое право и свобода личности. М., 1968, стр. 93, 101.

терес, т. е. через полное понимание существа потребности и необходимости ее удовлетворения, в результате которого мотивационный процесс (пройдя стадию борьбы мотивов) приобретает четкую и определенную направленность [1]. Следовательно, интерес представляет собой то своеобразие, в котором осуществляется переход от объективного к субъективному через преодоление, выражаясь языком Гегеля, «произвола потребностей». Но реализованные потребности и интересы приводят к изменению объективного, т. е. по существу являются обратным переходом от субъективного к объективному. Отсюда вытекает единство объективного и субъективного в понятии интереса. «Интерес,— пишет В. Г. Нестеров,— явление общественное, представляющее собой единство объективного и субъективного, поскольку, с одной стороны, он имеет материальные основы (объективно существующие потребности личности, группы, класса, общества в целом), а с другой — всегда так или иначе, более или менее глубоко, правильно или неправильно отражается в сознании и оформляется в нем в виде определенных целей» [2]. Солидаризируясь с этим положением, А. Г. Здравомыслов его развивает и конкретизирует: «Соотношение объективного и субъективного в интересе выступает двояким образом. С одной стороны, это переход объективного в субъективное, так как всякий интерес имеет определенную основу в окружающих обстоятельствах. С другой стороны, это переход субъективного в объективное, так как интерес есть мотив деятельности, благодаря которому претворяются в действительность субъективные цели, желания, намерения и т. д. ... С одной стороны, интерес субъекта существует объективно по отношению к его воле и сознанию. Это подтверждается, в частности, тем, что всякий субъект может действовать вопреки своим собственным неосознанным интересам. С другой стороны, всякая деятель-

[1] Поэтому прав Д. А. Кикнадзе, когда пишет: *«Интерес — это потребность, прошедшая стадию мотивации, сознательная направленность человека к удовлетворению неудовлетворенной потребности»* (*Д. А. Кикнадзе.* Потребность. Поведение. Воспитание, стр. 10).

[2] *В. Г. Нестеров.* О соотношении общественных и личных интересов при социализме. — «Ученые записки кафедр диалектического и исторического материализма Высшей партийной школы при ЦК КПСС и местных высших партийных школ», вып. I. М., 1958, стр. 77.

ность, любой поступок определяются тем или иным интересом данного субъекта»[1]. И далее, отметив, что материальное и идеальное не отделены друг от друга, а постоянно переходят от одного к другому, он пишет: «Категория интереса как раз и указывает на переход от объективного к субъективному и обратно: от положения к идеальным побудительным силам и от идеальных побудительных сил через социальные действия к изменению положения»[2].

В правовой литературе аналогичная точка зрения была высказана Б. В. Шейндлиным. «Понятие интереса,— писал он,— нельзя сводить лишь к психическому переживанию индивида. Общественные интересы, например интересы класса, существуют объективно, независимо от воли и сознания индивидов. Поэтому диалектический материализм трактует общественный интерес в неразрывной связи с объективными общественными отношениями как основой осознанных интересов людей. Вместе с тем, было бы неправильно, на наш взгляд, сводить категорию интереса лишь к объективной стороне, к его основе»[3].

С такой трактовкой проблемы не соглашается Г. Е. Глезерман, предлагая своеобразное ее решение. Критикуя В. Г. Нестерова и А. Г. Здравомыслова, он указывает: «То, что интерес рефлектируется в сознании и побуждает людей к действию,— бесспорно. Но разве это означает, что если у субъекта еще не появилось «стремления чего-то достичь», то это и не входит в его интересы?»[4].

Разумеется, не означает. Здесь В. Г. Нестеров и А. Г. Здравомыслов действительно допускают весьма существенную неточность, утверждая, что будто бы интерес «всегда так или иначе» оформлен в сознании. В том-то и дело, что интерес не только по источнику возникновения, характеру, природе объективен, но и может существовать и существует до определенного времени лишь в объективной форме. Но с другой стороны, воз-

---

[1] *А. Г. Здравомыслов.* Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964, стр. 6—7.

[2] Там же, стр. 30.

[3] *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 44, примечание.

[4] *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., 1967, стр. 82.

никнув как объективная реальность, интерес со временем может осознаваться и осознается людьми, классами, партией и тем самым обретает также и качество субъективности, превращается в объективно-субъективную категорию. Любопытно отметить, что, рассматривая исторический процесс превращения пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя», Г. Е. Глезерман прослеживает единство двух сторон этого процесса — объективной и субъективной [1], обращая внимание при этом на то, что превращение пролетариата в класс «для себя» и есть не что иное, как осознание своих объективных интересов и борьба за их реализацию. Но подобно тому как пролетариат из класса «в себе» превращается в класс «для себя», так и его интерес «в себе» становится по мере осознания и реализации интересом «для себя». Следовательно, как процесс становления и развития пролетариата, так и процесс становления и развития его интереса имеют объективную и субъективную стороны. Только в этом смысле интерес и характеризуется нами как объективно-субъективная категория.

И тем не менее Г. Е. Глезерман настаивает на рассмотрении и толковании интереса лишь как объективной категории, хотя и указывает, что «с позиций материалистического взгляда на историю необходимо различать: 1) формирование интересов как объективного явления; 2) их отражение в сознании людей, которое может быть более или менее точным, правильным или искаженным; 3) их реализацию через практическую деятельность, через борьбу» [2]. При этом он поясняет, что не сам интерес представляет собой единство объективного и субъективного, а процесс его реализации [3]. Но если необходимо *различать* интерес, его отражение в сознании и сознательную реализацию, то в такой же мере важно видеть их *единство* и диалектический *переход* одного в другое. Объективность интереса приобретает жизненную динамику лишь при его осмыслении и сознательной реализации, ибо, как пишет сам Г. Е. Глезерман, «без понимания своих интересов класс не может

---

[1] См. *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества, стр. 71—74.

[2] Там же, стр. 70.

[3] См. там же, стр. 83.

развернуть сознательную борьбу за их осуществление. Этим определяется громадная роль сознания в классовой борьбе»[1].

Понятие интереса как единства объективного и субъективного категорически отвергают и другие авторы. Так, В. В. Ситнин в любом упоминании о роли мышления в осуществлении интересов усматривает проявление «субъективизма», «психологической концепции»[2]. Между тем, как показал Ф. Энгельс, идеалистическая трактовка явлений заключается «не в том, что признается существование *идеальных* побудительных сил, а в том, что останавливаются на них, не идут дальше, к их движущим причинам»[3].

С. Н. Братусь утверждает, что интерес — это объективная сторона, а воля — субъективная[4]. Но возникает вопрос: является ли осознанный объективный интерес категорией субъективной?

На этот вопрос пытается ответить Г. В. Мальцев. Начав с твердого отрицания субъективности интереса, он приходит к его утверждению, заявляя: «определение интереса как объективного явления... не может, по нашему мнению, претендовать на полное раскрытие его сущности, так как оно абстрагируется от психологических, социально-психологических предпосылок и черт этого явления»; «интерес есть полезная для субъекта необходимость»; наконец, «интерес не может стать стимулом человеческой деятельности без психологического опосредствования в форме субъективной *заинтересованности*»[5]. Поскольку же «полезность» интереса определяется если не данным субъектом, то другими субъектами, ее осоз-

---

[1] *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества. стр. 70.

[2] См. *В. В. Ситнин.* Проблемы прибыли и хозяйственного расчета в промышленности. М., 1969. Критикуя эту позицию, М. В. Михайлов и А. С. Мотылев пишут: «Интерес имеет объективную обусловленность, но его носителем всегда является человек. Следовательно, он представляет собой единство объективного и субъективного» (*М. Михайлов, А. Мотылев.* Социализм и интересы. М., 1970, стр. 5).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 307.

[4] См. *С. Н. Братусь.* Некоторые спорные вопросы общего понятия права. — «Вопросы современного развития советской юридической науки». Л., 1968, стр. 15—16.

[5] *Г. В. Мальцев.* Социалистическое право и свобода личности. М., 1966, стр. 95, 96, 99.

навшими, постольку объективный интерес приобретает субъективную окраску. Поскольку же «субъективная заинтересованность» — это и есть субъективная сторона интереса, без которой не может быть ни действий индивида, ни борьбы классов, ни социального прогресса, постольку и разрыв (хотя бы даже «чисто» теоретический) единства объективной и субъективной сторон интереса теряет какой-либо рациональный смысл.

В трактовке понятия интереса указанные авторы допускают, на наш взгляд, ту ошибку, что неоправданно стремятся представить его в «чистом» виде. Между тем, как указывал В. И. Ленин, ««чистых» явлений ни в природе, ни в обществе *нет* и быть не может...» [1].

В другом случае В. И. Ленин отмечал: «...противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что̀ признать первичным и что̀ вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» [2].

Но если несомненна относительность противоположения материи и сознания, то тем более несомненна относительность противоположения объективного и субъективного интереса. При всей своей объективности интерес имеет какое-либо личное или общественное значение лишь в том непременном случае, если он в конечном итоге осуществляется или может осуществиться. Но реализация интереса необходимо предполагает его осознание, поскольку все, что побуждает человека к деятельности, обязательно проходит через его сознание [3].

Интерес действительно объективен в том смысле, что его становление, существование и развитие не зависят от сознания и воли людей. Но вместе с вызреванием объективного интереса на основе закономерностей развития производства и потребностей идет и другой процесс — постепенное, но все более полное и глубокое осознание интереса не только отдельными личностями, представителями социальных групп, но и целыми классами. Первоначально, как правильно отмечается в нашей ли-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 241.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 151.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 290.

тературе[1], классовые интересы обнаруживаются, осознаются, понимаются меньшинством класса — его передовыми представителями, лидерами, идеологами (прежде всего партией). Поэтому отдельные члены соответствующего класса длительное время могут и не подняться до осознания своих коренных классовых интересов и даже вступить в конфликт с ними. Но по мере накопления определенных черт, свойств, признаков, характеризующих объективный классовый интерес, все большее количество членов данного класса начинает понимать общие интересы своего класса, вступать на путь сознательной борьбы за эти интересы — круг активных участников этой борьбы неизменно расширяется. Именно об этом свидетельствует, в частности, история рабочего движения как в национальных границах отдельных стран, так и в международном масштабе.

Но подобно тому как познание и соответствующее ему действие превращают необходимость в свободу (отнюдь не ликвидируя необходимости, как таковой), так и объективный интерес, будучи осознанным, превращается вместе с тем и в субъективную категорию. Отрицание же субъективной стороны интереса в конечном итоге ведет к признанию фатализма и стихийности общественного развития, к отрицанию роли сознательности в революционном движении.

С другой стороны, отрыв интереса от своей объективной основы, его «субъективизация» извращают действительную сущность, цель, направленность интереса. *«Идея»,* — отмечал К. Маркс, — неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса»*[2].

Резкое отграничение и противопоставление объективной основы и субъективного содержания интереса приводит к их разрыву: основа интереса превращается в фатальную неизбежность, а его содержание — в «свободное» подчинение эмоциям, чувствам, стихийному свое-

---

[1] См. *С. Н. Братусь.* Некоторые спорные вопросы общего понятия права. — «Вопросы современного развития советской юридической науки», стр. 15; *В. М. Чхиквадзе.* Вопросы социалистического права и законности в трудах В. И. Ленина. М., 1960, стр. 73; *И. Е. Фарбер.* О классово-волевом содержании права. — «Правоведение», 1957, № 1, стр. 36; *Г. В. Мальцев.* Социалистическое право и свобода личности, стр. 102—104, и др.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 89.

волию. Т. Павлов по этому поводу пишет: «Когда мы употребляем слова объективное и субъективное, материальное и психическое (или идеальное), мы иногда, хотя и незаметно, вкладываем в них такой смысл, что между объективным и субъективным, материальным и психическим образуется непроходимая пропасть. Получается так, что субъективное и психическое (идеальное) как будто метафизически абсолютно отличны от объективного и материального, метафизически абсолютно противопоставлены им и ни в коем случае и степени, употребляя термин Ленина, не переливаются в них» [1].

Представители односторонне-объективного понимания интереса в обоснование своей позиции указывают на его детерминированность закономерностями общественного развития и объективность общественного положения индивидов, социальных групп и классов. Но ведь не только интерес, а и потребность, цель, воля зависят от этих же обстоятельств. Дело здесь не в том, что потребность и интерес — категории объективные, цель и воля — субъективные, а в диалектическом развитии сознания, его переходе от потребности через интерес и цель к воле. В. И. Ленин в «Философских тетрадях» обращает внимание на следующее положение Гегеля: «...«Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны»...» [2]. Диалектичность рассматриваемых явлений состоит в том, что осознанная потребность обретает характер интереса и «сдвигается на цель», которая реализуется лишь благодаря волевой деятельности [3]. При этом следует иметь в виду, что по мере того, как сознание «отходит» от своего материального, объективного субстрата, оно все в большей степени приобретает «очеловеченный», субъективный характер, обогащается индивидуальной спецификой мышления субъекта, преобразуется в идеальное. Отсюда, однако, вовсе не следует, что сознание на высшей стадии своего развития,

[1] *Тодор Павлов.* Избранные философские произведения, т. 2, стр. 444.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 166.

[3] Б. В. Шейндлин писал: «Интерес входит в понятие воли как побудительная сила формирования воли и как ее осознанная цель» (*Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 45).

своей субъективности порывает (разумеется, если оно адекватно отражает действительность) с той материальной основой, с той объективностью, на почве которой оно всходит, растет и превращается в плод духовной ценности. Происходит отнюдь не исчезновение материальной, объективной основы сознания, а только и именно ее преобразование в субъективное, идеальное, уровень которого зависит от степени абстрагирующей способности мышления того или иного субъекта.

Этот уровень и является одним из существенных факторов, определяющим силу, действенность, эффективность воздействия субъективного фактора на объективные процессы общественного развития. Б. А. Чагин пишет, что «при одних и тех же объективных обстоятельствах развитие может иметь различный конкретный характер, различные темпы в случае того или иного влияния субъективного фактора. Бывает так, что при менее благоприятных объективных обстоятельствах, но при наличии эффективного действия субъективного фактора (организованность, высокая степень сознательности и т. д.) темпы общественного развития выше, чем в том случае, когда существуют более благоприятные условия» [1].

В праве отражается интерес не только как объективное явление, но и как явление осознанное, субъективное. Объективно-субъективный характер интереса именно в праве выявляется особенно наглядно. С одной стороны, право отражает объективные интересы господствующего класса, но отражает эти объективные интересы не механически, а через сознание и волю господствующего класса, организованного в государство. Право преобразует объективность интереса также в его субъективную направленность, предусматривает строго определенные действия людей. С этой точки зрения едва ли можно согласиться с мнением Г. Е. Глезермана, который предлагает не смешивать «понятие интереса в психологии, где он трактуется как известная направленность внимания или действий человека, и в социологии, политической экономии, где интерес рассматривается как выражение объективных потребностей, удовлетворение которых сос-

[1] *Б. А. Чагин.* Субъективный фактор. Структура и закономерности, стр. 14.

тавляет необходимое условие жизни и развития человека (или коллектива, класса, общества)»[1]. Нет сомнения в том, что интерес рассматривается в различных аспектах в указанных науках, но отнюдь не в тех, о которых говорит автор. Не только в социологии и политической экономии (и, добавим от себя, в правоведении) интерес рассматривается как выражение объективных потребностей, но и в психологии, равно как и в социологии и политической экономии (и в правоведении), интерес трактуется как направленность внимания или действия людей. Но дело не только в этом, а и в том, что, подчеркивая различие между науками в изучении одного и того же объекта, не менее важно указать на их связь и взаимопроникновение. Между тем некоторые авторы не только не говорят об этой связи и взаимопроникновении, но и прямо противопоставляют психологию и социологию. Так, А. С. Айзикович полагает, что недопустимо «втискивание» интересов в психику, поскольку «интересы — это социально детерминированные потребности»[2]. Но разве неясно, что социально детерминированные потребности, интересы лишь в том случае реализуются, если они в психике людей осознаются?!

В праве отражается, далее, не индивидуальный, а общественный интерес, в частности интерес господствующего класса. Но каков «механизм» образования общественного, и в частности классового, интереса? Априорный ответ на этот вопрос исключается, поскольку лишь в деятельности функционирует интерес. Отнюдь не замыкаясь в сознании, интерес выступает в роли побудительной силы активной деятельности. «Интересы пролетариата,— пишет Г. Е. Глезерман,— складываются объективно в результате развития капиталистической экономики, в процессе формирования его как класса; осознаются же они в ходе классовых столкновений с буржуазией, и особенно быстро, когда создается пролетарская партия»[3].

Отсюда следует, что пути становления и развития

---

[1] *Г. Глезерман.* Экономические отношения и интересы людей при социализме.— «Коммунист», 1964, № 12, стр. 45.

[2] *А. С. Айзикович.* Важная социологическая проблема.— «Вопросы философии», 1965, № 11, стр. 167.

[3] *Г. Глезерман.* Экономические отношения и интересы людей при социализме. — «Коммунист», 1964, № 12, стр. 45.

классового интереса возможно обнаружить только при изучении практики его осуществления. Реализуется же интерес благодаря волевой деятельности класса, и именно в процессе этой реализации наиболее наглядно выявляется концентрированный и четко оформленный классовый интерес.

Поскольку интерес реализуется через волю, постольку нельзя при характеристике сущности права ограничиваться рассмотрением природы классового интереса, а необходимо также проанализировать категорию воли не только как психологического, но и как социального, в частности классового, порядка. Но прежде чем перейти к этому анализу, логический ход рассуждений требует предварительного рассмотрения тех основных социально-психологических факторов, которые, находясь между интересом и волей, непосредственно направляют деятельность индивидов и социальных общностей.

В отличие от импульсивных актов волевому действию предшествует определенный период, в течение которого происходит сложный мыслительный процесс. Этот процесс включает в себя не только возникновение на основе потребностей множества мотивов, их борьбу, формирование интереса и цели, но также выработку в соответствии с ними установки, призванной осуществлять регуляцию индивидуальной или социальной деятельности.

Будучи состоянием готовности к определенной деятельности, установка представляет собой такую относительно устойчивую «организацию» внутренних и внешних сил субъекта, которая идеально формирует последовательную программу (план) человеческого поведения. Индивид или социальная общность лишь постольку являются субъектами целевой деятельности, поскольку они предварительно «организуются» для осуществления этой деятельности в соответствующем направлении и с определенной активностью в зависимости от конкретных объективных условий. Следовательно, понятие установки включает в себя не только существенные черты организации предстоящей активности, но и социально-психологическое содержание взаимодействия потребности и ситуацию ее удовлетворения. Тем самым в установке в высокообобщенной форме концентрируются обоснование действия, рефлектированное в потребности, интересы и цели, решение о готовности действовать по соответству-

ющей программе, определяемой объективными условиями ее реализации.

Однако какой бы высокой степени обоснованности действия ни содержала установка, она является лишь началом, акцептором действия, но не самим действием [1]. Двигательной силой любого сознательного действия — безразлично, индивидуального, классового или общенародного — является воля. Именно воля есть практический реализатор потребности, интереса и цели. И поэтому ни потребности, ни интересы, ни цели не составляют и составлять не могут сущности права по той причине, что являются пассивными формами сознания, в то время как право является активной силой, призванной охранять, регулировать и преобразовывать общественные отношения.

В связи со сказанным встает вопрос: не следует ли признать установку существом права? На первый взгляд утвердительный ответ на этот вопрос представляется заманчивым, поскольку в праве фиксируется именно определенная установка поведения, действий людей. Но это представление оказывается иллюзорным не только потому, что само «возведение в закон» установки исключается без воли, но также и потому, что выработка «правовой установки» должного или возможного поведения осуществляется в сложном процессе волевой деятельности класса или народа в целом. Лишь в результате этого процесса (процесса правотворчества) определенная установка поведения объективируется в праве, но и объективированная правом установка не может самостоятельно реализовываться без волевых усилий лиц, осуществляющих право (процесс правореализации). Сама же по себе установка, будучи субъективной категорией, не может самообъективироваться, не обладает способностью правового регулирования общественных отношений. Это качество право приобретает благодаря воле.

Именно воля как предметный, действенный вид сознания, как соединение потребности, интереса и цели с действием на основе установки является творцом права, составляет ядро права, фактор его реализации.

---

[1] См. *Е. В. Осипова.* Некоторые проблемы теории личности.— «Социальные исследования», вып. 3. М., 1970, стр. 24.

§2. Право-государственное выражение воли господствующего класса

Право обретает динамизм и действенность благодаря воле, в снятом виде содержащей в себе потребности, интересы, цели господствующего класса. Именно поэтому воля как психологическая и социальная категория составляет одну из основных проблем правоведения.

Особая заслуга в разработке психологического аспекта воли принадлежит Гегелю. В этом вопросе Гегель стоит значительно выше современных буржуазных философов и психологов, до сих пор упорно (несмотря на объективные данные науки) проповедующих «свободу воли», оторванной от реальной действительности и даже независимой от мышления[1]. «Воля,— пишет Гегель,— которая... волит лишь абстрактно всеобщее, *ничего* не волит, и не есть поэтому воля»[2]. Подчеркивая непосредственную связь воли, как особого вида мышления, с реальной действительностью, он указывает, что нельзя «представлять себе, что человек является, с одной стороны, мыслящим и, с другой стороны, волящим, что у него в одном кармане мышление, а в другом воля, ибо это было бы пустым представлением. Различие между мышлением и волей есть лишь различие между теоретическим и практическим отношением; но они не представляют собою двух способностей, так как воля есть особый способ мышления: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие, как влечение сообщить себе наличное бытие»[3]. И в другом месте: «В то время как интеллект старается лишь брать мир, каков он *есть*, воля, напротив, стремится к тому, чтобы теперь только сделать мир тем, чем он *должен* быть»[4].

Отмечая диалектичность такого понимания субъективного и объективного, В. И. Ленин писал: «...«*познание*» («теоретическое») и «воля», «практическая деятельность» изображены как две стороны, два метода,

---

[1] См., например, «Akten des XIV. Internationalen Kongresses für Philosophie», Bd I, Wien, 1968, S. 190—192.

[2] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 37.

[3] Там же, стр. 32—33.

[4] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 338.

два средства уничтожения «односторонности» и субъективности и объективности» [1].

Определяя волю как почву права, Гегель указывает на ее действенную природу: «Воля, которая ничего не решает, не есть действительная воля...» Право и свобода действительны «лишь как воля» [2].

Предметный, действенный характер воли подчеркивается многими учеными. Так, еще И. М. Сеченов писал, что воля — это «деятельная сторона разума и морального чувства, управляющая движением во имя того или другого и часто наперекор даже чувству самосохранения» [3]. Эта же особенность воли отмечается В. И. Селивановым, И. И. Ивановой и другими советскими психологами [4].

Итак, воля характеризуется следующими взаимосвязанными специфическими признаками: а) соединением сознания и деятельности; б) предметностью сознания; в) активностью деятельности; г) регулирующей и контролирующей ролью (функцией) в процессе деятельности.

При всей важности этих выводов проблема воли в нашей психологической и философской литературе разработана явно недостаточно и не в состоянии удовлетворить потребности практики и различных наук (прежде всего правоведения). На это обстоятельство справедливо указывает В. И. Селиванов, констатируя заметный спад интереса к проблеме воли в последние годы. Он пишет: «Сложилось парадоксальное положение: ныне больше, чем когда-либо, обсуждаются вопросы активности личности, но, как правило, без анализа воли — главного показателя этой активности» [5]. Но и в тех редких случаях, когда такое обсуждение осуществляется с анализом воли, оно, к сожалению, не всегда оказывается плодотворным. Так, например, Ш. Н. Чхартишвили считает, что «своим названием волевое поведение обязано тому об-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 190.

[2] См. *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 31, 43, 32.

[3] *И. М. Сеченов.* Избранные произведения. М., 1952, т. I, стр. 256.

[4] См. *В. И. Селиванов.* Личность и воля. — «Проблемы личности». Материалы симпозиума. М., 1969, стр. 430; *И. И. Иванова.* О некоторых аспектах проблемы «личность и сознание». — Там же, стр. 421.

[5] Там же, стр. 426.

стоятельству, что ему дает начало, а также управляет им на всем его протяжении не какая-либо потребность, а сама личность как субъект воли... «внутренним» источником волевого поведения, его побуждающим и управляющим началом является сама личность как субъект воли» [1].

То, что началом волевого поведения, его источником является сама личность, а не нечто безличное, ни у кого не вызывает сомнения (разве только у идеалистов). Но это вовсе не исключает того, что в конечном счете волевое поведение определяется системой потребностей (а не одной какой-либо потребностью) и возникшими на ее основе интересами и целью личности. Поэтому ошибочным представляется противопоставление «личности как субъекта воли» ее потребности. Это замечает и сам Ш. Н. Чхартишвили, который, в частности, указывает: «...человеку редко приходится осуществлять чисто волевое поведение» [2]. И тем не менее, пытаясь отстоять свою позицию «чистой воли», он раздваивает личность на «субъекта воли» и «субъекта потребности» [3]. Но и этот дуализм личности не может, конечно, спасти данную позицию, поскольку, прежде чем стать «субъектом воли», личность должна быть одновременно субъектом системы потребностей, интересов и целей, которые не есть нечто потустороннее личности, а, составляя содержание этой личности как общественного существа, «дают начало» ее волевой деятельности [4].

Но если в психологической науке все же наблюдается некоторая активизация в изучении проблемы воли, то этого, к сожалению, нельзя сказать о философии и социологии. Между тем не только психологический, но

---

[1] *Ш. Н. Чхартишвили.* Проблема воли в психологии.— «Вопросы психологии», 1967, № 4, стр. 77, 79.

[2] Там же, стр. 80.

[3] См. там же.

[4] Следует вместе с тем отметить, что в работах Ш. Н. Чхартишвили на основе тщательного анализа отличия импульсивного поведения от волевого дается убедительная критика состояния разработки проблемы воли в психологической науке (см. *Ш. Н. Чхартишвили.* Проблема воли в психологии.— «Вопросы психологии», 1967, № 4, стр. 72—77; *его же.* О природе воли.— «Труды Кутаисского педагогического института», 1958, т. XVIII; *его же.* Место потребности и воли в психологии личности.— «Вопросы психологии», 1958, № 2.

и социальный аспект воли имеет исключительно важное значение в решении множества проблем нашей общественной жизни, и в особенности в сфере государственно-правового строительства. Не случайным поэтому является и тот факт, что именно в правоведении анализу воли уделяется наибольшее внимание, которое привело к определенным успехам в ее разработке. Каков же процесс образования, формирования, развития воли и ее выражения в праве?

Непосредственно обусловленная возникшими и осознанными интересами, воля отдельного индивида находится в прямой и тесной связи с общественной волей, с ее возникновением, существованием и действием, ибо, как невозможна изолированно существующая личность вне социальных, национальных, бытовых и всяких иных связей, так невозможна и воля с чисто персональным содержанием, только и исключительно воля данного индивида. Сама воля отдельного индивида становится тем, чем она является, лишь благодаря массе особых жизненных явлений, обстоятельств и условий, благодаря тем общественным отношениям, в которых неизбежно существует человек. Определяясь в конечном счете одними и теми же условиями материальной жизни, индивидуальные волевые акты или их элементы [1] могут совпадать и тем самым образовывать в своем диалектическом сочетании общую волю класса, большинства народа или всего народа.

Однако общественная воля не является простой арифметической суммой индивидуальных волевых актов членов общества, хотя отсюда вовсе не следует, что между индивидуальной волей и общественной волей отсутствует какая-либо связь [2]. Такая связь не только суще-

---

[1] См. *С. Н. Братусь.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947, стр. 16, 18.

[2] В советской юридической литературе наличие такой связи неоднократно подчеркивалось рядом авторов (см. *Н. Г. Александров.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений.— «Ученые записи ВИЮН», вып. VI, стр. 16; *С. Н. Братусь.* Юридические лица в советском гражданском праве, стр. 13—14; *И. Е. Фарбер.* О сущности права. Саратов, 1959, стр. 28; *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 30—51; *Д. А. Керимов.* Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955, стр. 30—31; *его же.* Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960, стр. 80—85, и др.

ствует, но и носит необходимый характер, ибо не может быть общественной воли без наличия воли индивида, подобно тому как нет общества без его членов. Но общественная воля, как и всякое общее, качественно отличается от составляющих ее частей, компонентов, от каждой отдельной индивидуальной воли члена того или иного общества.

Общественная воля и индивидуальная воля возникают на одной и той же основе — на основе определенной производственной и иной деятельности людей и формирующихся в процессе этой деятельности отношений. Содержание индивидуальной воли включает в себя прежде всего те знания и опыт, которые накоплены человечеством и усвоены данным индивидом из общественного сознания и общественной практики. Но в содержание воли отдельного индивида входит также и то, что является продуктом личного опыта и творчества. Общественная воля образуется из волевой деятельности людей, находящихся в необходимой общественной связи между собой, и включает в себя элементы личного опыта и творчества отдельных индивидов при условии их общественной значимости [1].

Следовательно, между индивидуальной волей и общественной волей существует неразрывная связь, так как волевые действия людей, находящихся между собой в определенных общественных отношениях, приобретают общественный характер и тем самым необходимо связаны с образованием общественной — общеклассовой или даже общенародной — воли. Индивидуальная воля и общественная воля не существуют друг без друга и настолько близки, настолько органически связаны между собой, что между ними нет резких граней, они взаи-

[1] Гегель иллюстрирует образование общей воли простым примером. «Особенность или единичность человека, — пишет он, — не препятствует всеобщности воли, а подчинена ей. Справедливый или моральный, иными словами превосходный поступок хотя и совершается отдельным [человеком], однако все соглашаются с таким поступком. Они, следовательно, узнают в нем самих себя или свою собственную волю. Здесь происходит то же самое, что и с *произведениями искусства*. Даже те, кто не смог бы создать такого произведения, находят в нем выраженной свою собственную сущность. Подобное произведение оказывается, таким образом, истинно всеобщим. Оно получает тем большее одобрение, чем более исчезает в нем особенное его создателя» (*Гегель*. Работы разных лет в двух томах, т. 2. М., 1971, стр. 28).

модействуют, взаимопроникают, превращаются друг в друга в процессе своего развития. Всякая индивидуальная воля, будучи первоисточником, началом возникновения общественной воли, в самой себе уже содержит общественную волю, но содержит ее не непосредственно, не в готовом, окончательно сформировавшемся виде, а как определенные предпосылки, элементы, факторы, черты, которые развиваются в общественную волю в процессе познания, общения между людьми, их коллективной деятельности. С другой стороны, ясно, что общественная воля именно потому и не является простой суммой индивидуальных волевых актов членов данного общества, что она отражает не каждую отдельную волю индивида, а общую сложную волю этих индивидов.

Поэтому общая воля класса не совпадает и не может совпадать с каждым отдельным актом волеизъявления членов класса и представляет собой качественно отличное явление по сравнению с индивидуальной волей [1].

Члены определенного класса, будучи объединены общностью условий их материальной жизни, имеют в силу этого, во всяком случае, в основном, также общие интересы и цели [2]. Это в свою очередь теснейшим образом связывает членов данного класса, побуждает их соответствующим образом организовываться, обусловливает единство их воли в решении важнейших общеклассовых проблем [3].

В процессе общественного производства из общности экономических интересов людей, принадлежащих к одному классу, возникает их общая классовая воля, которая поддерживает, закрепляет и охраняет существующие производственные и определяемые ими иные отношения либо, наоборот, стремится их изменить или даже ликвидировать. Господствующий при данных производственных отношениях класс, понятно, заинтересован в их сохранении, и поэтому его воля направлена на то, чтобы различными способами, в частности посредством права,

---

[1] См. *А. И. Денисов.* Теория государства и права. М., 1948, стр. 238, 454.

[2] В. И. Ленин писал: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 207).

[3] См. *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 45.

закрепить уже существующие экономические, политические и иные отношения. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Помимо того что господствующие при данных отношениях индивиды должны конституировать свою силу в виде *государства,* они должны придать своей воле, обусловленной этими определенными отношениями, всеобщее выражение в виде государственной воли, в виде закона,— выражение, содержание которого всегда дается отношениями этого класса...» [1]

Однако как недопустимо отождествление индивидуальной воли и общественной воли, точно так же не следует смешивать общественную (общеклассовую или общенародную) волю с государственной волей, которая является особой разновидностью общественной воли. Создает право не общественная воля вообще, а именно государственная воля; право всегда возникает в результате деятельности государственной власти. Равным образом и само право содержит не вообще общественную волю, а именно государственную волю. «Подобно тому как у отдельного человека,— писал Ф. Энгельс,— для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует,— неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение» [2].

Государственная воля обладает своими специфическими особенностями, которые состоят в том, что она, во-первых, является волей государственно организованного класса или народа в целом и официально провозглашается от имени государства (или его органов); во-вторых, всегда имеет строго установленные государством формы выражения, определяющие степень юридической силы правовых актов, изданных различными го-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 322.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 310. Гегель по этому поводу отмечал: «Если бы воля не была всеобщей, то не существовало бы никаких действительных *законов,* ничего, что могло бы действительно обязывать *всех.* Каждый мог бы поступать, как ему заблагорассудится, и не обращал бы внимания на своеволие других» (*Гегель.* Работы разных лет в двух томах, т. 2, стр. 27).

сударственными органами; в-третьих, ее осуществление обеспечивается рядом государственных мероприятий, а также в случае необходимости — принудительной силой государственного механизма[1].

Государственная воля, которая в форме законов получает общеобязательное значение, определяется в общем и целом, как указывал Ф. Энгельс, изменяющимися потребностями гражданского общества, господством того или иного класса, а в последнем счете развитием производства и отношений обмена[2]. Государственная воля, создающая право и выраженная в нем, образуется на основе волеизъявления членов господствующего класса[3]. Но и в этом случае общая государственная воля господствующего класса отнюдь не является простой совокупностью индивидуальных волевых актов представителей господствующего класса.

Тот или иной характер воли отдельного индивида, принадлежащего к господствующему классу, не представляет собой силу, которая создает право и воплощается в нем, ибо правотворческий процесс и само право являются, как известно, выражением общей государственной воли господствующего класса. Говоря об обществе, в котором существует разделение труда и частная собственность, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что самоутверждение и эгоизм индивидов господствующего класса делают необходимым в исключительных случаях самоотречение в законе и в праве и самоутверждение их интересов в среднем, типичном случае[4].

Воля отдельного члена господствующего класса может способствовать образованию общей воли данного класса и ее выражению в праве, но после того, как право уже вступило в действие, воля данного индивида в силу его изменившихся интересов может прийти в противоречие с действующим правом. К. Маркс и Ф. Энгельс по этому поводу писали: «Почувствует ли себя завтра своеволие индивида стесненным тем законом, который

---

[1] Об отличии государственной воли от общественной воли см. *И. Е. Фарбер.* О сущности права, стр. 375.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 310.

[3] См. также *С. Н. Братусь.* Юридические лица в советском гражданском праве, стр. 18.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 323.

оно вчера помогло установить,— это зависит от того, сложились ли за это время новые обстоятельства, изменились ли интересы индивида настолько, что установленный вчера закон уже не соответствует больше этим изменившимся интересам. Если эти новые обстоятельства затрагивают интересы всего господствующего класса, то этот класс изменит закон; если же они затрагивают только отдельных лиц, то внутреннее сопротивление этих последних не встретит, конечно, со стороны большинства никакого внимания»[1].

Следует, наконец, отметить, что не каждый член господствующего класса поднимается до уровня осознания всех интересов своего класса, и поэтому его воля не играет какой-либо роли в правотворческом процессе. Однако под воздействием общих для данного класса условий материальной жизни этот индивид в известной мере мыслит так же, как и любой другой член данного класса. Его интересы как члена господствующего класса, хотя и неосознанные, получают все же свое выражение в праве через посредство правотворческой деятельности осознавших общеклассовые интересы представителей господствующего класса.

Ф. Энгельс писал, что главные действующие лица *действительно являются* представителями определенных классов и направлений, а стало быть и определенных идей своего времени, и черпают мотивы своих действий не в мелочных индивидуальных прихотях, а в том историческом потоке, который их несет.

В классово антагонистическом обществе образование единой общей воли по коренным проблемам социально-политической организации общежития людей, системы их взаимоотношений исключается в силу непримиримости классовых противоречий любой эксплуататорской формации. Поэтому и право таких формаций не может выражать общую волю всего народа, всех членов общества. Более того, господствующая, в частности в капиталистическом обществе, частная собственность разобщает людей также и внутри класса собственников, порождает противоречивые столкновения их индивидуальных интересов и тем самым нередко ставит буржуазное правотворчество перед непреодолимыми трудностями.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 3, стр. 328, примечание.

Это часто выражается, например, в борьбе между представителями различных монополистических группировок в буржуазных законодательных органах вокруг тех или иных законов (или их формулировок), затрагивающих интересы этих группировок. В результате принятие закона не только тормозится, но порой и вовсе замораживается на длительное и неопределенное время. Правда, такая борьба далеко не всегда по понятным причинам носит откровенный характер; она маскируется столь же демагогическими, сколь и высокопарными, речами о пользе и интересах общества, нации и личности вообще, за которыми скрываются действительные польза и интерес определенной монополистической группировки и личностей, принадлежащих к этой группировке.

Конечно, нельзя понимать сказанное в абсолютном смысле. Как известно, государство помимо своего основного назначения — орудия классового господства выполняет также общесоциальные функции. Естественно поэтому, что и созданное им право, отражая межклассовые интересы, в отдельных (и необходимых) случаях выражает волю всего общества. Но если в классово антагонистических формациях образование общей воли ограничивается лишь указанными случаями, детерминированными общественным общежитием, то в социалистическом обществе общая воля всего народа формируется и выражается, в частности, в праве по всем без исключения коренным проблемам социального прогресса. И это понятно. Социалистическая общественная собственность и крепнущее на ее основе социально-политическое единство народа обусловливают общие интересы членов социалистического общества, их общую единую волю. Именно поэтому социалистическое право выражает общую волю большинства народа, а затем, в условиях развитого социализма,— общую волю всего народа.

Однако осознание общих интересов отнюдь не влечет за собой механического совпадения индивидуальной и общегосударственной воли и в условиях социалистического общества. Возьмем, например, советское общество. Образование и формирование общей государственной воли народа, выражаемой в советском праве, осуществляются на подлинно демократической основе (на основе много- и разнообразных форм непосредственной и представительной демократии) путем диалектического

объединения соответствующих волевых актов членов нашего общества или отдельных черт, сторон, элементов этих актов. Происходит своеобразный отбор из многочисленной массы мыслей, идей и предложений членов советского общества тех из них, которые наиболее точно, правильно и всесторонне отражают необходимые потребности прогрессивного общественного развития и намечают наиболее рациональные и эффективные пути, методы и средства использования объективных законов в соответствии с общенародными нуждами, потребностями и интересами.

Но и после такого отбора эта общая воля всего советского народа вырабатывается не в результате простого, механического объединения лучших в указанном смысле идей, предложений и мыслей, а путем диалектического сочетания в нормах права тех черт, сторон и элементов этих идей, предложений и мыслей, которые в максимальной степени способствуют осуществлению общегосударственных задач, достижению правовыми средствами целей коммунистического строительства. В процессе развития общей сложной воли вырабатываются все более глубокие взаимосвязи, взаимозависимости между образующими ее частями. Первоначально эти связи и зависимости относительно просты, затем они все более углубляются, переплетаются, взаимообогащаются, приводят к возникновению новых внутренних закономерностей своего развития.

Общая воля советского народа, которая образуется в процессе правотворчества и выражается в праве, представляет собой, таким образом, определенную целостность, единство различных, многообразных по своему содержанию индивидуальных волевых актов; она имеет известную систему, свои относительно самостоятельные связи и отношения, закономерности развития, которые отличаются от закономерностей развития образующих ее компонентов, частей. А это значит, что всякая общая сложная воля является качественно новой, высшей по отношению к индивидуальной воле. Общая сложная воля — более высокая степень развития индивидуальной воли, она конкретнее, многообразнее индивидуальной воли по содержанию, по характеру свойственных ей процессов, внутренних связей и отношений, ее взаимодействия с окружающим, с другими явления-

ми социальной жизни. Как правило, общая сложная воля не только богаче по содержанию, но и лучше структурно организована, более совершенна по внешней форме, а потому и более жизнеспособна, действенна, активна [1].

Каков же механизм образования этой воли, выраженной и закрепленной в социалистическом праве?

Для того чтобы общую волю советского народа выразить и закрепить в праве, ее необходимо выявить в процессе правообразования и на этой основе обобщить и сформулировать именно как общую волю советского народа. В социалистическом обществе созданы все условия для свободного участия граждан в общественной и политической жизни страны, и в частности в осуществлении правотворчества. Пользуясь широкими политическими правами, советские граждане свободно высказывают свое отношение к действующей системе права, ее отдельным институтам, нормам и статьям, выдвигают по своей инициативе те или иные предложения относительно отмены, изменения или дополнения действующих правовых предписаний, относительно создания новых правовых актов, участвуют в обсуждении проектов законов, указов, постановлений и т. д. В. И. Ленин отмечал, что каждый гражданин в Советском государстве имеет фактическое право и возможность «участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [2].

---

[1] Проблема воли имеет и иные важные аспекты при исследовании права. Н. И. Матузов по этому поводу отмечает, что «связь права с волей людей не исчерпывается тем, что в нем воплощается воля «господствующих индивидов». Эта связь более сложная. Она заключается, в частности, и в том, что право со своей стороны *воздействует* на волю людей, а также *создается* и *осуществляется* через волевую деятельность лиц. Эту весьма важную особенность права необходимо учитывать, в частности, в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности государства, при определении задач и функций права, анализе механизма правового регулирования, выявлении его эффективности и т. д.» (*Н. И. Матузов.* Социалистическое право и коммунистическая мораль в их взаимодействии. Саратов, 1969, стр. 7). Однако вся проблематика воли в правореализующей сфере выходит за пределы настоящей работы и требует специального исследования.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 157.

Активное участие граждан в обсуждении вопросов общественного развития не только является условием правильного решения и реализации этих вопросов, но и означает вместе с тем образование единства общей воли советского народа. Эта общая воля советского народа вырабатывается на основе социалистической демократии под руководством Коммунистической партии. «Столько съездов крестьянских и рабочих, сколько было у нас,— говорил В. И. Ленин,— не было ни в одном государстве мира. Таким путем мы развиваем сознание. То, что дает Советская конституция, ни одно государство за 200 лет не могло дать. Взять простое число съездов,— ни одно государство за сто лет демократизма столько не созывало, а именно таким путем мы вырабатываем общие решения и выковываем общую волю» [1].

С тех пор, как были сказаны эти слова, социалистическая демократия в нашей стране неизмеримо расширилась, участие советских людей в управлении государством и правотворчестве превратилось буквально во всенародное дело, укрепилось единство общей воли советского народа. На многочисленных и разнообразных съездах, конференциях, сессиях, собраниях и совещаниях трудящихся вырабатывается, шлифуется, кристаллизуется единая общая воля многомиллионного советского народа, образуется его государственная воля.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев указал: «Смысл и содержание социалистической демократии мы видим в участии все более широких масс в управлении страной, общественными делами. Вся политическая система общества, постоянно растущая инициатива трудящихся поставлены у нас на службу строительству коммунизма. Такая демократия — это для нас жизненная потребность, необходимое условие развития и укрепления социалистических общественных отношений» [2].

В нашей стране всенародное обсуждение наиболее важных законопроектов, как известно, стало твердой традицией. Причем его роль как одной из форм участия широких масс народа в советском правотворчестве с каждой новой дискуссией возрастает, становится все бо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 309.

[2] «Материалы XXIV съезда КПСС» М., 1971, стр. 82.

лее глубокой и всесторонней, оказывает все более благоприятное воздействие на развитие и совершенствование социалистического права.

Всенародное обсуждение важнейших проектов правовых актов дает возможность непосредственно выявить волю народа, собрать богатейший материал, который в процессе правотворчества глубоко и всесторонне изучается, обобщается и в виде общей государственной воли советского народа выражается и закрепляется в праве.

Чем выше уровень сознательности народных масс, чем шире и лучше организовано их участие в правотворчестве, чем активнее их роль в познании и использовании объективных закономерностей в процессе правотворчества, тем точнее определяются в праве пути разрешения объективных противоречий в развитии общества и прогрессивнее его воздействие на общественную жизнь. Чем лучше познаны запросы советских людей, полнее и всестороннее учтены потребности и интересы всех классов, слоев и национальностей нашего народа, тем правильнее будет выражена общая государственная воля советского народа в социалистическом праве. Чем большую инициативу и активность проявляют члены советского общества в процессе создания права, тем в большей мере обогащается оно результатами личного опыта и творчества многочисленных новаторов и передовиков нашего строительства, тем мощнее преобразовательная сила советского права в деле строительства коммунизма и т. д.

Благодаря привлечению широких масс трудящихся, всего советского народа к активному участию в осуществлении правотворчества оказывается возможным обнаружить назревшие потребности материальной жизни нашего общества, наиболее глубоко и всесторонне познать объективные законы общественного развития и определить в праве пути их правильного, целесообразного использования в конкретных условиях места и времени. Советское правотворчество, таким образом, основывается на глубоком и всестороннем познании действительности и объективных закономерностей ее развития, на использовании этих закономерностей в интересах всего общества; оно направлено на выражение в праве общей государственной воли советского народа, которая

определяет наиболее правильные, научно целесообразные пути, методы и средства максимального использования объективных законов в масштабе всей страны, а также на том или ином конкретном участке коммунистического строительства.

Вслед за всенародным обсуждением проекта правового акта наступает этап его окончательного формулирования в соответствующем правотворческом органе государства, который «возводит в закон» волю советского народа в ее наиболее обобщенном или «всеобще выраженном» виде, превращает ее тем самым в государственную волю и придает ей общеобязательное значение. Следовательно, воля имеет различные ступени развития — от простых форм организации к более совершенным.

В ранее изданной нами работе[1] отмечалось, что государственную волю как сложную общую волю советского народа не следует отождествлять или смешивать с составной волей того или иного коллектива советских людей. В пояснение этой мысли указывалось, что на основе совокупности одинаковых по своему характеру и содержанию индивидуальных волевых актов может возникнуть составная воля, которая представляет собой количественное сочетание этих актов. Такая составная воля может, конечно, отражать и, как правило, отражает в общем виде назревшие потребности общественного развития на определенном его участке, но иногда, будучи несовершенной в смысле учета тех или иных деталей, случайностей, специфических и общих тенденций общественного развития, не только не отражает, но и противоречит потребностям этого развития. Поэтому простая совокупность отдельных волевых актов, хотя бы одинаковых по своему характеру и содержанию, не образует еще сложной воли коллектива, класса или общества. Интересы отдельных индивидов, объединенных в различные коллективы, образуют в своем диалектическом сочетании общие интересы данного коллектива. Однако общий интерес такого коллектива не всегда совпадает с общественным интересом, который включает в себя не только общие интересы этих коллективов, но и перспективы всего общественного развития.

---

[1] См. *Д. А. Керимов.* Свобода, право и законность в социалистическом обществе, стр. 106—108, 89.

Эти положения подверг критике И. В. Павлов, который объявил их неверными, потому что «в коллективах советских людей, а такие коллективы — это прежде всего наши общественные организации, в том числе и колхозы, свободно, демократическим путем вырабатывается не какая-то «составная», а именно общая, единая воля данного коллектива. Это не воля, составленная из каких-то отдельных индивидуальных воль членов коллектива, а выработанная единая, общая воля данного коллектива...». И далее он указывает: «И разве можно противопоставлять эту «составную», как называет Д. А. Керимов, волю коллектива, в данном случае колхоза, общегосударственной воле... Он совершенно необоснованно представляет чуть ли не закономерностью то, что общие интересы коллективов не всегда учитывают «перспективы всего общественного развития», а следовательно, и интересы всего советского народа» [1].

С этой критикой мы не можем согласиться. Прежде всего следует заметить, что И. В. Павлов искажает смысл критикуемых им положений, когда заявляет, что в них будто бы «противопоставляется» воля коллектива общегосударственной воле и представляется «чуть ли не закономерностью то, что общие интересы коллективов не всегда учитывают «перспективы всего общественного развития», а следовательно, и интересы всего советского народа». Но, как это нетрудно понять, в воспроизведенном отрывке говорится о том, что воля отдельных коллективов, *как правило,* отражает назревшие потребности общественного развития, но *иногда* может не отражать и даже противоречить этим потребностям. О каких же закономерностях может идти речь, когда здесь прямо подчеркивается *единичность* случаев несовпадения воли отдельных коллективов с назревшими потребностями общественного развития?! Однако и закономерности не были бы закономерностями, если бы в действительности абсолютно исключались отдельные отступления от необходимых тенденций их развития. И почему в представлении И. В. Павлова понятие «отдельного коллектива» ассоциируется лишь с общественными организациями трудящихся и даже более узко —

[1] *И. В. Павлов.* Развитие колхозной демократии в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962, стр. 35, 36—37.

с колхозами?! Ведь хорошо известно, что помимо формальных организаций существуют еще и многочисленные неформальные коллективы (например, так называемые в социальной психологии малые группы).

Но дело, конечно, не только в этом. И. В. Павлов глубоко заблуждается, считая любую общую волю коллектива тождественной общегосударственной воле всего советского народа и даже интересам общественного развития вообще. В. И. Ленин подчеркивал различие этих понятий. Так, борясь против вульгаризаторов марксизма, при разработке проекта программы партии он прямо указывал, что свержение самодержавия необходимо «не только в интересах рабочего класса, но и в интересах всего общественного развития. Такое указание необходимо и в теоретическом отношении, ибо, с точки зрения основных идей марксизма, интересы общественного развития выше интересов пролетариата,— интересы всего рабочего движения в его целом выше интересов отдельного слоя рабочих или отдельных моментов движения...» [1].

Следует также сказать, что И. В. Павлов пытается опровергнуть давно уже сложившееся в философии различие между составным (количественным, простым, случайным) и системным (качественным, сложным, закономерным) целым, когда отрицает понятие составной воли. Составная воля представляет собой количественное объединение, простую совокупность (сумму) отдельных однотипных волевых актов лиц, образующих тот или

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 220. В. И. Ленин подчеркивал также, что рабочие, взявшие в свои руки государственную власть, создают дисциплину, которая заставляет их чувствовать, что «интересы классовые выше интересов цеховых» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 40, стр. 311). В свою очередь интернациональные интересы рабочего класса он ставил выше его национальных интересов. Интернационализм — это не одно только признание равноправия наций, но и подчинение «интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе...» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 166). Наконец, напомним, что при чтении лекций о сущности религии Л. Фейербаха В. И. Ленин отметил его мысль о том, что основа морали — эгоизм и что «имеется не только одиночный или индивидуальный эгоизм, но также и эгоизм социальный, эгоизм семейный, корпоративный, общинный, патриотический». На полях конспекта против последней фразы В. И. Ленин написал: «Зачаток исторического материализма!» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 57).

иной коллектив. Наличие такой воли в реальной действительности настолько очевидно, что не требует специальных доказательств. Но не менее очевидно и то, что составная воля, равно как и индивидуальная воля, отнюдь не совпадает с общей сложной волей, подобно тому как любая часть целого не есть само целое и тем более сложное целое. Г. М. Гак правильно подчеркивает марксистское положение о том, что к пониманию общественных интересов нельзя прийти, беря исходным пунктом интересы индивидов, принадлежащих к данному классу или нации. Хотя общность и состоит из людей, она есть реальность, не сводящаяся к совокупности составляющих ее индивидов[1]. В. П. Тугаринов также пишет: «Высшей ступенью общественного сознания является совокупность идей, выражающих понимание целей и задач общества в целом или его определенного класса, а не просто мыслей о своих личных или узкогрупповых целях, выражающих понимание лишь отдельных общественных отношений и приспособление к ним»[2]. Б. А. Чагин отмечает: «В нашем обществе существуют три вида материальных интересов, объективно и субъективно связанные между собой: общества, предприятия и работника... Между ними нет предустановленной гармонии. Реально в жизни, на практике могут возникать и противоречия между этими тремя видами интересов»[3].

Особенно подробно и убедительно обосновал это положение Г. Е. Глезерман. Согласно материалистическому пониманию истории, пишет он, общественное сознание вообще, в том числе и сознание каждого класса, представляет собой отражение общественного бытия. Но это, разумеется, не означает, будто в каждый данный момент истории все люди, классы правильно осознают свое положение в обществе и вытекающие из него интересы. Осознание классом своих коренных интересов — это более или менее длительный исторический процесс,

---

[1] См. *Г. М. Гак.* Общественные и личные интересы и их сочетание при социализме.— «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 21.

[2] *В. П. Тугаринов.* О категориях «общественное бытие» и «общественное сознание».— «Вопросы философии», 1958, № 1, стр. 25; см. также *П. Н. Федосеев.* Диалектика современной эпохи, стр. 146—147.

[3] *Б. А. Чагин.* Субъективный фактор. Структура и закономерности, стр. 158.

который даже не у всех классов находит свое завершение. Реальные интересы нередко выражаются в иллюзорной форме, сочетаются с фантастическими представлениями. Люди могут действовать и вопреки своим коренным интересам. История знает немало примеров, когда большие массы людей, целые классы или народы оказывались участниками таких действий или событий, которые не соответствовали их коренным интересам и приносили им в дальнейшем большие бедствия.

Интересы каждого класса, естественно, являются общими для всех его членов, что, однако, отнюдь не исключает различий между интересами отдельных слоев или групп внутри данного класса. Это различия между частными и общими, а также между временными, текущими и постоянными, устойчивыми интересами.

Социализм впервые в истории человеческого общества создает условия для объединения людей на основе общности их коренных интересов, что, однако, вовсе не ликвидирует огромного многообразия их специфических интересов. Ошибочным является мнение, будто при социализме исключаются противоречия между личными, коллективными и общественными интересами. В действительности социалистический строй, устраняя почву для непримиримого конфликта между интересами людей, не устраняет противоречий между ними — противоречий между коренными и некоренными, общими и специфическими интересами. Известно, например, что иногда отдельные предприятия оказывались заинтересованными в выпуске дорогой, но не пользующейся спросом у потребителя продукции и, наоборот, пренебрегали выпуском нужных потребителю изделий только потому, что они слишком дешевы и «невыгодны» для выполнения планового, исчисляемого в рублях, валового объема производства. Нельзя также не учитывать, что любой человек, будучи различным образом связан с другими людьми, коллективами и обществом в целом, обладает множеством разнообразных интересов, которые перекрещиваются в разнообразных направлениях и не всегда совпадают друг с другом. В каждом обществе имеются индивидуальные, групповые, классовые, общественные и т. п. интересы. Марксизм отвергает атомистическое представление об обществе как совокупности, результате сложения изолированных индивидов. Точно так же и обществен-

ные интересы не представляют собой лишь сумму личных интересов [1].

Положения И. В. Павлова явно не согласуются и с выводами экономической науки о возможности возникновения противоречий между интересами того или иного коллектива, «ведомственными» интересами и общенародным интересом. Так, М. В. Михайлов и А. С. Мотылев пишут, что *«стремление предприятия получить прибыль как объективное выражение одной из сторон коллективного интереса не обязательно и не во всех случаях совпадает с общенародным интересом.* Более того, здесь возможно нарушение их единства и возникновение известных противоречий». И далее: «В условиях использования стоимостных форм и хозрасчетных стимулов возникают объективные трудности, выражающиеся в том, что коллективные интересы предприятий могут вступать порой в противоречие с общенародными интересами. Для разрешения подобного рода противоречий требуется гигантская работа по увязке сложнейшего механизма интересов, которую может и должно взять на себя социалистическое государство, выражающее высшую форму интересов — интересы всего общества» [2].

Как известно, существенную роль в преодолении этих противоречий сыграла экономическая реформа, но она пока не ликвидировала до конца недостатки в разных элементах системы планирования и экономического стимулирования, в частности в области ценообразования, системы хозяйственного расчета и т. п. Поэтому авторы пишут: «Но если экономическая реформа уже на нынешней стадии позволила... в основном преодолеть подобные нарушения, связанные с неправильным подбором иногда устарелых критериев и оценок, то она не могла целиком и полностью устранить возможность возникновения отдельных противоречий интересов». И, конкретизируя этот вывод, они отмечают, что «в ряде случаев приходится встречаться и с такими проявлениями ве-

---

[1] См. *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества, стр. 63—95.

[2] *М. Михайлов, А. Мотылев.* Социализм и интересы, стр. 61, 66. См. также *М. Михайлов.* Проблемы интересов в социалистической экономике. — «Вопросы экономики», 1965, № 4, стр. 67, где приводится ряд конкретных форм расхождения различных интересов

домственного интереса, которые начинают существенно отличаться от интереса общегосударственного, отклоняются от последнего... Практика работы в новых условиях показывает, что еще не везде создана во всех деталях и сопряжениях такая система руководства, которая исключала бы отдельные отклонения ведомственного интереса от общенародного. В этом направлении предстоит еще немалая работа, тем более важная и неотложная, что если ранее отклонения ведомственного интереса от общенародного не могли в подавляющем большинстве случаев подкрепляться личными материальными стимулами и материальной ответственностью для управленческого аппарата, то с переходом министерств и их главных управлений на хозяйственный расчет такие мотивы для отклонений могут появиться» [1].

Наконец, позиция И. В. Павлова не нашла себе сторонников и среди представителей юридической науки. Так, не соглашаясь с критикой И. В. Павлова в наш адрес, Е. В. Назаренко пишет, что коллективное правосознание «является специфическим по отношению к индивидуальному правосознанию и не совпадает с правосознанием всего общества», что также «ошибочно отождествление профессионального правосознания государственных служащих с правосознанием советского общества в целом» [2].

Все сказанное относится и к государственной воле, поскольку, как было показано ранее, она основывается на определенных интересах и правосознании. Было бы, конечно, предельным упрощением полагать, что государственная воля, выраженная в советском праве, образовалась сама собой, в результате простого объединения волевых актов отдельных индивидов или даже их общественных организаций.

Общая государственная воля советского народа сложилась постепенно, в процессе исторического развития социализма. Остановимся на этом процессе хотя бы коротко.

---

[1] *М. Михайлов, А. Мотылев.* Социализм и интересы, стр. 66, 75, 76—77.

[2] *Е. В. Назаренко.* Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Киев, 1970, стр. 18, 23.

Во всех классово антагонистических социально-экономических формациях трудящиеся массы, будучи главной силой общественного развития, оставались объектом беспощадной эксплуатации и угнетения, устранялись от политической жизни, лишались элементарных человеческих прав, были объектами правового регулирования, но отнюдь не творцами действующего в обществе законодательства. Все революции, предшествовавшие Октябрьской социалистической революции, хотя и совершались народными массами, тем не менее заканчивались лишь сменой форм эксплуатации, ставили у власти вместо одних эксплуататоров других, заменяли один тип эксплуататорского права другим. Лишь Октябрьская революция, установившая диктатуру пролетариата, подняла к творческой созидательной деятельности миллионы людей, ранее отстраненных от участия в общественной жизни, бесправных, подавленных и забитых. Характеризуя значение социалистической революции в России, В. И. Ленин указывал: «Уничтожение капитализма и его следов, введение основ коммунистического порядка составляет содержание начавшейся теперь новой эпохи всемирной истории» [1].

Социалистическое право в отличие от права любой эксплуататорской социально-экономической формации является подлинно демократическим прежде всего потому, что с момента своего возникновения выражает государственную волю большинства народа: рабочего класса и его классового союзника — трудового крестьянства. В период диктатуры пролетариата оно не воплощает в себе воли всех слоев общества, поскольку наряду с рабочим классом и трудовым крестьянством сохраняются остатки эксплуататорских классов. Но по мере вытеснения капиталистических элементов города и деревни, завоевания все новых и новых рубежей в экономическом, социально-политическом и культурном строительстве, по мере построения развитого социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму изменяется и совершенствуется советское социалистическое право. Рожденное Великим Октябрем, оно утвердилось как право диктатуры пролетариата и прошло большой и сложный путь развития.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 425.

С помощью Советского государства и права в исторически короткие сроки были осуществлены задачи диктатуры пролетариата: ликвидированы эксплуататорские классы и построено развитое социалистическое общество. В процессе борьбы за полную и окончательную победу социализма еще больше закалился рабочий класс, повысился уровень его сознательности, организованности, дисциплинированности. Рабочий класс обрел богатый опыт политического руководства обществом, превратился в зрелую политическую силу, обладающую способностью осуществлять квалифицированное управление государством.

Существенно изменилось и наше трудовое крестьянство. Перевод крестьян с рельсов мелкотоварного хозяйства на широкий путь коллективного производства, укрепление и развитие колхозного строя, грандиозные успехи в экономической, социальной и культурной жизни советской деревни превратили крестьянство в социалистический класс и еще больше укрепили его союз с рабочим классом. «Рост производительных сил сельского хозяйства, постепенное превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального, подъем культуры деревни и перестройка сельского быта — все это ведет к изменению социального облика и психологии крестьянина. У него появляется все больше общих черт с рабочим, растет число колхозников, чей труд непосредственно связан с машинами и механизмами, повышается образованность колхозного крестьянства»[1]. Цементируя и развивая этот союз, Коммунистическая партия рассматривает его как один из главных факторов успешного функционирования политической системы социализма и совершенствования советского права, как необходимое условие построения коммунизма.

В одном строю с рабочим классом и колхозным крестьянством идет советская, подлинно народная интеллигенция. «Наша советская **интеллигенция** видит свое призвание в том, чтобы отдавать творческую энергию делу народа, делу построения коммунистического общества»[2]. Ее роль и удельный вес в обществе последовательно возрастают по мере усиления значения науки,

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 73.
[2] Там же, стр. 74.

техники и культуры в развитии народного хозяйства, управлении государством, совершенствовании права и укреплении законности.

На базе органического единства рабочих, крестьян и интеллигенции, дальнейшего укрепления связи науки и производства происходит последовательное и неуклонное сближение физического и умственного труда. В этом состоит одно из проявлений закономерного для социализма движения общества ко все большей социальной однородности. «За годы социалистического строительства,— говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— в нашей стране возникла **новая историческая общность людей — советский народ.** В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями — отношения дружбы и сотрудничества. Наши люди спаяны общностью марксистско-ленинской идеологии, высоких целей строительства коммунистического общества» [1].

Все это означает, что с победой, упрочением и развитием социализма произошло дальнейшее расширение классовой основы Советского государства и права, ибо уже не один только рабочий класс, а все трудящиеся строят свою жизнь на базе социализма. В ходе социалистических преобразований общественных отношений, социальной структуры общества, всей советской действительности изменяются также функции государства и роль права в их осуществлении. Так, в связи с ликвидацией эксплуататорских классов отпадает функция подавления их сопротивления; в связи с расширением базы социализма и усложнением процессов общественного развития всестороннее развитие и углубление получает хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность Советского государства, повышается роль права в ее реализации и т. д.

В. И. Ленин, определяя перспективы развития социалистической государственности, отмечал, что период диктатуры пролетариата необходим для перехода от капитализма к социализму [2], что решение вопроса «кто — кого»? и ликвидация опасности реставрации капитализ-

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 76.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 211.

ма будут означать «прекращение диктатуры пролетариата»[1], что лишь после этого граждане социалистического общества «становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного «синдиката»»[2].

Предвидение В. И. Ленина оправдалось на практике. С вступлением советского общества в период перехода от социализма к коммунизму государство пролетарской диктатуры постепенно перерастает в общенародное государство во главе с рабочим классом как самой передовой, революционной и организованной силой советского общества; демократия для большинства народа превращается в демократию всего народа; право, выражающее волю рабочих и крестьян, становится общенародным правом.

Советское общенародное государство и право продолжают дело диктатуры пролетариата, являются главными орудиями трудящихся в коммунистическом строительстве, вместе с другими социалистическими странами ведут классовую борьбу на международной арене против сил империализма, осуществляют оборону нашей страны и других социалистических стран.

Таким образом, общенародное право — это закономерное следствие развития права диктатуры пролетариата, новая ступень дальнейшего развития подлинно народного характера социалистической правовой системы, присущей ей с момента возникновения.

Историческая преемственность и органическая связь права диктатуры пролетариата и общенародного права как двух этапов развития одного и того же типа права — права социалистического — выражаются также и в том, что на всем протяжении его существования решающая роль в его создании и реализации принадлежит рабочему классу. В этом прежде всего находит свое выражение классовая сущность социалистического права, призванного на всех этапах своего развития защищать классовые интересы рабочих и крестьян, вместе с трудящимися всех социалистических стран вести борьбу в интересах международного рабочего класса, способствовать осуществлению великих идеалов марксизма-ленинизма по строительству коммунизма.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 83.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 101.

Следовательно, превращение советского права в общенародное отнюдь не ликвидирует его классовой сущности, природы, характера [1].

Итак, представляя собой концентрированное выражение назревших и назревающих потребностей общественного развития, общая сложная воля советского народа, возведенная государством «в закон», диалектически объединяет наиболее обоснованные предложения о путях коммунистического строительства как в целом, так и на отдельных его участках, выражает как общие интересы всего советского народа, так и специфические интересы классов, социальных групп и национальностей, его составляющих. Именно поэтому, будучи закрепленной в советском праве, воля приобретает высокий политический, моральный и научный авторитет, становится могучей силой творческого, целеустремленного, планомерного преобразования социальной действительности и коммунистического воспитания трудящихся.

Однако при всем основополагающем значении воли в праве определение его сущности данным лишь свойством не ограничивается. Сущность права характеризуется и другими важными особенностями, к рассмотрению которых и следует перейти.

§3. Нормативность права и его регулирующая функция

Общественные отношения, проявляясь в бесчисленных связях людей, имеют бесконечно разнообразные направленность, цели, носят противоречивый характер. Необходимость существования и функционирования социального организма требует их упорядоченности, организации и стабилизации. Эта необходимость возникает уже на весьма низкой ступени развития общества как «потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена» [2]. Она приобретает все большее значение и расширя-

[1] См. об этом: «Общая теория советского права». М., 1966, стр. 6.

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 272.

ется по мере развития и усложнения производства, распределения и обмена, всей системы экономических, политических и иных отношений. «Урегулированность и порядок,— пишет К. Маркс,— являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола» [1].

Немыслимо себе представить современное общество без нормативного регулирования общественных отношений, без применения *«одинакового* масштаба» [2] к поведению и деятельности различных людей. Нормативная форма общественного регулирования необходима, как показали классики марксизма-ленинизма, для утверждения «общих условий» существования господствующего класса, и «притом в виде условий, имеющих силу для всех» [3].

Одним из основных и наиболее эффективных средств такого регулирования является «возведенная в закон», т. е. нормативно-правовая, воля господствующего класса, призванная охранять существующие общественные отношения и обеспечивать организацию и управление людьми в интересах этого класса.

Нормативность является внутренним свойством, существенной особенностью, специфическим признаком права. Благодаря своей нормативности право обретает способность осуществлять регулирование огромной массы общественных отношений, направлять по определенному руслу поведение людей, упорядочивать их связи и взаимодействия, стабилизировать порядок, необходимый для организованного функционирования социальной системы и управления ею в соответствии с волей господствующего класса. Даже в условиях анархии производства, как показал К. Маркс, законодательные акты представляют собой первую попытку сознательного и планомерного воздействия общества на стихийно складывающийся характер его общественного производства [4].

Проблема нормативности социалистического права глубоко и всесторонне разработана в советской юридической литературе. Обобщая соответствующие исследо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 356—357.
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 323.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 492.

вания, можно сформулировать следующие основные положения.

Будучи разновидностью регулирования общественных отношений, нормативно-правовое регулирование является объективной необходимостью в условиях социалистического общества. Оно вызвано потребностями закрепления и обеспечения урегулированности и порядка в общественной жизни, в поддержании стабильной формы связи в межличностных отношениях, в налаживании нормального, основанного на единых началах, согласованного, гармоничного и строго определенного функционирования социального организма. Основываясь на познании и использовании объективных закономерностей общественного развития, правовое нормативное регулирование не только охраняет это развитие от дезорганизации и устраняет отступления от нормального его процесса, но и организует, направляет, а в необходимых случаях и ускоряет поступательное целенаправленное движение общественных отношений. Таким образом, право суть система нормативных предписаний, реализация которых, по удачному выражению В. М. Горшенева, в значительной мере состоит в «переводе нормативности права в упорядоченность общественных отношений» [1]. Однако отнюдь не всем правовым явлениям свойственна нормативность. В связи с этим определение сущности права предполагает прежде всего анализ отличия нормативных правовых актов от ненормативных.

Обнаружение критерия отграничения нормативных от ненормативных актов имеет не только теоретическое, но

---

[1] *В. М. Горшенев.* Способы и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Свердловск, 1969, стр. 10. В диссертации П. Н. Лебедева показано, что переход от цели как идеального основания практической деятельности к результату невозможен без упорядочивающего воздействия определенных факторов — планов и программ поведения (деятельности) индивидов и коллективов. Планы упорядочивают цели, соподчиняют их, устанавливают последовательность и определяют весь процесс их достижения. Более детальной регламентации поведение подвергается в программах (см. *П. Н. Лебедев.* Вопросы теории управления социальными процессами в социалистическом обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Л., 1969, стр. 16). Особым и наиболее эффективным видом этих планов и программ является право.

и большое практическое значение, поскольку смешение данных актов, как справедливо отмечалось в одной из редакционных статей журнала «Советское государство и право», ведет к необоснованному расширению компетенции тех органов, на которые по закону возложены только функции по применению права, а не нормотворческие функции [1].

Особое значение такое отграничение имеет для систематизации законодательства, в процессе которой возникают серьезные трудности, связанные не только с тем, что в нормативном акте нередко содержатся предписания оперативно-исполнительного и правоохранительного порядка, рассчитанные на однократную их реализацию или адресованные к конкретно определенному лицу, но также и с тем, что граница между нормативными и ненормативными предписаниями весьма подвижна и очень часто выражена нечетко, недостаточно определенно.

В поисках критерия отграничения нормативных актов от ненормативных юристы исходят из понятия нормы права как предписания общего характера, но признаки, характеризующие саму эту общность, выдвигаются различные. Так, одни на первый план выдвигают безличность (неперсонифицированность) предписаний [2] или, более широко, неконкретность адресата [3]; другие — неопределенность числа случаев, на которое рассчитано

---

[1] См. «Советское государство и право», 1955, № 3, стр. 52. Следует отметить, что буржуазную юриспруденцию этот вопрос менее всего интересует. Более того, делается все возможное, чтобы затушевать различия между нормативными и ненормативными актами и тем самым оправдать нарушение элементарных требований законности. Например, в принятом в США особом законе об административной процедуре (1946 г.) правовая норма определяется следующим образом: ««Норма» означает декларативное заявление любого органа... рассчитанное на общее или частичное применение и действие в будущем, имеющее своей целью применить, истолковать или предписать право или программу деятельности или описать устройство, процедуру или требования, относящиеся к производству в любом органе...» (цит. по: *С. Л. Зивс.* Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960, стр. 58—59).

[2] См., например, *Ц. А. Ямпольская.* О правовой норме и правовом отношении. — «Советское государство и право», 1951, № 9, стр. 35.

[3] См., например, *Е. Старосьцяк.* Правовые формы административной деятельности. М., 1959, стр. 115.

предписание [1]; третьи — указанные и некоторые другие признаки, вместе взятые [2]. Наконец, в юридической литературе была предпринята заслуживающая серьезного внимания попытка подвести методологическую основу под эти признаки и решить вопрос об отличии норм права от индивидуальных предписаний путем выяснения прежде всего специфического содержания правовой нормы (нормативности права) как регулятора общественных отношений.

Несомненных успехов в исследованиях этого направления достигли П. Е. Недбайло, С. С. Алексеев, А. В. Мицкевич, И. С. Самощенко, А. Ф. Шебанов и др. Так, основываясь на анализе социальных норм, С. С. Алексеев отмечает, что их общий характер рассчитан на программирование и направление поведения людей во многих заранее не фиксированных случаях в рамках отношений данного вида. «Поэтому социальная норма непрерывно находится как бы в «боевой готовности», вступая в действие всякий раз, как повторяются, возникают соответствующие общественные отношения» [3]. Отсюда вытекает неперсонифицированность (неконкретность) адресатов нормы, поскольку она обращена не к данному, строго определенному, а к любому и каждому лицу, которое в данный момент и в будущем (пока действует норма) окажется в ситуации, предусмотренной ее содержанием. Этими же достоинствами обладает и нормативность в праве [4].

---

[1] См., например, *Л. С. Явич.* Норма советского социалистического права и социалистическое правовое отношение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1951, стр. 7; *Н. Г. Салищева.* Нормативные акты советского государственного управления. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1954, стр. 6; *Ю. А. Соколов.* О специфических признаках актов применения правовых норм. — «Советское государство и право», 1954, № 8, стр. 80, и др.

[2] См., например, *А. Я. Берченко.* Нормы советского социалистического права как средство закрепления, охраны и развития социалистических общественных отношений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1950.

[3] *С. С. Алексеев.* Социальная ценность права в советском обществе, стр. 74.

[4] Вместе с тем нормативность в праве имеет и свою специфику (выражение государственной воли, строгая внутренняя согласо-

Именно благодаря этому свойству право обретает характер целенаправленной системы типовых масштабов поведения, обеспечивающей экономичную, единую, непрерывно действующую, общеобязательную регламентацию общественных отношений, их рациональную организацию. «Роль права в жизни общества,— заключает автор,— его эффективность во многом зависят от того, насколько полно и последовательно проявляется в нем свойство нормативности» [1]. Названным авторам принадлежит заслуга также и в обобщающей характеристике формальной определенности права, хотя подробно и проанализированной в нашей литературе, но пока еще не достигшей синтетического уровня. Рассматривая соотношение нормативности права и его формальной определенности, С. С. Алексеев, например, обращает внимание на их противоречие. «Нормативность предполагает максимально широкий охват общественных отношений и отсюда повышение уровня обобщений; формальная определенность — напротив, максимальную детализацию нормативных предписаний, конкретность содержания юридических норм. Известная противоречивость присуща нормативности и формальной определенности, с одной стороны, и способности права выражать назревшие потребности общественного развития (динамизм) — с другой» [2]. Но автору не удалось более или менее определенно решить проблему «снятия» этого противоречия. Он лишь указал, что в преодолении этих противоречий «и состоит один из моментов собственно правового развития».

Как нам представляется, разрешение этих противоречий лежит на пути четкого разграничения правовых принципов (зафиксированных в самом праве) и право-

---

ванность и единство, обеспеченность государственным принуждением и т. д.). Но это вовсе не значит, будто бы в праве усиливаются, «возводятся в степень» социально полезные черты, свойственные социальным нормам вообще, как полагает С. С. Алексеев (см. *С. С. Алексеев*. Социальная ценность права в советском обществе, стр. 77). Социальным нормам свойственны и такие черты (например, известная доля эмоциональности или формальная неопределенность), которые вполне естественны и «социально полезны», но вовсе не «возводятся в степень» в праве.

[1] *С. С. Алексеев*. Социальная ценность права в советском обществе, стр. 79.

[2] Там же, стр. 68.

вых норм. Если правовым принципам, закрепляющим основные, главные и наиболее существенные особенности данного типа права, свойственны высокий уровень нормативного обобщения, постоянство, стабильность и устойчивость, то правовым нормам, которые не только отражают (так или иначе) правовые принципы, но и закрепляют текущие потребности господствующего класса, свойственны (особенно в последнем случае) менее высокая степень обобщения и поэтому изменчивость, непостоянство, кратковременность действия. Правовые нормы, недостаточно полно или четко отражающие правовые принципы, со временем уточняются, изменяются, приводятся в соответствие с правовыми принципами или вовсе отменяются. Тем самым снимается отмеченное выше противоречие между нормативностью, формальной определенностью и динамизмом права.

Выводы, к которым пришел, в частности, И. С. Самощенко, рассматривая проблему нормативности в праве, сводятся к тому, что при отграничении норм права от индивидуальных предписаний необходимо руководствоваться прежде всего внутренним разграничительным критерием — природой нормы как регулятора общественных отношений, который определяет общий, абстрактный характер ее содержания. Абстрактность содержания нормы права, по его мнению, выражается главным образом в периодичности ее действия, которая для одних норм (норм — типовых масштабов организации и движения множества конкретных отношений того или иного вида) означает повторность их действия, а для других (норм-принципов, норм о распространении и продлении действия других норм, организационных, в том числе плановых предписаний, обращенных к конкретным государственным органам) — непрерывность, постоянство их действия.

С внешней стороны абстрактность содержания норм права, периодичность их действия, с точки зрения И. С. Самощенко, может характеризоваться различными признаками (направленностью на определенный вид общественных отношений, неперсонифицированностью предписания, неконкретностью адресата предписания, неоднократностью реализации, неопределенностью числа случаев, на которые предписание рассчитано, и т. д.), однако ни одному из них нельзя придавать абсолютное

значение, ибо каждый из них характеризует природу нормы права лишь в определенных пределах [1].

К аналогичным выводам приходит и А. Ф. Шебанов, по мнению которого общий характер нормативного предписания проявляется в том, что оно дает принципиальное решение о форме общественных отношений; исполняется всякий раз, когда налицо условия, предусмотренные в типических чертах самого предписания; распространяется на неопределенное число случаев и имеет возможность неоднократного исполнения; адресуется персонально неопределенному кругу лиц [2].

А. В. Мицкевич указывает, что можно считать общепризнанными следующие внешние признаки нормативности правовых актов, отличающие их от индивидуальных: неконкретность адресата, возможность неоднократного применения предписания, сохранение действия предписания независимо от его исполнения. При этом автор указывает, что «на практике при определении нормативности актов необходимо руководствоваться всеми указанными признаками. Но *в одних случаях критерием может служить один* из них, а в иных — *другой,* а в наиболее типичных случаях — все признаки» [3].

Вместе с тем А. В. Мицкевич выдвинул понятие правового предписания — «то или иное логически завершенное положение, прямо сформулированное в тексте акта государственного органа и содержащее обязательное для других лиц, организаций решение государственной власти... Устанавливая те или иные условия и предпосылки применения правовых норм к виду общественных отношений, а не к индивидуально-определенным отношениям, предписание носит тем не менее нормативный характер, указывает, какова сфера действия правовых норм в пространстве, во времени, применительно к кругу лиц, организаций или объектов» [4].

---

[1] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства». М., 1962, стр. 69, 71, 80.

[2] См. *А. Ф. Шебанов.* Форма советского права. М., 1968, стр. 105—106.

[3] *А. В. Мицкевич.* Акты высших органов Советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. М., 1967, стр. 54.

[4] Там же, стр. 34, 41—42.

В данных положениях кроется, как нам кажется, плодотворная мысль, дальнейшее развитие которой позволит более дифференцированно подойти к анализу различных форм нормативных актов и их составных частей. В частности, представляется важным установить более четкое соотношение правовых предписаний нормативного и ненормативного характера, нормативных предписаний с правовой нормой и статьей нормативного акта, директивных правовых предписаний с правовыми принципами, зафиксированными действующим законодательством, и т. д.

Со всеми этими выводами и положениями нельзя не согласиться, ибо они ориентируют на изучение как содержания, так и формы нормативности права, особенностей его внутренней и внешней организации, структуры. Основываясь на данных выводах, можно попытаться наметить и те признаки, по которым целесообразнее всего проводить разграничение между нормативными и ненормативными актами, а именно: 1) содержание и внутренняя структура нормативных и ненормативных предписаний; 2) способ регулирования ими общественных отношений и характер действия; 3) внутренняя структура и внешняя форма выражения; 4) порядок принятия, вступления в силу и доведения до сведения исполнителей [1].

При применении этих признаков обнаруживается, что ненормативные акты (в отличие от нормативных) выражаются не в виде общего правила поведения, а в виде конкретного предписания, адресованного конкретным лицам. Поэтому ненормативные предписания не имеют в своей структуре тех элементов, которые свойственны правовой норме. В них нет ни гипотезы, поскольку ненормативные указания сами по себе уже являются фактами применения правовой нормы к конкретным жизненным случаям, ни диспозиции, поскольку они устанавливают не общее правило, а являются конкретным распоряжением, ни санкции, поскольку она содержится в правовой норме. Ненормативное предписание — это правовое указание конкретного характера по применению

[1] См. «Законодательная техника». М., 1965, стр. 18; *А. А. Федосеев.* Нормативные акты Советского государства и формы их выражения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1964, стр. 8.

либо диспозиции, либо санкции той или иной правовой нормы [1].

Если внутренняя структура нормативного предписания включает в себя объективно необходимые элементы, образующие правовую норму, а внешняя структура — ее связь с другими нормами и правовыми системами более высокого порядка, то внутренняя и внешняя структуры ненормативного предписания имеют иной характер и направленность: внутренняя ее структура состоит из элементов, имеющих субъективные основания, а внешняя связывает правовую норму с правоотношением в процессе применения норм права к конкретным жизненным случаям [2].

По вопросу о характере индивидуальных ненорма-

---

[1] При этом, как правильно отметил П. Е. Недбайло, акты по применению диспозиций правовых норм отличаются от актов по применению санкций этих норм. Во-первых, акты по применению диспозиций правовых норм непосредственно направлены на положительные действия субъектов правоотношений в целях достижения политических, хозяйственных или социально-культурных результатов, преследуемых той или иной нормой. Акты же по применению санкций правовых норм непосредственно направлены на создание невыгодных последствий для правонарушителей, сопряженных с ущемлением их благ. Во-вторых, акты по применению диспозиций правовых норм принимаются в менее сложном порядке, чем акты по применению санкций правовых норм. Для принятия актов по применению санкций (например, судебных актов) необходимо соблюдение строго определенных процессуальных правил. Различен, как правило, и порядок пересмотра этих актов. В-третьих, акты по применению диспозиций правовых норм обязательны только для их адресатов, т. е. участников данных правоотношений, в то время как акты по применению санкций правовых норм обязательны для всех других лиц в отношении данного конкретного дела и в связи с ним.

Таким образом, конкретные ненормативные предписания имеют иную структурную организацию, чем правовые нормы.

[2] Само собой разумеется, что ненормативные предписания не являются единственным «мостиком», связывающим норму права с соответствующим правоотношением. Такую же роль выполняют и другие юридические факты, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений (например, различного рода юридически значимые события, действия, правонарушения, преступления и т. д.). Однако в отличие от иных юридических фактов ненормативные предписания (прежде всего судебно-следственных и административных органов) являются основной формой, в которой осуществляется применение права к конкретным жизненным случаям и с помощью которой наиболее полно и всесторонне проявляется регулирующая роль права.

тивных предписаний в юридической литературе высказаны и иные точки зрения. Так, П. Е. Недбайло считает, что есть акты, которые нельзя отнести ни к правоприменительным (т. е. ненормативным), ни к нормативным. Это так называемые интерпретационные акты[1]. Данная точка зрения уже была подвергнута критике в юридической литературе[2]. В самом деле, интерпретационные акты[3], во-первых, облекаются в ту же форму, что и другие акты, и, во-вторых, они хотя и не содержат новых правовых установлений, но по характеру заключенных в них положений могут быть отнесены либо к нормативным, либо к ненормативным актам.

Нельзя согласиться и с С. С. Алексеевым, который относит к индивидуальным актам акты-директивы планового характера и другие нормы в области хозяйственного строительства, поскольку «они являются актами применения правовых норм в основополагающей отрасли права — в государственном праве»[4]. Между тем регулировать — значит устанавливать границы, пределы, масштабы поведения людей, вносить в эти отношения упорядоченность, систему, определенное направление. А таким качеством обладают именно нормы права, которые суть применение равной меры, одинакового масштаба к различным людям[5].

Что же касается норм в области хозяйственного строительства (плановые нормы, нормы по компетенции, правила, инструкции, положения по содержанию машин и механизмов, по технологическому процессу и т. п.), то они также являются средством регулирова-

---

[1] См. *П. Е. Недбайло.* Применение советских правовых норм, стр. 488.

[2] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 82—83.

[3] В последнее время категорию интерпретационных актов (актов разъяснения) предлагают отличать от нормативных актов правотворчества (см. «Общая теория советского права», стр. 1939 и след.; *А. В. Мицкевич.* Акты высших органов Советского государства, стр. 52—57). Верно, что акты, разъясняющие закон, не должны устанавливать новые нормы и тем самым не носят правотворческого характера. Но верно и то, что само разъяснение может быть как нормативным, так и индивидуальным.

[4] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 82—83

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 19—20; *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.

ния общественных отношений с тем лишь своеобразием, что «закрепляют всей совокупностью своих частей общие масштабы организации соответствующих видов общественных отношений, ставят их движение в определенные рамки, образуют руководящие начала их развития»[1].

Предписания же ненормативного характера никаких масштабов организации, движения и развития общественных отношений не предусматривают, а подчиняют конкретные отношения (или их группу) существующей системе, приводят эти отношения в порядок, установленный нормами права.

Исполнителем нормативных предписаний может быть любое лицо, которое участвует или будет участвовать в общественных отношениях данного вида. В связи с этим действие нормативных предписаний не зависит от усмотрения отдельных лиц. Оно начинается с момента вступления нормативного акта в силу и, как правило, не ограничивается определенным сроком.

Таким образом, действие нормативных предписаний — это процесс существования норм права во времени, в пространстве и среди широкого круга лиц. Это не всегда еще реализация права, но во всех случаях юридическая возможность такой реализации. Действие права — это более широкое понятие, чем реализация правовых норм. В свою очередь реализация правовых норм — это более высокая ступень действия права. «Под *действием права*,— правильно пишет С. С. Алексеев,— следует понимать пути и формы влияния права на общественные отношения, а также способы реализации юридических норм в практической деятельности людей и общественных образований (государства, государственных органов, общественных организаций)»[2].

Значительное большинство советских юристов считает, что право представляет собой систему правовых норм. Но имеются и исключения. Так, еще П. И. Стучка считал, что правом является система общественных

---

[1] «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 69. О нормативности плановых и бюджетных актов см. подробнее: *А. В. Мицкевич*. Акты высших органов Советского государства, стр. 162—167.

[2] *С. С. Алексеев*. Общая теория социалистического права, вып. I, стр. 128.

отношений [1]. А. К. Стальгевич понимает под правом и совокупность норм, и систему регулируемых им общественных отношений [2]. А. А. Пионтковский утверждает, что право есть не только совокупность норм, но также совокупность правовых отношений [3]. По мнению С. Ф. Кечекьяна, в определении права как совокупности норм подразумевается, что речь идет о нормах, реализуемых в правоотношениях, что единство нормы права и правоотношений исключает необходимость отдельно говорить о каждом из этих явлений в определении права [4].

Еще более расширяют понятие права те авторы, которые помимо системы норм права и правоотношений включают в это понятие также правосознание. Так, В. П. Казимирчук полагает, что содержание права равнозначно всей юридической надстройке и включает не только нормы, но также правоотношения и правосознание [5]. Призывая к использованию той части наследия П. И. Стучки, где ошибочно отождествлялось право с системой фактических отношений, Я. Ф. Миколенко требует коренного пересмотра ныне бытующего в советской юридической науке понятия права как системы правовых норм, объявляя его «узконормативным» и совершенно непригодным. Вместо него Я. Ф. Миколенко считает необходимым включить в определение права указание, что речь идет о порядке в волевых отношениях, поскольку производственные отношения всегда являются вместе с тем волевыми отношениями. Я. Ф. Миколенко бросает упрек не только тем ученым, которые рассматривают право как систему правовых норм, но и А. А. Пионтковскому и С. Ф. Кечекьяну за то, что они не относят к праву правосознание [6]. Наконец, Г. С. Ост-

[1] См. *П. И. Стучка.* 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. М., 1930, стр. 44.

[2] См. *А. К. Стальгевич.* К вопросу о понятии права.— «Советское государство и право», 1948, № 7, стр. 50 и сл.

[3] См. *А. А. Пионтковский.* Некоторые вопросы общей теории государства и права. — «Советское государство и право», 1956, № 1, стр. 17—20.

[4] См. *С. Ф. Кечекьян.* Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958, стр. 30.

[5] См. *В. П. Казимирчук.* Право и методы его изучения. М., 1965, стр. 19, 66—69 и др.

[6] См. *Я. Ф. Миколенко.* Право и формы его проявления.— «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 47—53.

роумов наделяет правосознание регулирующей силой (нормативный характер правосознания) [1].

Остановимся на этих взглядах более подробно. Отрицательное отношение к ним уже было высказано нами совместно с П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и Л. С. Явичем в коллективной статье [2], в которой, в частности, отмечалось, что ни конкретные правоотношения, ни тем более правосознание, не обладая «всеобщностью выражения» [3], нормативностью, не могут служить официальным, общим и равным «масштабом» [4] поведения людей. Лишь нормы права в своей системе составляют право, которое находит выражение в законах и иных нормативных актах государства и реализуется в правоотношениях. Если же нормы права наряду с правосознанием и правоотношением признать лишь одним из «проявлений права», формой выражения или реализации права, то что же тогда считать самим правом? Не следует ли отсюда вывод, что само право лежит вне правовой надстройки, в метаюридической сфере? При таком подходе пришлось бы считать правом сознание или волеизъявление отдельных субъектов правоотношения, либо сложившийся порядок фактических отношений. В первом случае, не вскрыв специфики права, пришлось бы занять явно волюнтаристскую позицию; во втором, также лишившись возможности выявить сущность права, пришлось бы закрыть путь к установлению его действительной роли как государственного регулятора общественных отношений. Ведь нельзя же регулятор смешивать с тем общественным отношением, которое он регулирует.

«Если нет смысла,— пишет Л. С. Явич,— отрывать регулятор (право) от регулируемого предмета, то нельзя и смешивать то, что регулирует, с тем, что подлежит правовому

---

[1] См. *Г. С. Остроумов*. Правовое осознание действительности. М., 1969, стр. 46 и сл.

[2] См. *Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич*. К вопросу об определении понятия социалистического права. — «Правоведение», 1966, № 2, стр. 17—23; см. также *Л. С. Явич*. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 16—17.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 322.

[4] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 93.

регулированию»[1]. Подобно тому как нельзя надстроечные явления отождествлять с базисными, так и право не следует смешивать с производственными и любыми иными фактическими отношениями; подобно тому, далее, как нельзя государство отождествлять со всей политической надстройкой, так и право не следует смешивать со всей юридической надстройкой; подобно тому, наконец, как нельзя экономику отождествлять с экономическими взглядами, а политику — с политическими взглядами, так и право не следует смешивать с правосознанием.

Признание нормативности права имеет большое теоретическое и практическое значение, ибо дает возможность отличать право от всех иных частей правовой надстройки и вместе с тем позволяет показать ту органическую связь, которая существует между правом и всеми иными правовыми явлениями, в том числе правосознанием и правоотношениями. Исходя из понимания права как системы правовых норм, можно всегда получить ясный ответ, законно или противозаконно то или иное поведение, действие, решение; всегда можно установить, что есть право, а что произвол, какие отношения являются правоотношениями, какой порядок отношений следует считать правопорядком, наконец, какое правосознание соответствует действующему праву, а какое ему противоречит. Напротив, если свести право к правосознанию, к волеизъявлениям отдельных субъектов правоотношения, к индивидуальным актам, то сразу утрачивается значение права как общего «масштаба», «меры», ориентира, регулятора, на основании которого можно было бы судить о правомерности поступков и действий людей.

Нормативный характер права отнюдь не умаляет роли и значения ни правосознания, ни правоотношений. Проводя различие между правом, с одной стороны, правосознанием и конкретными правоотношениями — с другой, мы лишь более четко определяем место каждого из них в системе правовых явлений, в реальной правовой жизни. На самом деле, разве теряет что-либо законность от того, что мы не включаем ее в понятие права? На-

[1] *Л. С. Явич.* Проблемы правового регулирования советских общественных отношений, стр. 17.

против, отождествление права и законности принизило бы практическое значение борьбы за укрепление законности, а в научном отношении нивелировало бы ее специфические свойства. Точно так же обстоит дело с правосознанием и правоотношениями. Что можно было бы сказать о роли правосознания в правотворчестве или в применении права, если правосознание считать самим правом? Только, по-видимому, то, что оно само себя творит и применяет.

Если правом следует считать не только правовые нормы, но и правосознание, то логически можно было бы заключить, что защита порядка фактических отношений осуществляется или может осуществляться на основе правовых взглядов судьи, а не только на основе закона, что любой индивидуальный акт (например, приговор суда), защищающий фактический порядок отношений, сложившийся в данном конкретном случае, и является правом. Отсюда и вывод: право — это то, что решает суд или любой государственный орган, даже должностное лицо, — вывод, который решительно отвергается советской юридической наукой и практикой.

Несостоятельность мнения о включении правосознания в понятие права становится очевидной также при постановке вопросов: всегда ли правосознание отдельного лица соответствует праву, действующему законодательству? Разве правосознание правонарушителя перестает быть правосознанием от того, что он не признает и грубо попирает закон? И напротив, разве правосознание передовой части общества не может опережать действующий закон?

Значение правоотношений также не принижается от того, что они не есть само право. Правоотношения — исключительно важная форма реализации права в жизни общества, это не второстепенная правовая категория или какой-то «побочный продукт» права, а необходимая и основная форма его осуществления. Подобно тому как должное нельзя отрывать от сущего, возможность от действительности, так и право нельзя изолировать от тех отношений, в которых оно возникает и осуществляется. Однако органическая связь должного и сущего, возможности и действительности не означает их тождества. Точно так же нельзя правила поведения отождествлять с самим поведением, а право с правоотношениями, в кото-

рых оно реализуется. Если право отождествить с правоотношениями, то теряет весь смысл проблема применения и осуществления права. Что можно сказать о правоотношениях, если они и есть право? Разве только то, что они сами являются формой своей реализации.

Признание нормативности права ничего общего не имеет с буржуазно-догматической теорией, рассматривающей право как самодовлеющую систему норм, оторванных от своей классово-волевой сущности и экономической основы. Когда утверждается, что право — это государственная воля господствующего класса, выраженная в системе норм, то тем самым подчеркивается его классово-волевая направленность; когда отмечается, что содержание воли в праве материально обусловлено, то тем самым указывается на надстроечный характер права, его зависимость от базиса, от экономического строя общества; когда, наконец, утверждается, что правоотношения — необходимая и основная форма реализации права (хотя отнюдь не единственная), то тем самым подчеркивается, что нормы права подлежат реализации, осуществлению в поведении людей, обладающих субъективными правами и имеющих юридические обязанности, в специфических общественных отношениях, основанных на законе и находящихся под государственной защитой.

Вместе с тем, признавая нормативность права, мы четко противопоставляем свою позицию и вульгарно-социологической концепции права, характерной для современной реакционной буржуазной юриспруденции, пытающейся в целом ряде случаев совершенно открыто и теоретически недвусмысленно оправдать произвол и беззаконие.

Нормативность объективно необходима праву для того, чтобы осуществлять свою основную функцию — регулировать соответствующие общественные отношения. Понятие «регулирование», как правильно отмечает А. В. Мицкевич, выражает не все формы воздействия права на сознание и поведение людей, а выражает специфику права как нормативного средства воздействия на общественные отношения[1]. Более того, следует от-

[1] См. *А. В. Мицкевич.* Некоторые черты взаимодействия права и нравственности в период перехода к коммунизму. — «Правоведение», 1962, № 3, стр. 17.

личать понятие «правовое регулирование» от понятия «регулирование правом», что, к сожалению, не делается в советской юридической литературе[1]. В результате отождествляется действие правовой надстройки в целом с действием ее части — права. Между тем, если правовое регулирование осуществляется совокупностью всех юридических средств влияния на общественные отношения, то специфика регулирования правом состоит в нормативности и общеобязательности воздействия в интересах господствующего класса и поэтому обеспеченного государственным принуждением. Правосознание, ненормативный акт или правоотношение влияют на общественные отношения, но не являются нормативными; правосознанием обладает как господствующий, так и негосподствующий классы, но в том и другом случае их влияние не обеспечено государственным принуждением; ненормативный акт или правоотношение является обязательным, но не обладает характером общеобязательности. Регулирование же правом в силу отмеченных моментов создает четко упорядоченное и гарантированное воздействие на общественные отношения, вводит их в строго определенные рамки, неизбежно обеспечивает их развитие в необходимом направлении.

Разумеется, проведенное различие между правовым регулированием и регулированием правом имеет весьма условный и относительный характер, поскольку в реальной действительности они настолько органически связаны, что не могут функционировать один без другого. И тем не менее такое различение имеет определенный не только теоретический, но и практический смысл, поскольку позволяет анализировать роль и значение различных частей правовой надстройки и на этой основе совершенствовать функции каждой из них в соответствии с ее спецификой. Игнорирование этого различия приводит к путанице в понятиях, в результате которой возникает бессмысленная взаимная критика между авторами.

[1] См. *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 110 и сл.; *Л. С. Явич.* Проблема правового регулирования советских общественных отношений, стр. 26; *В. М. Горшенев.* Участие общественных организаций в правовом регулировании. М., 1963, стр. 31—33; *С. С. Алексеев.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966, стр. 5, 30. Следует отметить, однако, что в этих работах наиболее полно разработана проблема правового регулирования.

Так, С. С. Алексеев пишет, что процесс правового регулирования включает в себя три основные стадии: регламентирование общественных отношений, действие юридических норм, реализация субъективных юридических прав и обязанностей, которым соответствуют три основные части механизма правового регулирования — юридические нормы, правоотношения, акты реализации субъективных юридических прав и обязанностей[1]. Ясно, что здесь речь идет не о правовом регулировании, а преимущественно о регулировании правом общественных отношений. Однако отсутствие у автора такой оговорки вызвало критику его позиции со стороны В. А. Шабалина, который пишет, что на первой стадии механизма правового регулирования соответствующее место занимают правосознание и нормотворчество, что правосознание не только принимает участие в решении задач первой стадии, но и подключается к остальным стадиям, что, наконец, и законность пронизывает все стадии, хотя и занимает самостоятельное место в данном механизме[2]. Не трудно заметить, однако, что В. А. Шабалин не видит различия между понятиями правового регулирования и регулирования правом.

Регулирование правом, на наш взгляд, имеет следующие взаимосвязанные основные стадии или этапы: во-первых, наличие юридического факта, приводящего в действие соответствующую правовую норму; во-вторых, соблюдение, исполнение или применение правовой нормы через правоотношение; в-третьих, обеспечение комплекса требований законности в реализации правовой нормы. Что же касается процесса правового регулирования, то он включает в себя помимо отмеченного и многое другое: весь процесс правотворчества, правовую информацию и пропаганду права, правосознание и правовое воспитание, организационный и социально-психологический процесс правореализующей деятельности различных субъектов права, состояние правопорядка и режима законности, проверку целесообразности и эффективности действия правовых норм и т. д. Все эти фак-

[1] См. *С. С. Алексеев*. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве, стр. 34.

[2] См. *В. А. Шабалин*. Системный анализ механизма правового регулирования. — «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 124.

торы имеют существенное значение для дальнейшего совершенствования правового регулирования социалистических общественных отношений и повышения роли советского права в строительстве коммунизма.

§4. Общеобязательность права и его обеспечение

Из волевой и нормативной природы права вытекает и другой его наиболее существенный признак, специфическая особенность, характерное внутреннее свойство — общеобязательность. Именно в силу того, что право выражает волю государственно-организованного господствующего класса, оно приобретает качество властного указания о должном или возможном поведении, обязательное для всех членов общества независимо от их субъективного отношения к этим указаниям. «...Законы,— писал К. Маркс,— это положительные, ясные, всеобщие нормы...»[1] Ф. Энгельс отмечал, что потребности гражданского общества получают всеобщее значение в форме закона, проходя через волю государства[2]. Эта воля, как указывал В. И. Ленин, «должна быть выражена как *закон,* установленный *властью...*»[3].

В общеобязательности права выражается в диалектическом единстве целая гамма его сторон, черт, элементов: волевая властность господствующего класса, обязательность его велений для всех, всеобщее значение нормативного регулирования, иерархия юридической силы правовых актов, обеспеченность осуществления организацией, убеждением, принуждением и т. д.

Отмечая единство всех свойств права, С. С. Алексеев пишет: «Общеобязательность — это как бы собранные в едином фокусе нормативность и принудительность права. Здесь право одновременно характеризуется как нормативная система регулирования общественных отношений (общий характер норм) и как обязательная система, осуществляемая независимо от того, каково субъективное отношение к нормам участников общественных отношений. Синтетический характер общеобязатель-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 63.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 310.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 340.

ности позволяет использовать данное свойство в качестве одной из наиболее отличительных черт правовых норм.

Властность — еще более общая черта права, выражающая в единстве все его свойства. И дело тут не только в принудительности права. В целом она во всех своих свойствах выступает в качестве властной, дисциплинирующей силы»[1].

Общеобязательность права позволяет надежно, целенаправленно и наиболее эффективным путем осуществлять нормативное регулирование общественных отношений в соответствии с политикой господствующего класса, в целях обеспечения его интересов и утверждения непререкаемости его воли.

Право воздействует на общественное развитие, как правильно отмечает А. Ф. Шебанов, тремя основными взаимосвязанными путями: провозглашением государственной политики, воспитанием членов общества и регулированием общественных отношений[2].

Уже сам факт общеобязательности права является мощным стимулом, побудительным мотивом такого поведения людей, которое соответствует требованиям правовых предписаний; под влиянием права формируются определенные правомерные мотивы поведения, действий и вообще деятельности людей, которые и обеспечивают массовый характер соблюдения его предписаний. Этот социально-психологический «канал» воздействия на сознание и деятельность людей настолько значителен, что его трудно переоценить: без его существования вообще трудно себе представить реализацию права, в особенности права социалистического.

Право потому и имеет огромную идеологическую силу, что обладает способностью самореализовываться в массовых действиях, поведении, деятельности людей. Эта способность приобретает тем большую масштабность,

---

[1] *С. С. Алексеев.* Социальная ценность права в советском обществе, стр. 69; см. также *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 120—130; *А. Б. Венгеров.* О применении конституционных норм судебными органами СССР. — «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 42, и др.

[2] См. *А. Ф. Шебанов.* О воздействии права на общественное развитие в условиях общенародного государства. — «Советское государство и право», 1963, № 12.

чем правильнее оно отражает объективные закономерности общественного развития, потребности, интересы и цели народа, его волю. Сила советского права состоит отнюдь не только в категоричности, строгости и обеспеченности государственным механизмом его велений (что, разумеется, само по себе является очень важным и специфически необходимым для всякого права, в том числе и социалистического), но прежде всего в том, что опирается на высокую сознательность, марксистско-ленинское мировоззрение советских людей, на их дисциплину и организованность, на чувство хозяина своей страны и ответственности за ее настоящее и будущее [1].

Однако, каким бы высоким авторитетом, мощной идеологической силой социалистическое право ни обладало, какими бы строгими ни были принципы его общеобязательности, оно, разумеется, не может создавать новые общественные отношения. Между тем именно такую роль приписывают праву некоторые авторы [2], забывая, по-видимому, давно установленную марксизмом истину о том, что «общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей...» [3], право «само

[1] Мощная идеологическая сила и высокий моральный авторитет социалистического права не должны давать оснований для его включения в сферу общественного сознания. В отличие от правового сознания право как система действующих правовых норм представляет собой, по выражению И. Е. Фарбера, своего рода «юридическое бытие» (см. *И. Е. Фарбер.* Правосознание как форма общественного сознания. М., 1963, стр. 40). В. А. Туманов правильно пишет, что «сущность права лежит в иной плоскости, чем проблемы идеологии и формы общественного сознания в целом. Право в определенном смысле — «идеологическое» явление, но это не значит, что марксизм отождествляет его с какой-либо формой общественного сознания» (*В. А. Туманов.* Современный антимарксизм и теория права. — «Советское государство и право», 1969, № 4, стр. 64). Вместе с тем право, как известно, оказывает весьма существенное влияние на правосознание и через него — на культуру, нравственность и общественное сознание вообще.

[2] См. *С. А. Голунский.* О творческой революционной роли социалистического права в период развернутого строительства коммунизма.— «Советское государство и право», 1961, № 10; *А. Ф. Шебанов.* Советское социалистическое общенародное право, стр. 73—77; *В. С. Основин.* Советские государственно-правовые отношения. М. 1965, стр. 6, и др.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 259.

по себе ничего не дает, а только санкционирует существующие отношения» [1].

Говоря о роли и возможностях права в развитии общества, С. Н. Братусь правильно отмечает, что «некоторые авторы, усиленно подчеркивающие активную роль правовой надстройки в развитии общественных отношений, иногда переоценивают эту роль, забывая о примате экономики над правом» [2].

С другой стороны, высокий авторитет, мощная идеологическая сила социалистического права обусловливают сознательное, массовое и активное осуществление, реализацию его велений советскими гражданами. И именно поэтому советское правоведение не должно ограничивать свои интересы лишь обобщением правоприменительной практики административных и судебных органов, которые имеют дело в основном с правонарушениями, с отрицательными, противоправными поступками людей (поэтому-то действие, например, гражданского права, как правило, рассматривается по судебным и административным делам, уголовное право изучается по судебной практике и т. д.). Между тем это не основной путь изучения действия права. За пределами советского правоведения не должна оставаться общая положительная функция права — регулирование правомерного поведения людей. Иначе говоря, следует изучать «нормальное» действие права, изучать прежде всего по правилу, а не по исключению (хотя и последнее, разумеется, необходимо) [3].

Такое изучение предполагает анализ не только «юридического» механизма непосредственного воздействия на поведение людей, но и всех тех много- и разнообразных путей, факторов и средств влияния на личность, которые в соответствующих условиях места и времени способствуют ее правомерной деятельности, профилактируют правонарушения, усиливают «юридический» механизм регулирования общественных отношений. «Нельзя

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 208.

[2] *С. Н. Братусь.* О некоторых вопросах соотношения экономики и права на современном этапе коммунистического строительства. — «Развитие теории государства и права XXIII съездом КПСС». М., 1968, стр. 179.

[3] Эта мысль была высказана П. Е. Недбайло. См. *С. С. Алексеев, Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло.* Методологические проблемы правоведения. — «Правоведение», 1964. № 4, стр. 26

не сожалеть,— как справедливо отмечает И. С. Самощенко,— что проблема использования разнообразных идеологических, психологических и т. п. «союзников» права в целях усиления эффективности правового регулирования в целом пока еще не привлекла внимания советских юристов, социологов, психологов и не стала еще в необходимой степени объектом их исследования. Если они и обращались к этой проблеме в последние годы, то, как правило, только в плане изучения мотивов противоправного поведения, чаще всего поведения преступников» [1].

В связи с рассмотрением проблемы общеобязательности права следует обратить внимание на ошибочную точку зрения, получившую распространение в экономической литературе, относительно взаимодействия экономических и юридических методов управления народным хозяйством. Если юристы считают, что любое правовое регулирование хозяйственной деятельности должно быть экономически обоснованным, то некоторые экономисты, напротив, игнорируют юридическую форму управления процессом производства и всей хозяйственной жизнью вообще. Эти экономисты характеризуют правовое регулирование лишь как одну из функций управления, как «достояние» соответствующих органов управления [2] или только как форму закрепления изменений, происходящих в экономической сфере [3]. Отдельные авторы даже полагают, что весь смысл правового регулирования в условиях социалистического общества состоит в принудительном исполнении команд управляющего органа [4].

Такого рода суждения не только неверны теоретически, но и вредны практически, поскольку явно принижают значение государственно-правового воздействия на хозяйственную жизнь, тем самым порождая нигилистическое отношение к праву, расшатывая (а не укрепляя)

---

[1] *И. С. Самощенко.* О нормативно-правовых средствах регулирования поведения людей. — «Правоведение», 1967, № 1, стр. 31.

[2] См. *А. С. Петров.* Экономические основы управления производством. М., 1966, стр. 94.

[3] См. *В. М. Бедненко.* Общественные начала в управлении производством. М., 1966, стр. 11.

[4] См. *А. А. Годунов.* Введение в теорию управления (Система промышленного производства). М., 1967, стр. 107.

принцип социалистической законности в хозяйственной деятельности.

Ю. М. Козлов убедительно показал, что процесс управления народным хозяйством облекается в правовую форму, которая есть одновременно и форма использования экономических категорий и закономерностей, что с помощью социалистического права создается определенный режим законности и государственной дисциплины в хозяйственном строительстве, обеспечивающий сочетание общегосударственных интересов и интересов производственных коллективов, гарантирующий оперативно-хозяйственную самостоятельность основного звена социалистической экономики — предприятия, развивающий экономические рычаги хозяйственного руководства и т. п. «Механизм взаимодействия экономических и юридических категорий в сфере хозяйствования, — пишет Ю. М. Козлов, — таков, что: во-первых, экономические категории определяют содержание категорий юридических; во-вторых, в юридических категориях опосредствуются категории экономические; в-третьих, как экономические, так и юридические категории используются для обоснования соответствующих решений (в последнем случае — с точки зрения принципов законности); в-четвертых, юридические категории выступают в роли повседневного регулятора, способствующего наиболее эффективному проведению в жизнь категорий экономического характера. Следовательно, право не только форма — оно есть непременный и важнейший элемент общего механизма воздействия государства на экономические отношения» [1].

---

[1] *Ю. М. Козлов.* Управление народным хозяйством и административное право. — «Советское государство и право», 1967, № 7, стр. 25—26. В этой связи П. Т. Полежай пишет, что нельзя переоценивать роль права в регулировании производственных отношений. «Ошибки в этом направлении особо опасны потому, что, будучи следствием субъективистских и волюнтаристских взглядов на закон, они могут привести к чрезмерному увлечению правовой регламентацией, к созданию «жестких», малоподвижных юридических рамок, сковывающих движение экономики и ограничивающих инициативу и самодеятельность социалистических предприятий в осуществлении народнохозяйственных планов...

С другой стороны, недопустимой является недооценка творческой роли социалистического права в регулировании производственных отношений, умаление этой роли в хозяйственном строительстве. Ошибки в этом направлении особо опасны потому, что они

Отмеченные особенности социалистического права обусловливают то, что Советское государство, организуя его реализацию, пользуется в основном методом убеждения, значение которого неуклонно возрастает по мере достижения новых успехов в создании материально-технической базы коммунизма, совершенствования производственных отношений и повышения уровня коммунистической сознательности советских граждан [1]. При этом Советское государство руководствуется указаниями В. И. Ленина, который говорил: «...чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов» [2].

В настоящее время советские люди активно участвуют в реализации действующего права, широкие массы трудящихся, объединяясь в разнообразные общественные организации, борются за образцовый социалистический правопорядок.

Природа, сущность и характер развитого социалистического общества создают возможности для значительного снижения преступности в результате подъема материальной обеспеченности, роста сознательности и культурного уровня советских граждан. Но наличие возможности отнюдь еще не приводит к автоматическо-

могут привести к игнорированию нормативной силы права, к ослаблению централизованного и целеустремленного регулирования производственных процессов, к противопоставлению закона какой-то особой хозяйственной и политической целесообразности» *(П. Т. Полежай.* Об относительной самостоятельности социалистического права.— «Вопросы государства и права». Сборник статей. М., 1970, стр. 113).

Определение границ правового регулирования производственных отношений зависит от конкретных условий хозяйственного строительства. «Трудность (и задача) состоит в том, чтобы в каждом конкретном случае находить ту грань, тот наиболее подходящий, оптимальный вариант правовой нормы, который направлял бы развитие экономики в нужную нам сторону» («Юридическая наука в условиях коммунистического строительства».— «Коммунист», 1963, № 16, стр. 31).

[1] В. И. Ленин отмечал: «...мы кругом себя наблюдаем миллионы раз, как легко привыкают люди к соблюдению необходимых для них правил общежития, если нет эксплуатации, если нет ничего такого, что́ возмущает вызывает протест и восстание, создает необходимость *подавления»* (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 90).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 42, стр. 140.

му искоренению преступности. Для превращения возможности полного искоренения преступности в действительность нужны организованные усилия всего общественного и государственного механизма, всего общества, нужны также меры государственного принуждения. Поэтому Советское государство наряду с методом убеждения обеспечивает реализацию права и методом принуждения, применяемого в тех случаях, когда отдельные граждане отказываются от добровольного его исполнения, нарушают требования советского законодательства, совершают преступные деяния.

Однако в условиях социалистического общества принуждение является не основным, не главным, а вспомогательным средством обеспечения реализации права. Оно применяется на базе убеждения и вслед за убеждением большинства трудящихся в целесообразности исполнения правовых предписаний. «Прежде всего мы должны убедить, а потом принудить,— указывал В. И. Ленин.— Мы должны во что бы то ни стало сначала убедить, а потом принудить»[1]. Кроме того, характер этого принуждения принципиально, в корне отличен от принуждения, применяемого эксплуататорскими государствами. Во-первых, оно применяется в отношении лишь отдельных членов общества, не исполняющих или нарушающих требования советского права (и этим, кстати, отличается от насилия, применяемого эксплуататорскими государствами в массовом порядке по отношению к эксплуатируемым, угнетаемым классам); во-вторых, оно используется только на основе и в строгих пределах закона; в-третьих, оно прежде всего и главным образом преследует цель не подавления, кары или возмездия, а обеспечения образцового правопорядка и перевоспитания нарушителей закона.

Сознательное, добровольное и свободное исполнение правовых предписаний все более широкими массами трудящихся сопровождается сужением сферы действия государственного принуждения. По мере возрастания роли убеждения в исполнении правовых предписаний все реже приходится прибегать к мерам принуждения в целях обеспечения реализации права, юридическая обязанность перестает играть роль силы, навязанной лич-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 43, стр. 54

ности как бы извне, и превращается в осознанный долг, внутреннее побуждение, привычку. Этот процесс особенно интенсивно протекает в развитом социалистическом обществе.

Общеобязательность права, и в частности закона, охватывает обычно более или менее продолжительный период времени, в течение которого закон может быть распространен и на те общественные отношения, необходимость регулирования которых не мог предвидеть законодатель в момент принятия данного закона. В связи с этим в теории и практике юриспруденции возник вопрос: общеобязательность относится к воле законодателя или к воле самого закона?[1] Стремясь ответить на этот вопрос, Н. Г. Александров предложил различать волю, возводимую в закон, и волю, возведенную в закон. Эта мысль, безусловно, плодотворна, поскольку, как ее объясняет сам Н. Г. Александров, воля, возводимая в закон, будучи превращенной в свой продукт — в юридическую норму, «объективируется, получает самостоятельное существование, уже независимое от волеизъявлений, из которых слагалась состоявшаяся правотворческая деятельность. При этом объективная значимость правовой нормы определяется тем, что она выражает объективный интерес господствующего класса, обусловленный его экономическим положением, и тем самым является объективированной волей данного класса»[2]. И далее, делая практические выводы, вытекающие из данной мысли, он пишет: «Правовая норма, как объективированное волевое решение, предназначенное направлять поведение людей, может регулировать также и те новые отношения, которые не имелись в виду при создании данной нормы, если последняя применительно к регулированию этих новых отношений также выражает объективный интерес класса, соответствует его воле»[3].

К сожалению, эти выводы Н. Г. Александров сопровождает нечеткими положениями, в частности противо-

---

[1] Очевидно, что такой вопрос может возникнуть лишь в отношении абстрактной нормы, поскольку казуальная норма, содержащая в себе исчерпывающий перечень предусмотренных ею случаев, исключает возможность ее применения к вновь возникшим отношениям.

[2] *Н. Г. Александров.* Сущность права. М., 1950, стр. 27.

[3] Там же, стр. 28.

поставлением возводимой в закон воли как «воли в собственном, психологическом смысле» возведенной в закон воле как «не воле в психологическом смысле». Критикуя эти положения, Б. В. Шейндлин отмечал, что и то и другое суть воля психологическая, поскольку иной воли существовать не может. При этом он совершенно правильно писал: «Воля — это определенный психологический процесс и, разумеется, как активный процесс сознания имеет различные ступени развития, различные формы выражения и различную степень организации» [1].

Но если данными замечаниями ограничивается критика Б. В. Шейндлина, отнюдь не затрагивающая самого существа вопроса, то О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский пытаются оспорить всю концепцию Н. Г. Александрова. Почти буквально повторив критику Б. В. Шейндлина, они далее пишут: «Ошибочная в теоретическом отношении, приведенная концепция в случае ее принятия должна была бы влечь за собою и неправильные практические выводы. В самом деле, если воля законодателя значения не имеет, если для применения нормы права к новым отношениям достаточно лишь установить соответствие этого действия объективным интересам господствующего класса, то спрашивается, кто же вправе принять решение по такому вопросу. Решить этот вопрос, по-видимому, могут лица, применяющие закон по собственному усмотрению. Но тогда идея законности была бы несовместима с самою сущностью права» [2].

Эта критика представляется необоснованной. Во-первых, Н. Г. Александров нигде и никогда не говорил, что «воля законодателя значения не имеет», а рекомендовал лишь отличать ту волю, которая создает закон в процессе правотворческой деятельности господствующего класса, от той воли, которая объективируется в результате правотворчества в правовой норме. И это, безусловно, верно, поскольку в процессе правотворчества могут возникать (и часто возникают) такие волевые акты отдельных членов господствующего класса, направленные на создание правовой нормы, которые в конечном итоге либо не получат в ней своего воплощения, либо (по крайней мере) в процессе коллективного обсуждения будут

[1] *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 33.

[2] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 49.

изменены, уточнены, конкретизированы или дополнены [1]. Во-вторых, Н. Г. Александров говорит не только о том, что «для применения нормы права к новым отношениям достаточно лишь установить соответствие этого действия объективным интересам господствующего класса», но и о соответствии этого действия воле господствующего класса, т. е. закону. Следовательно, решение вопроса о соответствии действия объективным интересам господствующего класса, по Н. Г. Александрову, принадлежит закону, а отнюдь не лицам, применяющим этот закон «по собственному усмотрению».

Если же признать правильной точку зрения, противоположную концепции Н. Г. Александрова, то тогда-то именно идея законности в действительности и оказалась бы «несовместима с самою сущностью права». На самом деле, поскольку, как пишут сами О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, «когда мы читаем текст изданного в свое время закона, мы можем и не знать мотивов, побудивших законодателя к его изданию» [2], поскольку при его применении мы лишены возможности руководствоваться волей законодателя. Рекомендуя же тем не менее субъектам, применяющим закон, руководствоваться не волей закона, а волей законодателя, мы тем самым ориентировали бы их опираться на «собственное усмотрение», т. е. зачастую фактически на нарушение законности. К сказанному следует также добавить, что такая позиция противоречила бы прямым указаниям основоположников научного коммунизма о том, что воля законодателя не должна утверждать себя взамен закона (К. Маркс) [3], что «давно уже известно, что примене-

---

[1] Справедливости ради следует заметить также и то, что при всей нечеткости отмеченных выше положений Н. Г. Александров вовсе не отрывает психологическую волю от социальной. Говоря о возведенной в закон воле, он имеет в виду не отдельные акты волеизъявления представителей господствующего класса, а объективированную в законе общую волю этого класса. Это подтверждается и тем, что Н. Г. Александров в другой своей работе прямо пишет: «Рассуждения о воле в «юридическом смысле», противопоставляемой воле в психологическом смысле, носят на себе следы метафизики» (*Н. Г. Александров.* Юридическая норма и правоотношение, стр. 8).

[2] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 49.

[3] «*Законодательная* функция есть воля не в ее практической, а в ее теоретической энергии. *Воля* не должна здесь утверждать

нию подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя» (В. И. Ленин) [1].

Таким образом, в данном случае критика оборачивается против самих критиков.

Общеобязательность права создает исключительно благоприятные условия для развития личности, проявления ее способностей и дарований, мирного созидательного труда, творческих дерзаний, политической и производственной активности советского народа. В соответствии с предписаниями советского законодательства и в результате осуществления требований социалистической законности у нас установлен определенный политический и общественный уклад, четкий правовой порядок, твердый и стабильный правовой режим, в условиях которого протекает наша жизнь, успешно осуществляется коммунистическое строительство.

§5. Определение сущности права

Подводя итог предшествующим рассуждениям, следует вкратце подчеркнуть те основные, главные и вместе с тем специфические свойства права, взаимосвязанная совокупность которых позволяет определить его сущность [2]. Каковы же эти свойства?

1. *Право является государственной волей господствующего класса.* Это не потребность, интерес, цель или

себя *взамен закона:* ее роль в том именно и заключается, чтобы *открыть* и *сформулировать* действительный закон» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 359).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 273.

[2] Определения служат целям подытоживания рассуждений и, давая им краткую сводку, облегчают увидеть в единстве общие и специфические особенности изучаемого явления. «Дефиниции, — писал Ф. Энгельс, — не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция... Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что́ она в состоянии выразить» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 634—635).

установка, а ими обусловленная воля господствующего класса как активная, действенная форма его сознания; это, далее, не сумма индивидуальных волевых актов представителей господствующего класса или его отдельных организаций, а его общая воля; это, наконец, не общественная воля вообще, а определенная ее разновидность — воля государственно организованного господствующего класса.

2. *Право выражается в системе норм.* Это не акты применения права или отдельные, индивидуальные распоряжения, а общие правовые установления; это, далее, не правосознание или конкретные правоотношения, а нормативные предписания; это, наконец, не простая совокупность правовых норм, а их определенная система.

3. *Функция права состоит в регулировании общественных отношений.* Это не пассивное отражение общественных отношений, а активное воздействие на них; это, далее, не просто активное воздействие, а четко упорядоченное, строго целенаправленное воздействие на общественные отношения; это, наконец, не субъективно произвольное, а объективно необходимое регулирование общественных отношений в интересах господствующего класса.

4. *Право обладает общеобязательностью.* Это не совет или пожелание, а директивное указание; это, далее, не только нормативы поведения, а обязательные нормативные предписания; это, наконец, обязательные предписания не для отдельных лиц или организаций, а общеобязательные нормы для всех лиц и организаций.

5. *Осуществление права обеспечивается государством и соответствующими общественными организациями господствующего класса.* Это обеспечение осуществляется не только авторитетом самого права, уважением к его справедливости, пониманием его необходимости, чувством страха перед наказанием и т. д., но и деятельностью государства; это обеспечение, далее, осуществляется не только деятельностью государства, но и — особенно в условиях социализма — всеми теми общественными организациями господствующего класса, которые входят в систему политической организации общества и содействуют функционированию государственной власти; это обеспечение, наконец, осуществляется не только на основе воспитания, убеждения, организации

масс, но и — в случае неисполнения или нарушения права — принудительной силой государственного механизма.

С учетом данных свойств можно предложить следующее определение сущности права:

Право есть государственная воля господствующего класса, выраженная в системе общеобязательных норм, направленных на регулирование общественных отношений в интересах этого класса и обеспеченных в своем осуществлении принудительной силой государства.

Не трудно видеть, что это определение фактически тождественно большинству тех определений права, которые сформулированы в советской юридической науке. Вместе с тем оно не только отличается некоторыми своими моментами от данных определений, но и явно не совпадает с теми отдельными определениями, которые представляются неточными.

Возьмем для сравнительного анализа определение права, сформулированное С. С. Алексеевым в соответствии с последними достижениями советской юридической науки в этой области. *«Право,* — пишет он,— *это система общеобязательных, гарантированных государством норм, выражающая волю государства и выступающая в качестве классового регулятора общественных отношений»* [1].

В отличие от этого определения прежде всего представляется необходимым вслед за О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородским на первый план выдвинуть главное свойство права — государственную волю господствующего класса, непосредственно определяющую все другие его свойства. Тем самым подчеркивается тот очень важный момент, что именно воля господствующего класса составляет ядро права. «Не следует забывать,— пишут также указанные авторы,— что право характеризуется Марксом и Энгельсом как воля господствующего класса, возведенная в закон, а не как законы, выражающие волю господствующего класса» [2].

Кроме того, нет смысла заменять Марксово указание

---

[1] *С. С. Алексеев.* Общая теория социалистического права, вып. I, стр. 25.

[2] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 60

о праве как возведенной в закон воле господствующего класса, т. е. государственной воле господствующего класса, менее классово определенным выражением «воля государства». На основе потребностей, интересов и целей господствующего класса возникает его воля, которая, для того чтобы получить общеобязательное значение, как отмечал Ф. Энгельс, должна пройти через волю государства [1]. Следовательно, государство не творит волю господствующего класса, а придает ей правовой характер. Государство непосредственно создает и реализует право, но его сущностью является воля господствующего класса. Именно воля господствующего класса, обладающего государственной властью, определяет как правотворческую, так и правореализующую деятельность государства.

С. С. Алексеев, так же как О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский [2], отмечает, что право является классовым регулятором общественных отношений. Однако указание на «классовость» регулирования представляется излишним: если право есть воля господствующего класса, то и регулирование, естественно, осуществляется в соответствии с волей этого класса. Вместо этого следует в определении указать, что правовое регулирование осуществляется в интересах господствующего класса, поскольку, как было отмечено ранее, не каждый член господствующего класса поднимается до осознания объективных интересов своего класса и поэтому не обладает волей, закрепленной в праве. Но объективные интересы каждого представителя господствующего класса тем не менее обеспечиваются в праве соответствующим регулированием общественных отношений.

В определениях С. С. Алексеева, О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского указывается, что право «гарантируется», «охраняется» государством. Между тем оно не только гарантируется и охраняется, но и обеспечивается огромной воспитательной, организационной деятельностью государства, а в необходимых случаях и его

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 310.

[2] «Право, — пишут О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский, — есть государственная воля господствующего класса, выраженная в совокупности норм, которые охраняются государством как классовый регулятор общественных отношений» (*О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 59).

принудительной силой. Поэтому более полной характеристикой сущности права со стороны механизма его реализации является выражение «обеспечивается». Кроме этого представляется необходимым в определении отметить и принудительный момент права, который хотя и охватывается понятием обеспечения (так же как и моменты гарантированности и охранности), но имеет особое, специфическое для права значение, на которое специально указывал В. И. Ленин [1].

При социализме в осуществлении права принимают участие, как было отмечено выше, и общественные организации трудящихся. Их деятельность в пропаганде действующего законодательства, в воспитании у населения чувства уважения к авторитету закона, убеждения в необходимости его соблюдения и исполнения имеет весьма существенное значение для обеспечения реализации правовых предписаний, укрепления законности и правопорядка. Поэтому странным выглядит то обстоятельство, что во всех определениях права эта роль общественных организаций не отмечается. В предложенном ниже определении данный пробел восполняется.

Говоря выше о недостатках отдельных определений права, сформулированных в советской юридической литературе, мы имели в виду прежде всего определение, выдвинутое Я. Ф. Миколенко. «...Право,— пишет он,— это закрепленный и охраняемый государственной властью порядок общественных отношений в качестве волевых отношений» [2].

Подобное понимание сущности права вызывает принципиальные возражения: во-первых, в этом определении ничего не говорится о классовой сущности права; во-вторых, здесь категория сущности предмета (явления) подменена категорией цели (в определении речь идет не о сущности права, а о его задаче, результате его действия); в-третьих, право при такой его трактовке сводится к фактическим отношениям, к фактическому порядку (указание на защиту этого порядка не поправляет дела, так как здесь ничего не сказано о том, на основании чего защита осуществляется, а ведь защи-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 33, стр. 99.

[2] *Я. Ф. Миколенко.* Право и формы его проявления. — «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 52.

щать отношение можно как на основе закона, так и вопреки ему) [1].

Исходя из общего определения сущности права, можно предложить следующее определение сущности социалистического права с учетом его специфики.

Социалистическое право есть государственная воля руководимого рабочим классом всего трудящегося народа, выраженная в системе общеобязательных норм, направленных на охрану устоев и принципов социализма, регулирование общественных отношений в интересах строительства коммунизма и обеспеченных в своем осуществлении деятельностью государства (в том числе и принудительной) и соответствующих общественных организаций.

В отличие от сущности всех эксплуататорских типов права сущность социалистического права, как это видно из данного определения, обладает рядом принципиальных особенностей. Во-первых, в социалистическом праве выражается государственная воля не господствующего меньшинства общества, а воля всего трудящегося народа, руководимого рабочим классом (как в период существования и действия права пролетарской диктатуры, так и в период существования и действия общенародного права). Во-вторых, оно подчинено не интересам сохранения отношений господства одного, эксплуатирующего класса над другими, эксплуатируемыми классами, а интересам постоянного развития и совершенствования отношений сотрудничества дружественных классов в целях построения коммунизма.

Этими основными особенностями сущности социалистического права определяются и все другие его специфические черты, которые уже частично отмечались (демократизм, гуманность и справедливость, мощная идеологическая сила и высокий моральный авторитет, динамизм, стабильность и формальная определенность, особый характер обеспеченности путем воспитания, убеждения и принуждения и т. д.) и будут отмечены в дальнейшем.

---

[1] См. *Д. А. Керимов, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко, Л. С. Явич.* К вопросу об определении понятия социалистического права. — «Правоведение», 1966, № 2, стр. 22.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ПРАВА

§1. Понятие содержания права

Исследование любого исторического типа права предполагает определение не только его сущности, но также и содержания, в котором непосредственно обнаруживается классовое назначение, направленность, цель каждой данной правовой системы.

Содержание права представляет собой продолжение его сущности в смысле конкретизации в правовых нормах, правилах поведения общей воли государственно организованного господствующего класса. Определение сущности права как общей воли государственно организованного господствующего класса не имело бы ни теоретического, ни практического смысла, если бы на основе этого определения не последовало рассмотрение той системы правовых норм, содержание каждой из которых раскрывает в подробной регламентации поведения людей природу этой воли, ее конкретную определенность. Если сущность вскрывает то, чем право фактически является (общая воля государственно организованного господствующего класса), то содержание определяет, в чем право конкретно состоит (назначение, направленность, цель этой воли).

Общая воля государственно организованного господствующего класса как сущность права обретает соответ-

ствующую конкретизацию в содержании каждой правовой нормы — властном суждении по поводу определенного должного или возможного поведения членов общества. Разнообразие общественных отношений и многосторонняя нормотворческая деятельность государства, как правильно отмечает В. М. Чхиквадзе, вызывают необходимость формулирования государственной воли в виде самых различных по содержанию, но единых по своей сущности правил поведения [1].

Сущность и содержание права едины [2].

Следовательно, в содержании права продолжается, раскрывается, конкретизируется, развертывается его сущность. Поэтому сущность права нельзя не противопоставлять, ни отождествлять с содержанием права и каждой правовой нормой как стороной, моментом, частичкой этой сущности. Между тем иногда в юридической литературе наблюдаются подобные тенденции. Например, Е. А. Кучинский, упрекнув ряд авторов за «оперирование» категориями содержание и форма, сущность и явление в противоречии «с их действительным назначением», решительно возражает, в частности, против трактовки содержания права как выражения и конкретизации его сущности. По мнению В. А. Кучинского, сущность и содержание права — категории «разноплановые»: содержание права — это идеальное отражение в нем объективной действительности, а сущность права — это воля «господствующего класса, которая, будучи сама производной от материальных условий жизни общества, это содержание санкционирует» [3]. Но такой искусственный разрыв сущности и содержания права ничем не оправдан: не только содержание, но и сущность права является «идеальным отражением» объективной дей-

---

[1] См. *В. М. Чхиквадзе.* Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. М., 1967, стр. 293. А. Ф. Шебанов также отмечает, что содержание разнообразных правовых норм показывает, «какие именно политические, экономические, культурные и другие задачи призвано решать советское право на данном этапе, и тем конкретизирует его сущность в этот период» (*А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 17).

[2] См. *Т. Ионашку, А. М. Нашиц.* К вопросу о сущности социалистического права.— «В. И. Ленин о социалистическом государстве и праве», стр. 301—302.

[3] *В. А. Кучинский.* Личность, свобода, право. Минск, 1969, стр. 80—82.

ствительности, хотя бы уже потому, что представляет собой концентрацию и обобщение содержательных свойств права. С другой стороны, не только сущностью, но и содержанием права является воля государственно организованного господствующего класса, поскольку «идеальное отражение» объективной действительности в праве осуществляется лишь через сознание и волю этого класса. Поэтому воля господствующего класса не только «санкционирует» содержание права, но и творит его, «идеально отражая» объективную действительность [1].

Сущность права проникает в содержание всей совокупности правовых норм и в каждую отдельную правовую норму, в которой заключена определенная часть содержания данного типа права. Через содержание конкретных норм права выражается и проявляется частичка, сторона или момент сущности права. Содержание права, каждой отдельной правовой нормы не существует иначе как в той связи, которая ведет к сущности права; всякое содержание правовой нормы есть (так или иначе) сущность права, но неполно входит в нее и т. д. и т. п. Всякое отдельное содержание правовой нормы тысячами переходов связано с другого рода правовыми нормами и в совокупности с ними дает возможность обнаружить сущность права.

Следовательно, сущность и содержание права отнюдь не «разноплановые», а именно однопорядковые категории. Но это вовсе не означает их полного совпадения; сущность права в абстрактно-концентрированной форме обобщает главные, основные, важнейшие свойства его содержания; в содержании права находит свою конкретизацию, продолжение и раскрытие его сущность. Это удачно показывает А. А. Федосеев, отмечая, что сущность нормативных актов проявляется прежде всего в

[1] А. А. Ушаков полагает, что право помимо собственного внутреннего содержания имеет еще «внешнее» содержание, каковым является «бытие или базис общества» (см. *А. А. Ушаков.* Содержание и форма в праве и советское правотворчество. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Свердловск, 1970, стр. 18). Трудно понять научное значение этого утверждения. Во-первых, базис определяет содержание не только права, но и всех иных явлений общественной жизни; во-вторых, не существует «внешнего» содержания объекта, которое находилось бы за его пределами.

их содержании. Общенародная государственная воля, составляя сущность нормативных актов, выражается в содержании нормативных актов. Однако отсюда отнюдь не следует, что эта воля и есть специфическое содержание нормативных актов. Такое утверждение вело бы к отождествлению понятий сущности и содержания, так как государственная воля выражается не только в нормативных актах, но и в санкционированных государством обычаях и нормативных договорах, а также в ненормативных актах.

Между тем отождествление понятий сущности и содержания недопустимо, хотя они и являются однопорядковыми категориями. Категория сущности — это более глубокое, более общее понятие, нежели категория содержания. Если сущность — это основа, суть процесса, то содержание — это совокупность важнейших составных элементов данного процесса. Сущность — определяющая основа, содержание — основные моменты, теснейшим образом взаимосвязанные друг с другом. Если категория сущности применительно к нормативным актам Советского государства показывает, что последние выражают общенародную государственную волю, то категория содержания вскрывает, какие конкретные требования выдвигает эта воля. А это значит, что содержанием нормативных актов является не просто государственная воля, а государственная воля, опосредованная в правовых нормах [1].

---

[1] См. *А. А. Федосеев.* Нормативные акты Советского государства и формы их выражения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1964, стр. 5—6. А. А. Ушаков отмечает, что некоторые юристы не различают понятия сущности и содержания права, «коль скоро они ставят вопрос о сущности советского пролетарского права и сущности современного советского общенародного права. А ведь сущность советского права как в прошлом, так и в настоящем одна — социалистическая, ибо советское право всегда является правом советского трудового народа. В процессе развития изменилась не сущность советского права, а его содержание: в прошлом содержанием советского права была воля рабочего класса, а сейчас советское право выражает волю всего народа, оставаясь однотипным по своей социалистической сущности. Ведь с изменением сущности права изменяется и его тип. Но никто не утверждает, что современное общенародное советское право изменило свой социалистический тип» (*А. А. Ушаков.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967, стр. 30).

Перейдем теперь к более подробному рассмотрению понятия содержания права[1].

Право определяется в конечном счете материальными условиями жизни общества. Оно формируется государством под воздействием ряда общественных факторов, среди которых производственные отношения являются в последнем счете решающими, но не единственными[2]; его содержание определяется главным образом экономикой общества, но испытывает на себе воздействие и многих других факторов общественной жизни (например, политики, морали, культуры).

Однако определять что-либо отнюдь не значит быть определяемым. Поэтому нельзя представлять себе дело так, будто все эти факторы общественной жизни, определяющие и воздействующие на право, составляют сами по себе его содержание. Между тем именно подобного рода утверждения имеются в юридической литературе[3]. Так, О. С. Иоффе указывает, что соотношение содержания и формы в различных явлениях естественной и общественной жизни выражается по-разному. «В одних случаях, — пишет он, — содержание оказывается непосредственно включенным в форму его выражения. Так, сюжет любого литературного произведения непосред-

---

[1] Следует заметить, что в последние годы проблема содержания и формы права в советской юридической науке оживленно обсуждается. В этой дискуссии принял участие и автор настоящей работы (см. *Д. А. Керимов*. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955, стр. 36—37; *его же*. Свобода, право и законность. М., 1960, стр. 185—205). Однако ныне возникла потребность остановиться вновь на данной проблеме.

[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 276.

[3] Этим ошибочным взглядам положил начало, по-видимому, Н. Г. Александров. «В каждой юридической норме можно... — писал он, — различать 2 элемента. Во-первых, элемент, воспроизводящий (разумеется, идеально) известные отношения, существующие или могущие существовать в объективной действительности. Во-вторых, элемент, воздействующий на отражаемые общественные отношения...» (*Н. Г. Александров*. Сущность права. М., 1950, стр. 11). Однако в правовой норме невозможно отличить «воспроизводящий элемент» от «элемента воздействующего». Воспроизведение объективной действительности в правовой норме осуществляется не в простой зеркальной форме, а в преобразованной, концентрированной и обобщенной форме. И только благодаря такому воспроизведению действительности правовая норма приобретает способность обратно воздействовать на нее.

ственно включен в те словесные, стилистические и грамматические приемы, которыми воспользовался его автор. Напротив, в других случаях содержание только отражается в данной форме, но непосредственно не включается в нее. Так, хотя содержание человеческого сознания и образует объективный мир, окружающий человека, однако этот мир не переносится в самое сознание, а только отражается в нем. В таком же соотношении друг с другом находятся также юридические нормы и общественно-производственные отношения людей» [1].

Уже в своих исходных положениях О. С. Иоффе допускает ошибку, говоря о различиях там, где они фактически не существуют. Анализируя приведенные им примеры, легко заметить, что общие закономерности соотношения содержания и формы в них тождественны. Содержание литературного произведения (или, как полагает О. С. Иоффе, его «сюжет» [2]) не переносит, а отражает объективный мир и выражается в определенной литературной форме. Аналогично этому содержание юридических норм, т. е. воля господствующего класса, отражая общественно производственные отношения людей, проявляется в определенной юридической форме. Следовательно, объективный мир не переносится в сюжет литературного произведения, так же как и в содержание человеческого сознания вообще, а только отражается в них. С другой стороны, любое содержание, а не только сюжет литературного произведения, непосредственно включено в определенные формы. В частности, содержание той или иной правовой нормы также непосредственно включено «в те словесные, стилистические и грамматические приемы», которыми воспользовался законодатель.

Право, как и любые иные идеологические явления, представляет собой форму по отношению к базису обще-

---

[1] *О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права. — «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 83.

[2] Кстати заметим, что в советском литературоведении под содержанием литературного произведения отнюдь не понимается его сюжет (см., например, *Л. И. Тимофеев.* Проблемы теории литературы. М., 1955, стр. 139; *И. И. Виноградов.* Проблемы содержания и формы литературного произведения. М., 1958, стр. 7—26, 169—215, и др.).

ства, который в данном соотношении выступает как содержание, хотя в свою очередь является формой по отношению к производительным силам данного общества. Здесь проявляется общий закон диалектической взаимосвязи формы и содержания. И об этой связи О. С. Иоффе правильно пишет: «В мире не существует явлений, которые выполняли бы функцию либо содержания, либо одной только формы. Форма превращается в содержание, а содержание переходит в форму. То, что выступает как форма в одном виде взаимодействия, в другом его виде может приобрести значение содержания» [1]. В соответствии с этим О. С. Иоффе проводит смысловое различие между понятиями «правовая форма» и «форма права», указывая, что «понятие «правовая форма» ориентируется на право в целом, его место среди других идеологических явлений, его роль по отношению к экономическому базису общества», а понятие «форма права» ориентирует на рассмотрение права как известного самостоятельного явления, «которое выражается вовне при помощи определенных конкретных способов» [2].

Трудно отказать О. С. Иоффе в обоснованности данных положений, из которых вытекают два вывода: 1) в отношениях с другими явлениями общественной жизни право выступает либо в качестве формы, либо в качестве содержания; 2) право само по себе, как относительно самостоятельное общественное явление, имеет и свою собственную форму, и свое собственное содержание (которые находятся в определенном соотношении между собой).

Эти выводы намечают пути дальнейшего исследования проблемы: можно исследовать ее в направлении первого вывода или в направлении второго вывода. Можно, конечно, исследовать проблему одновременно в двух направлениях, но при этом необходимо не упускать из виду различие между первым и вторым выводами и тем более не игнорировать это различие, не смешивать и не переносить отношения первого вывода в

---

[1] *О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права. — «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 84.

[2] Там же.

область второго вывода [1], что, к сожалению, допускает О. С. Иоффе в своих дальнейших рассуждениях.

Вкратце ход его рассуждений выглядит следующим образом. Основываясь на своих исходных положениях, автор утверждает, что, поскольку общественно-производственные отношения людей идеально отражаются в праве, постольку они и составляют его «материальное содержание». Однако в праве не только отражаются общественно-производственные отношения людей, но и непосредственно выражается воля господствующего класса, которая поэтому должна рассматриваться как его «классово-волевое содержание». Наконец, содержание нормы составляет правило поведения, в котором определено правовое действие нормы, и поэтому «его надлежит рассматривать как юридическое содержание последней» [2].

Формулируя свой первый вывод из этих рассуждений, О. С. Иоффе пишет, что «право обладает материальным, классово-волевым и юридическим содержанием». Это положение уточняется вторым и третьим выводами, в которых указывается, что «материальное содержание права находится за его пределами и получает в нем только идеальное отражение, тогда как классово-волевое и юридическое содержание воплощены в самом праве и потому образуют его относительно самостоятельное содержание», что «классово-волевое содержание определяется материальным и в свою очередь определяет юридическое содержание права...» [3].

Прежде всего не ясно, рассматривает ли автор право в отношениях с другими общественными явлениями, в частности с экономическим базисом общества, или само по себе как относительно самостоятельное явление. Если право рассматривается в отношении с экономическим базисом общества, то его содержанием являются отраженные производственные отношения, а все остальное

---

[1] Присоединившись к этим положениям, А. Ф. Шебанов указывает, что смешение этих двух аспектов (выводов) является «причиной ряда ошибочных взглядов по данному вопросу. Наоборот, проведение четкого различия между указанными аспектами существенно облегчает правильное его разрешение» (*А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 14).

[2] *О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права. — «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 85.

[3] Там же.

выступает в качестве формы этого содержания. Если же право рассматривается само по себе как относительно самостоятельное явление, то его содержание не может находиться за его пределами. Немыслимо себе представить какое-либо явление, содержание которого (хотя бы в части своей) выходило за его пределы, а форма соответственно оказалась бессодержательной.

Но дело не только в этом. Если «материальное содержание права» лишь идеально отражается в праве, то, следовательно, содержанием права будет не это «материальное содержание права», а именно его «идеальное отражение»[1]. Что же из себя представляет это «идеальное отражение» материального? «Идеальное отражение» материального есть действующие правовые нормы, их система, которая конкретно воплощает в себе общую волю государственно организованного господствующего класса, в конечном счете определяемую материальными условиями его существования. С другой стороны, эта же воля приобретает характер юридического содержания именно потому, что воплощается в системе правовых норм и в каждой отдельной правовой норме. Подобно тому как идеальное отражение «материального содержания» есть не что иное, как классово-волевое содержание права, так и «юридическое содержание» является не отдельным и самостоятельным содержанием, а той же самой волей господствующего класса, воплощенной в праве[2].

---

[1] Природа идеальности отражения состоит отнюдь не в том, что она обладает свойствами самого отражаемого объекта. «Идеальная природа сознания обусловливается не природой отражаемого объекта, а формой отражения, способом воспроизведения особенностей воздействующего объекта. Сознание отражает объект в форме идеальных образов, являющихся снимками, копиями последнего. И это касается любого объекта, будь он по своей природе материальным, идеальным или единством материального и идеального» («Ленинская теория отражения и современность». София, 1969, стр. 148).

[2] К сказанному следует добавить, что некоторые положения самого О. С. Иоффе не согласуются с его же конструкцией. Так, он пишет: «В юридическом содержании нормы выражается классово-волевое содержание права, которое служит лишь идеальным отражением его экономического содержания» (*О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права.— «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 85). Следовательно, «юридическое содержание» — это и есть «классово-волевое содер-

Какие же доводы приводит О. С. Иоффе для обоснования своей позиции? Указав на отдельные факты текстуального совпадения норм советского и буржуазного законодательства, он делает вывод, подтверждающий, с его точки зрения, необходимость деления содержания права на классово-волевое и юридическое [1]. При этом допускается явное смешение сущности и содержания права: правило поведения — это юридическое содержание права, а «более глубокое» содержание — это классово-волевая сущность права. Оказывается, «что классово-волевая сущность права», воля законодателя могут непосредственно и не совпадать с «содержанием отдельных норм» [2].

Но при более углубленном рассмотрении проблемы выясняется, что характеристика содержания по его сущности первого порядка, сущности второго порядка и т. д. как раз и свидетельствует о том, что речь идет не о различных содержаниях, а об одном содержании. В противном случае следовало бы говорить не о сущности первого порядка, сущности второго порядка одного содержания, а о различных содержаниях и сущности первого, второго и т. д. порядка. Поэтому «юридическое содержание», т. е. правило поведения, закрепленное в правовой норме, представляет собой не что иное, как ту же волю господствующего класса, конкретно выраженную в этой норме и устанавливающую должное или возможное поведение членов общества. «Содержание отдельных норм» не может не совпадать с классово-волевым их содержанием, поскольку они являются конкретным выражением и закреплением этой воли. О. С. Иоффе хотел обратить внимание лишь на то, что текстуальное совпадение отдельных норм социалистического и буржуазного права вовсе не

жание», поскольку первое выражает второе. «Классово-волевое содержание» же является отражением «материального содержания права», которое вообще в право не включается, а находится «за его пределами». Таким образом, в праве оказалось только «юридическое содержание», которое выражает «классово-волевое содержание», а это последнее отражает «материальное содержание». Тогда каков же смысл всей конструкции О. С. Иоффе?!

[1] См. *О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права. — «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 86—87.

[2] *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 136.

исключает противоположности их классового содержания. Но это, разумеется, правильное утверждение вовсе не требует дуализма содержания, поскольку внешне сходные правовые нормы противоположных исторических типов права в лучшем случае характеризуют их текстуальную форму, но отнюдь не содержание.

Из сказанного следует, в частности, что, изучая содержание той или иной правовой нормы в целях, например, ее практической реализации, недостаточно понять лишь смысл ее текста, выступающего на поверхности. Необходимо обнаружить более глубокую сущность этого текста, содержание именно данной, а не какой-либо иной нормы. Иначе говоря, необходимо уяснить себе не только текстуальное выражение правовой нормы, но и определить, чьи интересы она отражает, воля какого именно господствующего класса в этой норме заключена, какими конкретными условиями материальной жизни общества эта воля обусловлена. Для того чтобы выяснить, воля какого именно господствующего класса составляет содержание отдельной правовой нормы, необходимо обратиться к сущности той правовой системы, к которой относится данная правовая норма. В результате познания не только содержания отдельной правовой нормы, но и сущности данной правовой системы окажется, что содержание этой нормы имеет далеко не те смысл, назначение и цель, какие имеет текстуально совпадающая с ней правовая норма другой правовой системы [1].

---

[1] В статье «О содержании и форме социалистического права» Г. А. Белов, солидаризируясь с этими положениями, пишет: «О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородский полагают, что содержание нормы соотносится с сущностью права, как сущность второго порядка соотносится с сущностью первого порядка. Но содержание нормы права не вытекает как ближайшая новая ступень познания, следующая за сущностью права. В. И. Ленин, говоря о сущностях разного порядка, имеет в виду последовательное развертывание, развитие нашего знания одного и того же предмета, а не разных, пусть даже и соотносящихся каким-то образом между собой, предметов». И далее: «Положение О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского о соотношении сущности права и содержания нормы права подвергает обоснованной критике Д. А. Керимов, который правильно указывает, что содержание имеет не несколько компонентов — материальное, классово-волевое, непосредственно юридическое, а одно, единое — правовое». Вслед за этим Г. А. Белов делает заявление, которое вызывает недоумение: «Однако если отбросить этот явно ошибочный момент концепции О. С. Иоффе и М. Д. Шарго-

Однако задача познания правовой нормы этим не ограничивается. Необходимо, далее, определить, почему воля данного господствующего класса, составляющая содержание изучаемой правовой нормы, возникла и устремлена в то, а не иное направление, какие именно объективные и субъективные факторы общественной жизни породили эту волю, ее конкретный смысл, назначение, цель. Одним словом, почему правило поведения, закрепленное в правовой норме, имеет именно то, а не иное содержание. Для этого, как известно, необходимо выйти за пределы правовой нормы и обнаружить причины, которые породили и определили ее содержание. Решение этой задачи не означает, что «должно быть выявлено и материальное содержание правовой нормы»[1]. Здесь действуют общие методологические требования, предъявляемые к познанию любого явления. Изучая содержание какого-либо явления как следствия, мы должны познать причину (или причины) этого явления. Точно так же дело обстоит и с содержанием правовой нормы, для изучения которого необходимо познание конкретных условий материальной жизни общества. Поскольку же условия материальной жизни капиталистического и социалистического общества весьма различны, постольку в итоге познания оказывается различным и содержание капиталистических и социалистических правовых норм, несмотря на внешнее, текстуальное совпадение некоторых из них.

родского, то нетрудно заметить, что Д. А. Керимов соотношение сущности и содержания права понимает точно так же: конкретное правило поведения — это содержание, непосредственно вытекающее из сущности».

Парадоксальность положения состоит в том, что Г. А. Белов не заметил, как отверг позицию, к которой сам присоединился. Он, в частности, пишет, что «в содержании конкретизируется сущность права», что «если анализ сущности социалистического права отвечает на основной вопрос: в интересах кого создано и функционирует право, то анализ содержания дает возможность установить, как конкретно отражены в праве реальные отношения и в этом смысле в какой мере социалистическое право отражает волю, интересы трудящихся» (*Г. А. Белов.* О содержании и форме социалистического права. — «Советское государство и право», 1964, № 12, стр. 88, 86).

[1] *О. С. Иоффе.* О форме и содержании социалистического права. — «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 11, вып. 2, стр. 87.

Продолжая отстаивать критикуемую позицию, Б. В. Шейндлин указывал, что в Конституции СССР «отчетливо видно» уже не материальное, классово-волевое и юридическое содержание, а «экономическое, политическое и идейное» содержание (заметим при этом, что волевой момент содержания права вообще исчез), «что не исключает однако правовой специфики этого содержания...» [1]. Но автор не ответил (и не мог, разумеется, ответить), в чем же состоит отличие, например, «политического» содержания права от его «идейного» содержания. При таком толковании вопроса следуют явно неприемлемые выводы: либо «политическое» содержание права безыдейно, либо «идейное» содержание права беспартийно. Кроме этого можно было бы значительно увеличить количество «содержаний» права, указав, например, на его моральное, научное, техническое и т. п. «содержания».

Б. В. Шейндлин вместе с тем критиковал, в частности, наш взгляд по данному вопросу: «Марксистско-ленинская теория отражения, — писал он, — отнюдь не дает основания к утверждению, что идея — образ объективной реальности, будучи абстракцией, абсолютно лишен тех или иных сторон отражаемого им объективного содержания» [2]. Но в данном случае подменен предмет спора. В нашей работе «Законодательная деятельность Советского государства» речь шла отнюдь не о том, что абстракция (правовая норма) не отражает объективной реальности, а о том, что абстракция, будучи именно отражением объективной реальности, определяясь ею, не может быть самой этой реальностью, поскольку является ее идеальным образом. В содержание всякой абстракции (в том числе и в норму права) входят не сами предметы или явления (те или иные стороны их), как ошибочно думал Б. В. Шейндлин, а именно идеальный образ, идеальное отражение данных предметов или явлений (тех или иных их сторон). Чувствуя, вероятно, непрочность своей позиции, Б. В. Шейндлин писал, что определенные стороны, моменты экономики и политики «входят» в правовое содержание [3]. Заметим при этом,

---

[1] *Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права, стр. 25.
[2] Там же, стр. 23.
[3] См. там же, стр. 24.

что слово «входят» заключено автором в кавычки. Почему же однако? Не потому ли, что в содержание права входят не сами по себе стороны, моменты экономики и политики, а их отражение в воле законодателя?

Согласившись с тем, что «содержание права образует объективированная в системе общеобязательных норм *государственная воля»,* С. С. Алексеев вместе с тем указывает, что «по своему содержанию право — явление многогранное, разностороннее». «Рассматривая процесс формирования права, различные его связи и опосредствования, можно путем научных абстракций выделить в едином содержании права отдельные стороны или даже, оговорив условность подобного выделения, обособить разные «содержания» права» [1].

Каковы же эти «содержания»? Оказывается, то же «классово-волевое содержание» (т. е. та сторона содержания права, которая непосредственно выражает его сущность, классовые цели и задачи); «фактическое содержание» (т. е. то, что дано регулируемыми фактическими отношениями, характеризует реальное содержание норм, фактическое, конкретное содержание прав и обязанностей); «интеллектуальное содержание и др.» [2]. Далее автор пишет: «Кроме того, думается, есть достаточные основания для того, чтобы выделить ту сторону единого содержания права, которая может быть названа специфическим, специально-юридическим (или «имманентно правовым») содержанием» [3].

Не трудно видеть, С. С. Алексеев пытается объединить точки зрения, которые в принципе объединенными быть не могут, ибо «классово-волевое содержание» это и есть «фактическое содержание» права, «интеллектуально» отражающее регулируемые «фактические отношения». Что же касается правового содержания, то это не «сторона» содержания права, а все содержание его, поскольку у права не может быть неправового содержания. Фактическое классово-волевое, государственное содержание права, обусловленное регулируемыми общественными отношениями, и есть его специфическое «имманентно правовое» содержание. Любопытно при этом отметить,

---

[1] *С. С. Алексеев.* Социальная ценность права в советском обществе, стр. 44.

[2] Там же, стр. 44—45.

[3] Там же, стр. 45.

что С. С. Алексеев, безуспешно попытавшись объединить отличные друг от друга точки зрения простым и единственным словом «условность», не объяснил, в чем смысл хотя бы даже условного различения различных «содержаний» права. Впрочем, на этот вопрос не ответил ни один из критикуемых авторов.

Итак, в праве нет материального, экономического или фактического, политического, классово-волевого, идейного или интеллектуального и др. содержания, а имеется единое, особое и совершенно определенное содержание: общая воля государственно организованного господствующего класса, конкретно выраженная в правовой системе в целом и проявляющаяся в каждом отдельном правиле поведения, закрепленном в правовой норме. Эта воля, в конечном счете определяясь материальными условиями жизни господствующего класса, испытывает в процессе своего формирования влияние множества факторов экономического, политического, социального и духовного развития общества. В процессе правотворчества законодатель (в широком смысле слова) наблюдает, изучает, анализирует явления объективного мира, проводит огромную работу по их обобщению и систематизации и лишь в итоге формирует соответствующие правовые нормы. В этом творческом процессе, как было показано ранее, экономические и всякие другие потребности господствующего класса, прежде чем они выразятся в праве, должны пройти длинный ряд глубокого и всестороннего осмысления, получить отражение в интересах и целях этого класса, приобрести форму правового сознания, «юридического мотива»[1] и установки, достигнуть уровня волевого действия. Весь этот социально-психологический процесс определяется множеством факторов, среди которых главным является экономический. Но в самом праве, а также в каждой отдельной правовой норме все эти факторы отражаются не в виде самостоятельных и различных содержаний, как это представляют себе вышеуказанные авторы, а в их диалектическом единстве, ибо право, будучи продуктом сознания, волевой деятельности людей, отражает объективный мир в обобщенном, кон-

[1] Ф. Энгельс писал, что для того, чтобы получить санкцию закона, экономические факты должны в каждом отдельном случае принять форму юридического мотива (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 312).

центрированном и преобразованном виде[1]. Содержанием права не могут быть те или иные экономические и другие факторы сами по себе также и потому, что отражение в правовых нормах объективного мира отнюдь не ограничивается лишь непосредственно данной действительностью. Поскольку сознание обладает свойством отражать не только непосредственно данную действительность, но и ее опосредствованное развитие, постольку и в праве отражается не только то, что непосредственно дано в настоящем, но и то, что дано опытом прошлого, с вытекающими из него перспективами[2]. Объективная действительность, развиваясь в соответствии с определенными закономерностями, позволяет сознанию, их познающему, предвидеть пути движения этой действительности, ее преобразования в будущем[3].

Следовательно, и в праве, выражающем соответствующие формы сознания, отражается не только настоящее, не только опыт прошлого, но и определенное будущее.

Действительность лишь отражается соответствующим образом в праве и определяет его содержание, но она не является и быть не может самим содержанием права. Представляя собой относительно самостоятельное явление общественной жизни, право обладает своим специфическим содержанием. Специфичность содержа-

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 19.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч, т. 26, стр. 77.

[3] Опережающие формы отражения объективной действительности являются несомненным фактом, убедительно доказанным П. К. Анохиным. «Способность мозга,— пишет, в частности, он,— фиксировать повторяющиеся последовательности внешних событий, развившаяся на основе примитивных форм отражения, определяет ту изумительную способность человеческого мозга, которая выражается в предвидении будущего, в формулировке гипотез и вообще в различных прогностических оценках событий... Нейрофизиологический анализ работы мозга показывает, что отражение внешнего мира фактически и не может быть иным, не опережающим, ибо с информационной точки зрения каждое внешнее воздействие на организм непременно мобилизует в нервной системе также и молекулярный опыт прошлого, связанный с данной ситуацией или с данным раздражителем — стимулом. Это обстоятельство дает возможность мозгу объединить прошлое с настоящим и на этой основе предугадать в детальных параметрах наступление будущих событий. Мы полагаем поэтому, что концепция опережающего отражения действительности является лишь творческим развитием основных положений ленинской теории отражения» («Ленинская теория отражения и современность», стр. 135).

ния права состоит в том, что правовые нормы отражают действительность не зеркально-мертво, а творчески-активно. Иначе правовые нормы были бы простым слепком действительности и не могли бы соответствующим образом воздействовать на эту действительность, регулировать общественные отношения. Именно благодаря тому, что право является результатом обобщающего процесса мышления представителей господствующего класса, «абстрактным итогом» отдельных юридически значимых явлений, нормативной и общеобязательной формой правового сознания, оно и приобретает особое, специфическое содержание, которое отличается от содержания отражаемых им объективных факторов общественной жизни и которое синтезированно и систематизированно включает в себя *преобразованную* в сознании законодателя совокупность этих факторов. Подобно тому как ошибочно отождествлять материальное с духовным, адекватно отражающим это материальное, так же неправильно смешивать объективную действительность с ее субъективным отражением в праве.

Солидаризируясь с этими выводами, многие советские авторы их дополняют, развивают и конкретизируют. Так, А. Ф. Шебанов пишет, что сложность и многогранность содержания права находит выражение в том, что все его стороны существуют и проявляются одновременно и в единстве, что нельзя отделять экономическое, материальное содержание права от его политического или идейного содержания. Экономическое содержание права вместе с тем есть его политическое и идейное содержание. Вне экономического содержания в праве нет и не может быть никакой политики, никакой идеологии.

Несостоятельным, по мнению А. Ф. Шебанова, является также разделение классово-волевого и юридического содержания в праве, ибо в том и смысл права, что классовая воля в нем выражена специфически юридическими методами и вне этого юридического выражения в праве нет и не может быть никакой классовой воли[1].

В. А. Кучинский считает, что действительность отражается соответствующим образом в праве и тем самым определяет его содержание, но не является самим содержанием права, имеет важное значение для правильного

[1] См. *А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 20.

понимания процесса правового регулирования общественных отношений. Поскольку в праве присутствует его специфическое содержание, которое является не чем иным, как прошедшим через сознание законодателя обобщенным, абстрактным отражением всей совокупности объективных факторов общественной жизни, то это позволяет не только объяснить, но и обеспечить сознательное использование правовых норм в интересах всего общества.

В праве отражается не только существующая в момент нормотворчества действительность, но и опыт прошлых поколений людей, а также их представления о будущем [1].

А. А. Федосеев также обосновывает вывод о том, что содержанием правовых норм и выражающих эти нормы юридических нормативных актов являются не отдельные экономические, политические, интеллектуальные и другие моменты, а единая общенародная государственная воля, конкретизируемая в общеобязательных правилах поведения и определяемая материальными условиями жизни общества [2].

Несколько своеобразную позицию по вопросу о сущности и содержании права заняли авторы коллективной монографии «Марксистско-ленинская общая теория государства и права». Прежде всего они поддерживают нашу критику позиции тех, кто видит в праве множественность содержаний, указывая: «Следует согласиться с теми правоведами, которые усматривают сущность права в классовой воле, через которую преломляются экономическая и идеологическая структура данного общества. Не следует объявлять сущностью это основание, ибо право, хотя и определено основанием — общественно-производственными отношениями, является относительно самостоятельным социальным явлением, имеющим свою сущность и свое содержание. Сущность находится в самом явлении, а не вне его, хотя источником этого явления может быть другое социальное явление» [3]. Стремясь, да-

---

[1] См. *В. А. Кучинский.* Личность, свобода, право, стр. 79—80.

[2] См. *А. А. Федосеев.* Нормативные акты Советского государства и формы их выражения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, стр. 6.

[3] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 373—374.

лее, провести разграничение между сущностью и содержанием права, авторы указывают: «Если содержание права как конкретизированная обогащенная его сущность вбирает в себя процессы, связанные с его воздействием на общественные отношения, то это содержание включает в себя не только то, что является сущностью права — воплощенную в нем волю господствующего класса, но и ее конкретизацию — государственную волю. Несомненно также, что в содержание права входят и предусмотренные его нормами как государственными велениями должное и возможное поведение людей. Как вывод из последнего следует признать, что в содержание права входит его регулятивная функция — его воздействие на общественные отношения, осуществляемое путем воздействия на поведение людей.

Но из этого не вытекает, что в содержание права надо включать все материальные и идеологические отношения, определяющие возникновение и развитие права и взаимодействующие с ним»[1].

То, что содержанием права является «конкретизированная обогащенная его сущность», правильно, но сомнительным является разграничение сущности как воли господствующего класса и содержания права как государственной воли. Сущностью права является не воля господствующего класса вообще, а именно его государственная воля. Конкретизация сущности права в его содержании состоит не в том, что воля господствующего класса превращается в государственную волю, а в том, что государственная воля получает строгую и четкую определенность в конкретных правовых правилах поведения. И именно благодаря этому содержание права обретает характер конкретного государственного веления о должном или возможном поведении людей, становится силой, способной осуществлять регулятивную функцию — воздействовать на общественные отношения. При ином же понимании данного соотношения оказывается, что сущность права (воля господствующего класса) оказывается за пределами самого права (вопреки указанию самих авторов о том, что «сущность находится в самом явлении») и только через посредство содержа-

[1] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 378.

ния (государственной воли) обретает правовую значимость.

Подобная же нечеткость в понимании сущности и содержания права наблюдается и у Л. С. Явича, отличающего «классовую сущность» от «волевого содержания» права[1]. Однако, как сущность, так и содержание права имеют единую классово-волевую природу: сущность права — это не его классовость вообще, а содержание права — не вообще волевое, а как то, так и другое — именно государственная воля господствующего класса (не случайно, поэтому и сам Л. С. Явич вынужден в последующих рассуждениях говорить о «классово-волевом содержании права»).

Итак, под содержанием права следует понимать систему правовых норм, в которых конкретизируется общая воля государственно организованного господствующего класса по поводу определенного должного или возможного поведения людей.

Именно благодаря воплощению общей государственной воли всего советского народа в содержании системы правовых правил поведения наше право приобретает высокий авторитет и творчески преобразующую силу в реализации задач коммунистического строительства.

§2. Понятие формы права и ее соотношение с правовым содержанием

Изучение форм в праве имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение не только потому, что они структурно организуют и выражают вовне общую волю государственно организованного господствующего класса, но также и потому, что от их специфики зависят многие факторы правовой жизни — общеобязательность, нормативность, степень юридической силы правовых актов, методы и способы правового регулирования общественных отношений и т. д.

Многообразие форм в праве предполагает определение общего понятия формы права, на основе которого окажется возможным вскрыть особенности и назначе-

---

[1] См. *Л. С. Явич.* Диалектика формы и содержания в праве.— «Философские проблемы государства и права», стр. 33.

ние каждой из них. Ранее отмечалось смысловое различие между понятиями «правовая форма» и «форма права». Но и внутри этой основной классификации в зависимости от задач исследования и аспекта рассмотрения проблемы легко обнаружить различие в характере конкретных форм в праве. Так, «правовая форма» может выступать в качестве формы экономического развития, формы государственной политики, формы научно обоснованного управления социальными процессами, формы гуманистических или нравственных идеалов общества и т. д. То же относится и к «форме права», которая может рассматриваться и как форма целостного типа права определенной исторической формации (система и структура права), и как форма части этого целого (отрасли, институты, нормы права), и как форма систематизации права (инкорпорация и кодификация права), и как форма реализации права (правоотношение и другие пути и способы воздействия права на регулируемые общественные отношения) и т. д.[1]

В этой связи представляется вполне оправданной критика Л. С. Явичем позиции тех философов, которые отрицают многоплановый подход к использованию категорий содержания и формы, полагая, что они будто бы применимы лишь к одному и тому же явлению[2]. Однако многоплановость, гибкость, подвижность, диалектичность категорий содержания и формы, их взаимопроникновение и переходы одного в другое должны строго учитываться в процессе исследования. Только при этом условии можно избежать отождествления не только содержания с формой, но и различных форм между собой. Нельзя, например, отождествлять производственные отношения с их «опосредствованием» в правоотношениях или форму внешнего выражения правовой нормы (или ее структуры) с формами ее реализации[3].

---

[1] В. П. Тугаринов, отмечая многозначность понятия формы, писал: «Это понятие употребляется и в смысле внешней границы содержания... и в смысле внутренней структуры содержания... и в смысле частей, видов одного и того же содержания...» (*В. П. Тугаринов.* Соотношение категорий диалектического материализма, стр. 13).

[2] См. *Л. С. Явич.* Диалектика формы и содержания в праве.— «Философские проблемы государства и права», стр. 39—40.

[3] Л. С. Явич пишет по этому поводу: «...с методологической точки зрения нельзя говорить о нормах права и правоотношениях

Применимость категорий содержания и формы к анализу весьма широкого круга разнопорядковых правовых явлений и их взаимоотношений между собой [1] требует в каждом исследовании (его части или этапе) четко определить тот именно аспект их использования, который составляет задачу данного исследования [2]. В на-

---

как однопорядковых формах права, первые лежат в области должного (возможного) поведения, вторые — в области реально существующих поступков и отношений...» (*Л. С. Явич.* Диалектика формы и содержания в праве. — «Философские проблемы государства и права», стр. 37).

[1] См. *А. М. Минасян.* Категория содержания и формы. Ростов, 1962.

[2] А. А. Пионтковский пишет, что для Н. Г. Александрова и Д. А. Керимова «проблема правовой формы сводится к вопросу о структуре правовой нормы и к форме ее выражения. Нетрудно видеть, что при таком подходе к вопросу все значение проблемы содержания и формы в праве крайне обедняется, так как большая социально-политическая проблема заменяется проблемой по существу законодательно-технического порядка. При таком подходе к вопросу однотипные в классовом отношении системы буржуазного права — континентально-европейского и англосаксонского — пришлось бы признать принципиально различными по своей правовой форме, хотя в действительности они однотипны, потому что у них ведущим типом правоотношений служат правоотношения, связанные с превращением рабочей силы в товар и выражающие характерные черты капиталистического способа производства. С таких же позиций трудно показать, что социалистическое право есть новый тип права не только по своему классовому содержанию, но и по своей правовой форме. Но оно является именно новым типом права не по внешней структуре и форме выражения правовой нормы (хотя в некоторых случаях и в этом отношении имеется своеобразие), а по новым типам правоотношений, выражающих социалистический способ производства» («Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Некоторые теоретические вопросы». М., 1969, стр. 117—118). С этой критикой нельзя согласиться по той простой причине, что стремление провести четкую грань между содержанием и формой в праве, равно как и различными аспектами самой формы права, вовсе не влечет за собой все то, о чем говорит А. А. Пионтковский. Такое разграничение отнюдь не лишает исследователя возможности обнаружить не только однотипность различных систем буржуазного права, но и отличие от них социалистического типа права, если, разумеется, он обнаружит органическую связь сущности, содержания и формы права, различных аспектов внутренней организации, внешнего выражения и форм реализации права, норм права и правоотношений и т. д. Наоборот, при отсутствии такого разграничения и сведении «большой социально-политической проблемы» лишь к одной из форм реализации права — правоотношению действительно крайне обедняется прежде всего содержание самого исследования. Надо, однако, признать справедливым упрек А. А. Пионт-

стоящей главе акцентируется внимание на анализе лишь формы правовой нормы — основной «клеточки» права, в последующих же главах настоящей работы рассматриваются и другие аспекты проблемы.

Воля господствующего класса, чтобы стать государственной, общеобязательной волей, должна быть соответствующим образом выражена, т. е. установлена и закреплена в определенной форме. Не может быть содержания вне формы, без которой ее «нельзя видеть, осязать и т. д.»[1]. И наоборот, форма немыслима вне содержания, поскольку формы являются «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием»[2]. Но если содержание и форма представляют две неразрывно связанные между собой категории, существующие вместе как две стороны любого предмета и явления объективного мира, то, следовательно, и в праве содержание и форма — это не только связанные между собой категории, но и стороны одного и того же правового явления, в частности нормы права. Содержание правовой нормы реально, объективно существует лишь тогда, когда воля господствующего класса «возведена в закон», соответствующим образом оформлена и превращена в результате этого из «отвлеченного» в «определенное» содержание[3].

Единство содержания и формы права является обязательным условием его существования. Именно благодаря этому единству право приобретает соответствующую качественную определенность. В процессе правотворчества, как было показано выше, в результате диалектического сочетания отдельных волевых актов (или их частей, сторон, моментов) представителей господствующего класса образуется общая государственная воля

ковского и А. Ф. Шебанова в наш адрес: считая внутренней формой права лишь структуру правовой нормы, а внешней формой — ее выражение вовне, я по существу подменил форму целого формой его отдельной части. Вместе с тем А. Ф. Шебанов не соглашается с А. А. Пионтковским, который сводит проблему формы права лишь к проблеме правоотношения (см. рецензию А. А. Пионтковского на нашу книгу «Свобода, право и законность в социалистическом обществе» в журнале «Советское государство и право», 1961, № 6; *А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 31—32).

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 130.

[2] Там же, стр. 84.

[3] См. там же, стр. 130.

этого класса, которая, будучи выраженной в праве, составляет его содержание. Но составные компоненты содержания права не могут выступать обособленно, изолированно друг от друга. В этом случае мы имели бы лишь различные, органически не связанные между собой правовые идеи, правовые взгляды, но отнюдь не правовую норму (и их систему) как органическое диалектическое единство этих идей и взглядов. Существование содержания права необходимо предполагает определенную структурную его организацию, требует своего выражения в определенной форме. Но и форма права не может существовать без его содержания, поскольку форма должна организовывать и выражать данное содержание, а если нет того, что должно быть организовано и выражено (содержания), то, естественно, не может быть и самой организации, самого выражения (формы). Следовательно, основанием формы права является его содержание. «Форма в праве — не нечто внешнее по отношению к содержанию, это структура нормы права и структура права как законченной совокупности (системы) норм» [1]. Вместе с тем это форма определенного выражения вовне нормы права в соответствующем нормативном акте и выражение вовне всей совокупности правовых норм в соответствующей системе действующего законодательства.

В отличие от изложенного понимания формы права некоторые авторы полагают, что формой права являются сами правовые нормы [2]. Подобная трактовка понятия формы права приводит не только к ее смешению или отождествлению с содержанием права, но и к отрыву одного от другого, нарушает их единство. На самом деле, если правило поведения (норма) есть лишь форма права, то что же является его содержанием? Сторонники указанной точки зрения считают, что содержанием права является воля государственно организованного господствующего класса. Но ведь именно эта воля конкретизируется в правовой норме, правиле поведения, составляя его содержание. С другой стороны, если признается, что

---

[1] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 379—380.

[2] См., например, *И. Е. Фарбер.* О сущности права, стр. 47; *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 54.

правовая норма есть лишь форма права, то для содержания права не остается места, оно выходит за пределы самой правовой нормы, оказывается за ее бортом. Тем самым искусственно отрывается содержание от формы права, нарушается их неразрывное единство или (что еще хуже) форма оказывается без содержания. Между тем, как было отмечено выше, форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием, и, наоборот, содержание права не может быть реальностью, если это содержание не организовано и не выражено в определенной форме.

Прямо противоположную точку зрения высказывают по этому вопросу другие авторы, указывая, что правовая норма — это «не форма права, а самое право»[1]. Между тем ради точности следовало бы указать, что не правовая норма в ее структурной организации, а конкретное правило поведения, в ней зафиксированное, является содержанием данной нормы, равно как и не правовая норма вообще, а лишь ее структурная организация является внутренней формой правовой нормы. Иначе говоря, в правовой норме следует различать: какое в ней установлено правило поведения (содержание) и как это правило поведения структурно организовано (форма).

Односторонность позиции, как тех авторов, которые считают норму права формой права, так и тех, которые усматривают в ней лишь его содержание, состоит в том, что эти авторы не видят, а поэтому и не учитывают диалектического единства содержания и формы права, из которого вытекает не только их сосуществование, но и взаимопроникновение. В. И. Ленин, излагая известные 16 элементов диалектики, в пункте 9 писал: «... не только единство противоположностей, но *переходы* ***каждого*** определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое...»[2]

Указанные авторы охотно подчеркивают тесную, непосредственную или даже органическую связь между содержанием и формой, но при этом забывают, что всякая «связь и есть переходы...»[3]. Между тем именно это

---

[1] *Н. Г. Александров.* К критике пережитков буржуазной идеологии в определении права. — «Советское государство и право», 1948, № 10, стр. 48.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 203.

[3] Там же, стр. 162.

взаимопроникновение, эти «переходы» являются ключом для понимания диалектики содержания и формы в правовой норме (равно как и в системе права в целом[1]). Так, в частности, правило поведения, как содержание правовой нормы, является определенной конкретизацией сущности права и одновременно, будучи структурно организовано, есть внутренняя форма данного правила. Или, наоборот, правило поведения, как структурно организованная норма, является внутренней формой права, и одновременно, будучи определенной конкретизацией сущности права, есть его содержание.

В этой связи следует обратить внимание еще на один, весьма тонкий момент особенности понятия содержания права, определяющий его соотношение со своей формой. Во всех рассуждениях выше речь шла о содержании права как о простом его объективном субстрате — воле господствующего класса. Между тем при более глубоком проникновении в понятие содержания права обнаруживается, что лишь этим оно не ограничивается. Как известно, Гегель отличал «содержание» от «материи». Это отличие состоит в том, что, хотя материя «отнюдь не бесформенна вообще», тем не менее она «относительно... равнодушна к форме...»[2], что «вещество, хотя оно в себе не лишено формы, однако в своем наличном бытии показывает себя равнодушным к ней; напротив, содержание, как таковое, есть то, что оно есть, лишь благодаря тому, что оно содержит в себе развитую форму»[3]. По Гегелю, следовательно, понятие содержания, будучи куда более сложной категорией, чем категория «материя», включает в себя в снятом виде как «материю», так и форму. Гегель писал, что содержание объемлет собой как форму, как таковую, так и материю, и оно имеет, таким образом, некоторую форму и некоторую материю, основу коих оно составляет.

Методологическое значение этих положений[4] заключается в том, что позволяет рассматривать, в частности,

---

[1] Подробно об этом см. главу VI настоящей работы.

[2] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 219, 218—219.

[3] Там же, стр. 224.

[4] Основываясь на этих положениях, К. Маркс в процессе анализа экономических явлений, как известно, строго отличал «материю» от «содержания», «натуральную» форму от формы содержания, что позволило ему выявить специфическое содержание и

содержание права как более высокую ступень понимания единства и взаимопроникновения его субстанциональной природы и форм организации и выражения, как более глубокую зависимость формы права от его содержания, как действительный процесс «формообразования в его различных фазах»[1]. Понятие содержания права включает не только сам по себе субстрат государственной воли господствующего класса, но и его определенное внутреннее состояние, сложную систему связей и отношений его компонентов как между собой, так и с внешней средой, которые характеризуются многими признаками, направленностью, целью, перспективами. Именно этот момент содержания права детерминирует (и вместе с тем объясняет) особенности той или иной правовой формы, которая имманентна специфическому состоянию развивающегося содержания.

Проблема еще более осложняется, если иметь в виду, что форма права характеризуется не только внутренней структурной организацией, но и разнообразием внешнего выражения. Иначе говоря, здесь мы имеем, по глубокой мысли Гегеля, «удвоение формы: во-первых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как нерефлектированная внутрь себя, есть внешнее, безразличное для содержания существование»[2].

Однако эта формула требует уточнения. Форма, рефлектированная внутрь себя, сливается со своим содержанием, хотя это вовсе не исключает в процессе анализа возможности обнаружения как содержания права, так и его внутренней структурной организации. С другой стороны, безразличие к содержанию формы, не рефлектированный внутрь себя, нельзя понимать абсолютно: при всем многообразии и разнообразии внешних форм выражения права все они так или иначе, но в конечном итоге зависят от своего содержания. Это обстоятельство правильно подчеркивал М. А. Аржанов. «Содержание,— писал он, — может выступать в разных, но не в любых формах. Форма может быть формой различного,

---

формы капиталистического воспроизводства (см., например, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 14; т. 23, стр. 44; т. 26, ч. I, стр. 12—41).

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 526.

[2] *Гегель*. Соч., т. I, стр. 224.

но не всякого содержания. Полной самостоятельности, полного безразличия здесь нет и быть не может, как бы велика она в отдельных случаях ни была»[1]. Специфика самого содержания права как воли господствующего класса предполагает юридически «развитую» форму в смысле наибольшей степени ее соответствия своему содержанию. Органическая связь и взаимопроникновение содержания и формы не должны давать повод для их смешения. Между тем в философской литературе последних лет наблюдается подобное смешение, в частности содержания объекта с его организационной структурой. Так, В. С. Тюхтин полагает, что «если познаваемый объект представить как систему, то его состав... действительно необходимый компонент содержания, однако оно им далеко не исчерпывается. Отождествив сведения о составе объекта с его содержанием, отнеся организацию, структуру к категории «форма», мы значительно обеднили категорию «содержание» или, образно выражаясь, вынем из нее душу, ликвидируем как самостоятельную категорию». И отсюда делаются далеко идущие выводы. Указав на то, что при одном и том же составе может качественно измениться содержание объекта в зависимости от типа его структуры, В. С. Тюхтин пишет: «... если принять определение формы как структуры самого содержания, то следует признать, что форма определяет содержание, а не содержание форму. А признание примата формы над содержанием, как известно, характерно для идеалистической философии»[2].

С этими положениями и выводами нельзя согласиться (за исключением лишь положения о недопустимости отождествления состава объекта с его содержанием). Прежде всего отметим, что при обогащении категории содержания за счет включения в него организации и структуры не только значительно обедняется, но и вовсе выхолащивается категория формы. Далее, состав (субстанция) является душой содержания, а отнюдь не то, что его структурно организует. Невозможно, наконец, ликвидировать не существующее в действительности:

---

[1] *М. Аржанов.* Соотношение государства и права. — «Советское государство и право», 1941, № 2, стр. 29.

[2] *В. С. Тюхтин.* Категории «формы» и «содержание» и их структурный анализ. — «Вопросы философии», 1971, № 10, стр. 89, 90.

содержание не самостоятельно, а выступает лишь в единстве с формой (организацией, структурой).

После этих предварительных замечаний обратимся к главному — к выводам автора. Действительно ли признание формы в качестве структуры содержания влечет за собой возрождение идеалистической философии? Отнюдь нет. Согласно материалистической диалектике, как известно, содержание не только может, но и, как правило, изменяется под воздействием формы. Более того, различная структурная организация одной и той же субстанции может дать качественно отличные друг от друга содержания. Но отсюда вовсе не следует, что все зависит только от структуры, что форме принадлежит примат над содержанием. Та или иная организация, структура объекта может качественно изменить его содержание лишь в том случае, если сама субстанция данного объекта поддается преобразованию. Как бы мы ни изменяли организационную структуру объекта, последний невозможно превратить в нечто такое, что потенциально не содержится в его субстанциональном составе. Именно поэтому первичным в изменениях содержания объекта является в конечном итоге его же субстанция.

Во взаимодействии содержания и формы права определяющая роль принадлежит содержанию, ибо форма права, будучи структурной организацией данного правового содержания, зависит от того, что именно ею организуется и выражается [1]. «Форма существенна, — указывал В. И. Ленин. — Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности...» [2] Содержанию права присуще постоянное развитие, непосредственно отражающее движение и изменение общественной жизни; развитие же формы права является опосредованным, происходит через изменение направленности и функций

---

[1] Кстати заметим, что в буржуазной философии права вопрос о содержании и форме права и их соотношении поставлен с ног на голову. Так, например, известный итальянский теоретик права Г. Веккио в своем учебнике по философии права пишет, что правовой формой является абстрактная, независимая от правовой действительности и правового опыта идея, которая и определяет содержание права. При этом в отличие от содержания права форма права является неизменной. «Она постоянна, а содержание изменяемо» (*Giorgi Del Vecchio.* Lehrbuch der Rechtsphilosophie. Basel, 1951, S. 345—351).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 129.

содержания. Однако определяющую роль содержания права по отношению к его форме не следует абсолютизировать: на развитие той или иной формы права влияют и иные факторы социальной действительности (национальные традиции, особенности исторической обстановки и т. д.), равно как и уже существующие формы позитивного права (например, наличие развитых форм конституционного законодательства, влияющих на формы текущего законодательства). Но в основном определяющее значение в развитии форм права принадлежит его содержанию.

Следует, далее, иметь в виду, что, подобно тому как сущность может быть первого, второго и т. д. порядка, так и форма может быть более или менее глубоко рефлектированной внутрь себя. Если, например, структура правовой нормы внутренне имманентна, типична для содержания всякого правового правила поведения, то внешнее выражение данной нормы в зависимости от ряда объективных и субъективных условий и обстоятельств имеет отнюдь не одинаковую степень связанности со своим содержанием. В одних случаях она выражается только в форме закона, в других случаях — либо в законе, либо в иной форме актов высших органов государственной власти или управления, в третьих — может быть выражена в форме актов как высших, так и местных государственных органов, в форме актов как органов общей компетенции, так и органов специальной компетенции и т. д.[1]

Итак, следует различать внутреннюю и внешнюю формы права, в частности правовой нормы.

Внутренняя форма правовой нормы — это система строения, способ связи частей, структура, определенным образом организующая содержание этой нормы. Обычно в литературе эту форму называют структурой правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция).

---

[1] А. Ф. Шебанов обращает внимание и на другой важный аспект исследования формы права. Он указывает, что внешняя форма права, как и всякая форма, может быть более или менее общей, что, различаясь по степени своей общности, форма может быть способом организации и выражения как элементов данного, единичного, конкретного предмета, явления, так и некоторого класса предметов (см. *А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 25). См. также *А. Г. Спиркин.* Курс марксистской философии, стр. 166; «Марксистско-ленинская философия», стр. 174

Внешняя форма правовой нормы — это выражение вовне внутренне организованного содержания ее. Обычно в литературе эту форму называют формой выражения права, нормативным актом или источником права в так называемом формальном смысле (закон, указ, постановление и т. д.).

Проведенное различие между сущностью и содержанием права, между внутренней и внешней формами права позволяет более глубоко уяснить единство его содержания и формы.

Это различие не только теоретически вскрывает диалектику взаимопроникновения содержания и формы права, но и имеет непосредственное практическое значение. Так, если сущность права обнаруживает волю какого именно господствующего класса, организованного в государство, право выражает и закрепляет, то содержание права определяет, какие именно требования эта воля выдвигает. Если, далее, внутренняя форма придает всем правовым нормам обязательную силу, то внешняя форма определяет степень юридической силы каждой правовой нормы по отношению к другим правовым нормам. Все правовые нормы, как известно, обязательны к исполнению, но не все правовые нормы в соотношениях между собой обладают одинаковой юридической силой (например, закон и постановление одинаково обязательны к исполнению, но закон обладает большей юридической силой, чем постановление).

А. А. Ушаков правильно пишет: «Проблема содержания и формы в праве выступает как важнейшая часть методологии законодателя... ибо к какому бы вопросу мы ни обращались, будь это вопрос о мастерстве законодателя, о качестве законодательства, о роли языка в праве, его решение связано с решением вопроса о содержании и форме в праве. Отсюда изучение проблемы содержания и формы имеет огромное не только теоретическое, но и практическое значение» [1].

Наконец, предложенная трактовка содержания и формы права раскрывает взаимодействие между ними. В процессе развития содержания права наступает такой момент, когда его новые качества не укладываются в

---

[1] *А. А. Ушаков.* Очерки советской законодательной стилистики, стр. 26—27.

рамки старой формы. Тогда происходит «сбрасывание» старой формы права новым правовым содержанием, возникновение новой формы, адекватной своему содержанию. Однако следует иметь в виду, что такое «сбрасывание» старой формы права в целом происходит лишь при смене социально-экономической формации, что отдельные старые формы права при определенных исторических условиях могут выражать новое правовое содержание, что иногда правовые правила поведения прошлой социально-экономической формации (а следовательно, и их формы) могут сохраниться в новой формации (разумеется, в преобразованном, трансформированном виде в связи с утверждением нового способа производства). Отмечая эти обстоятельства, авторы монографии «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» правильно пишут: «Отдельные старые законы, использованные новой властью, нельзя рассматривать лишь как форму права. Закон — единство содержания и формы. Новая власть может использовать отдельные законы, потому что их содержание и форма не вступали в противоречие с социально-классовой основой нового общества, с новым содержанием политической власти. Но при всем этом необходимо иметь в виду главное: эти институты, включаясь в новую систему права, изменяют свою социально-классовую направленность, становятся элементами новой системы.

Использование элементов старой формы в праве или даже отдельных старых законов не означает, что форма остается неприкосновенной, не изменяется. Старая форма в процессе развития новых отношений переделывается, видоизменяется, обогащается новыми чертами, определяемыми новым содержанием» [1].

---

[1] «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия», стр. 384; см. также *Martin Posch.* Zum Widerspruch zwischen Form und Inhalt des Rechts.— «Staat und Recht», 1957, N 6, S. 612—628. А. А. Ушаков по этому поводу остроумно замечает: «Иногда бытовало, по нашему мнению, некоторое упрощение, например «новое содержание сначала существует в старой форме». Спрашивается, а каким образом может проявиться новое содержание, на основании чего можно говорить о новом содержании, если оно существует в старой форме? Ведь оно не может проявиться в старой форме, его нельзя обнаружить в старой форме» (*А. А. Ушаков.* Очерки советской законодательной стилистики, стр. 27).

До сих пор рассматривалась диалектика соотношения содержания и формы в праве преимущественно по отношению к правовой норме как части целостной правовой системы. На этой основе следует перейти к системно-структурному анализу права в целом. Однако такой анализ окажется плодотворным лишь при условии предварительного рассмотрения соотношения отдельного, особенного и общего, а также целого и части в праве, имеющих существенное методологическое значение для познания его сущности, системы и структуры.

ОТДЕЛЬНОЕ, ОСОБЕННОЕ И ОБЩЕЕ В ПРАВЕ

§1. Понятие отдельного, особенного и общего в праве

Одной из важных философских проблем правоведения является выяснение соотношения понятий отдельного, особенного и общего в праве. На основе этого соотношения по существу строится вся теория таких фундаментальных юридических категорий, как, например, норма, институт, отрасль и система права, которые имеют огромное познавательное и практическое значение.

Правовая действительность характеризуется бесконечным множеством и разнообразием явлений — норм, актов, связей, отношений и т. п.; они относительно тождественны или различны, устойчивы или изменчивы, прерывны или непрерывны и т. д. Для того чтобы разобраться в этом «хаотическом» целом, необходимо, в частности, применить к исследованию права философские понятия отдельного, особенного и общего.

Проблема отдельного, особенного и общего имеет в домарксистской философии длительную историю[1]. Мыслители прошлого (начиная с Аристотеля) и нового времени сталкивались с неразрешимыми трудностями при определении понятий отдельного, особенного и общего,

[1] См. *А. П. Шептулин.* Диалектика единичного, особенного и общего. М., 1963, стр. 5—46.

при рассмотрении соотношения этих категорий. В частности, Гегель, пытаясь преодолеть эти трудности, считал, что первоначалом всего сущего является мысль в ее абстрактной всеобщности, представляющая собой «чистое» бытие. В таком виде она «ничто», которое, однако, благодаря движению переходит к становлению и приводит к возникновению «наличного бытия». В отличие от «чистого бытия» «наличное бытие» обладает качеством, которому противостоит уже не «ничто», а другое определенное бытие. Это другое определенное бытие, другое качество, ограничивая данное качество, порождает конечность, которая, будучи соотнесенной с собой, в свою очередь порождает количество. В соответствующих границах количество превращается в определенное качество и, соотносясь с другим количеством, выявляет свое качество. В процессе движения и развития изменяется количество, а вслед за ним — и качество. Но за этими изменениями скрывается нечто устойчивое — субстанция, сущность, от которой осуществляется через ряд категорий (в частности, единство, меру) переход к понятию, в котором все предшествующие категории «затонули и содержатся». Именно поэтому понятие включает три момента: всеобщность, особенность и единичность, которые, будучи нераздельными, теряются друг в друге, растворяются одно в другом, но вместе с тем и отличаются друг от друга. Так, особенное есть всеобщее в одном из его определенных обособлений; всеобщность, будучи единством всех своих обособлений, есть тотальность; но особенное как определенная всеобщность является также и единичным; поскольку же единичное оказывается благодаря особенному определенным всеобщим, постольку оно является также и некоторым особенным.

Наличное бытие изменчиво, всеобщее, наоборот, неизменно даже тогда, когда оно включает себя в некоторое определение, оставаясь в этом определении тем же, что оно есть. Всеобщее является душой того конкретного, в котором оно обитает, сохраняя свою «неизменность и бессмертие» [1].

Итак, по Гегелю, всеобщее, существуя объективно и самостоятельно вне единичного и до единичного, развивается само в себе и через себя порождает все многооб-

[1] См. *Гегель*. Соч., т. VI, стр. 5, 31, 34, 35, 38, 53—56.

разие единичного. Он писал, что «всеобщее есть основание и почва, корень и субстанция единичного»[1]. Тем самым не объективная действительность и ее закономерности являются источником мышления, всего субъективного, а сама мысль (понятие, всеобщее) превратилась в творца действительности, реального мира во всем многообразии и разнообразии его особенных и единичных проявлений.

Классики марксизма-ленинизма, как известно, не только преодолели идеализм гегелевского соотношения отдельного, особенного и общего, но и дали материалистически-диалектическое его истолкование, проникнув в глубинную суть этого соотношения[2]. Опираясь на марксистско-ленинскую логику данного соотношения, обратимся непосредственно к анализу его проявления в праве. Прежде всего надлежит выяснить, что́ следует понимать под отдельным, особенным и общим в праве.

Под отдельным в праве следует понимать единичное правовое явление, совокупность свойств которого определяет его специфику и тем самым отличает от всех других явлений (правовых и неправовых). При всем множестве отдельных правовых явлений исключается абсолютная тождественность хотя бы двух из них. Так, любая правовая норма отлична не только от правоотношения или юридического факта, но и от других правовых норм; каждое единичное гражданскоправовое отношение отнюдь не идентично не только, например, административно- или процессуальноправовому отношению, но и любому иному гражданскоправовому отношению; всякий юридический факт обладает своеобразием, особенностью, индивидуальностью и т. д. Именно эта качественная и количественная специфика каждого конкретного, индивидуального правового явления, составляющая его оригинальность, исключительность, неповторимость, и есть отдельное в праве[3].

---

[1] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 283.

[2] См. об этом: *Б. К. Касенов.* Диалектика единичного, особенного и всеобщего в «Капитале» К. Маркса. М., 1963.

[3] В философской литературе была предпринята попытка провести различие между отдельным и единичным, однако вряд ли ее можно признать успешной. Так, А. П. Шептулин пишет: «Отдельное богаче единичного, оно представляет собой единство единичного и общего... Отдельное не только единично, но и обще. Включая

Вместе с тем нет такого отдельного правового явления, которое существовало бы изолированно, само по себе, вне отношений с другими явлениями[1]. Оно не может ни возникнуть, ни существовать, ни развиваться без связи и взаимодействия с другими явлениями социальной (в том числе и правовой) жизни. Так, воля господствующего класса, организованного в государство, имеет силу и значение лишь тогда, когда в результате правотворческого процесса она превращается в правовое предписание, которое при наличии соответствующего юридического факта воплощается в правоотношение и через него реализуется в действительности.

Но если отдельные правовые явления связаны между собой, взаимодействуют, зависят и обусловливают друг друга, то, следовательно, они имеют (и не могут не иметь) нечто соизмеримое, однопорядковое, общее[2]. И если в процессе познания мы будем это игнорировать, будем воспринимать право лишь как многообразие его

в себя единичное и общее, оно не может быть тождественно единичному. Единичное лишь часть отдельного» (*А. П. Шептулин.* Диалектика единичного, особенного и общего, стр. 50). Но все, что сказано в отношении отдельного, в равной мере может быть отнесено и к единичному. Автор же не объясняет, почему сказанное им характеризует отдельное, а не единичное. Вместе с тем, если отдельное включает в себя и единичное и общее, то чем же тогда оно отличается от особенного. А. П. Шептулин пишет: «То, что отличает одно материальное образование от других, является особенным» (там же, стр. 57). Но отличает одно материальное образование от других прежде всего само единичное, отдельное, его особенности. Иначе оно не может быть единичным, отдельным. Кроме того, к особенностям единичного (отдельного) вовсе не сводится понятие особенного, что показано ниже.

[1] См. «Основы марксистско-ленинской философии». М., 1971, стр. 131.

[2] Ф. Энгельс писал: «Если мы станем сопоставлять в отдельности друг с другом такие две до крайности различные вещи — например какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то тут мы откроем мало общего, в лучшем случае то, что обоим присуща тяжесть и другие общие свойства тел. Но между обеими этими вещами имеется бесконечный ряд других вещей и процессов природы, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждому члену ряда свое место в системе природы и таким образом *познать* их» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 547).

На основе общего для всех правовых явлений обнаруживается различие между ними, определяется «место» каждого из них в правовой жизни и тем самым осуществляется их познание.

отдельных проявлений, то не достигнем рациональной ступени правового познания [1]. Наше представление о праве, основанное только на его эмпирическом восприятии, окажется односторонним и, следовательно, глубоко ошибочным.

К. Маркс писал, что «различные вещи становятся количественно сравнимыми лишь после того, как они сведены к одному и тому же единству. Только как выражения одного и того же единства они являются одноименными, а следовательно, соизмеримыми величинами» [2]. Как бы продолжая эту мысль, Ф. Энгельс отмечал: «И в самом деле, всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем. Но форма всеобщности есть форма внутренней завершенности и тем самым бесконечности; она есть соединение многих конечных вещей в бесконечное» [3].

Применительно к праву общее означает то, что все правовые явления — как бы они ни отличались друг от друга — суть именно правовые, а не какие-либо иные явления (нравственные, эстетические, технические и т. д.). Следовательно, как нет абсолютно сходных, тождественных правовых явлений, так нет и абсолютного различия между ними. Все правовые явления обладают опреде-

---

[1] Именно это характерно для буржуазных теоретиков права различных направлений. Так, если представитель юридического позитивизма К. Бергбом считал, что право — это то, что мы видим (*K. Bergbohm.* Jurisprudenz und Rechtsphilosophie, Bd I, 1892, S. 75), то сторонник психологического направления в «правовом реализме» Дж. Френк указывал, что при определении права не следует интересоваться абстрактными предписаниями, так как правом является то, что делает в каждом отдельном случае каждый судья на основе личного восприятия (*J. Frank.* Law and the Modern Mind. New York, 1930, p. 125; *его же.* Fate and Freedom. New York, 1945, p. 12), а представители экзистенциалистской философии права Г. Кон и Е. Фехнер уверяют, что действительным правом являются отдельные, разовые, случайные факты, которые обладают индивидуальными особенностями (*G. Cohn.* Existenzsocialismus und Rechtwissenschaft. Basel, 1955, S. 103; *E. Fechner.* Rechtsphilosophie, Soziologie und Metaphysi des Rechts. Tübingen, 1956, S. 257).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 58—59.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 548—549.

ленной общностью, что выражается, например, в таких общих понятиях, как право, система права или законность.

Итак, под общим в праве следует понимать единство всех правовых явлений, выраженное в сходстве или общности их свойств, связей и отношений.

Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что и в праве не может быть общего без отдельного [1], равно как и наоборот, что они органически взаимно связаны, зависимы, обусловлены. В. И. Ленин великолепно это выразил словами: «... отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему... Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д. Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами) и т. д.» [2].

Следовательно, каждое отдельное правовое явление необходимо содержит в себе предпосылки, стороны, элементы того, что образует общую сущность всех правовых явлений. Эти предпосылки, стороны, элементы явно или скрыто для «невооруженного глаза» связаны между собой и в сложном единстве составляют сущность права.

Вот почему нельзя познать сущность права, не выявив предварительно тех основных признаков, характерных черт правовых явлений, которые свойственны всей их совокупности. И наоборот, внутренняя суть, назначение и роль каждого отдельного правового явления, закономерности его возникновения, развития и отмирания могут быть плодотворно исследованы лишь на основе знания общей сущности права [3].

---

[1] Вот почему глубокую, методологического значения ошибку допускают Г. Кельзен и все старые и новые нормативисты, когда они, абсолютизируя общее в праве, отрывают его от отдельного, провозглашая «первоначальную» правовую норму основой совершенно чистого долженствования (*H. Kelsen.* Reine Rechtslehre 2. Aufl. Wien, 1960).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

[3] Эту диалектику взаимосвязи отдельного и общего не понимают и отрицают сторонники буржуазного юридического позитивизма. Так, Э. Бирлинг, определяя цель своей работы «Учение о юридических принципах», заявлял, что она сводится к синтетическому изложению «тех правовых понятий и принципов, которые благодаря неизменности своего содержания в сущности независимы от индивидуальных свойств какой-либо определенной (конкретной) системы позитивного права» (*E. Bierling.* Juristische Phinzipienlehre, Bd 1, 1894, S. 21).

В философской литературе иногда можно встретить утверждение, что в каждом отдельном заключается общее как его сущность[1]. С категоричностью такого суждения нельзя согласиться по следующим причинам. В каждом отдельном действительно в той или иной степени, виде или форме заключается общее, но не всякое общее составляет сущность отдельного, и это особенно наглядно обнаруживается при анализе правовых явлений. Как известно, могут быть различные уровни общности отдельных, в том числе и правовых, явлений. Правовая норма, например, представляет собой соответствующее обобщение разнообразных предписаний нормативных актов. Вместе с тем понятие правовой нормы является менее общим по сравнению с понятием института права, отрасли права и тем более системы права. И едва ли можно утверждать, что уже обобщение на уровне правовой нормы обнаруживает сущность каждой отдельной статьи нормативного акта.

Далее, общее может выступать как в качественной, так и в количественной стороне явления. Очевидно, что только количественная характеристика явления, каким бы уровнем обобщения она ни была, не может выражать его сущность. Например, утверждение, что «любая исторически сложившаяся система права есть совокупность правовых норм», является общим, но отнюдь не сущностным.

В этой связи уместно также коснуться и другого распространенного в философской литературе положения, смысл которого сводится к тому, что, чем более общим является понятие, тем в большей степени оно воплощает в себе богатство особенного и отдельного[2]. На первый взгляд может показаться, что в данном случае лишь воспроизводится известный гегелевский тезис о всеобщем, охватывающем собой или воплощающем в себе все богатство особенного и отдельного,—вывод, который В. И. Ленин в «Философских тетрадях» назвал прекрасной формулой[3]. Между тем Гегель специально подчеркивал, что

---

[1] См., например, *А. Г. Спиркин.* Курс марксистской философии, стр. 158.

[2] См., например, *Т. Павлов.* Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М., 1949, стр. 443.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 90.

всеобщее удерживает в себе то богатство особенного и отдельного, которое составляет в них существенное, а внешнее, несущественное отбрасывается, в результате чего всеобщее возвышается над всеми этими особенностями и составляет их сущность.

Иначе говоря, отнюдь не все, а лишь существенные признаки особенного и отдельного составляют то их богатство, которое воплощается в общем. В. И. Ленин, указывал, что общее является стороной, моментом или сущностью отдельного [1]. Здесь союзом «или» подчеркивается, что сущность — самостоятельный компонент отдельного, отличный от его несущественных сторон и моментов. Поэтому В. И. Ленин и отмечал, что отдельное неполно входит в общее [2].

При этом следует иметь в виду, что лишь общее определенного уровня и при этом такое, которое составляет прежде всего качественные, основные, принципиальные, важные черты единичных явлений, может заключаться (и заключается) в каждом отдельном как его сущность. Так, положение о том, что Конституция СССР является основным законом страны, означает, что данный отдельный правовой акт содержит в себе нечто принципиально общее, характерное для всего советского законодательства.

Задача науки, в частности, в том и состоит, чтобы обнаруживать тот именно уровень общности отдельных явлений, который определяет их сущность; в том, чтобы на соответствующем уровне обобщения устанавливать те основные свойства и черты отдельных явлений (все богатство особенного и единичного), которые характеризуют их общую сущность. Таким образом, в каждом отдельном заключаются предпосылки, стороны, элементы общего, имеющие значение его сущности.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

[2] См. там же. В качестве иллюстрации этой мысли можно привести следующее высказывание В. И. Ленина: «И как характерна эта, столь модная в настоящее время, quasi-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений... попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что́ такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 5, стр. 142).

Общее вместе с отдельным составляет взаимодействующее единство. Конкретное проявление такого единства и есть особенное. Ярким подтверждением этого является взаимодействующее единство общего и отдельного в праве. Возьмем, например, институт права: он представляет собой, с одной стороны, совокупность отдельных правовых норм, а с другой — объединение не всяких, а лишь определенных правовых норм. Под особенным в праве понимается именно такое единство общих и отдельных правовых проявлений в конкретной действительности.

Особенное в праве всегда представляет собой качественно определенное, конкретное бытие системно объединенных общих и отдельных свойств, черт, «параметров» правовых явлений. Так, институт права государственной или личной собственности по содержанию конкретнее права собственности вообще, структура норм этого института более системна, чем структура норм права собственности вообще.

Не трудно видеть, что не только общее, но и особенное может быть различного уровня. Например, отрасль права, подобно институту права, является конкретным объединением в единое целое определенных правовых норм и, следовательно, является особенным. Но это единство иное, более высокое по сравнению с предыдущим, поскольку в него входят не только нормы, но и институты права. Еще более высоким уровнем особенного является система права, объединяющая нормы, институты и отрасли права определенного исторического типа.

§2. Соотношение отдельного, особенного и общего в праве

Переходы отдельного в особенное и общее, различные уровни особенного и общего и представляют собой диалектическое соотношение. Характеризуя это соотношение применительно к производству, К. Маркс писал: «... все эпохи производства имеют некоторые общие признаки, общие определения. *Производство вообще* — это абстракция, но абстракция разумная, поскольку она действительно выделяет общее, фиксирует его и потому избавляет нас от повторений. Однако это *всеобщее* или выде-

ленное путем сравнения общее само есть нечто многообразно расчлененное, выражающееся в различных определениях. Кое-что из этого относится ко всем эпохам, другое является общим лишь некоторым эпохам. Некоторые определения общи и для новейшей и для древнейшей эпохи. Без них немыслимо никакое производство»[1].

Аналогичное значение имеет и разумность абстракции права, которое подчеркивает общее, характерное для многочисленных правовых явлений и поэтому есть «нечто многократно расчлененное».

Образование общего К. Маркс показывает на движении многих экономических категорий. Так, характеризуя диалектику особенного и общего в сфере обращения, он пишет: «Купить, чтобы продать, или, точнее, купить, чтобы продать дороже, $Д — Т — Д'$, представляет на первый взгляд форму, свойственную лишь одному виду капитала — купеческому капиталу. Но и промышленный капитал есть деньги, которые превращаются в товар и потом путем продажи товара обратно превращаются в большее количество денег... Наконец, в капитале, приносящем проценты, обращение $Д — Т — Д'$ представлено в сокращенном виде, в своем результате без посредствующего звена... как $Д — Д'$, как деньги, которые равны большему количеству денег, как стоимость, которая больше самой себя.

Таким образом, $Д — Т — Д'$ есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения»[2].

Следуя этому логически последовательному анализу, можно показать, что возведение особенного в общее в праве предполагает обнаружение внутренней общности и единства между особенными проявлениями правовых явлений. Основываясь на этой общности и исходя из нее, оказывается возможным вскрыть отличие друг от друга особенных форм правовых явлений и тем самым показать объективное многообразие форм проявления права как общего.

Определяя общее в праве как единство многообразных правовых явлений, мы отмечали, что первое выра-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 21.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 166.

жается в сходстве или общности свойств, связей и отношений вторых. Из этого вовсе не следует, что всякая общность и тем более сходство есть сущность отдельного, позволяющая отличить одно единичное правовое явление от другого. Так, любая правовая норма является общим правилом поведения и юридически обязательна к исполнению. Но это общее пока не дает возможности отличить одну правовую норму от другой, хотя и указывает на их сходство. Различие между нормами права обнаруживается на уровне особенного, поскольку при конкретном их проявлении становится очевидным не только разное содержание каждой из них, но и разная степень общности данных правил поведения (действие нормы права во времени и пространстве), а также различная степень их юридической силы («иерархия» правовых норм) [1].

Надо, однако, иметь в виду, что существует и иное общее в праве, а именно такое, которое воплощает в себе не любые, а лишь закономерные свойства, связи и отношения правовых явлений. Тем самым общее в праве отличается от отдельных проявлений права тем, что вбирает в себя только существенное содержание отдельных правовых явлений. Если правовое содержание в отдельном его проявлении непосредственно сливается со своей формой существования (о чем речь шла в предыдущей главе), то в правовом общем она отделяется от формы своего конкретного существования, обретает новую форму, объединяя и организуя уже синтезированное содержание отдельных правовых проявлений [2]. В результате образуются две крайности — общего и отдельного в праве, противоречия которых снимаются через особенное. В правовом особенном содержатся не только существенные свойства, закономерные связи и отношения отдельных проявлений права, но и их различия. Тем самым в отличие от общего особенное в праве имеет двойственный характер.

---

[1] Отсюда вытекает и различие между понятиями общего и всеобщего в праве. Всеобщее в праве — высший («универсальный») уровень сходства или общности свойств, связей и отношений правовых явлений.

[2] И в этом качестве общее доминирует, господствует, «властвует» над отдельным, единичным правовым явлением.

Таким образом, как правильно отмечает Б. К. Касенов, «в единичном, особенном и всеобщем оригинально сочетаются, во-первых, отправной пункт научного познания» — конкретное как объективное единство единичного, особенного и всеобщего; во-вторых, конечная цель познания — конкретное как познанное единство многообразия, единство всеобщего, особенного и единичного; наконец, посредствующее звено между единичным и всеобщим — особенное [1].

Между отдельным, особенным и общим в праве существуют взаимопереходы. Более того, грани между ними настолько подвижны, что одно и то же правовое явление в зависимости от аспекта рассмотрения, от того, в связи с какими другими явлениями (или условиями) оно изучается, может выступать то в одном, то в другом, то в третьем качестве. То, что является отдельным в одном отношении, может стать особенным или общим в другом отношении, и наоборот. Наглядным подтверждением этого служит, например, история становления колхозного права как самостоятельной отрасли советского социалистического права. В повседневной практике правотворческой деятельности мы нередко сталкиваемся с фактами, когда по мере созревания необходимых условий правовая норма ограниченного действия распространяется на более широкий круг аналогичных отношений. Постепенно, шаг за шагом возникают другие нормы, регулирующие различные стороны, моменты, особенности этих отношений. Место отдельной правовой нормы занимает целый ряд норм, образующих в своей совокупности правовой институт. И наоборот, выполнив свою социальную функцию, те или иные правовые нормы, составляющие в своем единстве правовой институт, в новых условиях теряют свое значение и отменяются.

Однако в юридической литературе эта подвижность, к сожалению, нередко затушевывается. Так, в связи с рассмотрением содержания и формы права А. А. Ушаков пишет: «Сущность лежит в плоскости общего, содержание — в плоскости конкретного, единичного». А что лежит в плоскости особенного? Не ответив на этот вопрос, автор продолжает: «Поэтому не может быть двух

[1] См. *Б. К. Касенов.* Диалектика единичного, особенного и всеобщего в «Капитале» К. Маркса, стр. 43.

одинаковых содержаний, как не может быть двух одинаковых людей»[1].

Действительно, сущность представляет собой общее, но может быть и особенным, а содержание выступает не только как отдельное (конкретное, единичное), но и как особенное и даже общее в зависимости от того, в каком аспекте или в связи с какими другими явлениями они исследуются.

Нормы общей части УК РСФСР, например, являются общими по отношению к нормам Особенной части того же кодекса и вместе с тем особенными и даже отдельными по отношению к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В то же время сущность и содержание Основ представляют собой особенное и отдельное по отношению к системе советского права в целом и общее по отношению к УК РСФСР.

При анализе соотношения отдельного, особенного и общего следует иметь в виду, что их значение отнюдь не равнозначно. Так, историческая необходимость правового развития выражается прежде всего в общем и особенном, в то время как в отдельном может проявиться и случайность, которая, однако, не отменяет этой необходимости общего и особенного в праве, хотя и оказывает известное влияние на них. Единичные причины, как отмечал Г. В. Плеханов, не могут произвести коренных изменений в действии причин общих и особенных, которыми к тому же обусловливаются направление и пределы влияния единичных причин[2].

---

[1] *А. А. Ушаков.* Очерки советской законодательной стилистики, стр. 30. Аналогичные элементарно-схематические параллели можно встретить и в философской литературе. Так, А. П. Шептулин пишет: «Взаимосвязь общего и отдельного проявляется как взаимосвязь целого и части, где целым является отдельное, частью — общее» (*А. П. Шептулин.* Диалектика единичного, особенного и общего, стр. 51). Но в действительности может быть и прямо противоположное соотношение: во-первых, целым может быть не только отдельное, но и их совокупность или система, равно как и, наоборот, частью может быть не только общее, но и отдельное в качестве части определенного общего. Одним словом, соотношения между упомянутыми категориями куда более диалектичны, сложны, тонки (см. об этом последующие главы настоящей работы), чем представляют себе указанные авторы.

[2] См. *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, стр. 332.

Диалектика отдельного, особенного и общего имеет огромное методологическое и непосредственно практическое значение. Так, если каждое отдельное участвует в образовании общего, то только путем учета и тщательного анализа единичных правовых явлений можно дальше углубить познание сущности права, обнаружить новые и конкретизировать известные закономерности его развития. Если общее есть отражение закономерностей развития отдельных явлений, то, следовательно, правоведение должно умножать богатство своих идей, учений, теорий и тем самым более эффективно использовать научное предвидение в практике правового строительства. Если границы общего, особенного и отдельного весьма подвижны, то совершенно необходимо четко определять направление каждого конкретного правового исследования, тщательно изучать связи и отношения анализируемых правовых явлений с другими (в том числе и неправовыми) явлениями социальной жизни. Если общее и особенное в праве могут быть различного уровня, выражая разную степень сходства или общности свойств, связей и отношений правовых явлений, то при сравнительном анализе сущности отдельных исторических типов права (например, буржуазного и социалистического) необходимо акцентировать главное внимание не на формальном сходстве, а на их сущностном отличии друг от друга, т. е. на особенном.

Если, далее, в каждом отдельном содержатся предпосылки, стороны, элементы общего, то, следовательно, в практической правотворческой деятельности необходимо стремиться к тому, чтобы каждая статья создаваемого нормативного акта и акт в целом в максимальной степени отражали социалистическую сущность советского права. Если каждое особенное есть единство общего и отдельного в их конкретном проявлении, то, применяя на практике общую правовую норму к сложному случаю правонарушения, нужно в полном соответствии с принципами социалистического правосудия строго следовать требованиям правового предписания, всесторонне и глубоко изучать совокупность условий совершения правонарушения и личность правонарушителя и на основе этого единства выносить решение (приговор). Если между отдельным, особенным и общим в праве отсутствуют непроходимые грани и их соотношение характеризуется

взаимопереходами в процессе развития и изменения, то, познав направление этого развития и изменения, можно путем создания благоприятных условий способствовать практическому превращению отдельного прогрессивного правового явления в особенное и общее и, наоборот, устаревшего отрицательного особенного и общего — в отдельное или даже их полной ликвидации и т. д. и т. п.

Из сказанного вытекает беспочвенность и научная несостоятельность взглядов современных ревизионистов, которые пытаются отрицать или умалить значение общих закономерностей строительства социализма вообще и социалистического правового строительства в частности. Абсолютизируя отдельные особенности правового развития той или иной страны, они выдвигают различные «модели» социалистического права, забывая об общих, наиболее принципиальных закономерностях социалистического права для всех стран социализма. Несостоятельной является и догматическая абсолютизация общих закономерностей развития социалистического права при полном забвении специфических их проявлений в различных социалистических странах.

Разумеется, отмеченные общие положения, вскрывающие значение рассматриваемых категорий для развития теории и практики права, абстрактны. Однако применение этих положений при анализе отдельных правовых явлений позволит их конкретизировать, поэтому и результат исследования будет практически более осязаемым. Вот почему дальнейшая разработка диалектики соотношения отдельного, особенного и общего требует изысканий не только в общетеоретическом, философском, гносеологическом планах, но и в плане специфических проблем различных отраслей социалистической правовой науки.

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ В ПРАВЕ

§1. Понятие целого и части в праве

Насущная необходимость комплексного исследования различных материальных и духовных процессов выдвинула проблему целостности в современной науке на первый план. Интенсивная разработка этой проблемы за последние годы дала плодотворные научные результаты не только в естествознании, но и в ряде отраслей общественного знания. С помощью категории целостности оказалось возможным четко выделить объект исследования, в котором обозначены не только познанные его части, но и те, которые должны быть познаны. Вместе с тем применение этой категории к исследованию соответствующего объекта позволяет вплотную подойти к определению природы и характера связей и взаимодействия между составляющими его частями, т. е. к его системно-структурному и функциональному анализу [1].

[1] Определяя методологическое значение этой категории, Б. Г. Юдин пишет: «...постановка проблемы целостности всегда связана с анализом исходных предпосылок, в значительной мере формирующих предмет и методы той или иной научной дисциплины... Взятое в качестве ориентира научного исследования, понятие целостности выполняет двоякую роль. Во-первых, это понятие позволяет обозначить, очертить разрыв между тем, что уже познано, и тем, что еще не познано, но что должно быть познано. Иными

Как известно, XXIV съезд КПСС обратил особое внимание на необходимость всестороннего изучения общества и на этой основе осуществления научного руководства и оптимального управления прогрессивным общественным развитием как единым, целостным процессом. Существенную роль в реализации этих важнейших задач призвано сыграть советское право. Именно эти обстоятельства актуализируют разработку проблемы целостности самого права.

При исследовании права категории целого и части, равно как и их соотношение с другими категориями, почти не рассматривались в советской юридической литературе. В философской литературе, на наш взгляд, до сих пор отсутствует достаточно четкое разграничение между однопорядковыми (но отнюдь не тождественными) категориями. Все это ставит серьезные преграды на пути обнаружения гносеологического значения категорий целого и части (как, впрочем, и многих других) в анализе правовых явлений. А между тем, чтобы познать одну из интересующих нас однопорядковых категорий через посредство другой, необходимо знать, чем первая отличается от второй. Без подобного разграничения соответствующих однопорядковых категорий, особенно при их использовании не вообще, а применительно к конкретному объекту, исключается познание таких сложных социальных образований, каковым, в частности, является право.

В справедливости этих упреков можно убедиться, взяв для сравнительного анализа, например, определе-

---

словами, не познанный еще объект интуитивно задается нам как целостность и таким образом становится объектом научного исследования. В этом случае можно говорить о регулятивной функции понятия или, скорее, представления о целостности. Во-вторых, понятие целостности позволяет конкретизировать, сделать более развернутыми наши представления об объекте. Фиксируя исследуемый объект, оно оказывается своего рода системой отсчета, ибо только в связи с ним приобретают определенность, точный смысл такие понятия, как функционирование, развитие, поведение, структура, организация и т. д., то есть те понятия, без применения которых сейчас немыслимо изучение сложных объектов... Очень важно отметить также привносимое этим понятием требование выявить специфику данного объекта, то, что конституирует его именно как целостность» (*Б. Г. Юдин.* Понятие целостности в структуре научного знания — «Вопросы философии», 1970, № 12, стр. 81, 82, 83).

ния целого и структуры, сформулированные В. И. Свидерским и получившие довольно широкое распространение в философской и специально-отраслевой литературе: «Признаком целого... является обязательное наличие общей структуры, объединяющей отдельные элементы и накладывающей свою печать на сами эти элементы»[1]. Под структурой же он понимает «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого»[2].

Таким образом, целое определяется здесь через структуру, а структура — через целое. Разумеется, против подобного логического приема возражать нельзя, если бы при этом было проведено отличие целого от структуры, без которого невозможно понять ни целое, ни структуру. Более того, оказывается, что целое и структура — понятия совпадающие. На самом деле, если под структурой понимается определенная закономерность связи элементов целого, а целое обязательно имеет структуру, в пределах которой устанавливается определенная закономерность связи между ее элементами, то получается, что и для структуры, и для целого основным признаком является закономерная связь между их элементами. В чем же тогда разница между понятиями структуры и целого? Определяя, далее, структуру, автор использует и понятие системы, соотношение которой со структурой и целым также остается неизвестным. Если под системой понимаются те же закономерные отношения (или связи) тех же элементов в рамках данного целого, то вопрос еще более осложняется, поскольку неизвестно, в чем же, собственно состоит отличие не только между структурой и целым, но и между ними и системой?

В трактовке категории целого в философской литературе помимо отмеченного обнаруживаются две противоположные, но в одинаковой мере односторонние тенденции. В одном случае эта односторонность выражается в представлении, будто части непременно пространственно отделимы от целого, самостоятельно существуют

---

[1] *В. И. Свидерский.* Некоторые особенности развития в объективном мире. Л., 1964, стр. 6.

[2] *В. И. Свидерский.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития. М., 1965, стр. 135.

и только при этом условии могут именоваться частями целого[1]. В другом случае столь же категорически утверждается противоположное, а именно, что частями являются лишь такие органически связанные и взаимодействующие компоненты, которые пространственно неотделимы от целого[2].

Обе эти точки зрения односторонни прежде всего потому, что не учитывают универсального характера категории целого, включающего в себя как первую, так и вторую ее особенность. Обоснованность этого утверждения легко обнаруживается при применении категорий целого и части к познанию, в частности, правовых явлений. Абсолютизировать ту или иную особенность целого неправильно, поскольку действует немало целостных[3] правовых образований, части которых не имеют смысла без органических связей и взаимодействия друг с другом (например, взаимодействие гипотезы, диспозиции и санкции правовой нормы или нормы права и правоотношения). Но с другой стороны, имеются и такие целостные правовые образования, части которых могут иметь относительно самостоятельное существование (например, при нарушении той или иной статьи нормативного акта применяется не этот акт в целом или отрасль права, к которому он относится, а именно данная конкретная статья нормативного акта). Диалектическая универсальность целого особенно наглядно выра-

---

[1] См., например, *В. Ф. Сержантов.* Основные аспекты проблемы материи и сознания и их связь с физиологией. — «Некоторые философские вопросы теоретической медицины». Труды Института экспериментальной медицины. Л., 1958, стр. 13—14.

[2] См., например, *В. Г. Афанасьев.* Проблемы целостности в философии и биологии. М., 1964, стр. 17; *Г. П. Шубина.* Методологическая роль категорий целого и части в решении проблемы целостности организма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1964, стр. 2.

[3] В литературе была предпринята, по нашему мнению, безуспешная попытка отграничить понятие целого от понятия целостности. Так, Г. П. Короткова считает, что «целостность» (в отличие от целого) есть «состояние не полной, а относительной замкнутости какой-то совокупности явлений» (*Г. П. Короткова.* Принцип целостности. Л., 1968, стр. 7). Но и целое суть относительно замкнутая совокупность определенных явлений, поскольку абсолютно «полной» замкнутости явлений в действительности не существует. Поэтому в настоящей работе эти термины используются как синонимы.

жается в системе права, которая, будучи органически единой, вместе с тем подразделяется внутри этого единства на отдельные относительно самостоятельные части — отрасли права. Материальное право и процессуальное право — вполне самостоятельные отрасли единой системы права, но их применение немыслимо себе представить вне взаимодействия.

Универсальный характер категории целого состоит в том, что составляющие его части объединяются как естественным, так и искусственным путем, как по объективным, закономерным, так и по субъективным, произвольным моментам, как по качественным, так и по количественным признакам, как по содержательным, так и по формальным критериям.

Право в целом, равно как и отдельные правовые целостности, является, разумеется, искусственным образованием в смысле его отличия от целостных образований природы, представляющих собой продукт естественной эволюции. Они создаются людьми (господствующим классом) в процессе социально-политической деятельности. Однако это вовсе не означает, что любая правовая целостность во всех случаях является продуктом произвольного образования. Подобно тому как целостные образования природы и само общество как целое есть результат естественноисторического процесса, так и создание людьми правовых целостностей подчиняется объективной необходимости — естественноисторическим законам общественного развития. Право, будучи государственной волей господствующего класса, всегда отражает достигнутый уровень общественного развития, ни отменить, ни перескочить через который оно не в состоянии. Однако в пределах общих исторических законов могут образоваться правовые целостности, имеющие либо объективные, закономерные, либо субъективные, произвольные основания. Так, отрасль права состоит из необходимого количества институтов, которые обязательно обладают соответствующими качественными признаками (прежде всего единым предметом правового регулирования) и которые связаны между собой строго определенной взаимной зависимостью и обусловленностью.

Однако в практике мы имеем дело и с другого рода целостными правовыми образованиями, которые не об-

ладают столь устойчивой организацией. Так, систематизация законодательства на уровне инкорпорации представляет собой целостное правовое образование, но осуществляется она по самым различным основаниям, признакам или критериям в зависимости от потребностей практики и задач такой систематизации. Трудно отказать в целостности и отдельным правовым нормативным актам, но их организации носят субъективный характер и поэтому нередко существенным образом отличаются друг от друга.

Следовательно, уровень устойчивости правовой организации может быть различен в зависимости от характера связи между ее частями. «Шкала» этой устойчивости движется от относительно слабой к абсолютно сильной, необходимой связи ее частей. Так, правовая норма и форма ее реализации составляют некое целостное единство. Но если правовая норма имеет различные формы (или пути) ее реализации, то наименее целесообразная из них, очевидно, и в наименьшей степени связана с этой нормой.

Уровень устойчивости правовой организации зависит и от природы, свойств самих частей данного целого. В этом случае «шкала» устойчивости движется от простой к сложной правовой организации. Например, инкорпорация правовых актов в хронологической последовательности их издания является целостной систематизацией права на уровне простой организации. Свойства этой организации в основном совпадают с совокупностью свойств составляющих его частей: исключение или дополнение к ней некоторых (например, повторяющихся) нормативных актов или норм не влечет за собой сколько-нибудь серьезных качественных изменений самой организации. Иначе обстоит дело с правовой целостностью сложной организации. Так, кодификационная систематизация одной из отраслей действующего права, будучи его сложной организацией, не может оставаться качественно неизменной в случае каких-либо исключений или внесения дополнений, уточнений и т. д., ибо части целого здесь находятся в более прочной, стабильной и логически необходимой взаимосвязи. Вследствие этого часть в составе целого обладает иным качеством, чем то, которое она имела бы в случае единичного существования.

Характер связи между частями целого и природа самих частей целого, таким образом, определяют уровень целостности правовой организации. При этом данный уровень может иметь, как было отмечено выше, либо субъективные, либо объективные основания. Например, систематика и система права, будучи целостными правовыми организациями, тем в основном и отличаются друг от друга, что первая имеет субъективные, а вторая — объективные основания. И именно это обстоятельство нас в данном случае непосредственно интересует, поскольку здесь обнаруживается основное различие между понятиями целого и системы в праве. Оно состоит прежде всего в том, что целое в праве может быть либо объективным, закономерным, либо субъективным, произвольным, в то время как система в праве всегда объективна, закономерна. Следовательно, целостное правовое образование может быть как системным, так и суммарным.

С такой трактовкой целого не соглашаются многие философы, хотя она, как было показано выше, и вытекает из анализа реального существования, в частности, целостных правовых образований. Л. О. Вальт, например, пишет: «Любое целое тем и отличается от механического агрегата, что оно обладает некоторой закономерной упорядоченностью, организацией частей»[1]. Но «механический агрегат» может быть в высокой степени упорядочен и организован, не обладая закономерными связями между его частями. Квалифицированное проведение инкорпорации законодательства достигает порой исключительной, безупречной упорядоченности и организованности нормативного материала в единое целое, которое тем не менее вовсе не является результатом объективного, закономерного, необходимого развития права. Л. О. Вальт под целым понимает лишь такое объединение частей, которое свойственно не целому вообще, а только системному целому.

Эта линия при рассмотрении данных категорий последовательно проводится В. Г. Афанасьевым, который доводит ее до логического завершения — прямого отождествления категорий целого и системы. В частности,

---

[1] *Л. О. Вальт.* Соотношение структуры и элементов. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 45.

он пишет: «Слов нет, всякое целое есть система»— и затем указывает, что целое следует определять «как систему, совокупность объектов, взаимодействие которых обусловливает наличие новых интегративных качеств, не свойственных образующим ее частям» [1]. То, что целое может обладать качеством системности, безусловно, правильно и неоспоримо. Верно и то, что взаимодействие частей может обусловить возникновение таких интегративных качеств целого, которые не свойственны образующим его частям. Однако целое может носить не только системный, но и суммативный характер [2]. Далее, взаимодействие частей не всегда обусловливает возникновение новых качеств целого, не свойственных его частям. И наконец, система и совокупность частей (или объектов, по выражению В. Г. Афанасьева) отнюдь не одно и то же. Система частей целого — это качественная характеристика его содержательного, субстанционального начала, в то время как совокупность частей целого — лишь его количественный признак [3].

---

[1] *В. Г. Афанасьев.* Проблема целостности в философии и биологии, стр. 8, 9—10.

[2] Существование суммативного целого признает и Б. Г. Юдин (см. *Б. Г. Юдин.* Понятие целостности в структуре научного знания. — «Вопросы философии», 1970, № 2, стр. 88), а также В. М. Сырых (см. *В. М. Сырых.* Структура, генезис, система как элементы исторического и логического методов познания права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1970, стр. 8).

Однако суммативное целое не следует смешивать с суммативным подходом к характеристике целого. «С помощью суммативного подхода, — пишут В. И. Свидерский и Р. А. Зобов, — можно описать не новые стороны частей целого, а только те или иные способы их выражения в конкретных условиях существования целого как чего-то уже сформированного. Самое существенное для целого не может быть учтено при его суммированном понимании. Последнее ведет ко всякого рода ошибочным теориям типа холизма, витализма, механицизма и т. п. Сам факт близости всех таких, в сущности метафизических (в смысле абсолютизации отдельных конкретных сторон изучаемых процессов), направлений говорит о том, что все они имеют общий источник ошибок. Таким источником является именно суммативный подход к целому» (*В. И. Свидерский, Р. А. Зобов.* Новые философские аспекты элементно-структурных отношений. Л., 1970, стр. 32).

[3] Позиция В. Г. Афанасьева по данному вопросу несколько противоречива. Так, он считает, что не может быть суммативного целого, что оно всегда система, поэтому каждое целое является целостной системой. Вместе с тем он допускает наличие сумма-

Точку зрения В. Г. Афанасьева разделяет и Г. А. Югай, указывающий, что любое «целое есть система, но не всякая система есть целое...» [1]. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: всякая система есть целое, но отнюдь не всякое целое есть система. Суммативное целое — это тоже целое, но оно еще не система, ибо не имеет объективных, закономерных, необходимых связей и взаимодействия между составляющими ее частями, компонентами. Поэтому целое может быть системным и несистемным. Всякая система суть разновидность целого. Она хотя и является наиболее совершенным, но отнюдь не единственным видом целого. Как известно, К. Маркс вовсе не исключал существования суммативного целого с механическими связями его частей, которые присущи простейшему типу целого и для которого характерно «чисто внешнее отношение... к его разнородным составным частям...» [2].

Если данная целостность системна, то она не только состоит из определенного количества закономерно между собой связанных частей, которые образуют субстанциональную, содержательную основу (сторону или

тивной системы. Но (не говоря уже о том, что простая сумма каких-либо компонентов является в определенном смысле противоположностью их закономерному объединению в систему) если целое есть система, а система может быть, по В. Г. Афанасьеву, суммативной, то, следовательно, и целое может быть «суммативно-системным». Тогда отрицание суммативного целого лишено логической основы. Конечно, наличие аддитивности (т. е. способности частей сохранять в целом численное значение некоторых своих свойств) не дает оснований сводить целое к сумме его частей. Но вряд ли можно отрицать тот факт, что в реальной действительности имеются и такие целостные образования, в которых аддитивные свойства целого, не будучи единственными и определяющими, имеют известное значение для их характеристики. Это значение аддитивных свойств целого не следует, разумеется, преувеличивать и тем более абсолютизировать; на них, как выражался Ф. Энгельс, «далеко не уедешь», поскольку сущность целого отнюдь не сводится к количественной его характеристике, а определяется реальными отношениями и пространственными формами, взаимодействием частей, его составляющих (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 39). Но отсюда вовсе не следует, что аддитивными свойствами целого (особенно суммативного целого) во всех случаях можно абсолютно пренебрегать.

[1] *Г. А. Югай*. Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965, стр. 99.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 355.

начало) целостной системы, но и всегда должна быть определенным образом внутренне структурно организована. Нет системы без структуры, которая суть необходимый скелет, внутреннее устройство, закономерная организация субстанциональных, содержательных компонентов системного целого. Но если не может быть системы без структуры, то означает ли это одновременно, что и нет структуры без системы? Думается, что не означает. Существует множество несистемных целостных образований, имеющих свои структуры, специфика которых, однако, существенно отличается от структур целостных систем. Они образуются не по объективным, закономерным основаниям, а субъективно, произвольно и поэтому значительно менее устойчивы, прочны, стабильны. Именно поэтому-то структуру в праве нельзя характеризовать только как непременно закономерную связь между элементами целого.

Между тем именно с такой характеристикой структуры мы сталкиваемся не только в философской, но и в юридической литературе. Так, С. С. Алексеев без каких-либо оговорок воспроизводит определение структуры В. И. Свидерского как закона, способа связи, организации элементов явления[1]. Но дело не только в том, что здесь полностью отождествляются понятия системы и структуры, но также и в том, что структура рассматривается только как закономерная связь между компонентами целого. Ошибочность этой позиции легко обнаруживается при конкретном анализе различных правовых явлений, например структур статьи нормативного акта и правовой нормы. Каждая часть нормативного акта (как и сам нормативный акт в целом) так или иначе структурно организована, но она вовсе не всегда совпадает со структурой правовой нормы. Построение статьи нормативного акта (как и постатейное построение самого нормативного акта) зависит от законодателя, от тех целей и задач, которые он перед собой ставит. Именно поэтому структура статьи нормативного акта даже в тех случаях, когда она совпадает со структурой правовой нормы, носит в своей основе субъективный, про-

[1] См. *С. С. Алексеев.* Общетеоретические принципы исследования структуры права.— «Советское государство и право», 1971, № 3, стр. 41, 42.

извольный, а иногда даже случайный характер. И именно этим она отличается от структуры правовой нормы, которая всегда объективна, необходима, закономерна[1].

Из такой трактовки вытекает, что структура — категория, характеризующая внутреннюю форму предмета или явления, и, как таковая, представляет собой имманентный признак любого целого. Именно поэтому она не может быть тождественной целому.

Следовательно, целое может быть как системным, так и несистемным; оно отнюдь не сводится лишь к форме своей организации, а характеризуется прежде всего своей содержательной субстанцией[2]. Другое дело, что целое может характеризоваться как с содержательной, так и с формальной стороны. Так, например, когда

---

[1] С. С. Алексеев пишет, что для законодателя структура права выступает как своего рода объективная закономерность, в соответствии с которой он строит и структуру законодательства, что в результате этого и в структуре законодательства «неизбежно проявляется реальная, объективно обусловленная потребность существования самостоятельных отраслей права, подотраслей, институтов, юридических норм» («Советское государство и право», 1971, № 3, стр. 45). При всей правильности этих положений нельзя, однако, не видеть и различия между структурой права и структурой законодательства, поскольку, как признает и сам С. С. Алексеев, последняя обусловлена не только объективными, но и «субъективными причинами» (там же, стр. 44). Но если структура законодательства обусловлена и субъективными причинами (и даже «частыми», что также признает автор), то как же можно эту структуру объявлять объективным законом?! Стремясь подчеркнуть органическую связь объективной и субъективной сторон законодательства, С. С. Алексеев впадает здесь в другую крайность, доводя их до степени полного отождествления, что, как известно, теоретически ошибочно и практически вредно.

[2] На значение этой характеристики обратил внимание В. И. Кураев: «Понимая под содержанием субстанциональную характеристику вещи, выражающую субстанциональный аспект системы, следует подчеркнуть выводимость свойств вещи из ее собственной природы и отношение содержания как целого к составляющим его частям. В результате каузальное понимание, сводившее сущность вещи к совокупности внешних воздействий различных частей или других вещей друг на друга, поднимается на более высокую ступень, приходит к объяснению сущности вещи из ее внутренней природы, исходит из целого. Содержание как совокупность причинно-следственных связей и взаимодействий между элементами вещи с окружающей средой выступает как субстанциональная основа целостности вещи, выражающая ее конкретную материальную природу» («Категории диалектики как ступени познания». М., 1971, стр. 219).

мы говорим, что институт права собственности, сложившийся в правовую целостность под воздействием исторически определенных условий развития экономических отношений, является выражением воли господствующего класса, то тем самым характеризуем данную целостность со стороны ее содержания. Утверждение же о том, что этот институт является целостным правовым образованием в силу объединения в нем соответствующих юридически обязательных предписаний, является его характеристикой с формальной стороны.

Очевидно, однако, что первая характеристика является главной, основной, существенной, в то время как вторая — второстепенной, незначительной, поверхностной (разумеется, лишь в сравнении с первой). Но какой бы ни была вторая характеристика целого, она тем не менее свидетельствует о другом важном аспекте универсальности ее природы: целое может быть образовано путем объединения (необходимого или случайного) его компонентов как по содержательным, так и по формальным критериям. Так, объединение норм права в целостную правовую организацию по признаку предмета правового регулирования является объединением по содержательному критерию, а объединение их по признаку метода правового регулирования — объединением по формальному критерию. Поэтому следует, на наш взгляд, отличать целостное правовое образование, в основу которого положен содержательный критерий, от того целостного правового образования, основой которого является формальный критерий, например объединение всех предписаний законодательства о труде, в частности, в сборник в соответствии со степенью их юридической силы.

В связи с этим возникает вопрос: может ли сложиться правовая целостность, которая была бы объективной, закономерной, необходимой и вместе с тем объединяла бы свои компоненты по формальным критериям? Или наоборот: может ли сложиться правовая целостность, которая была бы субъективной, произвольной, случайной и одновременно объединяла бы свои компоненты по содержательным критериям?

Для выяснения этого вопроса обратимся к самой правовой действительности. Правовой целостностью является, например, вся совокупность актов Верховного

Совета СССР, изданных в форме законов. Объективность, закономерность, необходимость этой целостности выражается в том, что все ее компоненты — законы — прямо и непосредственно выражают общую волю советского народа, регулируют основные, главные, наиболее существенные общественные отношения, в стабильности которых особенно заинтересовано Советское государство. Вследствие этих качеств данной целостности она составляет базу, фундамент всей системы действующего права. Тем не менее в основу ее образования положен формальный критерий — факт издания законов соответствующим органом государства, в частности его высшим органом власти — Верховным Советом СССР. С другой стороны, в правотворческой практике Советского государства, как известно, нередко издаются правовые акты, объединяющие в целое нормы различных отраслей права, которые, однако, регулируют одну и ту же сферу политической, хозяйственной или культурной жизни общества. Здесь мы сталкиваемся с обратной картиной: правовая целостность образована субъективным путем, хотя в ее основе лежит содержательный критерий — характер той сферы общественной жизни, которая подвергнута правовому регулированию.

Утвердительное решение первого вопроса выдвигает второй: если правовая целостность создана по формальному критерию, то может ли она иметь как суммативный, так и системный характер?

Все правовые нормы, объединенные в целое по содержательному критерию (например, по классово-волевой сущности), могут быть как системными (например, институт, отрасль, система трудового права), так и суммативными (например, хронологическое собрание законов о труде), равно как и наоборот: все правовые нормы, объединенные в целое по формальному критерию (например, по методу правового регулирования), могут быть как системными (например, Гражданский кодекс РСФСР), так и суммативными (например, систематизация гражданскоправовых актов по степени их юридической силы).

Перечисленные признаки правовой целостности вполне реальны, существенны и специфичны вне зависимости от того, в каком соотношении они находятся между собой. А это означает, что все эти признаки должны

войти в определение понятия правовой целостности. Только при этом условии оно вскроет универсальность понятия правовой целостности, тождественность и отличие ее от категорий системы и структуры в праве.

Под правовой целостностью следует понимать единство соответствующих ее компонентов (частей), которые определенным образом объединены между собой (по содержательным или формальным критериям) и которые в зависимости от их природы и характера связи между ними (объективной, закономерной или субъективной, произвольной) составляют относительно устойчивую организацию.

Правовая целостность тождественна системе и структуре в праве в том отношении, что всякая система и структура есть целое вне зависимости от критерия объединения их частей (содержательного или формального). Но этим, собственно, и ограничивается их тождественность, за которой следуют весьма существенные различия между ними. Если правовая целостность может быть как объективной, закономерной, так и субъективной, произвольной, то система в праве всегда объективна, закономерна. Если, далее, правовая целостность характеризуется объединением своих частей как по содержательно-субстанциональному, так и по формально-организационному признаку, то структура в праве — характеристика лишь организационно-формального признака правовой целостности [1].

---

[1] Однако характеристика целого со стороны его формальной организованности отнюдь, разумеется, не лишает целое его материальной природы. Речь идет в данном случае не о природе целого, а о характере, способе организации его, о признаке объединения частей целого. Иначе дело обстоит, когда отдельные авторы, хотя и оговаривают то, что «далеки от понимания целого как некоего нематериального фактора», тем не менее определяют его именно как нематериальный фактор. Так, например, Р. А. Зобов пишет: «Целое понимается нами как иерархия структур, т. е. как система специфически взаимосвязанных друг с другом структур, каждый элемент которого может реализовать свои возможности не только через механизм той структуры, в которую он входит, но одновременно и через механизмы всех других структур иерархии» (*Р. А. Зобов.* Некоторые аспекты категорий отношения, целого, структуры, функции и их значение для научного исследования. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. 2. Л., 1968, стр. 20).

Иначе говоря, всякая система и структура в праве есть правовая целостность. При этом, однако, правовая целостность — это как объективное, закономерное, так и субъективное, произвольное, как субстанциональное, так и организационное единство своих частей. Система в праве — это лишь объективное, закономерное, как субстанциональное, так и организационное единство частей целого. Структура в праве — это лишь организационное (но отнюдь не субстанциональное) как объективное, закономерное, так и субъективное, произвольное, единство частей целого [1].

Возникновение любого целого может иметь место лишь в том случае, если реально существуют его части, объединение определенной совокупности которых и создает некую целостную организацию. Нет и не может быть частей, которые не являлись бы частями своего целого, как нет и не может быть целого, если оно не является целым своих частей [2]. Нет, например, целостной системы права того или иного исторического типа без соответствующе необходимых отраслей права, отрасли права — без институтов права, а института права — без правовых норм. Или нет систематики права без нормативных актов, а нормативных актов — без правовых установлений, правовых новелл, правовых статей, объединяемых по тому или иному признаку, избранному систематизатором. Короче говоря, нет системы или систематики права без частей, их составляющих.

Правовая часть, будучи компонентом правовой це-

Но если целое — это не единство материальных частей его, а лишь иерархия структур, т. е. внутренних форм организации, то спрашивается: что же именно эта иерархия оформляет, организует, упорядочивает? К сожалению, в данном определении, желал того или нет автор, исчезла материальная субстанция целого.

[1] В. Г. Афанасьев отмечает: «Части, компоненты целого, а также целое со своими частями определенным образом взаимодействуют. Особый способ внутренней взаимосвязи, организации целого составляет его структуру» (*В. Г. Афанасьев.* О принципах классификации целостных систем. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 32).

[2] «Целое, если оно не состоит из различных частей, не является и не может быть целым, — пишет Т. Павлов. — Части, со своей стороны, если они не имеют своих особенностей именно как части, не могли бы быть частями своего целого, и, следовательно, целое перестало бы быть их целым, а части перестали бы быть его частями» (*Тодор Павлов.* Избранные философские произведения, т. I, стр. 47).

лостности, естественно, подчиняется общим принципам существования и функционирования этой целостности и поэтому может быть определена в соответствии с ней. А именно: она объединяется с другими частями данной целостности (по содержательным или формальным критериям), и в зависимости от их природы и характера связи между ними (объективной, закономерной или субъективной, произвольной) все эти части в своей совокупности образуют относительно устойчивую правовую организацию.

§2. Взаимодействие целого и части в праве

Анализ взаимодействия целого и части имеет в немарксистской правовой теории свою длительную историю, в которой обнаружились две основные тенденции, в одинаковой степени бесплодные. Если представители одной из них (например, естественной школы права) исходят из первичности естественных прав отдельного человека по отношению к целостной системе позитивного права, то представители другой тенденции (например, исторической школы права), наоборот, исходят из примата исторически сложившегося права нации по отношению к правам отдельного индивида. Между тем право отдельного члена общества как отдельная часть целостной правовой системы не может быть первичным, поскольку именно эта система является его источником, содержанием и гарантией осуществления. Но и целостная правовая система не может обладать качеством примата по отношению к своим частям, поскольку образуется из частей, в том числе и субъективных прав граждан, ее составляющих. Взаимодействие целого и части в праве, как и во многих иных явлениях, куда более сложное. И онтологически, и гносеологически категории целого и части в праве диалектически соотносительны, поскольку не только имеют смысл лишь по отношению друг к другу, но и вообще вне друг друга не существуют.

Однако неразрывную связь целого и части не следует абсолютизировать в том смысле, что они непре-

менно возникают одновременно[1], что одно не может предшествовать другому, что совокупность частей и целое во всех случаях качественно тождественны.

Во-первых, категорическое утверждение того, что часть и целое возникают одновременно, противоречило бы действительности и лишило бы нас возможности рассматривать явления в их диалектическом развитии. Например, прежде чем сложилось советское колхозное право как целостная отрасль права, в различное время возникали те или иные правовые нормы, регулирующие новые отношения в связи с процессом коллективизации сельского хозяйства, становлением колхозного строя в советской деревне. Вместе с тем отрасль советского колхозного права, как и всякое целостное образование, подвижна и изменчива; в процессе своего развития она как исключает старые, так и включает в себя новые части, новые правовые нормы, отражающие динамику колхозной жизни, совершенствование организации коллективного сельскохозяйственного производства.

Во-вторых, нередко взаимодействие составных компонентов целого детерминирует возникновение в нем новых интегративных качеств, не свойственных его исходным компонентам до их вступления во взаимодействие. В. И. Ленин воспроизводит положение Аристотеля о том, что отдельные члены живого организма «лишь в своей связи суть то, что́ они суть. Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука»[2]. По аналогии с этим можно сказать, что правовые нормы лишь в своей связи суть то, что они есть, что норма права, отделенная от системы прав, лишь по названию правовая норма. Сущность системы права в том именно и состоит, что в отличие от простой совокупности правовых норм она не является суммой свойств компонентов, ее образующих, а обладает по сравнению с ними новым качеством. Более того, системе права свойственно не только это новое качество. При необходимости и наличии соответствующих условий в системе права образуются новые компоненты, которые до ее возникновения вообще отсутство-

[1] На это обстоятельство обращал внимание К. Маркс, отмечая, в частности, различную продолжительность жизни «различных составных частей основного капитала...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 24, стр. 192).

[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 184.

вали. Ярким свидетельством этого является возникновение и развитие того же колхозного права как самостоятельной отрасли системы советского права [1].

Правовая часть, возникнув внутри, в «недрах» правовой целостности, придает ей новую «окраску», наполняет новым специфическим содержанием, изменяет эту целостность. Новые правовые части, вступая в противоречие со старыми, вытесняют их, занимают их место, вступают в связи и отношения с другими частями целого и тем самым в еще большей степени видоизменяют целостную правовую организацию. А на этой основе может возникнуть новая правовая часть, изменяющая правовую целостность, и т. д. Отсюда следует вывод о беспочвенности постановки вопроса о примате целого над частью в праве, равно как и наоборот, поскольку правовая целостность своим возникновением обязана объединению соответствующих правовых частей, но вместе с тем она может быть своеобразным правовым основанием для возникновения новых своих частей, а последние, видоизменив правовую целостность, являются непосредственной причиной ее развития. Правовая целостность, таким образом, оказывается первичной по отношению к новым своим частям, но вторичной по отношению к старым частям, объединение которых и образовало эту целостность. Точно также и правовые части первичны по отношению к правовой целостности в том смысле, что их объединение образует ее, и вместе с тем вторичны, поскольку не только могут быть порождены правовой целостностью, но и вообще вне ее существовать не могут.

Нетрудно видеть, что в праве, как и в любых иных явлениях, взаимодействие целого и части во многом сходно с взаимодействием общего и отдельного. Подобно тому как общее существует лишь в отдельном, через отдельное, целое существует только благодаря своим частям, в своих частях. Как отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему, так и часть не существует вне целого, равно как и наоборот.

---

[1] Эти же положения в общефилософском плане выдвигает и В. Г. Афанасьев (см. *В. Г. Афанасьев.* Проблема целостности в философии и биологии, стр. 9—15) с той, однако, разницей, что характеризует ими любое целое, а не системное целое.

Если, далее, отдельное так или иначе есть общее, то и часть в той или иной мере является целым. Вместе с тем, как и общее, целое есть сторона или сущность части, а часть, как и отдельное, обладает своими специфическими особенностями, признаками, чертами. Наконец, подобно соотношению отдельного и общего всякая часть множеством переходов связана с другими частями, составляющими целое, и т. д. и т. п.

И тем не менее взаимодействие целого и части нельзя полностью сводить к взаимодействию общего и отдельного, поскольку каждое из них имеет своеобразную характеристику. В. Г. Афанасьев правильно отмечает, что категории общего и отдельного отражают сходство и различие не только данного целого с его частями, но и данного целого с другими целостными и нецелостными образованиями, сходство и различие самых разнообразных предметов и явлений; что понятие общего не исчерпывает всех сторон целого, оно отражает только те из них, которые роднят его с частями, делают их выражением одной и той же сущности, не раскрывая его особенностей, специфичности; что понятие отдельного не тождественно понятию части, поскольку учитывает лишь то, что отличает часть от целого, не характеризуя, однако, их сходства, общности [1].

Вместе с тем В. Г. Афанасьев, по нашему мнению, ошибается, когда полагает, что часть, как и отдельное, входит в целое не всеми своими чертами [2]. Именно в обратном утверждении: часть в отличие от отдельного со всеми своими чертами входит в состав целого — кроется одна из особенностей понятия части, ее отличие от отдельного. В этом и состоит единство многообразия частей целого.

Гегель по этому поводу писал: «Целое не есть абстрактное единство, а единство некоторого *разного многообразия;* но это единство как то, в чем *многообразное* соотносится одно с другим, есть та *определенность* этого многообразия, в силу которой оно есть часть... Но... целое есть рефлектированное единство, части же составляют определенный момент или *инобытие* един-

---

[1] См. *В. Г. Афанасьев.* Проблема целостности в философии и биологии, стр. 85—86.

[2] См. там же, стр. 85.

ства и суть разное многообразие. Целое равно им не как этому самостоятельному разному, а как им, *вместе* взятым. Это их «вместе» есть однако не что иное, как их единство, целое как таковое. Целое, следовательно, равно в частях лишь себе самому, и равенство его и частей служит выражением лишь той тавтологии, что *целое как целое равно* не частям, а *целому.*

Обратно, части равны целому; но так как они суть момент инобытия в них же самих, то они равны ему не как единству, а так, что *одно* из его многообразных определений приходится на часть, или, иначе говоря, они равны *ему* как *многообразному;* это означает, что они равны ему как *разделенному на части целому,* т. е. как *частям.* Здесь, следовательно, имеется та же самая тавтология, а именно, что *части как части* равны не *целому* как таковому, а в этом целом — *самим себе,* т. е. *частям.*

Целое и части, таким образом, безразлично выпадают друг из друга; каждая из этих сторон соотносится лишь с собой. Но удерживаемые таким образом одно вне другого, они разрушают сами себя. Такое целое, которое безразлично к частям, есть *абстрактное,* неразличенное внутри себя *тождество*; последнее есть целое лишь как внутри *самого себя различенное,* и притом различенное внутри себя так, что эти многообразные определения рефлектированы в себя и обладают непосредственной самостоятельностью» [1].

Следовательно, в отличие от общего, включающего в себя лишь богатство многообразных отдельных (в том смысле, о котором речь шла в предыдущей главе), целое содержит в себе не только «богатство» части, но и части со всеми ее чертами, особенностями (в том числе и второстепенными), т. е. целое включает части целиком [2]. Это наглядно обнаруживается при анализе со-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. V, стр. 618.

[2] Еще Аристотель писал: «*Целым* называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, в составе которых оно именуется целым от природы, и также — то, что объемлет объемлемые <им> <вещи> таким образом, что эти последние создают нечто единое; а таковое они образуют двояким образом: или так, что каждая из этих вещей есть одно, или так, что из <всех> них <вместе> образуется одно» (*Аристотель.* Метафизика. М.—Л., 1934, стр. 102—103).

отношения целого и части в праве. Возьмем, например, институт или отрасль права. Они состоят отнюдь не из тех лишь черт, которые характеризуют «богатство» отдельных правовых норм, а включают (и не могут не включать!) в себя сами правовые нормы со всеми их существенными и несущественными чертами, особенностями, спецификой. Без этого институт или отрасль права из конкретного средства правового регулирования общественных отношений превратились бы в абстрактное понятие.

Из всего ранее сказанного вытекает и другой аспект соотносительности целого и части в праве. Так, норма права, рассматриваемая как определенное правило поведения, является относительно самостоятельным и целостным явлением. Но та же правовая норма теряет свое относительно самостоятельное и целостное значение в связи с ее рассмотрением как части определенного института, отрасли или системы права. Однако и в том и в другом случае правовая норма «ощущает» на себе влияние, действие целого, которое как бы проникает в свои части, пронизывает их, существует в них. Любая правовая норма создается и реализуется на основе, с учетом и в соответствии с той правовой системой в целом, составной частью которой она является. Лишь в рамках целостного правового образования (института, отрасли, системы права) отдельные правовые нормы в полной мере реализуют свои потенции. И именно благодаря совокупности этих обстоятельств мы можем легко отличить смысл, значение и роль внешне сходных правовых норм различных исторических типов права. Право того или иного исторического типа может четко, ясно и определенно регулировать соответствующие общественные отношения, устанавливать твердый и стабильный правовой порядок, эффективно способствовать государству в осуществлении его задач и функций лишь при том непременном условии, если оно едино в целом, если его части внутренне согласованы между собой как по содержательным, так и по формальным признакам.

Часть в праве, на наш взгляд, имеет двустороннюю природу: с одной стороны, она характеризуется своими индивидуальными особенностями, а, с другой стороны, эти особенности приобретают специфический оттенок в результате воздействия других частей и самого целого,

и состав которого они входят. Часть всегда несет на себе печать целого, сохраняя, однако, свою особенность. Именно благодаря тому, что часть обладает особенностью, она занимает соответствующее место в целом и играет в нем определенную роль, воздействует на целое и в той или иной степени детерминирует его характер. Но не только особенности частей, а и специфика их взаимосвязи и взаимодействия определяют природу целого. Так, противоречивость или несогласованность между отдельными частями (хотя бы незначительная) действующего законодательства, устарелость или нереальность, повторяемость или неясная редакция отдельных правовых предписаний отрицательно сказываются на действии данной правовой системы в целом, порой могут повлечь за собой неразбериху, волокиту, бюрократизм, нарушение требований законности и т. д.

Однако, какое бы значение ни имели части в составе целого, они в конечном счете носят подчиненный характер по отношению к целому. Здесь, так же как и во взаимодействии формы и содержания, ведущая роль принадлежит целому. Последнее интегрирует, объединяет части, воздействует на них, преобразует их в соответствии со своей природой, задачами и целями. Именно целое составляет тот фундамент, на котором существуют, функционируют и развиваются части. «Часть, — указывал В. И. Ленин, — должна сообразоваться с целым, а не наоборот» [1].

Этот методологический принцип имеет исключительно важное значение как для правотворческой, так и для правореализующей деятельности Советского государства. Создавая ту или иную новую правовую норму, правотворческий орган должен строго определять ее связи и отношения с уже действующими правовыми нормами, ее место и роль в целостной правовой системе социалистического общества. Подобно этому при выборе наиболее целесообразного пути осуществления этой нормы в конкретных условиях места и времени правообразующий орган всегда обязан опираться на действующее законодательство в целом, неукоснительно соблюдать единые требования социалистической законности, учитывать общую «политику права».

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 362.

Это совсем не означает умаления роли правовых частей в составе целостной правовой системы. Правовые части — не пассивные компоненты их целостности. Они активно воздействуют на правовую систему в целом, будучи доминантами ее развития и совершенствования. Это воздействие имеет самые разнообразные проявления. Отражая объективные потребности общественного прогресса, постоянно возникают новые правовые нормы, изменяются другие, отменяются третьи; устанавливаются, преобразуются и прерываются их связи между собой и целостной правовой системой; дифференцируются, ассимилируются и интегрируются правовые части, обусловливающие перестройку правовой системы; повышается эффективность регулирующего воздействия отдельных правовых норм, институтов и отраслей на соответствующие общественные отношения, а тем самым улучшается и функционирование всего действующего права. Отсюда следует, что для того, чтобы познать то или иное целостное правовое образование (систему права, отрасль или институт права и т. д.), проникая от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., необходимо путем анализа выделить в этом правовом образовании его части, определить существо, содержание и форму каждой из них, выявить характер их связи и взаимодействия между собой, обнаружить их роль в действии данного целостного правового образования.

Любая правовая часть обладает относительной самостоятельностью, мера которой зависит от типа целостного правового образования, в состав которого она входит. Так, части правовой нормы настолько органически связаны между собой и настолько непосредственно подчинены целому, что их раздельное существование бессмысленно. Относительная самостоятельность этих частей выражается в том, что каждая из них выполняет специфические, только ей свойственные функции в составе целого — правовой нормы. В отличие от этого в таком целостном правовом образовании, как, например, институт права, части его обладают значительно большей степенью относительной самостоятельности, поскольку сами по себе регулируют соответствующие общественные отношения, хотя, разумеется, и не без известного влияния целого — института права.

Мера относительной самостоятельности правовых ча-

стей является одним из признаков устойчивости их целостности. Превышение этой меры или ее недостаточность влечет за собой выход соответствующей части из состава целого, но отнюдь не всегда влечет за собой разрушение целого. Только при условии выхода определенных (основных, главных, существенных) частей из состава целого возможно разрушение последнего. При этом его части лишаются качества таковых, обретая самостоятельное существование или становясь частями других целостных правовых образований.

Мера относительной самостоятельности правовой части нередко достигает уровня «автономии». Эта «автономия», «независимость» функционирования правовой части в свою очередь воздействует и соответствующим образом непосредственно определяет характер того целостного правового образования, в составе которого она обрела известную «автономию» [1].

Следует, далее, отметить и другую важную особенность отдельных частей целого. Для некоторых из них характерно не только то, что они входят в состав соответствующего целого, но и то, что одновременно являются частями другого целостного правового образования. В результате оказывается, что разнообразие свойств, связей и отношений этих правовых частей гораздо богаче и шире их разнообразия лишь как частей данного целого (т. е. целого, в которое они прямо входят). Об этом свидетельствует, например, тот факт, что общая часть того или иного кодекса (как целого) может служить не только особенной части того же кодекса, но и играть ту же роль для других правовых установлений. То же можно сказать и о некоторых правовых принципах той или иной отрасли права.

Различные правовые части в составе целостного правового образования занимают отнюдь не равноценное положение. Одни из них менее подвижны, статичны, стабильны, другие более динамичны, активны, изменчивы.

---

[1] Американский социолог А. Гоулднер справедливо отмечает, что части системного целого обладают большей или меньшей степенью автономии, независимостью от других частей, что отражается в той или иной мере на существовании и функционировании данной системы (*A. Goldner.* Repriprocity and Autonomy in Functional Theory. — «Symposium on Sociological Theory», 1959, p. 241—270).

Они имеют различное значение в целостном правовом образовании. Все это обусловливает постоянное возникновение, обострение и разрушение противоречий между правовыми частями, что влечет за собой изменение и развитие целостного правового образования. Польский философ Оскар Ланге по этому поводу пишет: «В системах, образующих целое, появляются противоречия, которые делают невозможным сохранение системы в неизменном состоянии. Противоречия вызывают в системе изменения, которые приводят к преодолению возникших противоречий. Эти изменения, однако, становятся источником новых противоречий, которые вызывают новые изменения в системе, и т. д. В результате системы, образующие целое, никогда не могут остаться в неизменном состоянии, они беспрерывно меняются. Но эти изменения протекают в определенном направлении или образуют процесс развития. В ходе развития отдельные целые связываются в более сложные системы, в целые «более высокого порядка», которые отличаются новыми свойствами и новыми, не встречавшимися ранее закономерностями» [1].

Отсюда следует, что у различных правовых частей далеко не одинаковые перспективы: некоторые из них существуют временно и обречены на неизбежное исчезновение, другие несут в себе зародыш более прогрессивного правового целого, возможности более эффективного, рационального, целесообразного регулирования соответствующих общественных отношений и т. д. Поэтому задача научного познания правовых частей того или иного конкретного целостного правового образования отнюдь не сводится лишь к определению их места, значения и роли в функционировании данного целого, но и необходимо проследить процесс их развития, будущего, возможностей, потенций в совершенствовании действующей правовой системы.

Однако познание части вовсе еще не означает познания целого. При исследовании отдельного правового явления следует всегда находить его место как части целого, поскольку оно не может существовать и функционировать вне целостного правового образования, в со-

---

[1] *О. Ланге.* Целое и развитие в свете кибернетики. — «Исследования по общей теории систем». М., 1969, стр. 182.

став которого оно входит и которым в той или иной степени определяется.

Целостное правовое образование — это не только совокупность его частей, определенным образом взаимодействующих между собой. В сложном переплетении частей целостного правового образования возникает своеобразный комплекс функциональных связей, характерный только для этого целого и вне его несуществующий[1]. Именно это своеобразие целого видоизменяет характер его составных частей, превращая их из отдельных правовых явлений в организованную правовую систему[2]. При изучении правовой действительности необходимо исследовать не только влияние части на целое, но и обратное влияние целого на части. Ясно, например, что сущность права может быть познана и познается на основе тщательного изучения отдельных правовых проявлений и определения закономерностей их развития. Но не менее очевидным является и то, что существо, назначение и роль каждого отдельного правового явления, как и закономерность его развития, находятся в прямой связи и зависимости от сущности того исторического типа права, составной частью которого оно является.

Сказанное позволяет перейти к непосредственному рассмотрению системы и структуры в праве.

---

[1] Г. П. Шубина пишет: «Встречающееся иногда в литературе определение целого как чего-то «большего» суммы частей является неправильным. В количественном отношении целое больше части, но не больше суммы частей; в качественном отношении оно иное...» (*Г. П. Шубина.* Методологическая роль категории целого и части в решении проблемы целостности организма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1964, стр. 3).

[2] Поэтому невозможно понять целое, исходя лишь из особенностей отдельных его частей (и даже их совокупности). Гегель по этому поводу писал: «Целое по своему понятию есть то, что содержит в себе части. Но, если целое будет положено как то, что оно есть по своему понятию, если оно будет разделено, то оно перестанет быть целым» (*Гегель.* Соч., т. I, стр. 227).

СИСТЕМА В ПРАВЕ

§1. Понятие системы в праве

XXIV съезд КПСС в своих решениях отметил, что в современных условиях исключительное значение приобретает взаимодействие между экономической, политической и социальной жизнью общества, развитием демократии и укреплением государства, совершенствованием управления, организации и права и т. д. В этой органически связанной системе факторов общественного прогресса важная миссия принадлежит праву, которое само есть определенная система.

Системность права объективно подводит исследователя к необходимости адекватного подхода к его познанию. Известно, что всестороннее познание права обеспечивается его изучением в системе тех экономических, политических и социальных факторов, порождением которых оно является и на развитие которых оно оказывает обратное регулирующее воздействие. Но ныне отчетливее становится также и та очевидность, что природа, организация, функционирование и эффективность действия права требуют его системного анализа. На смену относительно изолированному, дифференцированному изучению отдельных звеньев правовой системы приходит интегративное ее осмысление на высшем уровне. В свою очередь обобщение многостороннего и разнообразного про-

явления права как системной целостности становится доминантой дальнейшего, более углубленного познания его составных частей, закладывая тем самым фундамент для еще более высоких форм научного обобщения. Эти чередующиеся циклы познания при выходе их на практику способствуют развитию права и укреплению законности.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу системности в праве, следует отметить, что в буржуазной науке за последние десятилетия получили широкое распространение системные исследования (Systems Research), которые выдаются как «дерзкая теоретическая идея», как поворотный пункт «в современной научной мысли», как ключевой фактор «в научном исследовании», открывший путь «к новым взглядам и принципам», и т. д. и т. п.[1]

Эта далекая от научной скромности самореклама, к сожалению, первоначально ввела в заблуждение и некоторых наших философов[2]. Но действительно ли «систем-

[1] См., например, *Л. фон Берталанфи.* Общая теория систем — критический обзор.— «Исследования по общей теории систем». М., 1969, стр. 23, 24; *R. L. Ackoff.* Games, Decisions and Organisations. — «General Systems», 1959, vol. IV, p. 145—150.

[2] Так, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин, характеризуя значение современного «системного движения», писали «о новом направлении исследовательской деятельности, о выработке новой системы принципов научного мышления, о формировании нового подхода к объектам исследования... о разработке новых принципов познания и научно-практической деятельности...» (*В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* Задачи, методы и приложения общей теории систем. Вступительная статья.— «Исследования по общей теории систем». М., 1969, стр. 4, 7). Однако сам же В. Н. Садовский в докладе на конференции в Одесском университете (октябрь 1969 г.) говорил, что пока не существует однозначного понимания форм системного подхода, а Э. Г. Юдин констатировал, что конференция не пришла к единому мнению о том, что такое системные исследования (см. «Философские науки», 1970, № 3, стр. 174, 176; см. также *И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* Методологические проблемы построения общей теории систем. — «Методологические вопросы системно-структурного исследования». Тезисы докладов на теоретической конференции (25—26 октября). М., 1967, стр. 34—37, где дается убедительная критика состояния той же общей теории систем). Справедливости ради следует, однако, заметить, что позже, в статье И. В. Блауберга и Э. Г. Юдина, отмечается, что «в последнее время появилась неоправданная тенденция противопоставлять структурализм (а иногда и системный подход) диалектическому материализму», что «такое противопоставление выглядит по меньшей мере некорректным и, по сути дела, выступает как негативная форма

ное движение» представляет собой совершенно новое явление в науке? Быть может, для большинства буржуазных мыслителей этот подход к исследованию различных объектов и в самом деле является новым [1], но он отнюдь не является таковым для марксистско-ленинской науки [2]. Хорошо известно, что основоположники научного коммунизма не только разработали методологические основы системного анализа действительности, но и успешно применили его к исследованию, в частности, капиталистического и социалистического общества. Нужно ли напоминать, что именно такой подход позволил К. Марксу создать «Капитал», В. И. Ленину — «Империализм как высшая стадия капитализма» и многие другие классические произведения. В. А. Лекторский и В. С. Швырев отмечают, что «в плане понимания и выявления философских предпосылок, фактически лежащих в основе системного движения, работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина дают гораздо больше, чем исследования многих современных «системников» (особенно западных)» [3].

абсолютизации методов системного или структурного анализа», что «представители диалектического материализма должны давать такую интерпретацию системно-структурных исследований, которая согласуется с основными принципами марксистско-ленинской философии, и вместе с тем подвергать принципиальной критике попытки интерпретировать эти исследования как «новую», «современную» версию философии» (*И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин.* Философские проблемы исследования систем и структур.— «Вопросы философии», 1970, № 5, стр. 65—66). Аналогичную позицию занял и В. Н. Садовский в сообщении «Системный подход в современной науке», сделанном в 1971 г. на заседании Бюро отделения философии и права Академии наук СССР.

[1] Хотя, как признают и сами буржуазные авторы, современное «системное движение Запада» породило поток разноречивых, неопределенных и противоречивых суждений прежде всего о его существе, о характере системного исследования, о самом понятии системы (*R. C. Buck.* On the Logic of General Behaviour Systems. Theory. — «Minnesota Studies in the Philosophy of Science», vol. I. University of Minnesota Press, 1956, p. 223—238; *O. R. Young.* A. Survey of General System Theory.— «General Systems», 1964, vol. IX, p. 61—80).

[2] В. И. Ленин, например, писал, что «всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи etc.» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 229).

[3] *В. А. Лекторский. В. С. Швырев.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода.— «Вопросы философии», 1971, № 1, стр. 151.

Однако утверждение о том, что системный подход к исследованию социальных явлений не может претендовать на новшество, вовсе не означает, что он в достаточной мере наукой разработан[1]. С другой стороны, нельзя не видеть известных достижений современных системных исследований (особенно общей теории систем)[2], хотя они и остаются пока довольно скромными. В настоящее время лишь определены основные направления системных исследований, происходит процесс накопления понятийного аппарата этих исследований, проведены отдельные «пробы», «эксперименты» их приложения к различным объектам познания[3].

Если попытаться определить в наиболее общей форме понятие системного исследования, то можно сказать, что оно предполагает всесторонний анализ сложных ди-

---

[1] Сам автор общесистемной концепции (в современном ее западном варианте) Л. Берталанфи признает ее ограниченность и неразвитость на сегодняшний день (см. *Л. фон Берталанфи.* Общая теория систем — критический обзор.— «Исследования по общей теории систем», стр. 23—82).

[2] В. А. Лекторский и В. С. Швырев пишут: «Было бы, разумеется, неоправданным преувеличением утверждать, что развитие современных системных исследований радикально меняет ориентацию гносеологических исследований. Однако несомненным фактом является возникновение в гносеологии новых проблем или, точнее, некоторых новых аспектов старых проблем в связи со специфической для современной науки практикой анализа сложно организованных объектов» (*В. А. Лекторский, В. С. Швырев.* Актуальные философско-методологические проблемы системного подхода. — «Вопросы философии, 1971, № 1, стр. 152). С этим положением нельзя не согласиться, за исключением «уточнения». Почему современное системное исследование порождает в гносеологии лишь «новые аспекты старых проблем»? Такое ограничение по крайней мере априорно для будущего развития науки, которая может и, несомненно, породит новые проблемы гносеологии.

[3] А. Г. Коновалов, А. И. Демидов и А. З. Гамаюнов пишут: «Системные исследования принесли уже исследовательские и практические результаты в ряде областей знания. Достаточно назвать лингвистику, кибернетику, биологию, конкретную социологию, социальную психологию, науку экономического регулирования и вообще большой и слабо дифференцированный комплекс наук социального управления. Тем не менее общий категориальный аппарат системного подхода находится еще в процессе своей разработки. Теория системного подхода только вышла из стадии становления...» (*А. Г. Коновалов, А. И. Демидов, А. З. Гамаюнов.* Системный подход и его применение в социально-историческом познании. — «Ленинская теория познания и современная наука». Саратов, 1970, стр. 135—136).

намических целостностей, части которых (представляя собой подсистемы данных целостных систем) находятся между собой в органическом единстве и взаимодействии [1].

Системный подход к исследованию сложных динамических целостностей позволяет обнаружить внутренний механизм не только действия отдельных его компонентов, но и их взаимодействия на различных уровнях. Тем самым открывается возможность обнаружения субстанциональной и организационной «многослойности» систем, глубокой диалектической связи и взаимозависимости субстанциональных частей, структур и функционирования явлений бытия как сложных целостных организмов. «Однако, — как подчеркивает И. Клир, — понятие системы в разных научных дисциплинах используется различным образом и применяется для решения различных проблем. Эти различия обусловлены главным образом традицией и специфическими методами и задачами отдельных наук» [2].

Применение категории системы, системный подход к познанию, в частности, правовых явлений имеют исключительно важное теоретическое значение, поскольку позволяют вскрыть внутреннее единство права, органическую взаимосвязь и гармоничное взаимодействие частей, его составляющих. Отсюда вытекает и практический смысл разработки этой категории, этого подхода для правотворческой и правореализующей деятельности государства, эффективность которой может иметь место лишь на основе глубокого единства правового регулирования общественных отношений.

Попытаемся рассмотреть проблему системы в праве с использованием некоторых данных общей теории систем, которая, по определению К. Боулдинга, «есть скелет науки в том смысле, что ее целью является разработка

---

[1] В. Н. Садовский отмечает, что специфика системного анализа состоит в построении знания о предмете как об упорядоченном определенным образом множестве взаимосвязанных элементов, составляющих некоторое целостное образование (см. *В. Н. Садовский.* Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы.— «Социология в СССР», т. I. М., 1965, стр. 179).

[2] *И. Клир.* Абстрактное понятие системы как методологическое средство. — «Исследования по общей теории систем», стр. 288.

основ или структур систем, на которые наращиваются плоть и кровь отдельных дисциплин и отдельных предметов исследования в их движении к упорядоченному и последовательно построенному телу знания»[1]. Представляется целесообразным начать с общего понятия системы. В предыдущей главе затрагивались отдельные моменты этого понятия в связи с рассмотрением проблемы целостности в праве. Обратимся теперь к определениям системы, сформулированным в зарубежной и отечественной литературе.

А. Д. Холл и Р. Е. Фейджин пишут: «Система — это множество объектов вместе с отношениями... между объектами и между их атрибутами (свойствами)»[2]. Чрезмерная абстрактность этого определения очевидна и для самих авторов, отмечающих, что оно не удовлетворяет требованиям точности и полноты, что, «в самом деле, трудно считать, что такое определение понятия системы достаточно»[3]. Но, увы, то же самое можно сказать и относительно других определений, сформулированных зарубежными авторами. Так, Р. Л. Акоф, считает, что «систему можно определить как любую сущность, концептуальную, или физическую, которая состоит из взаимозависимых частей»[4]. И. Клир полагает, что «множество величин, уровень анализа, отношения между величинами, свойства, определяющие эти отношения, — это основные признаки каждой системы независимо от того, с точки зрения какой научной дисциплины определяется объект как система»[5]. М. Тода и Э. Х. Шуфорд (мл.) пишут: *«Системой в самом широком смысле* может быть решительно все, что можно рассматривать как отдельную сущность»[6]. Совершенно правильно отмечают В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин, что употребление терми-

---

[1] *К. Боулдинг.* Общая теория систем — скелет науки. — «Исследования по общей теории систем», стр. 124.

[2] *А. Д. Холл* и *Р. Е. Фейджин.* Определение понятия системы.— «Исследования по общей теории систем», стр. 252.

[3] Там же, стр. 253.

[4] *Р. Л. Акоф.* Системы, организации и междисциплинарные исследования.— «Исследования по общей теории систем», стр. 145.

[5] *И. Клир.* Абстрактное понятие системы как методологическое средство. — «Исследования по общей теории систем», стр. 289.

[6] *М. Тода* и *Э. Х. Шуфорд* (мл.). Логика систем, введение в формальную теорию структуры.— «Исследования по общей теории систем», стр. 334.

на «система» разными авторами и в разных науках существенно отличается друг от друга — и не только по приписываемым им значениям, но и, что более важно, по лежащим в их основе содержательным и формальным принципам; нередко в их использовании просто отдают дань моде или же исходят из чрезвычайно широко понимаемого изменения характера исследуемых объектов (системные объекты), иногда под их употребление подводят философскую и общенаучную базу и т. д... Если учесть, что практически каждый исследователь системных проблем опирается на свое понимание понятия «системы», то мы оказываемся перед фактически безбрежным морем оттенков в истолковании этого понятия»[1].

К сожалению, такое положение характерно в известной мере и для нашей, в частности философской, науки. Так, например, в «Философском словаре» указывается: «Система — множество связанных между собой элементов, составляющее определенное целостное образование»[2]. В результате получается, что любая, а не только объективная, закономерная, необходимая связь между частями целого образует систему. Но, как было показано выше, суммативное целое, конгломерат частей целого или механический агрегат вовсе не являются системой, которая есть органическое, внутреннее объединение частей целого (что, между прочим, и означает латинский термин «sistema», т. е. соединение). Возьмем другое определение интересующей нас категории. *«Система,* — пишет А. Г. Спиркин, — *это целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны*

---

[1] *В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* Задачи, методы и приложения общей теории систем. Вступительная статья.— «Исследования по общей теории систем», стр. 7, 12.

[2] «Философский словарь». М., 1968, стр. 320. В «Кратком словаре по философии» также указывается, что система — это «совокупность элементов, связанных между собой определенным образом и образующих некоторое целостное единство» («Краткий словарь по философии». М., 1966, стр. 264). Едва ли «краткость» словаря позволяет оставлять пользующегося им в полном недоумении: во-первых, почему «совокупность», а не внутреннее объединение? во-вторых, почему «элементов», а не частей прежде всего? в-третьих, почему «связанных», а не соединенных? в-четвертых, каким именно «определенным образом»? в-пятых, какое именно «некоторое»? в-шестых, какое именно единство? и т. д. и т. п.

друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое» [1]. Помимо ранее отмеченного отождествления понятий целого и системы здесь подчеркивается тесная связь элементов системы и в этом усматривается ее сущность и специфика. Но такой критерий, как «тесная» связь, ничего не определяет и поэтому не может вскрыть особенность системы. Можно привести сколько угодно целостных образований, составные части которых весьма тесно связаны между собой, но которые, однако, не являются системными.

Естественно, что указанные и им подобные определения «системы» настолько неточны [2], что вряд ли могут претендовать на применимость к различным явлениям социальной жизни и тем более к праву.

Более осторожно подходит к этому сложному вопросу В. С. Тюхтин, совершенно справедливо отмечающий, что к настоящему времени еще не выработаны общепринятые определения понятия системы, приложимые к изучению любых объективно существующих или мыслимых предметов, что трудности выработки унифицированных понятий коренятся в факте огромного (практически неисчерпаемого) множества качественно разнородных систем, что, наконец, логически более строгое и унифицированное определение системы естественно ожидать в аксиоматической форме, что возможно при достаточной зрелости системных исследований, в частности на основе изучения различных классов систем [3].

Обобщая ряд отечественных и зарубежных исследований, В. С. Тюхтин предлагает следующее «рабочее»

---

[1] *А. Г. Спиркин.* Курс марксистской философии, стр. 161.

[2] Однако, несмотря на отмеченное многообразие определений системы, В. Н. Садовский и Э. Г. Юдин предполагают выделить некоторый вариант данного понятия: «1) система представляет собой целостный комплекс взаимосвязанных элементов; 2) она образует особое единство со средой; 3) как правило, любая исследуемая система представляет собой элемент системы более высокого порядка; 4) элементы любой исследуемой системы в свою очередь выступают как системы более низкого порядка» (*В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин.* Задачи, методы и приложения общей теории систем. Вступительная статья.— «Исследования по общей теории систем», стр. 12).

[3] См. *В. С. Тюхтин.* Системно-структурный подход и специфика философского знания. — «Вопросы философии», 1968, № 11, стр. 48—49.

определение понятия системы: «Система — это множество связанных между собой элементов (любой природы), имеющее тот или иной вид упорядоченности по определенным свойствам и связям и обладающее относительно устойчивым единством, которое характеризуется внутренней целостностью, выражающейся в относительной автономности поведения и (или) существования этого множества в окружающей среде» [1].

Нетрудно видеть, что это определение имеет ряд преимуществ по сравнению с вышеприведенными (указание на упорядоченность составляющих частей системного целого по их свойствам и связям, устойчивое единство, автономность поведения и т. д.). Но и оно не может в полной мере удовлетворить нас прежде всего потому, что, во-первых, не подчеркивает объективного, закономерного, необходимого характера связей частей системного целого, и, во-вторых, не отмечает соединение частей целого по содержательным признакам. Без этих существенных моментов невозможно понять, в частности, системность в праве, отграничить ее, с одной стороны, от других целостных правовых образований и, с другой — от структурности в праве.

Учитывая сложность рассматриваемой категории, особенно в ее приложении к правовым явлениям, а также недостатки приведенных дефиниций, можно предложить иной вариант «рабочего» определения системы в праве.

Система в праве — это объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования.

Рассмотрим признаки понятия системы в праве, заключенные в этом определении.

а) Части системного правового целого необходимо объединены и тем самым находятся в соединенном состоянии. При этом такое соединение носит объективный характер. Если этого нет, то целое носит лишь суммативную природу или его вообще реально не существует.

---

[1] *В. С. Тюхтин.* Системно-структурный подход и специфика философского знания — «Вопросы философии», 1968, № 11, стр. 48.

б) Части системного правового целого соединены между собой по определенным содержательным признакам, которые характеризуют субстанциональные особенности их свойств и связей. Иное объединение правовых частей не будет иметь системную природу.

в) Системное правовое целое образует единство в результате структурной упорядоченности его частей, определяющей их функциональные зависимости и взаимодействие. Без этого не может быть действия системы и, следовательно, нет и самой системы [1].

г) Объективное объединение и соединение по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно-упорядоченное целостное единство обусловливает наличие у системного правового целого свойства относительной самостоятельности, которое выражается в том, что, во-первых, ее качества не сводятся к качествам системообразующих частей; во-вторых, она обладает способностью существенно видоизменять составляющие ее части [2] и создавать новые части в пределах своего единства; в-третьих, она может выступать в виде части или подсистемы другой, более объемной системы, равно как и в границах своего органического единства расчленяться на внутренние подсистемы (или системы иного уровня); в-четвертых, она необходимо связана с внешней средой, ощущая ее воздействие на своих «входах» и реагируя ответными реакциями через свои «выходы». Отсутствие относительной самостоятельности лишает правовую целостность системного характера.

д) Структурная упорядоченность придает системному

---

[1] В связи с этим нельзя согласиться с мнением В. И. Кремянского, различающего неорганизованные и организованные системы. При этом под неорганизованными системами подразумеваются хаотические агрегаты, взаимосвязи, компоненты которых однообразны и просты (см. *В. И. Кремянский.* Некоторые особенности организмов как «систем» с точки зрения физики, кибернетики и биологии.— «Вопросы философии», 1958, № 8). Но «неорганизованные системы» именно в силу того, что они хаотичны, системами быть не могут, а в лучшем случае представляют собой одну из разновидностей целого — элементарное, суммативное целое.

[2] Б. М. Кедров правильно указывает на необходимость учитывать природу компонентов, которые, вступая в целостную систему, «претерпевают иногда весьма существенные изменения и превращения вплоть до полного их разрушения». (*Б. М. Кедров.* О соотношении форм движения материи в природе.— «Философские проблемы современного естествознания». М., 1959, стр. 150).

правовому целому относительную устойчивость, лишь в пределах которой допустимы изменения свойств ее частей и их связей. Система разрушается, если эти изменения выходят за пределы минимальных или максимальных ее «порогов».

е) Относительная самостоятельность системного правового целого обусловливает относительную автономность ее функционирования, степень которой определяет уровень данной системы. Но отсутствие вообще какой бы то ни было автономности функционирования лишает целое характера системности.

Отмеченные существенные признаки понятия системы в праве (как, вероятно, и всякой системы) вскрывают органическую связь частей, ее составляющих. Эта связь выражается в такой зависимости системообразующих компонентов, когда исключение или изменение одного из них может вызвать изменение других или даже повлечь разрушение всего системного целого. Б. М. Кедров правильно указывает: «...когда из отдельных частей или индивидуумов образуется качественно новая система, как нечто целое, то ее специфика... обусловливается характером, или типом, того взаимодействия, которым исходные части связываются между собой, образуя данный коллектив или данную систему»[1]. Распространяя эту мысль на правовые явления, можно утверждать, что специфика вновь образованной целостной правовой системы зависит от характера того взаимодействия, которым системообразующие правовые части связываются между собой. Но специфика зависит не только от взаимодействия, но и от свойств самих правовых частей, входящих в данную систему. Более того, само это взаимодействие непосредственно определяется природой данных правовых частей.

Из сказанного ясно, что систему права нельзя сводить лишь к форме права. Между тем именно эту ошибку допускает А. Ф. Шебанов, считающий систему внутренней формой, структурой права[2]. Будучи своеоб-

---

[1] *Б. М. Кедров.* О соотношении форм движения материи в природе. — «Философские проблемы современного естествознания», стр. 142.

[2] См. *А. Ф. Шебанов.* Форма советского права, стр. 23. Аналогичную ошибку допускает и В. М. Сырых, полагающий, что система права — это органическое единство структуры и генезиса правовых

разным синтезом содержания самого права с имманентной ему структурой, система включает в себя структуру как снятую. В этом смысле система права (подобно правовой норме) имеет универсальный характер: с одной стороны, она есть содержание права определенной социально-экономической формации, а с другой — это содержание внутренне организовано структурой (формой рефлектированной внутрь себя) [1].

Единство содержания и формы права в его системе отнюдь, однако, не исключает возможности самостоятельного анализа структуры права [2], чему и посвящается следующая глава. Здесь же отметим, что дальнейший анализ системных образований в праве вскрывает различный уровень множественности их комплекса: наряду с односистемными имеются и многосистемные правовые образования. Так, система правовой «клеточки» — нормы права — относительно проста, односистемна. Но уже система института права включает в себя ряд простых систем (подсистем) — соответствующих правовых норм и тем самым оказывается многосистемной. Еще более комплексным является многосистемное образование на уровне отрасли права, поскольку включает в себя подсистемы различных уровней (норм и институтов права). Наконец, вершиной многосистемности является система права, состоящая из подсистем — норм, институтов и отраслей права (при этом система права не просто совокупность ее подсистем, а система подсистем). Тем самым образуется иерархия правовых систем, создающих

явлений (см. *В. М. Сырых.* Структура, генезис, система как элементы исторического и логического методов познания права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1970, стр. 16).

[1] Многие советские философы рассматривают систему как единство субстанции и ее структуры (см., например, *Н. Ф. Овчинников.* Принципы сохранения. М., 1966, стр. 271; *О. А. Ладоренко.* Системное исследование структуры объекта.— «Методологические вопросы системно-структурного исследования», стр. 31; *В. К. Прохоренко.* Методологические принципы общей динамики систем. Минск, 1969, стр. 57, 63).

[2] В. А. Шабалин полагает, что «системный анализ начинается обычно с выявления элементов и структуры исследуемого предмета» (*В. А. Шабалин.* Системный анализ механизма правового регулирования.— «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 124). Не говоря уже о том, что такой подход вовсе не носит обычного характера, автор, к сожалению, не показывает, что за ним следует и чем он завершается.

стройное здание системного правового целого: от основания (системы многообразных правовых норм) через промежуточные «этажи» (системы институтов и отраслей права) к его вершине (системе права).

Прежде чем перейти к анализу этого целостного правового здания в аспекте его системности, необходимо остановиться на двух моментах, имеющих методологическое значение для исследования права в указанном аспекте.

Правовая система может быть признана замкнутой лишь весьма относительно, поскольку определяется социально-экономической системой в целом, зависит от нее и развивается вместе с нею. Но дело не только в этом. Правовая система имеет внутрисистемные и межсистемные связи как прямого, так и обратного порядка; она закрепляет экономические, политические и социальные системы (и подсистемы), воздействует на них посредством своего общеобязательного нормативно-регулирующего свойства, в определенной мере направляет их движение, изменение и развитие. Эти межсистемные связи правовой системы детерминируют и характер ее внутрисистемных связей, которые формируются как результат определяющего влияния тех систем, на которые, если можно так выразиться, «накладывается» правовая система. Поскольку же, далее, внутренние и внешние связи правовой системы могут быть как однородными, так и неоднородными, постольку возникает проблема соотношения их качественных характеристик и количественных изменений (при этом мы исходим из той предпосылки, что лишь однородные связи поддаются количественному измерению). Остановимся, хотя бы вкратце, на затронутом вопросе.

Диалектико-материалистическое исследование правовых систем предполагает анализ всех тех реальных условий, факторов и обстоятельств, которые с объективной необходимостью порождают, определяют и детерминируют их развитие. Последовательность пути этого исследования была вскрыта К. Марксом. «Возьмите,— писал он,— определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, опреде-

ленную организацию семьи, сословий или классов,— словом, определенное гражданское общество. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением гражданского общества» [1].

Таков подлинно системный подход к анализу социального организма, полностью применимый и к познанию права. Строго следуя этому пути в познании права, прежде всего необходимо подвергнуть тщательному изучению как качественные, так и количественные характеристики, параметры, измерения достигнутого уровня производительных сил, производственных отношений, специфики гражданского общества и политического строя, в своей системной совокупности определяющие соответствующее им право. Только интегрированное качественно-количественное исследование данных социальных комплексов позволяет выяснить социальную сущность, истинное назначение и роль действующего права.

Но и само по себе право, его содержание, внутренние и внешние формы, структура отраслей и институтов, механизм функционирования, перспективы развития оказываются научно познанными в полном объеме и с необходимой глубиной лишь при условии одновременного использования как качественных, так и количественных методов исследования. Во многих случаях трудно понять и тем более плодотворно использовать возможности качественных особенностей действующей правовой системы и ее отдельных компонентов без количественного анализа. Но и лишь количественный анализ, отвлеченный от качественной сущности правовой системы (и ее компонентов), не имеет сколько-нибудь значительной научной ценности. Только их интеграция в системном исследовании права дает высокий коэффициент научной результативности познания. При этом ведущим звеном в этой интеграции, как показывает исторический опыт большой науки, принадлежит качественной стороне. Кроме этого использование количественных методов исследования правовых систем ограничивается только измерением однородных связей данной системы, о чем было сказано выше. Эти методы не применимы, как показы-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 402.

вает опыт, и к тем правовым системам, уровень общности которых отвлечен от отдельных видов правовых систем. Иначе говоря, количественным методам исследования недоступны универсально всеобщие правовые системы (например, система правового регулирования в целом) именно в силу их универсальности и всеобщности; они применимы лишь при ограниченной степени общности правовых систем.

Советское правоведение, опираясь прежде всего и в основном на качественный анализ исследуемых явлений правовой жизни, достигло значительных успехов в подлинно научном объяснении и использовании правовой системы (и ее подсистем) в целях прогрессивного общественного развития. Этому способствовали также и количественные методы исследования, получившие за последние годы довольно интенсивное развитие. Используя количественные методы, можно обнаружить наиболее существенные факторы общественной жизни и определить меры воздействия каждого из них на правовые процессы. Количественные методы, вероятно, окажутся наиболее плодотворными прежде всего в исследовании правовых проблем социально-экономического планирования, управления и организации, рационального использования трудовых ресурсов, измерения правовых установок в индивидуальном и групповом поведении, эффективности правовой информации, в статистической криминалистике, судебной экспертизе и некоторых иных сферах правовой жизни.

В этих исследованиях, как свидетельствует уже накопленный (хотя и недостаточный) опыт, должны быть использованы статистические данные, многообразные приемы количественного выражения качественных переменных, характеризующих правотворческую и особенно правореализующую деятельность, построение формализованных обобщений и моделирование с широким применением математического аппарата, кибернетики, теории операций, теории массового обслуживания, теории игр и т. д. Однако в этих исследованиях мы сталкиваемся с существенными трудностями, обусловленными прежде всего тем, что для ряда качественных показателей развития правовой системы и ее подсистем пока не найдены адекватные способы их специфически юридического количественного измерения.

Необходимая интеграция качественных и количественных методов исследования правовых систем особенно наглядно обнаруживается при использовании конкретно-социологических и конкретно-юридических методов[1]. Собранные таким образом массовые эмпирические данные обрабатываются электронно-вычислительной техникой. Однако обобщение полученных данных превращается в научно значимую ценность лишь в том случае, если оно основывается на марксистско-ленинской методологической теории. Об этом свидетельствует, в частности, опыт использования методов и средств кибернетики при исследовании права и криминалистики. Здесь достигнуты известные успехи. Достаточно сказать, что впервые в нашей стране был осуществлен экспериментальный машинный поиск правовой информации; проводятся серьезные изыскания в различных областях права, криминалогического учета, криминалистической экспертизы и т. д.[2] Однако интенсивность этих, равно как и

---

[1] В последние годы среди некоторой части социологов и юристов укоренилось не только просто ошибочное, но и вредное мнение, будто эти методы приобретают чуть ли не основополагающее значение в развитии науки. Между тем собранный и систематизированный с помощью этих методов эмпирический материал при всей его важности не имеет пока научной значимости, ибо должен быть еще осмыслен на уровне теоретического обобщения. Непонимание этого оказывает неблагоприятное влияние на сами конкретно-социологические и конкретно-юридические методы прежде всего тем, что лишает их общей методологической основы и единого концептуального стержня. В результате они применяются нередко бессистемно, стихийно, случайно и поэтому теряют какую-либо ценность для науки.

[2] Подробно об этом см. *А. И. Берг.* Кибернетику — на службу коммунизму.— «Кибернетику — на службу коммунизму». Сборник статей, т. I. М., 1961; *А. Ф. Деев, Л. Б. Гальперин. Ю. Т. Иванов.* Кибернетика и опыт решения некоторых правовых задач.— «Советское государство и право», 1964, № 10; *В. Е. Чугунов.* Использование кибернетических и счетно-аналитических машин в конкретно-социологических исследованиях.— «Советское государство и право», 1964, № 11; *Р. М. Ланцман.* Применение комплексного кибернетического метода при исследовании почерка. — «Советское государство и право», 1964, № 9; *А. Р. Шляхов, Л. Г. Эджубов.* Современное состояние и некоторые проблемы использования кибернетики в праве. — «Советское государство и право», 1965, № 6; *О. А. Гаврилов.* О возможности использования методов кибернетики в нормотворческой деятельности. — «Советское государство и право», 1965, № 10; *С. С. Москвин.* Пути совершенствования учета нормативных актов. — «Советское государство и право», 1966, № 7;

многих других, исследований тормозится пока еще не преодоленным общим недостатком электронно-вычислительной техники — медленностью ввода исходных данных и неудобной формой вывода информации.

Широкое использование количественных методов в науках, ранее их не использовавших, вызвало активное обсуждение вопросов о возможностях и границах применимости этих методов, об эффективности будущей математизации качественного знания. Однако априорные суждения на этот счет представляются бессмысленными, ибо определение границ возможностей науки на основе умозрительных предсказаний, во-первых, вело бы к отрицанию бесконечности познания, а следовательно, и его методов, приемов, средств и, во-вторых, даже самые смелые прогнозы пределов познания, как об этом свидетельствует история науки, неизменно опрокидывались творческим гением и научной «дерзостью» человечества.

Вместе с тем наш опыт убедительно показал, что эффективность количественного подхода к познанию правовых систем зависит от природы и характера исследуемого объекта, от задач, целей и аспекта самого исследования. Так, если при количественном исследовании в заданном аспекте отдельных правовых подсистем достигнуты некоторые успехи, то пока еще никому не удавалось теми же методами получить аналогичные результаты при изучении правовой системы в целом. Некоторые авторы полагают, что причиной тому — недостаточная развитость существующих в мире количественных методов (их «детское состояние», по выражению

«Вопросы кибернетики и право». М., 1967, и др. См. также наши работы: «Свобода, право и законность в социалистическом обществе». М., 1960, гл. VII; «Кибернетика и право». — «Советское государство и право», 1962, № 11; «О кибернетико-программированном обучении в правоведении».—«Вестник Ленинградского университета», 1962, № 23, вып. 4; «Кибернетический «разум» и человек». — «Вестник Ленинградского университета», 1963, № 5, вып. I; «Право и кибернетика».—«Советское государство и право», 1964, № 9, и др., а также работы, написанные в соавторстве: «Организация машинной справочно-информационной службы в области законодательства». Л., 1967 (Н. Ф. Покровский); «О возможностях кибернетики при решении правовых проблем».—«Вопросы философии», 1960, № 7 (Н. Д. Андреев); «Использование кибернетических методов в праве».—«Вестник Ленинградского университета», 1962, № 11, вып. 2 (Н. Д. Андреев, Л. И. Каск, Л. Г. Эджубов, П. Н. Лебедев), и др.

Дж. Коулмена). Но думается, что и при достаточной развитости этих методов их использование не даст сколько-нибудь серьезных результатов в исследовании тех правовых явлений и процессов, где необходим главным образом и прежде всего качественный анализ, сущностное обобщение их субстанциональной природы. Более того, вообще математическая юриспруденция, которая еще ждет своей детальной разработки для различных уровней исследования правовых систем, должна опираться на общую теорию сущности и качественно-объективных связей изучаемых явлений и процессов; она может быть плодотворной, если не забывать о естественных ограничениях целесообразности ее применения на основе качественных знаний. В этой интеграции — залог ее грядущих достижений.

§2. Система права и ее подсистемы

В общественной жизни мы повседневно сталкиваемся с многочисленными и разнообразными отношениями. В одних случаях эти отношения непосредственно не связаны между собой, в других — они выражаются в органически связанных между собой группах, образуя относительно изолированные области общественной жизни. Изолированность этих областей общественной жизни, равно как и отдельных общественных отношений, носит относительный характер, поскольку они, особенно в условиях социализма, в той или иной степени находятся во взаимосвязи и взаимообусловленности, воздействуют друг на друга. При социализме это взаимодействие различных общественных отношений обусловливается единством их экономической и политической основы.

Многие из этих отношений в классовом обществе, как известно, регулируются правом. При этом, если сами общественные отношения находятся во взаимной связи и зависимости, образуя в целом соответствующую социально-экономическую формацию, то и право, определяясь этими отношениями, всегда внутренне едино, соответствует господствующим в обществе отношениям между людьми. С другой стороны, если общественные отношения в границах данной социально-экономической формации определенным образом дифференцируются, то

и право при всем своем внутреннем единстве делится на соответствующие группы норм.

Регулируя ту или иную относительно изолированную сферу общественной жизни, различные области общественных отношений, право в свою очередь дифференцируется, подразделяется на отрасли, в которых объединяется комплекс правовых норм, призванных своей совокупностью воздействовать в соответствии с волей господствующего класса на данную область общественных отношений. Единые по своей классовой природе отрасли права данной социально-экономической формации в то же время разнообразны в зависимости от тех отношений, которые ими регулируются. Каждая отрасль права имеет свои специфические черты и характерные признаки, обусловленные регулируемыми общественными отношениями, и в то же время находится во взаимной связи и обусловленности с другими отраслями права той же социально-экономической формации. Ф. Энгельс писал: «В современном государстве право должно не только соответствовать общему экономическому положению, не только быть его выражением, но также быть *внутренне согласованным* выражением, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий» [1].

Следовательно, системное единство права и его дифференциация, деление на отрасли внутри этого единства являются не субъективно-произвольными, а объективно-детерминированными [2]. *Система права — это обусловленное экономическим и политическим строем общества внутреннее объединение в согласованное, упорядоченное и единое целое правовых норм и одновременно их подразделение на соответствующие отрасли, обладающие сами по себе относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования.*

Каковы же критерии подразделения отраслей права внутри единой правовой системы? В советской юриди-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 418.

[2] В настоящее время это положение можно считать общепризнанным в советской юридической науке. Так, М. С. Строгович пишет, что речь может идти не о построении той или иной схемы правовой системы, а об уяснении тех существенных свойств, которые присущи каждой отрасли права, которые характеризуют эту отрасль (см. *М. С. Строгович*. Уголовно-процессуальное право в системе советского права.— «Советское государство и право», 1957, № 4, стр. 102).

ческой науке установлено, что такими критериями являются предмет правового регулирования (главный, основной) и метод правового регулирования (дополнительный, производный). Под предметом правового регулирования подразумевают общественные отношения определенного вида, которые подвергаются правовому воздействию (имущественные, трудовые, административные и т. д.). Природа этих отношений обусловливает и избрание того метода воздействия, с помощью которого осуществляется наиболее эффективный процесс правового регулирования. Это и степень «автономности» субъектов правоотношений, и их взаимоположение (равенство сторон или их соподчиненность), и пути, способы и средства защиты или восстановления нарушенных прав и т. д.

Из сказанного следует, что метод правового регулирования определяется в основном его предметом, но зависит также от задач, целенаправленных интересов государства, которые объективно обусловлены существующими материальными условиями жизни общества [1]. Именно этим объясняется, что тот или иной вид общественных отношений может быть урегулирован по-разному, что правовая защита разных сторон одного и того же вида общественных отношений может быть обеспечена различными средствами [2].

---

[1] Интересные соображения в связи с этим были высказаны Б. В. Шейндлиным. Отмечая, что в нашей юридической литературе в последние годы наметилась тенденция одностороннего толкования объективного в праве и наряду с этим умаления субъективного, он писал: «...во-первых, социалистическое право активно участвует в механизме сознательного использования объективных законов; во-вторых, социалистическая система права, его структура строится, создается в процессе сознательного развития самого предмета регулирования в направлении, определяемом осознанными объективными законами; в-третьих, проблема системы социалистического права не сводится к гносеологии, к «открытию», «познанию» ее структуры. Суть этой проблемы, на наш взгляд, состоит в том, чтобы научно содействовать практическому совершенствованию ее структуры» (*Б. В. Шейндлин.* Сущность советского права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Л., 1962, стр. 25).

[2] Из утверждения об объективности системы права вовсе не следует, как показали М. Д. Шаргородский и О. С. Иоффе, что тем самым не остается «никакого выбора законодателю» (см. *М. Д. Шаргородский, О. С. Иоффе.* О системе советского права.— «Советское государство и право», 1957, № 6, стр. 105).

Однако, как известно, выдвижение принципа сочетания предмета и метода правового регулирования в качестве критерия подразделения отраслей права внутри единой правовой системы отнюдь не является единственным. Так, одни авторы считают, что, поскольку метод правового регулирования может быть одинаковым в самых различных отраслях права, постольку в основе системы права лежит только предмет правового регулирования [1]. Другие, наоборот, полагают, что, поскольку одни и те же общественные отношения могут быть предметом регулирования различных отраслей права, постольку в основе системы права лежит метод правового регулирования [2].

Таким образом, несмотря на проведение в нашей стране двух широких дискуссий, посвященных системе права [3], данная проблема ждет дальнейших исследований. За последние годы предпринимались попытки сделать новые шаги в ее решении. Так, В. М. Чхиквадзе и Ц. А. Ямпольская, справедливо отмечая, что традиционное представление о системе действующего права как о простой совокупности стоящих рядом отраслей становится сейчас тормозом в таком важном для государства деле, каким является кодификация права, указывают на необходимость системного подхода к исследованию проблемы, позволяющего «сосредоточить внимание на выявлении интегративных качеств, возникающих в результате соединения элементов в единое целое» [4]. При этом авторы оговариваются, что не претендуют сейчас на установление «точной картины» системы права, а лишь намерены наметить ее «общие контуры и направление развития» [5].

---

[1] См., например, *Д. М. Генкин.* К вопросу о системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1956, № 9; *С. И. Вильнянский.* К вопросу о системе советского права. — «Советское государство и право», 1957, № 1.

[2] См., например, *В. Ф. Мешера.* О делении советского права на отрасли. — «Советское государство и право», 1957, № 3.

[3] См. «Система социалистического права (Тезисы)». М., 1941; «О системе советского социалистического права». — «Советское государство и право», 1958, № 1; *И. В. Павлов.* О системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 11.

[4] *В. М. Чхиквадзе, Ц. А. Ямпольская.* О системе советского права. — «Советское государство и право», 1967, № 9, стр. 32.

[5] Там же, стр. 34.

Стремясь реализовать эту задачу, они указывают, что «в области права действуют закономерности различного порядка — более общие и менее общие, т. е. те, которые присущи праву как специфической, особой форме регулирования. Более общие закономерности отражают особенности взаимосвязей права как формы с содержанием этой формы. А содержанием являются общественные отношения (экономические, политические, семейные и др.), которые регулируются правом. Одна из важных закономерностей этого общего порядка и состоит в том, что основным критерием разграничения отраслей права и тем самым объединения этих отраслей в единое целое, т. е. построения системы права, является предмет правового регулирования — компактные группы общественных отношений» [1].

Что же касается специфических закономерностей, действующих в сфере права, то к ним относится, по мнению авторов, «единство метода правового регулирования, обязательное для отрасли права, подотрасли или правового института» [2].

Отдавая должное стремлению авторов использовать системный подход к решению одной из кардинальных проблем теории права — проблемы системы права, не трудно, однако, из приведенных высказываний сделать вывод, что сформулированная ими задача так и осталась нереализованной, поскольку пока им не удалось, к сожалению, сказать что-то существенно новое по сравнению с тем, что было сказано юридической наукой ранее. По-видимому, и сами авторы это понимают. Поставив вопрос, в чем же практически заключается отличие их точки зрения от уже выдвинутых в литературе положений, В. М. Чхиквадзе и Ц. А. Ямпольская отвечают: «В том, что мы считаем единство метода регулирования обязательным признаком отрасли права, но не настаиваем на том, что для различных отраслей права всегда обязательны различные, не сходные между собой методы правового регулирования» [3].

Более плодотворными оказались исследования, проведенные В. Д. Сорокиным. Основываясь на положениях

---

[1] *В. М. Чхиквадзе, Ц. А. Ямпольская.* О системе советского права. — «Советское государство и право», 1967, № 9, стр. 36.

[2] Там же, стр. 37.

[3] Там же, стр. 39.

общей теории систем, он указывает, что система советского права, будучи разновидностью социальной системы, представляет собой некоторое число с определенной степенью организованных элементов — отраслей права, связанных между собой и выступающих вовне как нечто целое. При этом обращается внимание на очень важное обстоятельство: при анализе системы права как юридической целостности необходимо исходить из объективного существования *единого* предмета правового регулирования для всей системы права в целом, поскольку право регулирует далеко не все общественные отношения, а только те, в определенном воздействии на которые непосредственно и особым образом заинтересовано государство [1].

Важность данного обстоятельства определяется тем, что все авторы, занимающиеся вопросами системы права, основное внимание уделяют поиску качественных характеристик предметов тех отраслей, которые составляют систему права. Однако такой поиск при всей его оправданности и необходимости не должен игнорировать особенности системы права как единого системного образования в целом. Иначе, как правильно отмечает В. Д. Сорокин, получается, что, во-первых, отходит на второй план общность всех тех групп общественных отношений, которые образуют в своей совокупности единый предмет правового регулирования. Тем самым оказывается завуалированной связь различных групп общественных отношений, их зависимость, а подчас и обусловленность друг другом и, следовательно, не могут быть учтены те фактические первичные связи, которые определяют последующую взаимозависимость между группами норм (отраслями права), регулирующими эти отношения. Во-вторых, система права в точном смысле слова оказывается не системой, а, собственно говоря, простой совокупностью расположенных рядом отраслей права. Между тем у системы права, характерной особенностью которой является единство составляющих ее элементов, обязательно должен быть и единый предмет, присущий только праву и отличающийся от тех групп общественн-

---

[1] См. *В. Д. Сорокин.* Вопросы теории советского административно-процессуального права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Л., 1968, стр. 26—28.

ных отношений, на которые государство и общество воздействуют при помощи различных неправовых способов [1].

В. Д. Сорокин пытается также найти критерий образования отрасли права. Правильно указывая, что даже предметное обособление той или иной группы норм далеко не всегда может служить основанием для выделения ее в отрасль, хотя бы уже потому, что известной качественной обособленностью характеризуется и правовой институт, он пишет: «Для того чтобы та или иная группа норм превратилась в отрасль права, нужна не только ее известная качественная обособленность, но и ее оформление по степени своей организации в систему такого порядка, который соответствовал бы ее положению как элемента системы права в целом... И дело здесь вовсе не в количественном факторе, как может показаться на первый взгляд, ибо для социальной системы количество ее элементов определяющей роли не играет. Главное — в структуре этой системы, в характере связей между ее элементами, в наличии объединяемых ею систем нижестоящего порядка» [2].

Не говоря уже о том, что автору не удалось указать на тот конкретный уровень «степени организации» группы правовых норм, который оказался бы достаточным для ее признания отраслью права, представляется ошибочным утверждение о том, будто бы главное состоит в структуре данной группы правовых норм. Отнюдь не структура определяет систему, а как раз наоборот: система непосредственно определяет форму своей внутренней организации. И поэтому мы оказываемся на том же самом месте, с которого начались наши рассуждения, хотя и обогащенные новыми подходами к решению проблемы, новыми мыслями и положениями.

Сказанное относится также и к проблеме метода правового регулирования, по поводу которой В. Д. Сорокин, в частности, пишет: «Специфика метода правового регулирования состоит в том, что он в сущности объединяет три способа юридического воздействия на поведение людей, т. е. дозволение, запрет и предписание. Это внутренние составные части единого метода правового регу-

[1] См. *В. Д. Сорокин.* Вопросы теории советского административно-процессуального права. Автореферат на соискание ученой степени доктора юридических наук, стр. 28—29.

[2] Там же, стр. 32.

лирования, который выступает, таким образом, как система. Эти составные части могут быть представлены условно в виде неких осей координат, по которым развертывается правовое воздействие на соответствующие общественные отношения. Именно в соотношении этих координат, т. е. в пропорции названных составных частей, проявляются особенности метода правового регулирования в каждой отрасли» [1].

Считая эти положения весьма существенными и важными для перспективного решения проблемы системы права, хотелось бы их еще дополнить некоторыми соображениями.

Как было отмечено выше, метод правового регулирования, имея относительно самостоятельное значение в качестве классификационного признака системы права, тем не менее в конечном счете зависит от своего предмета, т. е. от тех общественных отношений, на которые определенным образом оказывается правовое воздействие. Отсюда следует, что задача исследования системы права отнюдь не сводится лишь к провозглашению метода правового регулирования дополнительным, вспомогательным классификационным признаком, положенным в ее основу, что можно уже считать убедительно доказанным [2]. Необходимо в процессе дальнейшего исследования самих общественных отношений (предмета правового регулирования), проникая от их сущности первого порядка к сущности второго и т. д. порядка, обнаружить те их особенности, стороны, черты, которые обусловили тот именно метод правового регулирования, который был избран государством. Проведение таких исследований в каждой отраслевой юридической науке позволит не только наиболее полно вскрыть единство предмета и метода правового регулирования, но и в случае их расхождений даст возможность правотворческим органам использовать максимально эффективные пути, способы и средства правовой регламентации соответствующих общественных отношений в данных конкретных условиях места и времени. Этому в еще большей мере будет способст-

[1] *В. Д. Сорокин.* Вопросы теории советского административно-процессуального права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, стр. 32.

[2] См., например, *С. Братусь.* О предмете советского гражданского права.— «Советское государство и право», 1940, № 1.

вовать тщательный конкретно-юридический анализ действенности различных методов правового регулирования, используемых государством в тех или иных условиях и обстоятельствах.

При исследовании системы права в юридической науке, как отмечалось выше, делается упор на обнаружение дифференциации ее отраслей и явно недостаточно изучаются пути укрепления их системного единства. Между тем в современных условиях ускорения социального прогресса грани между различными отраслями права весьма подвижны вследствие динамической подвижности самих общественных отношений, подвергаемых правовому регулированию. Отсюда постоянное изучение одной из важнейших особенностей системы права, ее внутренней изменчивости, даст возможность поддерживать гармоничное, пропорциональное развитие частей системного целого и, следовательно, совершенствовать его

Наконец, решение проблемы системы права предполагает тщательное предварительное изучение тех ее подсистем, комплекс которых и образует данную систему. Иначе говоря, успех познания системного целого зависит от знания частей, его составляющих. На основе такого знания окажется возможным также и практическое совершенствование как системы в целом, так и ее подсистем. Чем правильнее определены признаки, понятие и система отрасли, института и нормы права, тем более обоснованными будут предложения по дальнейшему развитию и повышению логической последовательности правовой системы в целом. Поэтому и следует перейти теперь к позитивному рассмотрению составных компонентов системы права — различного уровня подсистемных ее образований, и прежде всего отрасли права.

Как известно, проблемы системы отрасли права входят в предметы соответствующих отраслевых юридических наук и более или менее успешно ими разрабатываются. Хуже дело обстоит с общими вопросами — с определением признаков и понятия отрасли права как относительно самостоятельного системного правового образования. В связи с этим имеет смысл на данных вопросах остановиться более подробно.

В юридической литературе имеется значительное количество однотипных определений понятия отрасли права, которые, будучи в своей основе правильными,

страдают, однако, отдельными недостатками. Так, Г. И. Петров определяет отрасль права «как совокупность советских правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в определенной сфере жизни советского общества и обладающие общностью их конкретного содержания (характера)»[1].

В этом определении отсутствует важное указание на то, что отрасль права — это объективно сложившаяся внутри единой системы права в виде обособленной ее части совокупность правовых норм. Кроме того, в нем не указывается, что каждой отрасли права соответствует свой специфический метод регулирования общественных отношений.

Этот последний недостаток устраняет в своем определении отрасли права И. В. Павлов, который подчеркивает, что «под самостоятельной отраслью права следует понимать такую органически связанную между собой группу норм, регулирующих определенные однородные общественные отношения, в основе которой лежат соответствующие характеру этих отношений принципы их регулирования и применяются соответствующие этим принципам методы правового воздействия, отношения, выделение которых в самостоятельную сферу правового регулирования диктуется интересами господствующего класса»[2].

Правильно указав на такой важный признак отрасли права, каковым является метод правового регулирования, И. В. Павлов, однако, не отметил, что отрасль права объективно складывается как обособленная часть единой системы права, обладающая относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования.

За последние годы советская юридическая наука сделала новый важный шаг в теоретической разработке понятия отрасли права, указав, что ее самостоятельность определяется совокупностью следующих черт: предметным критерием, а также методом правового регулирования, специфическими правовыми принципами, характер-

---

[1] *Г. И. Петров.* Сущность советского административного права. Л., 1959, стр. 97.

[2] *И. В. Павлов.* О системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 10.

ной внутренней и внешней формой, особым механизмом регулирования, «нерасторжимостью» входящих в нее институтов и обособленностью законодательства.

Предметный критерий вместе с указанными специально-правовыми признаками с достаточной четкостью и ясностью вскрывает своеобразие отрасли права [1].

На основании изложенного понятия отрасли права можно определить следующим образом:

отрасль права — это объективно сложившаяся внутри единой системы права в виде ее обособленной части группа правовых институтов и норм, регулирующая качественно однородные общественные отношения на основе определенных принципов и специфическим методом, в силу чего приобретающая относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Исходя из этого определения, следует дополнить получившие в научной литературе поддержку положения Л. И. Дембо относительно предпосылок отдельной отрасли права. Л. И. Дембо писал, что такими предпосылками являются: «а) наличие соответствующей области общественных отношений, б) наличие определенного единства в данном комплексе общественных отношений и в) наличие у стоящего у власти класса объективно обусловленного интереса в самостоятельном регулировании данного комплекса отношений» [2]. К этим положениям следует добавить четвертый пункт: наличие определенного специфического метода в регулировании данного комплекса отношений [3].

---

[1] См. *Н. Г. Александров.* О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 5; *В. Д. Сорокин.* Административно-процессуальное право — отрасль права. — «Советское государство и право», 1969, № 8; *С. С. Алексеев.* Об отраслях права. — «Советское государство и право», 1972, № 3.

[2] *Л. И. Дембо.* О принципах построения системы права.— «Советское государство и право», 1956, № 8, стр. 91.

[3] В. К. Райхер указывает, что отнесение той или иной совокупности правовых норм к отраслям права зависит от трех условий: во-первых, необходимо, чтобы совокупность правовых норм имела единый и самостоятельный предмет регулирования, т. е. предметное единство; во-вторых, регулируемый такой совокупностью норм специфический круг отношений должен обладать достаточно крупной общественной значимостью; в-третьих, образующий такую совокупность нормативно-правовой материал должен отличаться достаточ-

С. С. Алексеев совершенно прав, когда утверждает: «Отраль права — это такое прочное, внутренне единое соединение правовых норм, которое имеет юридически однородный характер. Следовательно, не всякому виду общественных отношений соответствует отрасль права. Об отрасли права мы можем говорить лишь там и постольку, где и поскольку особый вид общественных отношений характеризуется такими особенностями, которые предполагают существование своеобразной, цельной формы правового регулирования, разнящейся от других форм как по общему юридическому положению сторон правоотношений, так и по конкретным правоотношениям (юридическим фактам, содержанию прав и обязанностей, санкциям). Иначе и быть не может: система права представляет собой объективно существующее распределение правовых институтов по отдельным группам, а не классификацию общественных отношений, взятую безотносительно к их правовому регулированию» [1].

Эти общие положения являются, однако, недостаточными для конкретного решения вопроса об отнесении той или иной совокупности правовых норм к той или иной отрасли права, так как необходимо еще на основе этих общих положений решить вопрос о степени качественной специфики определенной группы общественных отношений, которая требует выделения соответствующей совокупности правовых норм, регулирующих данные отношения, в самостоятельную отрасль права.

Интересные мысли выдвинуты по этому вопросу

но обширным объемом (см. *В. К. Райхер.* Общественно-исторические типы страхования. М., 1947, стр. 189—190).

Можно согласиться лишь с первым из отмеченных условий, поскольку второе и третье нельзя признать объективными критериями для отнесения той или иной совокупности правовых норм к отрасли права не только потому, что «значимость» и «обширность» нормативного материала меняются в различных исторических периодах развития общества, но также и потому, что они в значительной мере зависят от субъективной оценки того или иного лица (Критические замечания в адрес данных положений В. К. Райхера см. также в кн.: *И. С. Гурвич.* Очерки советского банковского права. Л., 1959, стр. 17—18).

[1] *С. С. Алексеев.* Предмет советского социалистического гражданского права.— «Ученые труды» Свердловского юридического института имени А. Я. Вышинского, т. I. Свердловск, 1959, стр. 213—214; см. также стр. 15, 204, 252.

Н. Г. Александровым, указывающим, что «отрасль права образует только такая совокупность юридических норм, которая кроме особого метода и формы правового регулирования характеризуется также специфическими общими, принципиальными положениями для данной совокупности норм. Внешнее выражение это находит в виде выделения внутри каждой отрасли права своей так называемой «общей части», охватывающей общие черты содержания конкретных норм данной отрасли права. Такие общие черты в то же время будут характеризовать специфику данной отрасли права в сравнении с другими отраслями права.

Что касается выявления самой «номенклатуры» отраслей данной системы права, то решение этого вопроса требует конкретно-исторического подхода, изучения реальной истории правового регулирования соответствующих общественных отношений» [1].

В свете сказанного нет оснований для распространенного в советской юридической литературе утверждения о наличии в нашей системе права так называемых комплексных отраслей права [2]. Трудно не согласиться с И. В. Павловым, который пишет: «Несостоятельность постановки вопроса о комплексных отраслях заключается... в том, что она в конечном итоге логически ведет к делению всех отраслей советского права на основные и второстепенные. Выделение каждой отрасли права диктуется определенными интересами господствующего класса, и выделение каждой отрасли права одинаково важно и нужно. Комплексными могут быть лишь предметы правовых знаний, отрасли правовой науки, но не сами отрасли действующего права» [3].

Системный подход к анализу права предполагает не только его дифференциацию на подсистемы первого, так сказать, уровня — на отрасли права. Одно и то же общественное отношение имеет, как известно, множество признаков, особенностей, сторон, которые в зависимости

[1] *Н. Г. Александров.* О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 5. стр. 117—118.

[2] См., например, *В. К. Райхер.* Общественно-исторические типы страхования; *И. С. Гурвич.* Очерки советского банковского права, и др.

[3] *И. В. Павлов.* О системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 11.

от условий, места и времени их проявления приобретают различный характер. Это обстоятельство обусловливает необходимость всестороннего урегулирования правом каждого типичного общественного отношения (если, разумеется, это отношение вообще нуждается в урегулировании его правом). В силу этого дифференциация права происходит и внутри каждой отдельной отрасли права, выражаясь, в частности, в делении ее на ряд правовых институтов. Отдельно взятая правовая норма, как правило, не в состоянии урегулировать с требуемой полнотой и всесторонностью то или иное общественное отношение без сочетания, взаимодействия с другими правовыми нормами, направленными на регулирование того же отношения. Совокупность этих правовых норм, соединенных между собой в определенное системное целое, и образует правовой институт.

Таким образом, оказывается, что отрасль права, будучи подсистемным образованием системы права, сама выступает в качестве системы по отношению к институтам права, ее образующим. Но и институт права обладает всеми признаками системного правового образования, поскольку представляет собой *объективно сложившуюся внутри отрасли права в виде ее обособленной части группу правовых норм, регулирующую с требуемой детализацией типичное общественное отношение и в силу этого приобретающую относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.*

Из этого определения вытекает, что институт права отличается от отрасли права прежде всего объемом предмета регулирования: он регулирует не всю совокупность качественно однородных общественных отношений, а лишь различные стороны (признаки, особенности) одного типичного общественного отношения. Вместе с тем институт права, будучи подсистемой системы отрасли права, имеет общие с ней характеристики — объективную обособленность и органическое единство компонентов, специфичность метода, относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования, хотя и другого уровня.

Следует заметить, что вопрос о природе, системе, структуре правового института в теории разработан недостаточно. Более того, трактовка его противоречива.

Так, в юридической литературе, как уже было показано выше, выдвинуты убедительные соображения, отрицающие существование комплексных отраслей права, но одновременно допускается наличие комплексных правовых институтов. И. В. Павлов, например, считает, что «некоторые правовые институты являются характерными не для какой-то одной, а для двух или более отраслей права. Такие институты и принято называть смежными или сложными»[1]. При этом И. В. Павлов, по-видимому, не замечает, что его аргументы, отрицающие существование комплексных отраслей права, в той же самой мере могут быть отнесены к отрицанию существования и комплексных (смежных или сложных) институтов права.

На самом деле, если нельзя включать правовую норму, относящуюся к одной отрасли права, в другую отрасль права, то тем более недопустимо включать «сложный» институт права, содержащий в себе «комплекс» норм различных отраслей права, в какую-либо отрасль права, так как тем самым данная отрасль права сама превратилась бы в комплексную. Следовательно, одно из двух: либо наряду с самостоятельными отраслями права существуют и самостоятельные «комплексные» институты права, не включенные в соответствующие отрасли права, либо институты права являются частью соответствующих отраслей права и вследствие этого обладают кроме специфических признаков, им присущих, также теми общими признаками, которые характеризуют отрасль права в целом. Мы оказались бы непоследовательными, если бы, отрицая существование комплексных отраслей права, вместе с тем допускали самостоятельное существование «комплексных» институтов права, ибо, как было отмечено выше, те доводы, которые дают нам убедительные основания для отрицания комплексных отраслей права, не в меньшей мере должны быть отнесены и к отрицанию «комплексных» институтов права.

Между тем именно эта непоследовательность, эта логическая противоречивость характеризуют рассуждения всех тех, кто, правильно отрицая наличие в системе советского права комплексных отраслей права, вместе с

---

[1] *И. В. Павлов.* О системе советского социалистического права. — «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 10.

тем допускает существование в ней «комплексных» институтов права, тем самым нарушая системное единство права и разрывая однопорядковое соотношение его системы и подсистем. Очевидно, что разрешение этих логических противоречий окажется возможным, если мы будем не только провозглашать, но и следовать в своих рассуждениях тому уже доказанному положению, что система права и систематика законодательства не одно и то же. Этому вопросу будет уделено специальное внимание в дальнейшем, при рассмотрении проблем структуры права. Здесь же необходимо перейти к анализу первоначальной основы правовой системы — к норме права.

В советской юридической литературе дано множество определений правовой нормы. Так, например, П. Е. Недбайло пишет: «Норма социалистического права... является строго определенным правилом, установленным или санкционированным социалистическим государством, правилом, выражающим обусловленную объективными законами социализма государственную волю рабочего класса и всех трудящихся и обеспеченным государственными и общественными средствами в целях регулирования наиболее существенных и коренных отношений социалистического общества, путем официального их закрепления в форме определенных прав и обязанностей участников этих отношений» [1].

Аналогичным образом определяют норму права и другие авторы [2]. Но эти определения по существу ничем не отличаются от общего определения понятия права, сформулированного советской юридической наукой. Между тем нельзя определять целое и часть целого одинаково не только потому, что они не совпадают, но также и потому, что их отождествление не имеет сколько-нибудь рационального смысла. Задача состоит не в том,

---

[1] *П. Е. Недбайло.* Применение советских правовых норм. М., 1960, стр. 37; см. *его же.* Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959, стр. 28.

[2] См., например, *Ю. Г. Ткаченко.* Нормы советского социалистического права. М., 1955, стр. 3; *Г. И. Петров.* Сущность советского административного права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Л., 1957, стр. 15; *О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский.* Вопросы теории права, стр. 132, и др.

чтобы показать лишь количественную разницу между правом и правовой нормой (это ясно уже из общего определения понятия права, подобно тому как совершенно очевидно, что всякая часть является частью целого), а в том, чтобы, опираясь на общее понятие права, вскрыть специфические качественные признаки правовой нормы.

Если общие понятия не только имеют познавательное значение, но и должны служить инструментом более углубленного познания явлений, то необходимо от общего понятия права проникать в глубь составляющих его частей, в частности в правовую норму, чтобы обнаружить ее специфические особенности. При этом в тех случаях, когда определяется та или иная часть какого-либо целого в ряду всего комплекса однопорядковых категорий, вовсе не обязательно повторять в этих определениях все те общие черты, которые характерны как для целого, так и для всех его частей. Более того, подобное повторение не имеет ни теоретической, ни практической ценности и лишь отвлекает от задач вскрытия и понимания той особенности, которая характерна для специфики изученного явления и, следовательно, его места, значения и роли в составе целого. Это, однако, вовсе не означает, что, исследуя часть, можно игнорировать существенные признаки целого. Без этого невозможно познать часть, но речь в данном случае идет не о процессе познания, а об его итоге — формулировании определений целого и его частей.

Руководствуясь этими соображениями, представляется возможным выдвинуть следующее определение правовой нормы.

Норма права — это объективно сложившееся внутри института права единичное общее правило поведения, регулирующее типичное общественное отношение или одну из сторон этого отношения и в силу этого приобретающее относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования.

Если теперь провести сравнительный анализ предложенных определений подсистем права, то и в них легко обнаружить повторяющийся момент, в частности указание на их относительную самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования. Но в данном случае за этим повторением скрывается различный

смысл, ибо уровень их относительной самостоятельности, устойчивости и автономности функционирования отличен друг от друга. Что же касается всех других моментов каждого из предложенных определений, то они своеобразны, отличны друг от друга не только в количественном, но и в качественном отношении.

Обратимся теперь к комментариям отдельных сторон выдвинутого определения нормы права. Положение, что правовая норма представляет собой общее правило, не следует понимать лишь в том смысле, что каждая правовая норма всегда содержит непосредственное указание для поведения лиц в определенном случае. Характеристика нормы права как общего правила означает не только отсутствие в ней конкретности (персонификации) адресата и неопределенность случаев ее применения; она может содержать в себе также принципы и определения, которыми руководствуются субъекты правоотношений.

В противоположность этому А. Ф. Шебанов утверждает: «Особо важное значение для систематизации нормативных актов имеет то обстоятельство, что в ряде случаев в статьях нормативных актов Советского государства могут быть закреплены принципы законодательства, либо мотивы издания тех или иных норм, либо задачи, из которых исходил государственный орган, издавая данный акт. По нашему мнению, в таких случаях статьи закона (нормативного акта) вообще не содержат правовой нормы...» [1].

Но некоторые из этих принципов, мотивов и задач действительно обладают нормативным характером. Не соглашаясь с А. Ф. Шебановым, Н. И. Бернштейн отмечает: «Понятие правовой нормы, кроме правил поведения, должно охватывать и правила, устанавливающие общественное и государственное устройство Союза ССР и границы Союза и союзных республик, регулирующие гражданство, международные отношения, порядок деятельности государственных и общественных организаций и т. д.» [2] И. С. Самощенко также находит, что «кроме

---

[1] *А. Ф. Шебанов.* Некоторые вопросы теории нормативных актов в связи с систематизацией советского законодательства. — «Советское государство и право», 1960, № 7, стр. 147.

[2] Там же, стр. 153.

норм, состоящих из правил поведения, существуют нормы, определяющие правовое положение материальных ценностей и благ (ст. 6 и 10 Конституции СССР), кто может быть субъектом того или иного правоотношения и т. д. К нормам права, которые не являются правилом поведения, относятся и так называемые юридические принципы и определения» [1].

В основном соглашаясь с данными возражениями, следует, однако, заметить, что и эти принципы и определения являются составными компонентами тех или иных частей, тех или иных правил поведения (другое дело, как они структурно расположены в нормативных актах) хотя бы уже потому, что их отсутствие исключает действие соответствующих правовых норм. Э. Ф. Шейно, отметив неправильность утверждения о том, что правовые задачи, определения и юридические принципы не являются правовыми нормами, указал: «Это разграничение на принципы и нормы очень относительно. Так, например, в ст. 10 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик говорится о том, что судьи при осуществлении правосудия по уголовным делам «независимы и подчиняются только закону». Из этого положения вытекает целый ряд норм, регулирующих порядок привлечения судей к дисциплинарной и уголовной ответственности и т. д., поэтому его можно назвать принципом. Положение ст. 43 Основ, в которой говорится, что приговор должен быть законным и обоснованным, по существу является принципом, а положение о независимости судей как вытекающее из этого принципа становится нормой» [2].

Содержание и системные части нормы права отнюдь не произвольны, а зависят от природы и характера регулируемых общественных отношений и тем самым объективно ими детерминированы. Всякая правовая норма, будучи общим правилом поведения, является единичным, поскольку регулирует не комплекс отношений, а отдельное типичное отношение или даже отдельные его стороны. И поскольку это отношение обладает известной долей самостоятельности, постольку и регулирующая ее правовая норма приобретает относительную самосто-

[1] «Советское государство и право», 1960, № 7, стр. 154.
[2] Там же, стр. 155.

ятельность, устойчивость и автономность функционирования. Но, являясь единичным, она не может не входить в систему соответствующего института права, вместе с которым оказывается способной регулировать то или иное отношение. Эта способность правовой нормы приобретается благодаря наличию в ней также качеств, которыми обладает институт права, в состав которого она входит. Подобным же образом и для института права характерны общие качества отрасли права, а для отрасли права — общие качества системы права.

Следовательно, относительная самостоятельность, устойчивость и автономность функционирования правовых норм, равно как и института и отрасли права, детерминирована не только их зависимостью от природы и характера общественных отношений, ими регулируемых, но и от тех правовых подсистем и системы, в состав которых по объективной необходимости они соответственно входят (образуется, так сказать, «двойное подчинение» отдельных целостно-системных правовых образований). При этом, как правильно отмечает А. Ф. Черданцев, «между нормами права существует не только «отраслевое», но и «профессиональное разделение труда», функциональная специализация. Такая специализация, с одной стороны, обусловливает тесную связь отдельных частей системы права в процессе правового регулирования, с другой — проявляется в наличии в самой системе права особых норм, которые призваны обеспечивать единство и согласованность права и представляют собой особый «механизм саморегулирования» внутри системы права...»[1].

Таким образом объективно создается органическая связь, зависимость и обусловленность системы и подсистем права, в своей совокупности образующих стройную системную целостность определенного исторического типа права.

Для социалистической правовой системы характерна не только качественно новая ее классово-волевая сущность по сравнению со всеми иными известными исто-

---

[1] *А. Ф. Черданцев.* Системность норм права. — «Сборник ученых трудов» Свердловского юридического института, вып. 12. Свердловск, 1970, стр. 63.

рии правовыми системами, но и глубокая, всесторонняя и гармоничная взаимная связь ее компонентов, органическое единство системы права и ее подсистем. Именно благодаря этим обстоятельствам достигается высокая степень эффективности действия механизма правового регулирования общественных отношений при социализме.

Однако системность права отнюдь не механически предопределяет эффективность правового регулирования. Для этого необходимо согласованное, упорядоченное действие целого комплекса юридических средств, единство которых образует в свою очередь систему правового регулирования. Эту систему и ее основные компоненты удачно показывает В. А. Шабалин, прежде всего подчеркивая, что правосознание пронизывает все звенья системы правового регулирования, приводит ее в движение, постоянно накапливает, обновляет правовую информацию, концентрируя ее в более или менее конкретные и четкие волевые устремления, в более или менее ясные требования, предъявляемые к поведению граждан, должностных лиц и государственных органов.

В процессе правотворчества новые научно обоснованные правовые взгляды, идеи и положения получают свое конкретное, четкое и внутренне согласованное воплощение в системе действующего законодательства, определяющего программу поведения субъектов права. Через правоотношения и другие формы реализации права эта программа практически претворяется в жизнь. Наконец, законность является тем звеном системы правового регулирования, которое обеспечивает всеми предусмотренными средствами правопорядок в обществе [1].

Бесспорно, эти звенья играют важную роль в механизме правового регулирования. Но нельзя недооценивать значение и других звеньев.

Изложенные в данном случае соображения относительно системы права и ее подсистем, разумеется, не могут претендовать на решение этой сложной и чрезвычайно тонкой проблемы. Она остается пока не решенной

---

[1] См. *В. А. Шабалин.* Системный анализ механизма правового регулирования. — «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 124—125. Приведенные здесь положения воспроизведены с некоторыми сокращениями и уточнениями.

в своих основных моментах. Поэтому задача состоит не только в том, чтобы продолжить и расширить обсуждение данной проблемы, но и в том, чтобы углубить предстоящие изыскания путей ее решения. Всестороннее научное обоснование системы социалистического права, равно как и всей системы правового регулирования, будет содействовать совершенствованию действующего законодательства и укреплению законности в обществе, строящем коммунизм.

СТРУКТУРА И ЭЛЕМЕНТЫ В ПРАВЕ

§1. Понятие структуры и элементов в праве

Системный подход к исследованию права дополняется и в определенном смысле конкретизируется структурным его анализом. Эта конкретизация выражается в формальной завершенности системной целостности права, внутренней организации связей и взаимодействия его частей, четкости и ясности внешних форм и т. д. В единстве системно-структурного познания обнаруживается не только субстанциональная целостность права, но и внутренняя организация, связи, отношения и взаимодействие его компонентов, внешнего выражения правового целого и его частей.

Структурный анализ права издавна используется в юридической науке. Особую эффективность он обрел в марксистско-ленинском правоведении в силу его органического объединения с генетическим, каузальным, субстанционально-системным и функциональным подходами к познанию правовых явлений. Поэтому не может не вызвать удивления высказанное в нашей социологической литературе последних лет мнение о том, что будто бы и в данном случае (как и в вопросе о системном подходе) структурный анализ впервые применяется лишь в наши дни, что якобы марксистско-ленинская теория общественного развития до сих пор не содержала в себе никаких аспектов структурного анализа. Этот

вопрос имеет принципиальное значение, и поэтому целесообразно привести ряд высказываний советских философов и юристов, обоснованно опровергающих отмеченное глубоко ошибочное мнение. Так, П. Н. Федосеев по этому поводу пишет: «...для К. Маркса в «Капитале» понятие экономической структуры общества — это, можно сказать, основа теоретического анализа. На этой базе в марксизме развиты и проанализированы такие понятия, как социальная и классовая структура общества. Сейчас невозможно вообще анализировать общественные явления, не используя выработанных марксизмом понятий социальной структуры, классовой структуры, экономической структуры общества. И когда буржуазные социологи приписывают себе «открытие» понятия структуры в виде структурного или структурно-системного подхода и т. д., то это, вообще говоря, не отвечает действительному положению вещей». Нельзя не согласиться с П. Н. Федосеевым и в том, что в классических произведениях марксизма «понятие структуры было очень удачно и эффективно применено к анализу социальных явлений. И это произошло задолго до того, как в естествознании наших дней понятие структуры приобрело существенное и всеобщее значение»[1]. В. Ж. Келле также отмечает: «Можно сказать, что структурно-функциональный подход выступает в «Капитале» как необходимый момент диалектического анализа капиталистической действительности. Это методологическая проблема, на которую еще мало обращали внимания при изучении «Капитала» и которая требует исследования с точки зрения потребностей современной общественной науки, в частности социологии»[2].

---

[1] *П. Н. Федосеев.* Идеи Ленина и методология современной науки. — «Ленин и современное естествознание». М., 1969, стр. 15.

[2] *В. Ж. Келле.* Обоснование исторической необходимости социалистической революции в «Капитале» Маркса. — ««Капитал» К. Маркса, философия и современность». М., 1968, стр. 405. См. так же *Д. М. Угринович.* О предмете марксистской социологии.— «Очерки методологии познания социальных явлений», стр. 30, 31, 32. И здесь автор делает существенное замечание, которое особенно следует иметь в виду юристам при использовании ими структурно-функционального метода. Он, в частности, пишет: «Примечательно, что термин «противоречие» совсем исчез из многих современных статей и докладов по проблемам социологии, претендующих на последнее слово в науке. И это естественно, если исходить из той методологии структурно-функционального подхода, которая игнори-

Против недооценки структурного анализа в произведениях классиков марксизма-ленинизма возражают и юристы [1].

Право не может быть неструктурно. Хотя в у классиков марксизма-ленинизма нет трудов, посвященных специально праву, тем не менее их анализ правовых явлений в многочисленных работах характеризуется применением именно структурно-функционального метода наряду и в органической связи с другими методами. Взять, например, освещение ими вопросов о сущности, содержании и формах права, о связи права с политикой, государством, нравственностью и правосознанием, о роли права и его функциональном назначении в капиталистическом и социалистическом обществах, о значении социалистического правопорядка, дисциплины и ответственности, о структуре «двойного» подчинения и законности и многое другое, чтобы убедиться в том, что здесь, как и во всех иных случаях, мы имеем перед собой глубокое диалектическое сочетание различных, в том числе и структурно-функциональных, методов, синтезирование и применение которых позволило познать такую сложную сферу общественного бытия, какой является право.

Рассмотрим теперь понятие структуры права, отметив предварительно, что в философской литературе сущность этой категории понимается по-разному. Так, если одни считают, что «структура» является лишь своеобразным проявлением категории количества [2], то другие, наоборот, считают ее проявлением категории качества [3].

рует генетический и каузальный аспекты исследования. Если социальная система рассматривается лишь с точки зрения поддержания ее устойчивости («гомеостазиса», выражаясь языком кибернетики), то тогда противоречий в системе обнаружить невозможно. Все «возмущающие» систему факторы рассматриваются как дисфункциональные, подлежащие устранению. Таким образом, критерий прогрессивного и реакционного полностью исчезает. Движение, к примеру, негров в США за гражданские права или же движение против войны во Вьетнаме рассматриваются как явления того же порядка, что и действия гангстерских шаек или массовое распространение наркотиков» (там же, стр. 32).

[1] *В. Е. Гулиев.* О ленинской методологии изучения государства и права. — «Советское государство и право», 1969, № 10, стр. 16—17.

[2] См. *Б. М. Кедров.* О количественных и качественных изменениях в природе. М., 1946, стр. 46.

[3] См. *С. П. Дудель.* Законы материалистической диалектики. М., 1958, стр. 54.

Анализируя эти точки зрения, В. В. Агудов пришел к выводу о неправомерности отождествления структуры с категорией количества и с категорией качества, а также рассмотрения структуры как некой разновидности одной из этих категорий [1]. Исследуя вопрос о соотношении категорий «форма» и «структура», В. В. Агудов заключает: «Итак, «внешняя форма» образует диалектическую пару (соотносится) с «содержанием», а «внутренняя форма», т. е. «структура», диалектически соотносится с «составом»» [2]. Однако этот вывод неубедителен, так как не раскрывает различий в понимании категории содержания и состава, не объясняет, почему, собственно, структура соотносится с составом, а не с содержанием. Думается, что «внешняя форма» и структура оформляют и содержание, и состав.

Еще бо́льшая разноречивость в толковании понятия структуры обнаружилась на конференции, которая была посвящена методологическим проблемам системно-структурного исследования и которую провела кафедра диалектического материализма философского факультета МГУ (март 1968 г.). Так, С. Т. Мелюхин, призывая избегать неопределенного, слишком расширительного употребления понятия структуры, сам встал на этот путь: по его мнению, структура выступает как единство материального содержания и законов взаимоотношения элементов в системе. Помимо, однако, нечеткости этого определения оно подменило по существу определение структуры определением системы, ибо именно последней (а отнюдь не структуре) свойственно единство материального содержания и законов взаимоотношения его частей. Трудно понять смысл положений, выдвинутых на той же конференции В. С. Тюхтиным. Он считает, что структуры «вообще» совпадают с бесструктурностью, т. е. они не существуют. Но при такой «логике» можно объявить несуществующими все общие понятия и категории науки, а следовательно, и саму науку. Не менее странно выглядит высказывание О. С. Зелькиной, предложившей вместо научного поиска и формулирования общего понятия структуры пойти по пути догово-

[1] См. *В. В. Агудов.* Количество, качество и структура.— «Вопросы философии», 1967, № 1.

[2] *В. В. Агудов.* Соотношение категорий «форма» и «структура».—«Философские науки», 1970, № 1, стр. 70.

ренности в его определении [1]. Но, как известно, проблемы науки не могут решаться и не решаются «голосованием» [1].

Анализ категории структуры целесообразно начинать с понятия целостности. Ранее указывалось, что целостное правовое образование, как и любое другое целое, необходимо имеет как свою внешнюю, так и внутреннюю формы. Внешняя форма — это выражение вовне целостного правового образования. Внутренняя форма — это структура, способ организации, определенная упорядоченность частей данного целого. Образно говоря, если внешняя форма есть облик, внешний вид правового здания (или организма), то внутренняя форма — его каркас (или скелет).

Следовательно, основным признаком структуры является то, что она есть лишь внутренняя форма («форма, рефлектированная внутрь себя») определенного объекта. В силу этого структура, во-первых, не может иметь самостоятельного существования вне того объекта, содержание, субстанция которого ею определенным способом цементируется, организуется, упорядочивается, и, во-вторых, характер ее построения и изменения непосредственно зависит от природы и закономерностей развития данного объекта.

Эти важные обстоятельства, к сожалению, не учитываются многими авторами, в результате чего оказывается, что структура отрывается от своего материального субстрата, лишается своего содержания и обретает самодовлеющее значение. Именно такое впечатление складывается от трактовки понятия структуры, которая дается В. И. Свидерским. Отвергая распространенное в науке «понимание структуры как материализованной структуры», В. И. Свидерский рекомендует под структурой понимать «принцип, способ, закон связи элементов целого, систему отношений элементов в рамках данного целого» [2].

Это определение выше подвергалось критике за фактическое отождествление категорий целого, системы и структуры. Здесь же необходимо обратить внимание на

---

[1] См. «Философские науки», 1968, № 5, стр. 177—178.

[2] *В. И. Свидерский.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития, стр. 135; см. *его же.* О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании. М., 1962.

другое. Структуру как внутреннюю форму определенного объекта, разумеется, можно в целях анализа рассматривать отдельно, отвлекаясь от содержания (субстанции) данного объекта. Но при этом нельзя забывать, не учитывать того, что структура, как и любая форма, не существует без того, что́ она оформляет[1], что ее изменение подчиняется общим закономерностям развития содержания и формы вообще. И каким бы элементарным ни казалось это напоминание, у В. И. Свидерского тем не менее чувствуется отрыв структуры от ее субстанции. Это впечатление усугубляется и укрепляется, когда он фактически разрывает парность категорий элемента и структуры, приписывая им разнопорядковые сущности: первому — субстанциональное, а второму — организующее значение. Он пишет: «... под элементами следует понимать любые явления, процессы, образующие в своей совокупности данное явление, данный процесс, а также любые свойства явлений, образующие в своей совокупности некое новое свойство, и, наконец, любые отноше-

---

[1] В этой связи представляется уместным привести мнение М. Розенталя и Э. Ильенкова о «структурализме» или «структурно-функциональном анализе», с которым мы полностью солидаризируемся. «Сылаясь на определенные достижения, полученные на основе применения структурно-функциональных методов в некоторых науках (лингвистика, биология и др.), некоторые философы решили распространить этот метод на все области человеческого знания, включая даже диалектику, которую они пытаются «структурализовать»». И далее: ««Структура» — категория не новая. Уточнить это понятие, поставив его в связь с другими категориями диалектики, то есть определить его именно как «ступеньку», как «узловую точку» познания, дело, несомненно, полезное и важное. Но менять всю последовательность научных понятий материалистической диалектики, всю систему их научных определений путем приспосабливания ее к частным нуждам «структурного анализа» представляется затеей весьма легкомысленной.

«Структурный метод» сознательно абстрагируется от всех фактов, связанных с историей возникновения, формирования и перспективой эволюции тех «структурных образований», о которых в данном случае идет речь. А тем самым, естественно, и от тех внутренне присущих им противоречий, которые как раз и стимулируют рождение, формирование и в конце концов «гибель» указанных структур (то есть процесс их преобразования в более высокие и исторически позднейшие структуры). Нетрудно представить, как будет выглядеть теория материалистической диалектики, если ее перестроить по схемам и моделям структурного анализа» (*М. Розенталь, Э. Ильенков.* Ленин и актуальные проблемы диалектической логики. — «Коммунист», 1969, № 12, стр. 32).

ния, образующие в своей совокупности некое новое отношение»[1].

Это определение представляется неудачным. На самом деле, если элементы — это любые явления и даже любые свойства явлений, то какая же разница между элементами, явлениями и их свойствами? Каким образом любые явления, процессы могут в своей совокупности образовать данное (какое именно?) явление, процесс? Почему любые явления, процессы, их свойства и отношения именуются элементами? В чем назначение и специфика понятия элемента, обусловившая необходимость его введения в категориальный аппарат науки?

Однако оставим в стороне эти вопросы. В данном случае интересно заметить иное: автор явно стремится придать категории элемента качество субстанциональности и тем самым совокупность элементов отождествляет с категорией целого. Таким образом, получается, что В. И. Свидерский не только не проводит разграничение между понятиями целого, системы и структуры (на что обращалось внимание ранее), но и «совокупность элементов» сводит к целому. Но если целое и структура тождественны, а целое есть совокупность элементов, то, следовательно, и между структурой и элементами нет различий. Но такой вывод, естественно, неприемлем, в том числе и для В. И. Свидерского, который пишет: «Говоря об элементах, мы должны подразумевать под ними не просто дробные части данного целого, а лишь такие из них, которые, вступая в определенную систему отношений, непосредственно создают данное целое»[2].

Но во-первых, «дробные части», если они не создают целого, вовсе не являются его частями; во-вторых, если не «дробные части», создающие данное целое, и есть элементы, то, следовательно, нет никаких различий теперь уже между частями и элементами целого. В итоге, к сожалению, получается, что ни одна из рассматриваемых автором категорий ничем не отличается от любой другой и в силу этого не может быть использована, в частности, при анализе правовых явлений.

В этой связи следует обратить внимание на следующее. В последние годы в философской литературе все

[1] *В. И. Свидерский.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития, стр. 133.

[2] Там же.

настойчивее выдвигается мысль о многоплановости категорий диалектики и особенно категории структуры [1]. Безусловно, эта мысль имеет под собой серьезные основания, поскольку отражает не только всеобщность, но и гибкость диалектических понятий. Однако иногда эта многоплановость трактуется так широко, что теряется специфика той или иной категории, ее использование выходит за рамки ее применимости, смешивается с другими категориями и в итоге лишается познавательного значения [2]. Именно это произошло с пониманием и использованием категории структуры. Например, Р. А. Зобов рассматривает структуру как материализованную связь между образующими ее компонентами, как закон, способ, характер связи их между собой и, наконец, как результат их взаимодействия, образующего «новые стороны и свойства» структуры. Но во-первых, понимание структуры как материализованной связи между образующими ее компонентами исключает возможность отличить ее от системы. Во-вторых, структура, как было показано ранее, вовсе не всегда характеризуется закономерностью связи частей целого. Таким качеством обладает отнюдь не любая, а лишь структура системного целостного образования («системная структура»). И в-третьих, сама по себе структура, будучи внутренней формой, не может лишь в результате взаимодействия ее элементов создать свои «новые стороны и свойства», поскольку они образуются в зависимости от движения, изменения и развития самого целого (и прежде всего системного целого).

Та же, выражаясь языком Гегеля, «дурная» многоплановость сложилась и в результате попытки разгра-

---

[1] См., например, *А. Миносян.* Категории содержания и формы. Ростов, 1962, гл. 2; *Р. А. Зобов.* Некоторые аспекты категорий отношения, целого, структуры, функций и их значение для научного исследования. — «Некоторые вопросы методологии научного исследования», вып. 2, стр. 17—32.

[2] Сам же В. И. Свидерский правильно отмечает, что «такая многозначность свидетельствует о том, что эти категории являются пока весьма суммарными, рыхлыми и что задача философов-марксистов состоит в выделении этих различных смыслов и рассмотрении их в рамках новых, более четких и строгих понятий» (*В. И. Свидерский.* Некоторые вопросы диалектики изменения и развития, стр. 132).

ничить понятия части и элемента. По данному вопросу за последние годы в философской литературе выдвинуто несколько различных мнений. Одни авторы, как уже было показано выше, по существу отождествляют категории части и элемента [1]. Другие, наоборот, отрицая их тождественность, указывают, что элемент обозначает только предметы, явления и процессы, находящиеся в соответствующей взаимосвязи, образующейся в рамках определенной структуры целого, в то время как часть может существовать в определенном сочетании между собой в рамках целого, а также и до этого сочетания. Та или иная часть превращается в элемент лишь после ее вступления в определенное сочетание, образующее целое, и после определенного изменения под воздействием этого сочетания. До этого часть не является элементом [2]. Третьи считают, что элементом является все, что указывает, из чего состоит целое, что относится к компонентам, его составляющим, безотносительно к тому, отражают они специфику данного целого или нет. Но не всякий компонент является частью, а лишь такой, который наделен специфическими особенностями целого, непосредственно выполняет функции, характерные только для данного целого [3]. Четвертые полагают, что часть шире элемента, поскольку частями целого являются не только элементы, находящиеся между собой в известной взаимосвязи, но и сами взаимосвязи между элементами,

---

[1] Помимо В. И. Свидерского можно указать, например, на А. Г. Спиркина. *«Элемент,* — пишет он, — *это минимальная единица в составе данного целого, выполняющая в нем определенную функцию»; «категория части выражает предмет не сам по себе, не как таковой, а лишь в его отношении к тому, составным компонентом чего он является, во что он входит...»* (*А. Г. Спиркин.* Курс марксистской философии, стр. 161). Но поскольку: а) часть, так же как и элемент, может быть минимальной единицей в составе данного целого; б) элемент, так же как и часть, выражает предмет не сам по себе, а лишь в отношении к тому, составным компонентом чего он является; в) не только элемент, но и часть выполняет в составе целого определенную функцию — постольку и получается, что между этими категориями нет различий. См. также *М. А. Якубов, Л. Г. Кравченко.* К вопросу о соотношении структуры, противоречия, качества. — «Методологические вопросы системно-структурного исследования», стр. 25.

[2] См., например, *Л. О. Вальт.* Соотношение структуры и элементов. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 45—46.

[3] См., например, *Г. А. Югай.* Диалектика части и целого. Алма-Ата, 1965, стр. 93.

т. е. структура. Если элементы, обладая определенной самостоятельностью и качественной обособленностью, отличаются от связи, в которой они состоят между собой, то специфическое содержание частей выявляется не в соотношении со связью, существующей между ними, а в соотношении с целым. Поэтому они не могут противопоставляться связям, составляющим структуру целого, ибо последние сами являются частями целого [1].

Наконец, пятые исходят из того, что понятие элемента более глубоко, чем понятие части, хотя они оба характеризуют предмет со стороны его составных компонентов. Элементы — это те же части, но наиболее существенные части и в наибольшей степени отражающие связи и отношения, специфичные для предметов как целостного образования. Поэтому отличительной особенностью элементов является то, что они обладают вполне определенными свойствами, не изменяющимися в пределах исследуемого отношения. Элемент — более богатое и конкретное понятие, определение которого сохраняет особенности содержания, выражаемого категорией части, и включает также и новые признаки, позволяющие относить их к наиболее важным, существенным частям системы [2].

К сожалению, ни одна из приведенных точек зрения не применима к анализу правовых явлений и уже в силу этого не может претендовать на всеобщее отражение действительного соотношения категорий части и элемента. В первую очередь следует отметить, что если бы категории части и элемента совпадали, то не было бы смысла хотя бы одну из них вводить в научный оборот. Но в том-то и дело, что и категория части, и категория элемента выполняют определенные, но не тождественные гносеологические функции. И прежде чем вскрыть своеобразие каждой из этих функций, необходимо выяснить отличие между указанными категориями.

Нельзя представлять себе дело так, что будто бы часть может быть таковой до вступления в состав целого. Самостоятельное существование части превращает

---

[1] См., например, *А. П. Шептулин.* Система категорий диалектики. М., 1967, стр. 284—287.

[2] См., например, *В. И. Кураев.* Содержание и форма.— «Категории диалектики как ступени познания.» М., 1971, стр. 222, 223, 224.

ее в отдельное, лишая ее при этом специфических особенностей как компонента целого. Конечно, с универсальных позиций любое относительно самостоятельное явление есть часть какого-то целого, которое в свою очередь является частью еще более объемного целого, и т. д. Но специфика категории части в том именно и состоит, что она является таким компонентом целого, вне которого эта специфика исчезает. Нет, например, сомнения в том, что любая отрасль права является частью соответствующей системы права, но это вовсе не исключает ее относительного, в известной мере обособленного и специфического существования и функционирования. В противном случае не было бы оснований для выделения определенных правовых норм и институтов в самостоятельную отрасль права. Следовательно, по этой линии исключается возможность провести разграничение между частью и элементом, которое также имеет смысл лишь как компонент определенной структуры.

Неверно также и представление, будто элемент лишен качественной характеристики целого или структуры, в состав которого он входит или составным компонентом которого является. Если бы тот или иной элемент не выполнял определенной роли в соответствующей структуре, то он лишился бы качества такового, превратившись в механическую приставку или дополнение к этой структуре. Специфика элемента в том и состоит, что он является необходимым атрибутом структуры. Без элементов нет структуры, равно как и без структуры нет элементов. Так, необходимыми элементами правового отношения являются субъекты, объект, правомочие и юридическая обязанность, без определенной связи между которыми нет и самого правоотношения. С другой стороны, трудно отрицать, например, за преамбулой законов значение части данного нормативного акта, хотя и не во всех случаях она является обязательной и тем более не выполняет непосредственно регулирующей роли нормативного акта, в состав которого входит. Следовательно, и по этой линии нельзя провести разграничение между категориями элемента и части, которая отнюдь не всегда непосредственно выполняет функции, характерные для целого.

Не следует соглашаться и с мнением, разграничиваю-

щим элементы и части по их связям между собой и с целым, когда первые характеризуются самостоятельностью, качественной обособленностью и независимостью, а вторые выявляются лишь в соотношении с целым. Во-первых, элементы существуют лишь как элементы структуры, подобно частям, имеющим смысл только как части целого. Во-вторых, элементы обретают качественную особенность не сами по себе, а при наличии определенных связей между собой и целиком со структурой, точно так же как и специфика частей определяется не только ими самими, но и связями их между собой и целым. При рассмотрении, например, любой правовой нормы со стороны ее элементов и структуры или со стороны ее частей и целого легко обнаруживается, что она обязательно состоит из трех элементов или частей, связь между которыми характеризует ее специфически необходимую структуру и цельность, в свою очередь влияющих как на сами элементы и части ее, так и на их связи между собой. Следовательно, и здесь мы лишены возможности провести линию разграничения между категориями элемента и части. Более того, последняя из критикуемых точек зрения допускает полное смешение понятий утверждением, будто структура целого не может быть лишь его отдельной частью хотя бы уже потому, что является внутренней формой объединения всех частей целого.

Наконец, едва ли можно считать оправданной точку зрения, согласно которой отличие между элементом и частью состоит в том, что первое является не всякой, а лишь существенной частью. Такая характеристика произвольна хотя бы уже потому, что, поменяв местами часть и элемент, можно утверждать прямо противоположное, а именно: частью является не всякий, а лишь существенный элемент. Но дело не в этом. Подобное истолкование понятия «элемент» не имеет сколько-нибудь рационального смысла, ибо можно было бы вместо понятия элемента пользоваться простым обозначением — основная, главная или существенная часть. Между тем думается, что введение в научный оборот наряду с категорией части также и категории элемента имеет более глубокий смысл и назначение.

В чем же в таком случае состоит действительное различие между интересующими нас в данном случае ка-

тегориями в их применении к исследованию правовых явлений?

Если целое является категорией прежде всего содержательного, субстанционального порядка, то, естественно, и части целого суть содержательные, субстанциональные его компоненты. Если, далее, структура есть не что иное, как внутренняя форма целого, то, следовательно, и ее элементы являются моментами, связями, «блоками» организационного устройства этого целого.

Данный вывод легко подтверждается анализом любого правового явления. Проанализируем, например, статью 27 Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, регулирующего труд лиц, лишенных свободы. Содержательная, субстанциональная сторона этой целостной статьи нормативного акта состоит фактически (хотя и не формально) из трех частей: 1. «Каждый осужденный обязан трудиться. Администрация исправительно-трудовых учреждений обязана обеспечивать привлечение осужденных к общественно полезному труду с учетом их трудоспособности и по возможности специальности. Отбывающие наказание в исправительно-трудовых колониях особого режима используются, как правило, на тяжелых работах». 2. «Осужденные привлекаются к труду, как правило, на предприятиях исправительно-трудовых учреждений». 3. «Производственно-хозяйственная деятельность исправительно-трудовых учреждений должна быть подчинена их основной задаче — исправлению и перевоспитанию осужденных».

Как же структурно организованы ее элементы? Во-первых, все части целого структурно заключены в одну статью, что является вполне целесообразным, поскольку каждая из них относится к характеристике труда лиц, лишенных свободы, а все вместе всесторонне регулируют соответствующие отношения. Во-вторых, части целого связаны между собой в структурно логической последовательности: первый элемент устанавливает обязанности осужденных и администрации исправительно-трудовых учреждений, второй элемент указывает на место исполнения обязанностей, и, наконец, третий элемент определяет цель данных обязанностей.

Так же просто обнаруживается различие между частью и элементом при анализе более устойчивых пра-

вовых целостностей. Например, всякая правовая норма есть конкретное правило поведения, закрепляющее волю государственно организованного господствующего класса в регулировании соответствующего общественного отношения. Но это правило поведения только в том случае окажется целостным, если оно структурно организовано в строгой логической последовательности вне зависимости от конкретного содержания ее частей: первый ее элемент должен определять условия действия правила поведения, второй — само правило поведения и третий — те невыгодные последствия, которые наступят в случае нарушения или неисполнения правила поведения.

Поэтому, если содержание частей той или иной правовой нормы всегда отлично от частей другой правовой нормы, то их элементы всегда тождественны, поскольку отнюдь не составляют их субстанцию, а являются лишь формой их структурной организации.

Таково рассудочное разграничение категорий части и элемента. В действительности же они сливаются, удваиваясь лишь при их понятийном анализе. Элемент — это та же часть целого, но рассматриваемая с точки зрения ее связи с другими частями данного целого и с самим целым. Поэтому элемент, будучи частью определенного целого, вместе с тем только к ней не сводится, поскольку представляет собой не «чистую», изолированную часть, а рассматривается в комплексе ее связей с другими частями целого и с самим целым. Следовательно, элемент можно характеризовать как своеобразный «блок», связывающий одну из частей целого с другими его частями, равно как и с самим целым. Система элементов целого и образует структурную связь компонентов данного целого, без которой целое распалось бы на свои части и перестало существовать как целое[1]. Иначе говоря, элемент — характеристика части

[1] Л. О. Вальт правильно отмечает: «Элементы и структура — категории, характеризующие предметную действительность с точки зрения ее расчлененности и внутренней упорядоченности». И далее: «Различные структурные организации «частей» превращают их в различные элементы...» (*Л. О. Вальт.* Соотношение структуры и элементов. — «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 44, 46). Эту же мысль, но более отчетливо, выразил В. А. Звегинцев: «Каждый элемент структуры, сам по себе автономный, будучи изолирован от структуры и рассмотрен вне внутренних связей, существующих в ней, лишается тех качеств, которые придает ему его место в дан-

со стороны того его свойства, которое превращает различные части в единое структурное целое. Это свойство частей как элементов проявляются по-разному: в системном целом оно выступает в качестве наиболее сильного средства органической связи его частей; в суммативном целом это качество выражено слабо — части данного целого легко отделимы друг от друга.

Структурные связи частей целого применительно к праву рассмотрены в работе В. М. Сырых. Анализируя внутриструктурные связи правового целого, он различает основные, т. е. связи структуры в целом с каждым ее компонентом, и неосновные, т. е. связи между отдельными элементами структуры. Основная структурная связь характеризуется как всеобщая, однотипная и относительно устойчивая. Неосновная структурная связь является локальной, более разнообразной и менее устойчивой (при этом может быть иного типа, чем основная).

По направлению взаимодействия элементов структурные связи подразделяются на: односторонние, т. е. связи, исходящие от одного элемента к другому без обратного воздействия; взаимные, т. е. связи, при которых один из элементов выступает в качестве основы, исходного начала другого. По способам соотношения элементов структурная связь подразделяется на: прямую, т. е. непосредственную связь элементов друг с другом; опосредованную, т. е. связь между элементами осуществляется через другие элементы; синтетическую, т. е. связь, при которой каждый из элементов в совокупности своих свойств является частью взаимодействия разнородных элементов и вне этого взаимодействия в данном качестве не выступает; суммативную, т. е. связь, при которой ни один из взаимодействующих элементов не приобретает качественно новых свойств.

Подразделив, далее (в соответствии с двумя степенями целостности), структуры на суммативные и органические, В. М. Сырых характеризует их следующим образом. Суммативная структура правовых явлений

ной структуре, почему изолированное его изучение не дает правильного представления о его действительной природе. Входя в состав структуры, всякий элемент приобретает, таким образом, «качество структурности» (Structurqualität)» (*В. А. Звегинцев.* Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 66).

представляет собой такое образование, в котором ни структура в целом, ни ее компоненты не получают качественно новых свойств; она характеризуется единством содержания элементов, неурегулированностью их числа и порядка расположения, суммативной связью в качестве основной структурной связи. Органическая структура правовых явлений представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, образующих качественно новое явление; она характеризуется строгой упорядоченностью элементов, разнородностью природы составных частей, синтетической связью в качестве основной структурной связи [1].

При всей обоснованности данной классификации она страдает отдельными недостатками. Так, едва ли можно считать, что основными структурными связями могут быть лишь связи правового целого с его компонентами. Нередко структурные связи между отдельными частями оказываются определяющими (а следовательно, и основными) для всего правового целого. Суммативная связь, далее, отличается от синтетической не только тем, что ни один из взаимодействующих ее элементов не приобретает качественно новых свойств, но также и тем, что может легко выйти из состава целого, существенно не нарушая его структурности. Степень устойчивости структуры зависит от характера самого правового целого: в отличие от суммативного системное правовое образование куда более глубже, значительно «строже» организует внутренние связи и взаимозависимости своих частей. Тем самым структура системного правового образования приобретает твердую устойчивость, стабильность, целостность, «крепче» цементирует части в органическое внутреннее единство. Наконец, суммативная структура может характеризоваться как единством однотипного содержания элементов, так и единством разнотипных содержаний элементов. Кроме того, это единство отнюдь не внутреннее, а лишь внешнее. Но дело не только в этом. Данная классификация может быть значительно расширена.

В многочисленных переплетениях явлений правовой

[1] См. *В. М. Сырых.* Структура, генезис, система как элементы исторического и логического методов познания права. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1970, стр. 7, 8, 9, 12.

действительности обнаруживается богатое разнообразие структур, среди которых можно выделить объективные и субъективные, общие и частные (локальные), сложные и простые, относительно устойчивые и изменчивые, фундаментальные и текучие, динамические и статические и т. д. Так, структура системного целого (например, системы отрасли права) объективна, сложна и относительно устойчива в противоположность структуре суммативного целого (например, систематики отрасли действующего законодательства), которая субъективна, относительно проста и изменчива.

Более углубленный анализ правовой структуры обнаруживает необходимость различать внутреннюю и внешнюю структуру правовых явлений. Внутреннюю структуру составляет определенная связь частей единого целостного правового образования, а внешнюю — определенная связь целостного правового образования с другими правовыми явлениями. Внутренняя структура, например, правовой нормы образуется из определенной связи между ее частями — гипотезой, диспозицией и санкцией, а внешняя — из определенной связи между данной правовой нормой и другими правовыми нормами, входящими в состав единого правового института. В свою очередь внутренней структурой института является определенная связь между его компонентами — правовыми нормами, а внешней — определенная связь данного института права с другими институтами права, входящими в состав единой отрасли права. Наконец, внутренней структурой отрасли права является определенная связь между его компонентами — институтами права, а внешней — определенная связь с другими отраслями права, входящими в состав единой системы права того или иного исторического типа.

Все эти многочисленные правовые структуры находятся между собой в разнообразных сочетаниях, отношениях, координации и субординации, образуя тем самым (подобно системным образованиям) целостные многоструктурные правовые образования различных уровней (например, структуры нормы, института, отрасли, системы права), сложный комплекс структур правового целого. Так, например, в структуру нормативного акта включаются структуры норм права и статей нормативного акта, имеющих различную природу и характер.

В свою очередь структура нормативного акта определенным образом вплетается в структуру соответствующей отрасли действующего законодательства, а иногда — нескольких отраслей. Вместе с тем структуры отраслей законодательства оказывают известное влияние как друг на друга, так и на становление и развитие структуры соответствующих отраслей права и структуру системы права в целом, а равно и наоборот. Взаимное проникновение, воздействие и влияние друг на друга структур различной природы и характера, возникновение в результате этого общих, интегральных, фундаментальных структур обусловливает необходимость обнаружения в данных конкретно-исторических условиях оптимальных структур не только для отдельных правовых явлений, но и для структур, синтезирующих их противоречивость. Именно этим в основном обусловлены трудности, связанные с решением вопросов законодательной техники, на которых целесообразно остановиться специально.

§2. Структура права и вопросы законодательной техники

Структурный подход к анализу правовых явлений имеет важное и многостороннее как теоретическое, так и практическое значение. Последовательно осуществляемая в соответствии с решениями XXIV съезда нашей партии программа дальнейшего совершенствования и упорядочения действующего советского законодательства путем его систематизации и прежде всего кодификации актуализирует этот подход, поскольку вся широкая проблематика законодательной (правотворческой) техники основывается на структурном исследовании архитектоники правовых установлений.

Структурная упорядоченность действующего законодательства позволяет привести его к строгому целостному единству, внутренней и внешней согласованности, логической последовательности связей между его частями и их гармоничному развитию и т. д. Это в свою очередь способствует дальнейшему укреплению социалистической законности и упрочению твердого правового порядка во всех сферах жизнедеятельности общества.

Анализ структурной целостности права предполагает прежде всего исследование его внутриструктурных об-

разований. Начнем поэтому с анализа простейшей правовой структуры — нормы права.

Вопрос о структуре правовой нормы имеет с точки зрения законодательной техники исключительно большое значение. Содержание правовой нормы может быть четко и ясно изложено в статьях закона и иных правовых актах лишь при правильном представлении о структуре правовой нормы. В свою очередь без решения комплекса вопросов о соотношении норм права и статей нормативных актов невозможна рациональная организация структуры нормативных актов в целом. Недооценка этих вопросов приводит к тем несовершенствам в технике составления нормативных актов, которые нередко являются причиной самых разнообразных нарушений социалистической законности.

В этой связи следует отметить, что в советской юридической литературе изложение вопроса о структуре правовой нормы страдает глубокой внутренней противоречивостью. Суть этого противоречия состоит в том, что наши авторы, правильно трактуя понятие структуры правовой нормы как понятия абстрактного, тут же пытаются «примерить» или «приложить» его к любой конкретной статье нормативного акта. Когда же из этого ничего не получается, то стремятся чуть ли не в каждой статье обнаружить своеобразие, особенность, специфику, забывая при этом, что от ранее сформулированной абстракции ничего не остается (ведь сравнительно немного есть статей нормативных актов, в которых четко выражены все структурные элементы правовой нормы) и она потеряла какой-либо методологический смысл. Так, например, Н. П. Томашевский в своих рассуждениях постоянно смешивает правовую норму с ее изложением в статьях правового акта, хотя и оговаривает, что «правовые нормы и нормативные акты есть понятия разные...»[1]. Эта оговорка, однако, не мешает ему на основе анализа статей нормативных актов пытаться обосновать концепцию двучленного состава элементов правовой нормы.

Из новейших работ, не критически воспринявших

---

[1] *Н. П. Томашевский.* О структуре правовой нормы и классификации ее элементов. — «Вопросы общей теории советского права». Сборник статей. М., 1960, стр. 196.

соответствующую литературу, можно назвать докторскую диссертацию В. Д. Сорокина, который в итоге своих рассуждений на эту тему делает столь же неожиданный вывод о том, что «единственным обязательным элементом структуры административно-процессуальной нормы является диспозиция»[1]. Не нормы, а статьи нормативного акта! В противном случае это не только не административно-процессуальная, но и вообще не норма права.

В действительности же правовая норма и ее структура — это общие теоретические категории, которые выражаются в конкретных статьях нормативных актов различно, подобно тому как всякое общее своеобразно отражается в отдельном. И с этой точки зрения правомерно было бы говорить не только о двучленном или даже одночленном выражении элементов правовой нормы в отдельных статьях нормативного акта, но и вообще о своеобразии внешнего выражения любого нормативного акта (особенно, например, по вопросам хозяйственного строительства). Но это отнюдь не является отрицанием того, что всякая норма, всякое правило, а не только правовое, предполагают (а порой и прямо содержат в себе) условия, в которых они применяются, само предписание и те последствия, которые наступят в случае неисполнения этого предписания.

Внутренняя форма правовой нормы характеризуется органической связью трех структурных ее элементов, благодаря чему части данной нормы — гипотеза, диспозиция и санкция — представляют собой целостное единство.

Другое дело, что внешняя форма выражения правовой нормы в статье или статьях нормативного акта далеко не всегда повторяет ее структуру. В целях краткости изложения правовых предписаний, исключения из них ненужных повторений и т. д. законодатель оправданно не всегда воспроизводит в нормативных актах те или иные части правовой нормы. Однако в любом из таких случаев можно восстановить структурную конструкцию правовой нормы, в сокращенном виде выраженной в нормативном акте. Но в таких случаях, как правило,

[1] *В. Д. Сорокин.* Вопросы теории советского административно-процессуального права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук, стр. 18.

она окажется значительно более громоздкой по сравнению с лаконично изложенным в нормативном акте предписанием. И если эта развернутая формулировка правовой нормы не несет с собой новой информации, необходимой при ее реализации, в сравнении с той, которую можно легко выявить из более краткой формулировки, то, естественно, в ней нет никакой нужды.

Именно поэтому в статьях нормативных актов сравнительно редко можно встретить ясно выраженными все три структурные части правовой нормы (см., например, ст. 54 и 55 ГК РСФСР). В большинстве же статей нормативных актов гипотеза или санкция не указаны, хотя они подразумеваются, вытекают из самой формулировки той или иной статьи или указаны в других статьях того же или другого нормативного акта.

В случаях, когда правовые нормы предусматривают одинаковые условия их применения, целесообразно указать в отдельной статье гипотезу этих норм, предпослав ее всем тем статьям, в которых будут изложены соответствующие правила. Так, например, была структурно построена глава VI ГК РСФСР 1922 г. (ст. 208—219, регулирующие отношения займа). Первая статья этой главы, определяя понятие договора займа, тем самым указывала на условия, при которых возникают права и обязанности, излагаемые в последующих статьях.

Аналогично этому, если нарушение диспозиций норм предполагает наступление одинаковых последствий, санкция этих норм может быть зафиксирована в отдельной статье. Иногда санкции вообще выносятся за пределы того нормативного акта, в котором устанавливаются соответствующие диспозиции. Например, санкций не содержат статьи Конституции СССР, устанавливающие право граждан участвовать в выборах или охраняющие тайну переписки. Наказание за нарушение этих правил определено в ст. 132, 133 и 135 УК РСФСР.

В результате этого оказывается, что одна правовая норма может быть выражена в нескольких статьях нормативного акта или даже в различных нормативных актах. Но имеет место и обратная структурная организация статей нормативных актов, когда в одной статье выражено несколько правовых норм. Это вполне оправдано в случаях, когда диспозиции нескольких норм совпадают в своих основных (родовых) признаках, разли-

чаясь только второстепенными (видовыми) признаками. Но нередко для такого рода объединения правовых норм отсутствуют достаточные основания. Например, многие статьи УПК РСФСР включают до 5—8 норм, приближаясь по своему объему к правовому институту (см. ст. 25, 27, 44, 107, 127, 314, 347, 380 и др. УПК РСФСР). Это затрудняет ссылки на отдельные нормы, включенные в соответствующие статьи (тем более при отсутствии цифровых или буквенных индексов), не говоря уже о том, что в одной статье могут подчас оказаться нормы, регулирующие отношения принципиально различного характера (например, в ст. 98 УПК РСФСР одновременно говорится о мерах попечения, о детях и охране имущества заключенного под стражу). Целесообразно по возможности каждую правовую норму излагать в одной статье нормативного акта [1] и указывать все

[1] Это предложение, выдвинутое нами ранее в печати, по мнению П. Е. Недбайло, неприемлемо, так как, во-первых, к примеру, ст. 407 ГК УССР содержит два правила, которые «взаимно обусловливают и дополняют друг друга», и, во-вторых, «нельзя, например, требовать чтобы в конституции формулировалась не только воинская обязанность граждан СССР, но и перечислялись формы уклонения от нее и виды ответственности (санкции) за это».

Однако первый довод не может быть принят, поскольку не все то, что обусловливает и дополняет друг друга, обязательно должно содержаться в одной статье. Такое решение вопроса не облегчало бы, а, наоборот, осложняло бы применение правовых норм. Что же касается второго довода, то в нем речь идет о различных правилах, и поэтому их следует не объединять, а именно излагать в различных статьях.

Критическое замечание П. Е. Недбайло может быть принято лишь в том смысле, что не во всех без исключения случаях следует в одной статье нормативного акта излагать одну правовую норму. Ясно, что это невозможно (в противном случае вообще не было бы смысла проводить различие между правовой нормой и статьей нормативного акта). Но едва ли кто-либо станет отрицать целесообразность соответствия статьи нормативного акта правовой норме в тех случаях, когда это соответствие может быть достигнуто и окажется полезным для практики реализации соответствующих предписаний. Поэтому представляется неубедительным утверждение П. Е. Недбайло о том, что несовпадение норм права со статьями закона «диктуется жизнью» (*П. Е. Недбайло.* Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959, стр. 59—60, примечание). Дезориентирует правотворческую практику и аналогичное заявление А. С. Пиголкина о том, что статьи нормативных актов «не могут совпадать с логической структурой нормы» (*А. С. Пиголкин.* Нормы советского права и их толкование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1962, стр. 8).

те исключения из этого правила, которые диктуются рациональностью структуры нормативного акта в целом.

Статьи нормативных актов формулируются в виде, предписывающем субъектам правовых отношений определенный вариант (варианты) поведения либо признающим обязательную силу лишь за одним или несколькими вариантами из всех возможных. В этих случаях можно было бы в принципе путем перечня установить объем тех вариантов, которые являются обязательными или имеют юридическое значение. Однако практически этот путь оказывается менее всего целесообразен, так как требует перечисления нередко значительного количества случаев нежелательного поведения. Так, ст. 49 УПК РСФСР перечисляет шесть случаев, когда участие защитника в судебном разбирательстве обязательно. Но можно было бы перечислить случаи, когда участие защитника возможно, но не обязательно, оговорив, что при всех других обстоятельствах его участие обязательно. Однако вряд ли возможно дать исчерпывающий перечень таких случаев, а это неизбежно привело бы к неопределенности и тех случаев, когда участие защитника обязательно. Ст. 18 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию перечисляет 17 случаев сохранения непрерывного стажа при переходе рабочих и служащих на другую работу. Но и этот перечень не является исчерпывающим[1]. В данной статье (и других подобных статьях), очевидно, целесообразнее было бы вместо перечисления случаев сохранения непрерывного стажа указать на те обстоятельства, когда этот стаж прерывается, что значительно сократило бы объем соответствующих правовых предписаний и, следовательно, облегчило бы их использование. Более того, поскольку непрерывный трудовой стаж, как правило, прерывается при неоправданном переходе с одного места работы на

[1] См., например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1960 г. «О пособиях по временной нетрудоспособности рабочим и служащим, ушедшим с предыдущей работы по собственному желанию»; разъяснение Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы от 6 марта 1958 г. «О непрерывном трудовом стаже для назначения пособий по социальному страхованию и надбавок к пенсиям» и другие нормативные акты, в которых предусматриваются дополнительные случаи сохранения непрерывного стажа.

другое (вывод об этом можно сделать хотя бы по перечню условий, при которых непрерывный стаж сохраняется), такая формулировка в большей мере отвечала бы политике Советского государства в этой сфере правового регулирования и тем самым имела бы более эффективное воспитательное значение.

В тех случаях, когда нельзя обойтись без перечисления, следует добиваться, чтобы оно носило исчерпывающий характер. Если же исчерпывающий перечень дать невозможно, нужно привести примерный перечень, который поможет правильнее понять смысл того или иного положения. При этом руководствоваться примерным перечнем следует осторожно, не расширяя его содержания, в противном случае при применении таких актов неизбежно будут возникать ошибки.

Более совершенным, как правило, является метод общих положений, обобщенных формул. Однако отрицательной стороной этого метода является то, что при отсутствии разумной степени абстрагирования он может превратить статью нормативного акта в формулу, лишенную конкретного содержания, охватывающую и такие отношения, которые законодатель не имел намерения регулировать вообще или во всяком случае данной статьей [1]. Поэтому, формулируя постановления той или

---

[1] В буржуазной правотворческой практике также применяются как обобщенный, так и перечневой метод изложения предписаний нормативных актов. Однако использование этих методов нередко доводится до крайностей в зависимости от классово-политических целей того или иного правового предписания. В тех случаях, когда буржуазия менее всего заинтересована в применении правовых предписаний в точном и строгом соответствии с их текстом, они формулируются в такой абстрактной форме, что любое поведение трудящихся может быть легко подведено под их действие (и наоборот). Ганс Долле вынужден в этой связи признать: «Если мы рассматриваем современный закон, то видим, что его положения, если можно так выразиться, являются абстрактными, «массовыми правилами», не имеющими никакого отношения к конкретно-историческому». Автор далее проговаривается, указывая, что использование абстрактных и схематических норм необходимо для того, чтобы навлечь на мысль о равенстве всех перед законом. Это вместе с тем «повязывает платком глаза юстиции, чтобы ничто не отвлекало ее взора при отыскании правильного решения» (*Hans Dölle.* Vom Stil der Rechtssprache. Tübingen, 1949, S. 22, 27).

В тех случаях, когда буржуазные законы направлены против прогрессивных деятелей и организаций, их предписания характеризуются исключительной точностью, ясностью и циничной откровен-

иной статьи, необходимо не только определять пределы абстрагирования, но и в надлежащих случаях прибегать к методу перечисления, особенно при тех условиях, когда возможно дать не примерный, а исчерпывающий перечень конкретных случаев, фактов или действий [1]. Во всяком случае статья нормативного акта не должна оставлять сомнений относительно того, является ли ее перечень исчерпывающим или только примерным.

В юридической литературе нормы права иногда делятся на определенные, отсылочные и бланкетные [2]. Однако и в данной классификации допускается смешение понятий нормы права и статьи нормативного акта, поскольку эта классификация относится к структурным особенностям, конструкции, способам изложения лишь статей нормативных актов.

Определенными статьями являются те, в которых непосредственно изложено содержание диспозиций нормы права. Таково подавляющее большинство статей всех отраслей права. Отсылочные статьи, чтобы не загромождать текст нормативных актов излишними повторениями положений, изложенных в других статьях, содержат указание на них. Например, ст. 72 и 73 УК РСФСР ограничиваются только изложением содержащихся в этих нормах правил, а санкции за их нарушение установлены соответственно в ст. 64—71 и 64—72 УК РСФСР. Таким образом, любая отсылочная статья может быть превращена в определенную путем включения в ее текст содер-

---

ностью. В этом отношении одним из многих весьма показательных примеров является принятый конгрессом США (23 сентября 1950 г.) архиреакционный закон Маккарена — Вуда, который с педантичной точностью указывает на все мельчайшие формальные требования о привлечении к ответственности и наказании лиц, признанных или подозреваемых «виновными в подрывной деятельности» («International Security Act of 1950».— «United States Code», vol. 2, Supplement IV, Title 50, p. 2520).

[1] Поэтому нельзя согласиться с категоричностью утверждения М. Гродзинского о том, что «для полной и четкой формулировки содержания закона необходимо, чтобы оно было изложено в общих выражениях, охватывающих все относящиеся сюда случаи, а не в виде перечня, при котором некоторые из этих случаев иногда могут оказаться непредусмотренными» (*М. Гродзинский.* Об усовершенствовании законодательной техники. — «Социалистическая законность», 1957, № 1, стр. 14).

[2] См., например, «Теория государства и права». М., 1962. стр. 439.

жания тех частей других статей, к которым делается отсылка.

Очевидно, такой метод изложения норм права в статьях нормативных актов допустим лишь в разумных пределах. В ряде случаев он может способствовать освобождению нормативных актов от повторений, значительному сокращению их объема, существенно не усложняя процесса их понимания и применения. Однако неоправданно большое число отсылок неизбежно влечет за собой значительные неудобства. Поэтому следует ограничиваться действительно целесообразным минимумом отсылок, дающим существенный эффект в сокращении объема нормативных актов и не затрудняющим пользование ими. В некоторых случаях можно воспользоваться компромиссным решением: например, ст. 10 УК РСФСР, в которой говорится об ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте от 14 до 16 лет, содержит отсылки к двадцати одной статье УК. Поэтому во избежание существенных затруднений в понимании и применении данной статьи законодатель не ограничился указанием на номера статей, к которым дается отсылка, но также привел названия соответствующих составов преступлений. Такое решение вопроса представляется вполне целесообразным, ибо позволяет даже неспециалистам сразу же уяснить, что в данной статье устанавливается ответственность лишь за те действия, преступный характер которых должен быть очевиден и для указанной категории лиц.

В ГК РСФСР сведены до минимума взаимные отсылки в различных статьях, а в целях ограничения Кодекса лишь наиболее стабильными нормами широко использованы отсылки к текущему законодательству[1] (см. ст. 13, 24, 31, 33, 34, 37, 42, 43, 44, 96, 112 и многие другие). При составлении нового Кодекса были учтены недостатки структурного характера, обнаруженные в практике применения ГК РСФСР 1922 года. Общеизвестно, например, какие трудности возникали на практике при применении ст. 147 ГК РСФСР[2]. Эта статья, уста-

---

[1] См. *О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой.* Новый гражданский кодекс РСФСР.— «Правоведение», 1964, № 3, стр. 7.

[2] Обзор практики по этой статье см.: *В. А. Рясенцев.* Лекции на тему: «Сделки по советскому гражданскому праву». ВЮЗИ, 1951.

навливая, что в случае недействительности договора, как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства, ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, делала отсылку к ст. 30 ГК РСФСР, разъясняющей, что недействительной является сделка, которая совершена с целью, противной закону, или в обход закона, а равно сделка, которая направлена к причинению явного ущерба для государства.

Ссылка в ст. 147 ГК РСФСР давала формальное основание считать эту статью санкцией ст. 30 ГК РСФСР. Но противоречие закону имеет место и тогда, когда сделка совершена под влиянием обмана, угрозы, насилия или когда она совершена на явно невыгодных условиях для одной из сторон. Противозаконной является и сделка, совершенная без соблюдения установленной формы. Однако в этих и некоторых других случаях недействительность сделок вызывала не те последствия, которые предусмотрены ст. 147 ГК РСФСР. Неудачно примененная ссылка, таким образом, не разъясняла смысл ст. 147 ГК РСФСР, а, наоборот, затрудняла ее понимание и применение на практике.

Не следует давать отсылки к тем актам, которые еще не приняты. В этих случаях они могут оказаться беспредметными. Например, в примечании ст. 196 ГК РСФСР 1922 г. устанавливалось, что «при купле-продаже определенных пород скота, перечисленных в особой инструкции Народного комиссариата земледелия и Народного комиссариата юстиции, продавец отвечает только за коренные недостатки, указанные в упомянутой инструкции». Однако такая инструкция, к которой отсылает это примечание, не издавалась.

Бланкетные статьи также не содержат в своей структуре полного изложения норм права, но указывают на другие предписания, которые изданы или могут быть изданы. И этим последним обстоятельством они отличаются от отсылочных статей. Если любую отсылочную статью можно сформулировать как определенную, включив в нее соответствующие части других норм, то с бланкетной статьей этого сделать нельзя, ибо такие части могут еще и не существовать (например, правила по технике безопасности во вновь создаваемых отраслях промышленности).

Специального рассмотрения требует вопрос о допустимости примечаний в структуре нормативного акта. Как известно, примечания используются в действующем законодательстве довольно широко, их много и в текущем законодательстве, и в таких стабильных актах, как кодексы. В советской юридической литературе высказано мнение о недопустимости их применения в правовых актах. По мнению И. Д. Брауде, в нормативном акте не должно быть места для примечаний, поскольку самый термин «примечание» может быть стилистически понят как указание на малое правовое значение его. А придавать такое правовое значение даже исключениям из правила нельзя»[1]. С такой категоричностью отрицания примечаний в праве согласиться нельзя. Действительно, советское законодательство знает ряд неудачно примененных примечаний. Например, в УК РСФСР 1926 г. в форме примечания было выражено принципиально важное для всего уголовного законодательства и практики его применения положение о том, что не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части данного Кодекса, но из-за явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного. Помещение этого предписания в примечании было неправильным как с точки зрения существа дела, так и с точки зрения структуры нормативного акта. Поэтому в новом УК РСФСР это предписание изложено в виде самостоятельной (второй) части ст. 7.

Отказавшись от применения такого рода примечаний, мы достигнем равноценного значения всех правил, включаемых в нормативный акт, и тем самым будем способствовать всестороннему усвоению и правильной реализации этих правил в полном соответствии с требованиями социалистической законности. Правда, введением примечаний уменьшается число статей и создается видимость «краткости» нормативного акта. Но краткое изложение нормативного акта должно определяться внутренним содержанием его, а не внешним признаком количества статей[2]. Недопустимо также размещать в одной

---

[1] *И. Д. Брауде.* Очерки законодательной техники. М., 1958, стр. 68.

[2] См. *С. Перетерский.* Техника оформления кодекса.— «Проблемы социалистического права», 1939, № 1, стр. 111, 113.

статье несколько примечаний, как это имеет место, например, в ст. 1 КЗоТ РСФСР, имеющей 10 примечаний (устанавливающих исключения из правила данной статьи). В этих случаях затрудняется понимание смысла предписания статьи и отыскание нужного положения.

Однако совершенно неоправданным был бы полный отказ от примечаний в нормативных актах, поскольку в их форме можно удобно разместить те или иные указания, не имеющие принципиального значения. Например, примечание к ст. 12 ГК РСФСР 1922 г. указывало, что правила производства о признании безвестно отсутствующим и умершим изложены в ст. 106—114 Положения о государственном нотариате РСФСР [1]. УК РСФСР разъясняет, например, в примечании понятие должностного лица (ст. 170) и др. Но не следует в примечании излагать важные правовые положения. Например, в примечаниях к ст. 89 и 144 УК РСФСР разъясняется такое важное понятие, как повторность преступления. Очевидно, что целесообразнее было бы включить их в Общую часть Уголовного Кодекса в качестве самостоятельных статей главы III («О преступлении»). То же относится и к ст. 24 УК РСФСР, посвященной вопросам лишения свободы, в примечаниях которой разъясняется понятие особо опасного рецидивиста [2].

Анализ структуры нормы права и ее соотношения со структурой статьи нормативного акта позволяет перейти к рассмотрению более сложных структур правовых образований — института права, отрасли права и нормативного акта. Однако, поскольку проблемы системы института и отрасли права входят в предметы соответствующих специальных юридических наук, постольку и их структуры разрабатываются (или должны разрабатываться) этими науками. Что же касается структуры нор-

---

[1] Новый ГК РСФСР (вслед за Основами гражданского законодательства) полностью отказался от использования примечаний. См. по этому поводу: *О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой.* Новый гражданский кодекс РСФСР. — «Правоведение», 1964, № 3, стр. 6.

[2] УПК РСФСР разъясняет понятия, содержащиеся в нем, не в примечаниях, а в ст. 34. И это оправдано специфическим назначением данного кодекса: установить единый порядок судопроизводства по всем уголовным делам для всех органов суда и прокуратуры, предварительного следствия и дознания, что предполагает, в частности, введение единой терминологии в судопроизводстве.

мативного акта, то ее анализ составляет заботу общей теории права, поскольку имеет всеобщее значение в независимости от содержания регулируемых тем или иным актом общественных отношений. Более того, один и тот же нормативный акт, как известно, может содержать положения, предписания, относящиеся к различным отраслям права. Ясно, что такое «разделение труда» целесообразно не с точки зрения его экономии, а диктуется квалифицированностью его выполнения.

Касаясь же значения этой проблемы, И. С. Самощенко пишет: «Для социалистического государства характерна гораздо более разветвленная система нормативных актов, чем для государств предшествующих типов. Поэтому разработка вопроса о структурных закономерностях построения этой системы очень важна» [1].

В отличие от системных структур структура нормативного акта носит субъективный характер и именно поэтому требует особенно тщательной разработки правил наиболее рационального размещения, распределения общих предписаний, статей и иных частей в их единой внутренней организации. Как было показано выше, в нашей практике правотворчества деление нормативного акта на статьи нередко производится без соблюдения твердых правил, положенных в основу этого деления. В результате этого имеют место отмеченные и многие другие недостатки в структурной организации нормативных актов. Очевидно, что установление строгих и четких правил, предъявляемых к составлению структуры нормативных актов в целом и их составных частей, исключит неоправданный разнобой в их организации, будет способствовать логически стройному изложению правового материала в каждом из них и тем самым поможет быстро ориентироваться в их содержании, облегчит усвоение и пользование ими в практике правореализующей деятельности [2].

---

[1] *И. С. Самощенко.* Некоторые вопросы учения о нормативных актах социалистического государства. — «Вопросы современного развития советской юридической науки». Научная конференция, посвященная 50-летию советского государства и права. Ленинград, 5—7 июня 1968 г. Тезисы докладов. Л., 1968, стр. 19.

[2] Не случайно в литературе неоднократно указывалось на целесообразность выработки единых правил подготовки проектов

Обобщая правотворческую практику, нам хотелось бы высказать мнение о составных элементах нормативного акта. Представляется, что в акте должно быть:

1. Указание органа, принявшего нормативный акт, и формы выражения нормативного акта. Тем самым определяется юридическая сила нормативного акта, отличие его от ненормативных предписаний [1].

2. Название нормативного акта. Правильное, четкое и ясное формулирование названия акта позволяет легко определить разрешаемый им круг вопросов [2]. В тех случаях, когда трудно избежать длинного названия акта, целесообразно к каждой его части (даже для каждой статьи) [3] вводить подзаголовки (тем самым в общем наименовании акта отразить лишь главное, основное, наиболее существенное).

3. Вводная часть (преамбула) нормативного акта, в которой в зависимости от характера самого акта дается политическая, экономическая и иная характеристика периода его издания, раскрывается социальное значение регулируемых отношений, анализируется неудовлетвори-

---

законов и других нормативных актов, издаваемых государственными органами. См., например, *В. Н. Суходрев.* О некоторых вопросах теории и практики систематизации советского законодательства.— «Советское государство и право», 1960, № 8, стр. 101; «Законодательная техника». Л., 1965, стр. 44, 53.

[1] Известно, что в практике деятельности советских государственных органов нередко в одной и той же форме выражаются как нормативные, так и ненормативные акты. Отметим в этой связи, что если в нормативных актах допустимо по соображениям оперативности их исполнения включать в определенных случаях ненормативные указания, то в ненормативные акты недопустимо включать нормативные предписания, что по известным причинам противоречило бы демократизму советского правотворчества, повлекло бы за собой нарушение требований социалистической законности.

[2] Любопытно отметить, что еще в 1896 г. в Англии был принят специальный закон о кратких названиях законов, которым было предусмотрено официальное наделение законодательных актов краткими названиями (см. *С. Л. Зивс.* Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960, стр. 141). Однако неоправданное стремление к краткости названия закона приводит иногда к курьезам. В 1935 г. в Англии, например, был принят закон «О замужних женщинах и правонарушителях».

[3] Наименование статей введено, например, в действующих УК и УПК РСФСР, что значительно облегчило пользование данными кодексами.

тельность действия ранее принятых правовых предписаний, излагаются условия, мотивы, задачи и цели нового регулирования отношений и т. д.[1]

4. Постановляющая часть нормативного акта, содержащая юридически обязательные предписания. Излагаются эти предписания различно в зависимости от их характера и назначения. Нередко в постановляющую часть акта включаются и ненормативные указания (особенно в акты органов управления), что способствует оперативности исполнения нормативных предписаний[2].

5. Последствия несоблюдения предписаний нормативного акта и порядок ответственности, которые зависят от природы нарушенного акта и характера его несоблюдения.

6. Отмена других нормативных актов или их отдельных предписаний. Как известно, всякий новый нормативный акт, принятый соответствующим компетентным органом, отменяет, если иное не предусмотрено, все другие действующие акты того же или нижестоящего органа, которые противоречат его предписаниям. Для того чтобы в практике применения нового нормативного акта не возникали затруднения, не следует ограничиваться общим указанием об отмене ранее действовавших («ранее принятые по данному вопросу акты считать утратившими силу»), а давать исчерпывающий перечень отменяемых актов.

7. Дата принятия нормативного акта, время вступления его в силу и определение территории и круга лиц, на которых он распространяется. Все эти вопросы, как известно, детально урегулированы действующим законодательством[3].

8. Подписи соответствующих должностных лиц, которые придают нормативному акту официальный характер.

---

[1] Разумеется, в каждом акте все это не указывается, а указывается лишь то, что признается необходимым правотворческим органом.

[2] Однако излагать ненормативные указания целесообразнее в самостоятельных пунктах, статьях и параграфах, отдельно от нормативных предписаний, что не только улучшит структуру нормативных актов, но и облегчит их систематизацию.

[3] См. «Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1958, № 10, ст. 510; «Ведомости Верховного Совета СССР», 1958, № 14, ст. 275; СП СССР, 1959, № 6, ст. 37.

Таковы основные элементы структуры нормативного акта [1]. В ряде случаев элементами структуры нормативного акта являются также ссылки, примечания и приложения. Однако отнюдь не все отмеченные элементы обязательны для структуры каждого акта. Некоторые из них могут отсутствовать в силу тех или иных причин (например, в кодексах отсутствуют преамбулы, поскольку само издание их свидетельствует о стремлении законодателя свести воедино, систематизировать действующее законодательство, улучшить правовое регулирование соответствующих общественных отношений, укрепить социалистическую законность; в тех актах, которые регулируют вновь возникшие отношения, естественно, не может быть и указаний об отмене ранее действующих актов и т. д.) [2].

В заключение необходимо остановиться на общих проблемах структуры систематизации законодательства.

Систематизация законодательства, как известно, осуществляется на основе исторически сложившейся системы права. Однако отсюда вовсе не следует, что система права и систематизация законодательства — понятия тождественные. В отличие от системы права систематизация законодательства — рациональное правовое образование, зависящее от законодателя, тех задач и целей, которыми он руководствуется при упорядочении правовых установлений. В истинности данного положения можно легко убедиться, если вспомнить, например, что отрасль гражданского права отнюдь не поглощается гражданскими кодексами, а система советского права включает отрасль административного права, хотя оно до сих пор у нас не кодифицировано.

Таким образом, структурные организации системы права и систематики законодательства отнюдь не совпадают. Если структура системы права относительно устойчива и стабильна в силу объективных причин, ее порождающих, то структурная организация систематики законодательства подвижна и изменчива, поскольку за-

---

[1] См. *А. А. Федосеев.* Нормативные акты Советского государства и формы их выражения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1964, стр. 9.

[2] Более подробно см.: *D. A. Kerimow.* Fragen der Gesetzgebungstechnik. Berlin, 1958; *его же.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962; «Законодательная техника». Л., 1965.

висит от субъективных потребностей, связанных с текущими задачами практики социалистического строительства. Так, структурная организация системы права необходимо предполагает не только объединение всего количества составляющих его частей, но и последовательность их расположения (государственное право, административное право, хозяйственное или гражданское право и т. д.), определенные связи между ними (например, связи гражданского права и гражданско-процессуального права и др.).

В отличие от этого структура систематики права может быть организована путем объединения не всех, а лишь отдельных его частей (например, при систематике лишь конституционного и государственного законодательства), которые могут быть расположены в произвольно избранной последовательности и без строго определенной связи между собой (например, по датам издания соответствующих актов или степени их юридической силы). Тем не менее систематизация законодательства в основном определяется системой права и, следовательно, в конечном счете характером тех отношений, которые регулируются данным законодательством. Поэтому неправ Я. Ф. Миколенко, который пишет, что у юристов «создается такое впечатление, будто система права распадается на отдельные области, регулируемые правом общественные отношения... в действительности такого соответствия нет, ввиду чего систематизацию законодательного материала следует проводить лишь в соответствии с характерными особенностями, коренящимися в правовом материале»[1]. Отрицая объективную основу системы права и систематизации законодательства, он тут же пишет, что при дополнении критерия предмета регулирования методом появляется возможность произвольного отнесения норм права к той или иной отрасли права[2]. Но при условии рассмотрения метода правового регулирования именно и лишь как дополнения критерия предмета, в конечном счете от него зависящего, не появляется, а, наоборот, исключается возможность произвольного отнесения соответствующей правовой нормы

[1] *Я. Ф. Миколенко.* О системе имущественных отношений и их правовом регулировании. — «Советское государство и право», 1960, № 3, стр. 85.

[2] См. «Советское государство и право», 1960, № 3, стр. 86.

к той или иной отрасли права. Отрицая же значение общественных отношений как основы, критерия деления права на отдельные отрасли, сам Я. Ф. Миколенко создает возможность субъективизма в решении вопросов как системы права, так и систематики законодательства.

Общественные отношения служат основой классификации отраслей права только при учете именно тех их качеств, которые имеют определенное значение для их правового опосредствования. Для системы права важно не всякое подразделение общественных отношений, а лишь такое их обособление, которое существует по отношению к праву, к средствам юридического воздействия на них. Поэтому бесплодны были попытки определить отрасли права в зависимости или от деления отношений на материальные и волевые, или от их деления по сферам хозяйства и культуры, или в зависимости от их субъектов. И это детерминировано тем простым обстоятельством, что конкретные общественные отношения становятся предметом самостоятельной отрасли права не сами по себе, а лишь в случае, когда в силу некоторых своих свойств (иногда и не столь существенных) их правовое регулирование может быть осуществлено при помощи специфических юридических средств, обладающих некими общими чертами. Например, единые по сфере хозяйства и субъекту (государственная социалистическая промышленность) отношения распределения промышленной продукции могут быть подразделены на отношения, подпадающие под действие закона стоимости и выходящие из его сферы.

Такая классификация имеет особое значение, в частности, для правотворческой деятельности и правовой науки, поскольку дает возможность применять в одном случае гражданско-правовые, а в другом — административно-правовые средства воздействия. Вместе с тем к иным отношениям, подпадающим под действие закона стоимости, например к имущественным отношениям между отдельными гражданами, можно и необходимо применить метод регулирования гражданского права. Таким образом, в силу определенных своих реальных свойств одинаковые по сфере хозяйства и по субъектам отношения оказываются для правового воздействия различными, в то время как разные по сфере и субъектам отношения оказываются для права едиными и зако-

нодатель применяет к ним обычно одни и те же средства регулирования.

При кодификации немыслимо отвлечься от указанного свойства имущественных отношений, несмотря на то что сама по себе эта грань в известной мере подвижна. При инкорпорации также следует учитывать разницу между нормами гражданского и административного права, хотя в определенных практических целях можно и несколько отойти от их объективной грани [1].

Отсюда, однако, не вытекает вывод, к которому приходит Л. С. Явич: *«Кодификация законодательства тем совершеннее, чем больше она соответствует действующей системе права»* [2]. Конечно, кодификация законодательства, как правило, проводится в соответствии с существующей системой права. Но это вовсе не исключает возможности, а порой и необходимости осуществления межотраслевой, комплексной кодификации действующего законодательства, которая может быть отнюдь не менее совершенна, чем отраслевая кодификация. Дело здесь лишь в том, насколько квалифицированно осуществлена кодификационная работа. Поэтому не прав Л. С. Явич, полагая, что совершенство кодификации зависит от степени ее соответствия системе права.

Из приведенных соображений вытекает иной вывод, а именно: чем выше вид систематизации законодательства, тем в большей мере она соответствует существующей системе права. Иначе говоря, в отличие от инкорпорации кодификация законодательства обычно ближе подходит к системе права или даже совпадает с ней. И в этом случае структурные организации системы права и систематики законодательства могут достигнуть тождества.

Развитие регулируемых правом социалистических общественных отношений, их постепенное преобразование в коммунистические отношения обусловливают совершенствование советского права, его системы, а также структуры, систематики законодательства и форм его внешнего выражения.

---

[1] См. «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 246—248; «Законодательная техника», стр. 104—106.

[2] «Теоретические вопросы систематизации советского законодательства», стр. 241.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ В ПРАВЕ

§1. Понятие действительности и возможности в праве

С помощью материалистической диалектики, категорий действительности и возможности осуществляется проникновение в глубинные пласты сущности права, выявляются связи и зависимости развивающейся правовой системы, выясняется, в какой степени её прошлое детерминирует настоящее, а настоящее — будущее. Это содействует познанию закономерностей развития правовых явлений, определению цели и механизма правового регулирования соответствующих отношений, научному предвидению, прогнозированию и планированию основных направлений эффективного воздействия права на прогрессивное общественное движение.

Право как определенная система правовых норм, действующих в обществе, является объективной реальностью. Но не все реально существующие правовые нормы реализуются. Нужно отличать существование правовых норм от их действия. В связи с этим представляется, что под действительностью права (в узком смысле) следует понимать лишь ту совокупность (систему) его норм, которые, отражая потребности общественной жизни, реализуются, определенным образом регулируют соответствующие общественные отношения. Только с учетом этого можно понять истинную природу той или иной

системы права, объективный процесс ее развития, роль в социальной жизни, механизм правового регулирования общественных отношений и т. д.

Аналогичным образом следует понимать и правовое сознание, которое всегда является результатом истинного или ложного отражения, представления, суждения о том, каким было, есть или должно быть право, как оно осуществляется или должно осуществляться [1].

Однако правовое сознание может быть истинным или ложным не только в зависимости от истинности или ложности самого права, но и от того, насколько правильно понята его природа. Следовательно, само право и суждение о нем нельзя отождествлять не только в онтологическом аспекте, но и в аспекте гносеологическом. Но независимо от того, правильны или неправильны наши суждения о праве, они всегда реально существуют, хотя далеко не всякое правовое суждение является действительным, т. е. воздействующим на правовую жизнь.

Богатство и многообразие сторон объективного мира раскрываются в процессе его развития не только в явлениях, реально существующих в действительности, но и в тех явлениях, которые могут или должны наступить. Развивающаяся действительность именно в силу того, что она развивается, не может быть чем-то статически единообразным; она порождает многочисленные и разнообразные возможности, судьба каждой из которых зависит от объективных закономерностей и сложившейся в данный момент конкретно-исторической ситуации. Возможность, предшествуя новой действительности, превращается в нее при наличии соответствующих условий. Следовательно, действительность и возможность едины, находятся в диалектическом взаимодействии между собой.

Отражая объективное развитие классового общества, право постоянно движется и изменяется, переходит от старого к новому состоянию. Этот закономерный процесс осуществляется через реализацию правовой возможности, которая потенциально содержится в социальной действительности в виде предпосылки, тенденции ее

---

[1] См. *А. Пионтковский.* К методологии изучения действующего права.— «Ученые записки ВИЮН», вып. VI, стр. 30—34.

развития. Именно развитие социальной действительности ставит вопрос о необходимости возникновения, изменения или отмены правового регулирования соответствующих общественных отношений и тем самым является причиной, порождающей правовую возможность, а затем и ее реализацию, превращение в действительность правовой жизни.

Правовая возможность является лишь потенцией социальной действительности. Однако правовая возможность неразрывно и органически связана с социальной действительностью, будучи ее продуктом, свойством, стороной, моментом развития. Она характеризует состояние данной действительности с учетом ее движения и изменения, является «промежуточным звеном» между существующей действительностью и ее будущим состоянием[1].

При анализе категории правовой возможности следует отличать два взаимосвязанных аспекта проблемы: возможность создания того или иного правового акта (или правовой нормы) и возможность того или иного варианта, пути, метода его практического осуществления. Тем самым обнаруживается процесс превращения пра-

---

[1] В буржуазной правовой теории широко распространен взгляд, согласно которому в отличие от всех наук, познающих «сущее», особенностью правоведения является изучение лишь «должного». Русский криминалист С. П. Мокринский писал: «Не каузальная оценка права, как явления социальной жизни, но само право, как таковое, нормативная природа права составляет предмет юриспруденции. Юрист изучает право, не как явление сущего, не как частицу реальной действительности, а как нечто, лежащее вне действительности, относящееся к совершенно иной сфере человеческого сознания,— как непосредственное выражение должного» (*С. П. Мокринский.* Система и методы науки уголовного права. СПб., 1906, стр. 3—4; см. также *H. Kelsen.* Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911, S. IV.—«Reine Rechtslehre». Wien, 1960). Несостоятельность этих взглядов показана во многих работах представителей марксистско-ленинской теории права. Так, А. А. Пионтковский пишет, что «между «сущим» и «должным» нет непроходимой пропасти. «Сущее» и «должное» находятся в диалектическом единстве. «Сущее» порождает «должное» и «должное» превращается в «сущее». Связь «должного» и «сущего» в общественном развитии есть в логическом смысле взаимоотношение «возможности» и «действительности». Должное, имеющее опору в сущности, есть реально возможное. Оно в результате практической деятельности людей превращается в действительность. Общее решение вопроса о связи «сущего» и «должного» в общественном развитии имеет непосредственное отношение и к праву» (*А. Пионтковский.* К методологии изучения действующего права.— «Ученые записки ВИЮН», вып. VI, стр. 25).

вовой возможности в действительность. Первоначально правовая возможность возникает как предпосылка создания правового установления (правотворчество) — лишь первая стадия превращения возможности в действительность, поскольку вслед за этим наступает период действия самого права, регулирование соответствующего общественного отношения (правореализация). Поэтому само право с точки зрения интересующих нас в данном случае диалектических категорий может рассматриваться как действительность, поскольку оно является уже существующим, объективным, действующим, и как возможность — до той поры, пока оно не реализовалось в практическом регулировании общественных отношений.

Итак, правовая возможность, будучи предпосылкой права и его реализации, является продуктом развивающейся социальной действительности, тех ее факторов, связей и отношений, которые потенциально предполагают соответствующее правовое регулирование.

Правовая возможность, следовательно, имеет сложную природу. С одной стороны, она характеризует существующую систему права, а с другой — связь данной системы с условиями ее существования. Именно это обстоятельство обусловливает и то, что правовая возможность вовсе не является неизменной, она развивается и изменяется вместе с развитием и изменением социальной действительности, которая обладает многочисленными признаками, свойствами, чертами и содержит в себе не только разные, но и противоположные возможности.

Действительная жизнь, действительная история, как отмечал В. И. Ленин, включает в себя различные тенденции [1], которые порождают, в частности, правовые возможности, нередко несовместимые, прямо исключающие друг друга. Тем самым социальная действительность не только создает условия для борьбы противоположных правовых возможностей, но и в зависимости от результатов этой борьбы, в зависимости от ряда как объективных, так и субъективных факторов, детерминирует свое развитие. Социальную действительность нельзя понимать лишь как то, что необходимо и закономерно [2]. Если бы она состояла только из необходимого и закономерного,

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

[2] См. *А. Е. Фурман.* Материалистическая диалектика. М., 1969, стр. 84.

то ее развитие приобрело бы вид фатальной неизбежности, при которой значение субъективного фактора свелось бы к нулю. Но дело, как известно, обстоит значительно сложнее. Социальная действительность включает в себя также и случайное, а поэтому и незакономерное. Одна из функций права в том и состоит, что, отражая необходимое (а не вообще действительное), она «охраняет» его от случайного, ограничивает влияние случайного на закономерное развитие действительности, тем самым способствует наиболее благоприятному развитию необходимого. Это достигается путем использования в праве закономерностей, действующих в социальной действительности.

В связи с этим следует различать реальные и формальные, общие (абстрактные) и конкретные, необходимые и случайные правовые возможности.

Правовая возможность реальна лишь в том случае, если она соответствует социальной действительности. Отрыв от фактов действительности, пренебрежение предпосылками ее развития, непонимание реальных взаимосвязей и отношений правовой жизни превращают правовую возможность в фикцию, лишенную объективного содержания. Такая формальная правовая возможность по существу есть невозможность, поскольку она, как правило, не осуществляется [1].

Однако формальную правовую возможность не следует отождествлять с абстрактной правовой возможностью [2], которая фактически, реально существует в социальной действительности в виде наиболее общей тен-

---

[1] Поскольку в обоснование существования формальной возможности приводятся лишь формальные основания, постольку вероятность ее превращения в действительность ничтожна. Это достаточно ясно выразил Гегель (см. *Гегель.* Соч., т. I, стр. 241).

[2] Между тем в философской литературе формальная возможность отождествляется с абстрактной (см. «Основы марксистско-ленинской философии», стр. 147). При этом абстрактная (формальная) возможность в свою очередь отождествляется с невозможностью, которая, как пишет, например, М. Н. Руткевич, *«противоречит законам природы и общественной жизни»* и существует «лишь в фантазии людей» (*М. Н. Руткевич.* Диалектический материализм, стр. 541).

А. Е. Фурман, конкретизируя это положение, отмечает: «Невозможность может носить и абсолютный, и относительный характер. Абсолютно невозможно все то, что противоречит объективным законам природы и общества... Относительная невозможность есть не-

денции ее развития, отдаленной предпосылки ее будущего преобразования. Всякая абстрактная правовая возможность уже в силу того факта, что она является возможностью, обладает известной долей реальности, равно как и всякая реальная правовая возможность, поскольку она еще не есть действительность, в известном смысле является абстрактной. С другой стороны, абстрактная правовая возможность при отсутствии достаточных условий может исчезнуть, ликвидироваться, но также может со временем превратиться и в конкретную. Степень зрелости всякой возможности различна. Общая (абстрактная) правовая возможность по мере своего вызревания и создания необходимых предпосылок для реализации превращается в конкретную правовую возможность.

Следовательно, развитие действительности превращает абстрактную возможность в конкретную, которая, реализуясь, в свою очередь изменяет эту действительность [1].

возможность лишь при данных условиях (*А. Е. Фурман.* Материалистическая диалектика, стр. 85, 86). Но не все то, что противоречит законам природы и общественной жизни, является невозможным: случайное противоречит этим законам, но вовсе не является невозможностью. М. Н. Руткевич, однако, допускает, что *«формальная возможность в процессе развития может превратиться в реальную»* (*М. Н. Руткевич.* Диалектический материализм, стр. 542), а А. Е. Фурман полагает, что относительная невозможность в какой-то степени «включает в себя и возможность» (*А. Е. Фурман.* Материалистическая диалектика, стр. 86), но их нельзя отождествлять с невозможностью (которая, кстати, существует отнюдь не в фантазии людей, а является определенной характеристикой реальной действительности).

[1] Через категории возможности и действительности Гегель следующим образом показывает процесс развития: «Чтобы понять, что́ такое развитие, мы должны различать, так сказать, двоякого рода состояния: одно есть то, что известно как задаток, способность, в-себе-бытие... Если мы, например, говорим, что человек от природы разумен, то он обладает разумом лишь в потенции, в зародыше; в этом смысле человек обладает от рождения и даже в чреве матери разумом, рассудком, фантазией, волей. Но так как дитя обладает, таким образом, лишь способностью или *реальной возможностью* разума, то выходит то же самое, как если бы оно совсем не обладало разумом; последний еще не существует в нем... ибо дитя еще не способно совершать что-либо разумное и не обладает разумным сознанием. Лишь тогда, когда то, что́ человек, таким образом, есть *в себе,* становится *для него,* следовательно, когда оно становится разумом для себя, человек обладает *действительностью* в каком-нибудь отношении; лишь тогда человек действительно разумен...» (*Гегель.* Соч., т. IX. Партиздат, 1932, стр. 26—27).

Но не всякая реальная и конкретная правовая возможность является вместе с тем и необходимой. Таковой выступает лишь возможность, которая отражает закономерную тенденцию развития социальной действительности. В сущности эффективность действия права есть не что иное, как степень реализованности необходимой правовой возможности. Та же правовая возможность, которая возникает как продукт случайного стечения обстоятельств, противоречит объективному ходу общественного бытия и его естественным потребностям, является не необходимой, а случайной. Ее реализация ничего, кроме вреда, принести не может, а поэтому рано или поздно она либо отменяется, либо сама по себе отмирает.

Подобная детализация понятия возможности и классификация ее проявлений применительно к правовым явлениям имеет, на наш взгляд, важное теоретическое и практическое значение. На этой основе оказываются понятными главные направления правотворческой и правореализующей деятельности государства, задачи и цели этой деятельности в различных социально-экономических формациях. Вместе с тем такая конкретизация позволяет видеть процесс превращения правовой возможности в действительность, управлять им в целях оптимального и наиболее эффективного правового регулирования соответствующих общественных отношений.

§2. Соотношение действительности и возможности в праве

Рассмотрением понятий действительности и возможности в их проявлении в праве юриспруденция ограничиться не может. Важно вскрыть динамику их соотношения, определить процесс, стадии, механизм превращения правовой возможности в само право, а вслед за этим и пути реализации его предписаний в социальной действительности. Лишь в этом случае мы сможем с научной обоснованностью осуществлять наиболее рациональное правовое регулирование соответствующих общественных отношений, эффективно обеспечивать законность и правопорядок в жизни общества.

И в этой связи следует вновь вернуться к концепции А. А. Пионтковского и других авторов, подчеркивающих

органическое единство системы правовых норм и правоотношений в общем понятии права. Не соглашаясь с тем, что в определение права следует включать систему не только правовых норм, но и соответствующих им правоотношений, мы вместе с тем должны отметить глубокий смысл одной из сторон этой концепции, состоящей в ориентации на видение права не только в его статике, но и в динамике. Право только как возможность лишается качества средства, с помощью которого осуществляется правовое регулирование общественных отношений, обеспечивается законность и правопорядок. Жизнь права не в одном лишь его существовании, но и в его действии, функционировании, реализации. Лишь в движении права от возможности к действительности, в воплощении правовых норм в регулируемых отношениях обнаруживается его назначение, действенность. Оно обретает преобразовательную силу не само по себе, а в процессе воздействия на развитие социальной действительности, в процессе реализации в данной действительности. Основной же формой реализации правовых норм являются правоотношения (хотя и не только правоотношения), через посредство которых осуществляется практический переход правовой возможности (заключенной в правовых нормах) в социальную действительность, в жизнь.

Превращение правовой возможности в действительность нельзя себе представить вне деятельности людей, творящих и реализующих правовые акты. Но для того чтобы эта деятельность оказалась успешной, необходимо ее освещение научной теорией. Если социальная действительность изменяется и превращается в новую действительность через реализацию, в частности, правовой возможности, то и правоведение, как научная теория, должна не только отражать объективно существующую в данных условиях места и времени действительность, но и вскрывать правовые возможности, определять среди них реальные, конкретные и необходимые, указывать рациональные пути их практического перехода в действительность.

Задача марксистско-ленинского правоведения состоит, следовательно, не только в описании, комментировании, систематизации и т. д. знаний о правовой действительности, но и в логическом «вычислении» вероятности ее изменения, в научном предвидении возможностей ее раз-

вития, в исследовательском поиске наиболее рациональных путей ее совершенствования.

Мир возможного бесконечно многообразен, будущее всегда предстает перед нами в виде богатейшего спектра возможностей. В действительности же воплощается только одна возможность или несколько возможностей. Взаимоисключающие возможности могут рассматриваться как потенциально сосуществующие в действительности до тех пор, пока реализация одной из них не стала самой действительностью. Смысл правотворческой и правореализующей деятельности состоит в том, чтобы избрать ту именно возможность (или несколько возможностей), которая в наиболее полной мере отвечает интересам, целям и воле господствующего класса (или народа в целом), позволяет максимально эффективно осуществлять правовое регулирование соответствующих общественных отношений, способствовать социальному прогрессу. Этот вопрос в каждом отдельном случае решается особо в зависимости от совокупности ряда объективных и субъективных факторов, обстоятельств, ситуации каждого данного конкретно-исторического момента общественного развития.

Однако между избранием той или иной возможности для реализации в действительность и самой ее фактической реализацией — дистанция доводьно значительная[1]. Преодоление этой дистанции, т. е. превращение правовой возможности в действительность, зависит в основном от совокупности взаимосвязанных обстоятельств, а именно: а) действия определенных объективных закономерностей; б) наличия благоприятных объективных и субъективных условий; в) отбора той именно правовой возможности, которая в наибольшей степени отвечает потребностям общественного развития; г) зрелости правовой возможности для ее практической реализации; д) практической деятельности в правотворческой и правореализующей сфере.

---

[1] Э. В. Кузнецов пишет: «Какой бы степени напряженности ни достигла та или иная правовая возможность, она еще не становится от этого правовой действительностью. Для этого необходим качественный «скачок». Конкретная возможность результата не есть сам результат» (*Э. В. Кузнецов.* Категории причины и следствия в советском правотворчестве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1970, стр. 9).

Действие определенных объективных закономерностей является не только источником возникновения самой правовой возможности, но и основанием ее превращения в действительность. Но одного лишь основания еще недостаточно для перехода возможности в действительность. Необходимы также соответствующие условия, обеспечивающие этот переход. Отмечая зависимость возможности от конкретных условий, В. И. Ленин указывал, что при наличии сложных, разнообразных и противоречивых тенденций «все дело именно в том, какие условия в данный момент в данной стране налицо имеются» [1].

Зависимость каждой реальной возможности от данных конкретно-исторических условий выражает собой закономерную связь этих условий с тем явлением или событием, возможность возникновения которого она создает. Поскольку же каждая реальная возможность является своего рода совокупным выражением и проявлением главным образом внутренней специфики данных конкретно-исторических условий, постольку внутренние специфические факторы этих условий играют непосредственно решающую роль в определении характера существующих возможностей, в определении того, какая из реальных, в частности правовых, возможностей может и должна быть реализована. Вот почему как правотворческая, так и правореализующая деятельность государственных органов (или должностных лиц) может претендовать на научную обоснованность лишь в том случае, если она опирается не только на глубокое знание объективных закономерностей, но и на всесторонний учет тех конкретных условий места и времени, в которых они действуют. «Марксова диалектика, — писал В. И. Ленин, — требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации» [2].

И это понятно, поскольку объективные законы, определяя лишь основное направление, основную тенденцию, наиболее общие потребности социального развития, вовсе не исключают возникновения различных возможностей в зависимости от конкретных условий.

Поэтому, для того, чтобы превратить желаемую воз-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 195.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 13.

можность в действительность, исключая все другие возможности, для того чтобы дать простор тем законам, действие которых наиболее выгодно для общества, или ограничить действие других законов, тормозящих движение общества вперед, необходимо не только изучить требования самих объективных законов, но и тщательно проанализировать условия, в которых они действуют, использовать в практической деятельности как сами эти законы, так и конкретные условия их проявления.

Известно, например, что социалистическое народное хозяйство требует планомерного регулирования, единства цели, плана, организующего весь процесс производства и распределения. Правовые акты о планах развития народного хозяйства опираются не только на действительность, но и на те возможности, которые содержатся в этой действительности и вытекают из действия объективного закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. На первый взгляд может показаться, что действие этого закона исключает различные возможности его использования, что пропорции народного хозяйства являются неизменными, незыблемыми, что все отрасли народного хозяйства должны развиваться одинаковыми темпами. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что отраслевые пропорции складываются в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма и находятся в постоянном изменении в зависимости от конкретных потребностей общества на каждом данном этапе его развития.

Отсюда следует, что закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, обусловливая тенденцию взаимосогласованного развития отдельных отраслей, предприятий и сфер производства, обязывает устанавливать характер конкретного соотношения отраслевых пропорций в каждый данный исторический период. Поэтому в процессе создания юридически обязательного закона-плана необходимо на основе всестороннего изучения действительности и порождаемых ею возможностей определить те или иные конкретные пропорции между отдельными отраслями промышленности, между промышленностью и сельским хозяйством, между производством средств производства и производством предметов потребления, между накоплением и потребле-

нием, тесно увязать все плановые показатели между собой, установить единую органическую их связь друг с другом и т. д.

Такое познание позволяет установить в законе конкретные плановые задания, определить необходимые условия их реализации в данной конкретно-исторической ситуации, предвидеть результаты превращения соответствующих возможностей в действительность и указать на значение этого превращения для практики коммунистического строительства.

В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии указано на необходимость дальнейшего совершенствования методов планирования: «Оно должно опираться на более точное изучение общественных потребностей, на научные прогнозы наших экономических возможностей, на всесторонний анализ и оценку различных вариантов решений, их непосредственных и долговременных последствий». С плановым ведением хозяйства неразрывно связаны все успехи социалистической экономики. «От качества планирования в значительной мере будут зависеть и ее будущие достижения. Вот почему его совершенствование должно и впредь находиться в центре нашего внимания»[1].

Из сказанного вытекает, что правотворчество должно основываться на изучении и использовании тех возможностей, которые вытекают из закономерностей общественного развития, действующих при данных конкретно-исторических условиях. Задача в том и состоит, чтобы глубоко и всесторонне изучить состояние общественного бытия в тот именно период, когда осуществляется правотворчество или реализация права. Нельзя думать, что во всех случаях правотворческие органы обладают достаточными сведениями о сущности и характере тех общественных отношений, которые подлежат правовому регулированию в силу условий социально-экономического развития. Эти условия могут вполне созреть, а познание их в той мере, в какой это необходимо для правового регулирования соответствующих отношений, может отсутствовать. Аналогичным образом дело обстоит и с реализацией права: даже при наличии научно обоснованной системы действующих правовых норм и благо-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 67, 68.

приятных условий, как известно, в практике имеют место так называемые административные и судебные ошибки.

Конечно, конкретно-исторические условия сами по себе не являются причиной перехода правовой возможности в действительность, но их познание необходимо для того, чтобы обнаружить содержащиеся в них причины, вызывающие определенные следствия — превращение возможности в действительность. С другой стороны, неправильно представлять дело так, будто бы познание объективных закономерностей и наличие благоприятных условий (также познанных) являются сами по себе достаточными предпосылками для перехода правовой возможности в само право, а права в социальную действительность. При таком понимании проблемы оказалось бы помимо всего прочего неясным, по какой же именно конкретной причине из всего множества правовых возможностей только некоторые из них реализуются.

В социальной жизни, и в частности в правовой ее сфере, развитие происходит значительно сложнее. Здесь, как и во всех иных областях жизни общества, действуют противоположности во всем многообразии проявлений их противоречивых тенденций, противостоящих сил, факторов и обстоятельств. Можно отметить три основные и взаимосвязанные линии, по которым проявляются эти противоположности: во-первых, между социальной действительностью и действующей правовой системой; во-вторых, между социальной действительностью (в том числе и действующей правовой системой) и порождаемыми ею правовыми возможностями; в-третьих, между самими правовыми возможностями [1].

Для иллюстрации этих положений укажем, например, на проводимые в нашей стране большие кодифика-

---

[1] Развивая эту мысль, Э. В. Кузнецов пишет, что «взаимодействие между правовыми возможностями можно рассматривать как причину, детерминирующую правовую действительность (следствие). Однако это взаимодействие может быть не только внутренним (возможность — возможность), но и внешним (возможность — действительность), а также в форме обратной связи, когда следствие воздействует на причину, когда правовая действительность определяет правовую возможность» (*Э. В. Кузнецов.* Категория причины и следствия в советском правотворчестве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, стр. 7).

ционные работы, которые призваны способствовать разрешению отмеченных противоречий. Но для нас в данном случае важно отметить другое: именно эти противоречия выдвигают проблему отбора правовой возможности для ее реализации.

Рассмотрим эту проблему применительно к правотворческому процессу. Многообразие существующих правовых возможностей является выражением различных тенденций развития социальной действительности. Следовательно, борьба противоположных тенденций в сфере действительности имеет существенное, более того, определяющее значение в выборе той правовой возможности, которая должна оказаться практически осуществимой. Иначе говоря, разрешение противоречий в области действительной жизни в конечном счете обусловливает исход борьбы в области отбора правовых возможностей. И это понятно, поскольку компетентный государственный орган призван правовыми средствами не только разрешать возникающие противоречия, но и закреплять те тенденции социальной действительности, которые отражают закономерный процесс ее развития. Здесь мы вплотную подошли к вопросу о соотношении категорий действительности, необходимости и возможности в праве, которого коснемся лишь в той мере, в какой он связан с анализом интересующего нас процесса.

Необходимость развития объективной действительности, проявляясь в форме случайности, может породить также возможности, которые при определенных условиях не обязательно должны превращаться в действительность. В этом случае событие, наступление которого ожидается или предполагается, является только возможным, но не необходимым. Наряду с этим та же необходимость, выражая внутреннюю тенденцию развития объективной действительности, порождает такие возможности, которые рано или поздно, но в конечном счете обязательно превратятся в действительность. В этом случае событие, которое должно произойти, является не только возможным, но и необходимым. Действительность, порождая такие возможности, вместе с тем создает и условия, при которых их превращение в действительность является неизбежным.

Следовательно, в зависимости от исторического ха-

рактера действительности необходимость ее развития порождает возможности, которые имеют характер либо необходимой возможности, либо возможности случайной [1], как дополнение к форме проявления этой необходимости. Сложившаяся конкретно-историческая ситуация вместе с тем предопределяет как то, какая из наличных взаимоисключающих возможностей на данном этапе развития будет реализована, так и быстроту превращения возможности в действительность.

Управлять общественными процессами можно лишь на основе познания наличных материальных предпосылок, предопределяющих реальные возможности прогрессивного преобразования общества. «...Если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась *идея* этого переворота» [2]. Но с другой стороны, «раз понята связь вещей, рушится вся теоретическая вера в постоянную необходимость существующих порядков, рушится еще до того, как они развалятся на практике» [3].

Нетрудно видеть, что данные общие положения исторического материализма имеют огромное значение для осуществления научно обоснованного правотворчества. Если развитие действительности порождает как необходимые возможности, так и возможности случайные, то прогрессивное воздействие на действительность может быть достигнуто лишь тогда, когда правотворчество опирается на необходимые возможности, способствует правовыми средствами их превращению в действительность. Если не всякий процесс превращения возможности в действительность есть вместе с тем и превращение возможности в необходимость, то лишь ориентация на необходимую возможность является условием научного правотворчества. Если, наконец, развитие действитель-

[1] Следует различать понятия случайности и возможности: если случайность — уже существующий фактор, то возможность — лишь предпосылка такого фактора. Выражение же «случайная возможность» в данном случае используется в том смысле, что такая возможность не только еще не существует в действительности (как и всякая возможность), но и потенциально отражает не закономерные, а случайные тенденции развития действительности.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 38.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 461—462.

ности порождает наряду с необходимыми случайные возможности, не отражающие закономерных тенденций развития этой действительности, то, следовательно, в процессе правотворчества следует учитывать и контролировать случайные возможности, предотвращать их превращение в действительность [1].

Из положения об обязательной ориентации на необходимую возможность при создании правовых норм вовсе, разумеется, не вытекает, что при познании действительности допустимо в процессе правотворчества игнорировать случайные возможности. Изменчивость социальной действительности, выступающей в разнообразных формах необходимости и случайности, ставит перед правотворчеством задачу познания этих форм в их единстве и соотношении к моменту создания правовой нормы, нормативного акта в целом. Лишь в этом случае законодатель не только обнаружит закономерное развитие необходимости, пробивающей себе дорогу через массу случайностей [2], но и сможет контролировать действие случайных факторов.

Таким образом, научно обоснованное правотворчество, отражающее объективность общественного развития, исходит из необходимой тенденции этого развития, опирается на нее, реализует ее и тем самым открывает про-

---

[1] Э. В. Кузнецов отмечает, что при исследовании вопроса о возникновении правовых норм как правовой действительности считают, что ее порождает определенная правовая возможность. «Между тем, — пишет он, — без анализа причины как субстанции будет довольно трудно определить, как та или иная правовая возможность переходит в правовую действительность». И далее автор отмечает: «Сложным моментом в познании причины правотворчества является ее двуединая природа. С одной стороны, причина есть субстанция, которая существует через свое действие и равна ему, с другой — причина есть нечто внешнее по отношению к следствию. Но это внешнее есть в то же время внутреннее по отношению к самой причине, которая сама себя порождает. Поэтому эта субстанция является и материальной, и активной» (*Э. В. Кузнецов.* Некоторые вопросы правотворчества в свете категорий причины и следствия.—«Вестник Ленинградского университета», 1969, № 11, вып. 2, стр. 105).

[2] Вопрос же о том, обладает ли избранная для реализации возможность характером необходимости, определяется практикой. «...Доказательство необходимости, — писал Ф. Энгельс, — заключается в человеческой деятельности, в эксперименте, в труде: если я могу *сделать* некоторое post hoc, то оно становится тождественным с *propter hoc*» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 544).

стор социальному прогрессу и обеспечивает его правовыми средствами. Необходимость поэтому оказывается тем мостом, через который проходит путь превращения правовой возможности в само право, а затем—в результате его практической реализации — в социальную действительность.

Отмеченное соотношение необходимости и случайности в правотворчестве носит всеобщий характер и в силу этого не исключает использования того благоприятного стечения случайных обстоятельств, которое в конечном счете способствует быстрому и полному достижению целей законодателя. И в этом также проявляется творческий характер процесса создания права и его реализации.

Обнаружение необходимой правовой возможности еще не является достаточным основанием для ее превращения в право и реализации в социальной действительности. Требуется помимо этого определить обоснованность, зрелость, степень развитости ее для практического перехода в действительность. «...История, — отмечал В. И. Ленин, — вовсе не идет таким простым и гладким путем, чтобы всякое исторически назревшее преобразование означало *тем самым* достаточную зрелость и силу для проведения этого преобразования...»[1] Мерой развитости возможности является вероятность, которая характеризует величину основания осуществимости возможности, силу действия причин и условий, ее породивших. Иначе говоря, вероятность характеризует «параметры» возможности, ее осуществимость.

У правовой возможности может отсутствовать достаточно обоснованная вероятность осуществления в данных конкретных условиях места и времени. В этом случае мы будем иметь дело с абстрактной правовой возможностью, которая связана с действительностью значительным временно-пространственным расстоянием и переход которой в действительность происходит посредством множества других, более конкретных правовых возможностей. При этом нередко переход абстрактной правовой возможности в действительность осуществляется не через сумму однозначных правовых возможностей, а через их комплексную систему. Познание этой

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 152—153.

системы позволяет не только обнаружить всю сложность механизма перехода абстрактной правовой возможности в действительность, но и определить, в какой степени прошлое и настоящее детерминируют и предопределяют основные черты будущего состояния правовой системы и ее действия.

Процесс перехода от абстрактной к конкретной правовой возможности есть процесс нарастания тех условий и причин, которые увеличивают вероятность ее реализации.

Из сказанного следует, что практика правотворческой и правореализующей деятельности государства, опираясь на необходимые возможности и определяя степень их зрелости для перехода в действительность, должна своевременно создавать правовые нормы и осуществлять их предписания. В равной мере недопустимо как преждевременное превращение правовой возможности в действительность, так и запаздывание в этом деле. Эффективное правовое регулирование соответствующих общественных отношений предполагает обнаружение возникающих возможностей, определение их зрелости, развитости, обоснованности для перехода в действительность и — при наличии таковой — изучение путей, средств, методов их практической реализации. В этой связи возникает важный для правового строительства вопрос об определении момента превращения возможности в действительность, своевременного разрешения правовыми средствами намечающихся противоречий.

Не каждая только что возникшая правовая возможность должна быть тут же превращена в действительность. Преждевременность принятия правового акта не способствует созданию условий для реализации соответствующей возможности, ее наиболее безболезненного перехода в действительность, для успешной ликвидации образовавшегося противоречия. Уместно в этой связи напомнить высказывания М. И. Калинина по поводу проекта Закона о браке, семье и опеке: «Целью законодателя было внести в проект максимально возможное в данных условиях обеспечение, взаимную гарантию членов семьи и в особенности детей. Затем целью законодателя было закрепить новые намечающиеся прогрессивные черты в нашем новом семейном быту, чер-

ны, приближающиеся к социализму, но вместе с тем избегая абстракции, отрыва от существующего быта. Главная задача — уловить все то, что есть прогрессивного, и вместе с тем не забежать чересчур далеко вперед, чтобы не сделать закон абстрактным, не сделать его бестелесным, отвлеченным от рабоче-крестьянских масс»[1].

В процессе создания правового акта и его осуществления необходимо предвидеть те конкретные препятствия и трудности, которые могут возникнуть при разрешении назревших или назревающих противоречий, и с учетом этого установить не только наиболее целесообразные пути и методы, но и сроки реализации правовых норм, при которых практическое разрешение противоречий, переход возможностей в действительность будут осуществлены в максимальной степени безболезненно, легко и гармонично. Показательным в этом отношении является постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г.[2] В нем специально указывается, что осуществление предусмотренных в постановлении мероприятий требует тщательной подготовки. Поэтому проводятся эти мероприятия постепенно. Тем самым создаются не только материальные предпосылки для наиболее эффективной реализации предписаний данного постановления, но и осуществляется психологическая подготовка людей для перехода к работе в новых условиях.

Анализ возможностей, которыми располагает развитое социалистическое народное хозяйство, показал, что резервы для повышения эффективности производства и ускорения экономического роста в СССР весьма значительны. Они заложены в научно-техническом прогрессе, совершенствовании структуры народного хозяйства, более полном использовании производственных фондов и улучшения капитального строительства; они есть и на каждом отдельном предприятии, в каждом колхозе и совхозе (ликвидация потерь рабочего времени; сокращение текучести кадров; устранение неритмичности в рабо-

[1] *М. И. Калинин.* Избранные произведения, т. 2. М., 1960, стр. 93.
[2] См. СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153.

те, простоев оборудования; экономия сырья, материалов, топлива и электроэнергии; бережливое отношение к технике, станкам и оборудованию, тракторам, комбайнам, автомашинам и т. д.). В Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии Л. И. Брежнев говорил: «Мы критикуем руководителей, когда они совершили ошибку, тот или иной проступок. И это верно — требовательность надо повышать. Но, думается, критиковать надо не только тех, кто делает ошибки, но и тех, кто не использует всех возможностей для развития производства, не проявляет инициативы, живет пассивно» [1].

В свете этих указаний следовало бы продумать вопрос о введении также соответствующей правовой ответственности в тех случаях, когда не использование очевидных возможностей причиняет существенный ущерб народному хозяйству.

Проблема реализации возможности в действительность затрагивалась на XXIV съезде КПСС и в другой связи, а именно в связи с совершенствованием системы управления экономикой. С повышением уровня знаний и профессиональной подготовки кадров, широких масс трудящихся, с быстрым развитием науки управления и электронно-вычислительной техники значительно расширились возможности дальнейшего совершенствования управления. За последние годы проделана большая работа в области совершенствования хозяйственного механизма: промышленность была переведена на новую систему планирования и экономического стимулирования, более широко стали привлекаться трудящиеся к управлению производством, была расширена хозяйственная компетенция республик и областей, а также оперативно-хозяйственная самостоятельность предприятий.

Все это создало новые условия и возможности для существенного качественного скачка, для углубления научной обоснованности всей системы народнохозяйственного управления. XXIV съезд КПСС указал конкретные пути реализации этих возможностей. Это повышение роли и Госплана и других общегосударственных органов; повышение роли и расширение самостоятельности министерств и ведомств, что также потребует

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 65.

известного уточнения их функций; усиление процесса концентрации промышленного и сельскохозяйственного производства, создание объединений и комбинатов, которые в перспективе должны стать основными хозрасчетными звеньями общественного производства; использование методов экономико-математического моделирования, создание в перспективе общегосударственной системы сбора и обработки информации; последовательное внедрение принципов хозяйственного расчета как на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, так и в вышестоящих хозяйственных звеньях; повышение роли хозяйственных договоров и ответственности за их выполнение; совершенствование оплаты по труду, предоставление предприятиям более широких возможностей для усиления материальной заинтересованности работников при одновременном расширении моральных стимулов к труду и т. д. Особо отмечались на съезде большие возможности для более широкого участия трудящихся в управлении хозяйством. «Наш долг, — сказал Л. И. Брежнев, — еще полнее претворить в жизнь ленинские заветы, добиться того, чтобы все рабочие, колхозники, интеллигенция стали сознательными борцами за осуществление экономической политики партии, действовали как государственные люди, в полной мере проявляя свои способности, инициативу, хозяйственную сметку» [1].

Таким образом, XXIV съезд партии открыл широкие перспективы для юридических исследований, которые должны вскрыть те правовые рычаги, средства и методы (там, где это необходимо, целесообразно или оправдано), которые будут в максимальной степени способствовать успешной реализации указанных возможностей в действительность, в практику нашего экономического строительства и совершенствования управления народным хозяйством. Более того, на съезде было прямо указано на необходимость правового регулирования определенных общественных отношений. Так, касаясь проведения ленинского принципа индивидуальной ответственности за порученное дело, Л. И. Брежнев говорил: «Когда принимается решение, должно быть совершенно ясно, кто несет за него ответственность. И точно так же

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 71.

должно быть ясно, кто несет ответственность, если назревшее решение не принимается или затягивается. На всех уровнях управления важно четко определить объем и соотношение прав и ответственности. Большие права при малой ответственности создают возможности для административного произвола, субъективизма, необдуманных решений. Ничем не лучше и большая ответственность при малых правах. При таком положении даже самый старательный работник нередко оказывается бессильным и спросить с него в полной мере за порученное дело трудно»[1].

Здесь, следовательно, конкретно поставлена проблема о «балансе» прав и обязанностей субъектов права, имеющая огромное значение не только в хозяйственной, управленческой, но и в любой другой сфере жизнедеятельности социалистического общества. Способствовать ее решению, равно как и решению других актуальных проблем права, — одна из важнейших и почетных задач советской юридической науки.

---

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 68—69.

ЦЕЛЬ В ПРАВЕ

§1. Понятие цели в праве

С проблемой действительности и возможности в праве органически связана и из нее вытекает проблема цели. Правовая возможность первична по отношению к цели права, она является непосредственной причиной цели. Целенаправленность и целесообразность права аккумулирует в себе правовые возможности и конкретизирует их превращение в действительность. Именно поэтому среди категорий марксистско-ленинской философии, имеющих важное значение для прогресса юридической науки, особая роль принадлежит категории цели. Цель, как философская категория, лежит в основе познания права, процесса его создания и реализации, развития и совершенствования. Значение категории цели тем более существенно для познания творческой роли общенародного права в коммунистическом строительстве [1]. Между тем данной проблеме уделяется недостаточно внимания.

[1] «Познание и практическое использование права, — пишет А. И. Экимов, — невозможно без анализа целей, лежащих в основе его создания и реализации. В современный период исследование проблемы правовых целей приобретает тем большее значение, что оно отвечает насущной потребности коммунистического строительства ставить только такие цели, которые соответствуют объективным закономерностям общественного развития и являются реальными в их осуществимости» (*А. И. Экимов.* Категория «цель» в со-

В идеалистической философии проблема цели наиболее продуктивно разработана Гегелем. Он указывал, что цели как субъективной категории противостоит объективность. «Цель есть ближайшим образом нечто сущее внутри меня, *субъективное,* но она должна стать также и *объективной,* сбросить с себя свой недостаток, перестать быть только субъективной»[1]. Преодоление этого «недостатка», снятие противоположности между субъективностью цели и объективностью осуществляется только путем реализации цели. Гегель считает, что «суть дела исчерпывается не своей *целью,* а своим *осуществлением,* и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением...»[2]. Реализация же цели требует определенной деятельности, а также средств, орудий, которые ставятся между целью и объектом и с помощью которых цель объективируется. В деятельности человека, использующего соответствующие средства, субъективный характер цели превращается в объективность — воля «представляет собою процесс перевода *субъективной цели в объективность* через опосредствование деятельности и некоторого средства»[3], цель «смыкает себя через некоторое средство с объективностью...»[4]. Следовательно, «в этом смысле воля становится *объективной* лишь через выполнение своих целей»[5]. Деятельность воли заключается в том, что «она снимает противоречие между субъективностью и объективностью, перемещает свои цели из первого определения во второе...»[6], используя при этом соответствующие средства. Эти средства есть «нечто *более высокое»,* чем

ветском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Л., 1970, стр. 3).

[1] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 39. Разъясняя свою мысль, Гегель далее пишет: «Можно здесь задать вопрос: почему же субъективность есть недостаток? Если то, у чего есть недостаток, не стоит, вместе с тем выше своего недостатка, то для него это не недостаток... Цель, поскольку она пока лишь *наша* цель, есть для нас недостаток, ибо свобода и воля суть для нас единство субъективного и объективного. Цель должна быть положена объективно, и она получает в этом полагании не новое одностороннее определение, а лишь свою реализацию» (там же).

[2] *Гегель.* Соч., т. IV, стр. 2.

[3] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 39.

[4] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 200.

[5] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 51.

[6] Там же, стр. 53.

цель, поскольку «в своих орудиях человек обладает *властью над внешней природой, хотя по своим целям* он скорее подчинен ей»[1]. Благодаря деятельности и средствам сама цель, хотя бы «и была совершенно частной и субъективной», превращается в объективную, «когда она становится явлением»[2]. В результате в цели «начало и конец одинаковы друг с другом, так как мы субъективное делаем объективным для того, чтобы его снова получить обратно»[3].

В этих рассуждениях, как отмечал В. И. Ленин, обнаруживаются зачатки исторического материализма, подход к пониманию того, что путь к объективной истине лежит через практику, через практически целесообразную деятельность человека[4]. Вместе с тем В. И. Ленин указывал: «Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной... то, что реальность принимается за несуществующее... что не признается ее (реальности) объективная действительность»[5].

На основе материалистической диалектики проблема цели была решена классиками марксизма-ленинизма, что будет показано в дальнейшем, при рассмотрении значения данной категории для познания права.

Право является объективной категорией в том смысле, что оно определяется в конечном счете материальными условиями жизни общества и существует вне и независимо от сознания каждого отдельного члена данного общества. Вместе с тем право может рассматриваться как категория субъективная, поскольку, прежде чем возникнуть, оно созревает в сознании людей, выражает волю государственно организованного господствующего класса или — на современном этапе развития советского общества — всего народа. Это отражается и на рассмотрении явлений права в любом аспекте. Так, правотворчество субъективно по своей природе, но объективно по источнику, ибо оно осуществляется под детерминирующим воздействием объективной действительности и общественной практики. Точно так же реализация

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 205.
[2] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 52.
[3] *Гегель.* Соч., т. IX, стр. 292.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172, 173.
[5] Там же, стр. 199.

права есть субъективный процесс, поскольку он направляется сознанием индивида, и в то же время этот процесс объективен, так как непосредственно определяется самим правом, классовой принадлежностью лица, толкующего и применяющего правовые нормы. Отсюда вытекает, что нет резкой грани между объективным и субъективным в праве, хотя субъективное и не совпадает с объективным [1].

Цель в праве, подобно самому праву, может рассматриваться и как объективная, и как субъективная категория. Цель в праве объективна, поскольку она определяется в конечном счете материальными условиями жизни общества, закреплена в действующем праве и поэтому не зависит от сознания и воли каждого отдельного индивида.

С другой стороны, цель в праве объективна: она выражает волю господствующего класса или всего народа и является идеальным предопределением желаемого результата поведения людей в обществе. Именно поэтому, когда мы говорим о деятельности по созданию права или по его реализации, то, пользуясь удачным выражением Гегеля, «в лице цели имеем содержание, которое известно уже заранее; эта деятельность поэтому не слепа, а зряча» [2].

Важно при этом отметить, что объективный источник возникновения цели в праве и субъективная ее природа — две органически связанные между собой стороны одного и того же явления. Цель в праве как идеальное выражение должного или возможного поведения людей объективна, закономерна и необходима по источнику возникновения и по содержанию. Вместе с тем она субъективна по своей природе как продукт сознательного творчества людей, классов, народа.

Рассматривая цель в праве как категорию субъективную, можно констатировать, что она может отражать реальную действительность как в соответствии с ее объ-

---

[1] «Обычно полагают,— писал Гегель,— что субъективное и объективное неподвижно противостоят друг другу. Но это не верно, так как они скорее переходят друг в друга, ибо не представляют собою абстрактных определений, как например, положительное и отрицательное, а имеют уже более конкретный смысл» (*Гегель.* Соч., т. VII, стр. 52).

[2] *Гегель.* Соч., т. I, стр. 248.

ективными закономерностями, так и вопреки им. В. И. Ленин писал: «Фактические отношения не мертвы, а живут и развиваются. Юридические определения могут соответствовать прогрессивному развитию этих отношений, но могут также (если эти определения плохи) «соответствовать» регрессу или застою»[1]. Реальность и эффективность действия права определяется прежде всего тем, насколько оно точно и полно отражает и правильно предусматривает реализацию объективных возможностей в соответствии с познанными закономерностями общественного развития. Творческая роль права социалистического типа тем именно и определяется, что, основанное на научном познании действительности, оно отражает объективные закономерности развития общества, намечает и обеспечивает наиболее целесообразные пути использования этих закономерностей для построения социализма и коммунизма. В противоположность этому фикция права есть не что иное, как отражение в его велениях объективно невозможного, того, что фактически не может быть реализовано в данных условиях места и времени (например, не могут быть реализованы права личности, закрепленные в Конституции США, в условиях эксплуатации, угнетения, расовой дискриминации и иных нарушений законности).

Дальнейшее совершенствование советских правовых норм, в частности усиление их творческой роли в регулировании общественных отношений, прежде всего предполагает определение цели в праве. В наиболее общей форме эта цель состоит в необходимости полного, правильного и точного использования объективных закономерностей в интересах всего общества, в интересах успешного построения коммунизма.

Как и всякая цель, цель в советском праве отнюдь не является продуктом, извне ему навязанным, а представляет собой результат сознательного творчества миллионов советских людей, привлеченных как к созданию права, так и к его реализации. Поэтому рассмотрению проблемы цели в советском праве должен предшествовать анализ категории цели как элемента воли реальных индивидов.

Всякое действие имеет определенную цель. «...Дейст-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 259, примечание.

вование без цели есть бесцельное, бессмысленное действование»[1].

Любой волевой акт, направленный на достижение той или иной цели, будучи по своей природе субъективной категорией, определяется объективной действительностью, поскольку он возникает как закономерное следствие уже достигнутого уровня развития материальной жизни общества. «На деле, — указывал В. И. Ленин, — цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное. Но *кажется* человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»[2]. Возникнув же под воздействием определенных условий, волевой акт по необходимости всегда реализуется в той или иной материально ощутимой форме, которая в итоге представляет собой результат потребности развития материальной жизни общества.

С другой стороны, всякое волеизъявление индивида непосредственно обусловливается осознанной целью, «которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»[3]. Будучи порождением конкретных условий материального бытия и в конечном счете определяясь им, цель представляет собой идеальный образ тех результатов волевых действий индивида, ради которых эти действия им совершаются. Поскольку осуществляющий волевое действие индивид ранее воссоздал мысленно то, к чему стремится, предвосхитил в сознании желаемый результат своего действия, постольку он оценил основания и мотивы, в силу которых необходимо выполнить данное действие, чтобы достигнуть уже идеально представленного результата. Цель является, таким образом, исходным пунктом и двигательной силой волевой деятельности индивида и одновременно направляющим фактором в этой деятельности.

Воспитательная, организационная и направляющая деятельность Коммунистической партии способствует воспитанию высокой сознательности советских людей, волевые действия которых все в большей мере направ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 258.
[2] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 189.

ляются на достижение общественно значимых целей, на удовлетворение общественных потребностей, в результате чего обеспечиваются и личные потребности, интересы и цели членов социалистического общества. Именно благодаря этому оказывается возможным определить, какова общая цель в советском праве, формулируемая одновременно с выявлением и образованием общей воли советского народа, направленной на соответствующее правовое регулирование общественных отношений.

Цель в праве возникает раньше, чем ее реальное воплощение в жизнь. Как указывал К. Маркс, целью является идеальный «внутренний образ» подлежащих созданию предметов [1]; в цели они заранее намечаются [2] человеком «в их еще субъективной форме» [3]. Аналогично этому цель в праве — идеальная реализация объективной возможности должного поведения членов общества. Фактической же реализацией данной объективной возможности, закрепленной целью, содержащейся в праве, является практическое осуществление права, т. е. его соблюдение, исполнение или применение. Здесь и происходит преобразование идеальной реализации в материальную, цели в праве в его результат.

Подобно тому как потребление «создает побуждение к производству, оно создает также и предмет, который воздействует на производство, определяя его цель» [4], так и цель в праве, преследующая наиболее рациональное регулирование общественных отношений, является идеальной силой, которая побуждает к должному поведению людей в их общении друг с другом и является ближайшей причиной определенного направления этого поведения. В этом смысле цель выступает, как писал К. Маркс, в качестве «идеального, внутренне-побуждающего начала» в деятельности людей по преобразованию действительности. В советском праве, как известно, сформулированы такие правила поведения, реализация которых

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 718.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 191.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 718.

[4] Там же, стр. 717. «...Если ясно, что производство предоставляет потреблению предмет в его внешней форме, то точно так же ясно, что потребление *полагает* предмет производства *идеально*, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель» (там же, стр. 717—718).

отвечает потребностям развития материальной жизни общества, практике коммунистического строительства (полный суверенитет советского народа; демократизм общественного и государственного строя СССР, права и свободы советских граждан и т. д.). Наряду с этим советское право призвано ликвидировать или во всяком случае ограничивать действие отживающих отношений, тормозящих прогрессивное общественное развитие, победу нового над старым (например, уголовным законодательством запрещено совершение общественно опасных деяний, объявлена борьба с тунеядством и т. д.). Право, далее, используется для обеспечения руководства планомерным, пропорциональным и гармоничным развитием всего общества в целом и каждой его части (например, законодательством устанавливаются перспективные планы, гарантируется материальное и финансовое обеспечение выполнения плановых заданий по каждой отрасли народного хозяйства и т. д.). Наконец, с помощью советского права формулируются такие новые отношения, которые в максимальной степени способствуют успешному строительству коммунизма (например, законодательно оформлены общественные начала в политической, хозяйственной и культурной жизни страны, реорганизация руководства промышленностью, строительством и сельским хозяйством и т. д.).

Таким образом, цель в советском праве представляет собой идеальное выражение объективной закономерности, именно той закономерности, которая в самой себе заключает предпосылки для своего сознательного направления, развития и преобразования и необходимо требует этого направления, развития и преобразования правовыми средствами. В. И. Ленин отмечал, что «развитие производительных сил... само стремится к той же цели, которую поставили себе социалисты. Социалистам надо только понять, какая общественная сила, по своему положению в современном обществе, заинтересована в осуществлении социализма, и сообщить этой силе сознание ее интересов и исторической задачи» [1].

Из сказанного вытекает, что цель в праве, будучи идеальным выражением объективной закономерности,

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 8.

вместе с тем представляет собой те материальные и духовные результаты, которые достигаются посредством правотворчества, а затем — реализации норм права.

В правотворчестве, как и в любой иной деятельности, люди, определяя свои цели, подчиняя свои действия достижению этих целей, тем самым критически относятся к действительности, констатируют, что те или иные стороны, черты, факты, явления, процессы этой действительности не соответствуют их потребностям, интересам и устремлениям и поэтому или нуждаются в изменении, преобразовании, или должны получить дальнейшее развитие в том или ином направлении. Цель является выражением того факта, что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»[1]. В цели права непосредственно выражается опережающее отражение сознанием действительности, и в этом состоят творческие потенции права в преобразовании действительности.

Социалистическая сущность советского правотворчества исключает «созерцательное отражение» в праве объективной действительности, пассивное приспособление правовых норм к стихийно складывающимся отношениям. Напротив, научная обоснованность и творчески революционный характер советского правотворчества требуют активного проникновения в глубинные процессы общественной жизни, смелого и решительного их преобразования правовыми средствами в интересах социального прогресса[2]. Именно поэтому критерием ценности правовых норм должен быть не только факт точного и всестороннего отражения в них материальной и духовной действительности, но и степень преобразования этими нормами регулируемых ими общественных отношений.

Развитие материального мира, как известно, порождает объективные возможности в двух основных формах: с участием и вмешательством человека и без вмешательства человека. Очевидно, что право связано с первой из

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 195.

[2] «...Существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления, — писал Ф. Энгельс, — является как раз *изменение природы человеком,* а не одна природа как таковая...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 545).

указанных форм, поскольку оно направлено на регулирование поведения людей и через посредство такого регулирования достигает определенной цели: превращения объективной возможности в материальную или духовную действительность через посредство деятельности людей и наиболее удобным для них способом. При этом, как писал К. Маркс, «человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [1].

А так как цель в праве всегда связана с объективными возможностями, осуществление которых предполагает определенное, правовыми нормами установленное поведение людей, то отмеченное выше отсутствие резкой грани между объективным и субъективным в праве конкретизируется в данном случае в том, что реальные возможности и цель в праве не отделены друг от друга непроходимой пропастью. Они взаимодействуют и взаимно обогащают друг друга: возможность отражается в цели и определяет ее содержание, а реализация этой цели приводит к превращению возможности в действительность и к дальнейшему развитию объективной реальности. Тем самым советское право не только отражает возможности, порожденные действительностью, но и в результате своей реализации преобразует эту действительность. В этом смысле и следует понимать творчески революционную роль советского права, веления которого, воплощаясь в действительности, преобразуют ее в соответствии с объективными потребностями социалистического и коммунистического строительства.

Обоснование первичности объективных возможностей по отношению к цели в праве необходимо для того, чтобы показать всю несостоятельность откровенно идеалистической трактовки цели в праве буржуазными идеологами [2]. Такое обоснование полезно и для того, чтобы

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.

[2] Идеалистическая трактовка значения цели в праве, например, Р. Иерингом исходит из признания независимых друг от друга законов причинности и целесообразности. Определяющим моментом в понимании права является цель, которая, по утверждению Р. Иеринга, в конечном счете установлена богом или является божественной

вести борьбу с какими бы то ни было проявлениями субъективизма и волюнтаризма в правовой теории и практике.

Объективная возможность лишь отражается в праве и определяет цель, которая в нем выражена. Поэтому-то и в содержании права концентрируется не только отражаемое, но и смысл отражения — цель, тот или иной характер, способ или метод правового регулирования общественных отношений, намечающие конкретные пути превращения возможности в действительность. Следовательно, цель в праве есть не что иное, как превращение объективной возможности в идеальную (до ее практической реализации) действительность, т. е. ту действительность, которой еще нет, но которая может и должна быть. Иначе говоря, цель в праве — это не только отражение и закрепление существующих отношений, но и своеобразная форма «будущего в настоящем», прообраз того общественного состояния, к которому сознательно стремится законодатель и который соответствует интересам всего советского народа и выражает его волю. В. И. Ленин подчеркивал, что, «начиная социалистические преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества...» [1].

Объективная закономерность никогда не выступает в завершенной форме, в окончательно сложившемся виде, а существует как необходимость, тенденция, возможность. Всякая закономерность создает определенные объективные возможности того или иного поведения, действия, поступка, направленных на достижение конкретной цели. И если любая цель является идеально выраженным результатом предстоящего поведения, действия, поступка и всегда выступает как задача, которую предстоит разрешить, то право является одной из форм целесообразного разрешения этой задачи, указателем пути в процессе движения к цели. В праве воссоздаются

идеей о цели (см. *Р. Иеринг.* Цель в праве, т. I. СПб., 1881, стр. V—VI). Подробная критика данных положений Р. Иеринга содержится в труде болгарского юриста И. Маркова (см. *Иван Марков.* Марксизмът и въпровт за целта като ръководня идея в правните изследования. София, 1959, стр. 307).

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 44.

порядок, этапы, темпы, средства и т. д., действия людей и человеческих коллективов, ведущих к определенной цели, к превращению возможностей в действительность.

Следовательно, для того чтобы цель в праве была научно обоснованной, нужно учитывать не только саму цель, но и необходимость ее правового закрепления в конкретных условиях места и времени, надо изучать конкретные возможности, исходить из этих возможностей и опираться на них. Но возможности, как отмечалось ранее, имеют различную степень обоснованности, развитости, зрелости для их перехода в действительность. Именно поэтому в советском праве закрепляются цели ближайшие, перспективные и конечные. Каждая ближайшая цель, будучи закреплена в соответствующих конкретных правилах поведения, выражает задачи правового регулирования в данный период исторического развития нашего общества и является необходимым шагом, ступенью, звеном в цепи, связывающей ее с перспективной целью, которая в свою очередь является средством, периодом, этапом на пути к конечной цели. Так, цели годовых плановых актов являются подчиненными по отношению к целям пятилетних планов, которые вместе с тем представляют собой известные этапы в достижении конечной цели — создании материально-технической базы коммунизма.

Если объективно существующие возможности являются основой для закрепления в праве цели их безотлагательного превращения в действительность, то зарождающиеся, возникающие объективные возможности могут учитываться в праве лишь как перспективная цель. Такой учет означает, что при существующих условиях еще нет всех необходимых предпосылок для полного осуществления цели, выраженной в праве, хотя некоторые из данных предпосылок уже существуют, а недостающие могут быть созданы и необходимо появятся в процессе дальнейшего общественного развития. По мере того как под воздействием общественной практики недостающие предпосылки для превращения возможности в действительность будут возникать, созревать и развиваться, перспективные цели будут превращаться в ближайшие. Но отсюда вовсе не следует, что в праве должны находить отражение лишь ближайшие цели. Закрепление пер-

спективных целей в советском праве не только оправданно, но и необходимо хотя бы уже потому, что тем самым указывается путь сознательного, организованного и планомерного строительства коммунистического общества. По этой же причине в советском праве закрепляется и конечная цель, которая детерминирует поведение и деятельность трудящихся тем, что освещает им движение к коммунизму [1].

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что «коммунисты борются во имя ближайших целей и интересов рабочего класса, но в то же время в движении сегодняшнего дня они отстаивают и будущность движения» [2]. В. И. Ленин также указывал: «... мы не должны смешивать и никогда не позволим смешивать ближайшие демократические цели с нашими конечными целями...» [3]

В зависимости от того, охватывают ли цели результат, преследуемый законодателем, полностью или выражают лишь составные, подчиненные части этого результата, они подразделяются на общие и специфические. Формулируя общие цели, законодатель конкретизирует их в специфических, причем эта конкретизация должна быть доведена до такого уровня, чтобы данная специфическая цель могла выступать в качестве непосредственной цели деятельности. Если же цель выражена в слишком общей форме, то ее реализация становится затруднительной, вызывает необходимость создания новой нормы, в которой данная цель доводится до соответствующей степени конкретизации.

С точки зрения последовательности осуществления целей во времени они подразделяются на ближайшие и перспективные. Ближайшие цели выражают актуальные задачи правового регулирования в данный период исторического развития общества и подлежат непосредственному осуществлению. Перспективные цели выражают более отдаленные результаты, которые достигаются посредством реализации определенной совокупности ближай-

---

[1] См. более подробно: *Д. А. Керимов.* Категория цели в советском праве. — «Правоведение», 1964, № 3; *его же.* Категории действительности и возможности в праве. — «Советское государство и право», 1968, № 8.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 458.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 280.

ших целей [1]. При этом недостаточно ясное выражение в юридических нормах ближайших целей отвлекает от насущных задач правового регулирования, превращает их в декларации, оторванные от средств, с помощью которых они могут быть реализованы. С другой стороны, игнорирование значения перспективных целей в правотворческой деятельности (равно как и в процессе реализации права) вносит стихийность в эту деятельность.

Воздействуя на поведение людей, законодатель в одних случаях имеет в виду только наступление изменений в самом их поведении, в других — наступление определенного материального результата. В первом случае цели можно назвать функциональными, во втором — предметными. При этом юридические нормы, включая предметные цели, тем самым должны включать и функциональные. Последние же в идеально реализованном виде учитываются при постановке предметных целей, а будучи фактически реализованными, становятся реальными средствами их осуществления. Законодатель в предметной цели предвосхищает результат, выражающийся в том или ином предмете, но сам этот результат всегда является следствием определенного поведения, действия.

Правовые цели, соответствующие объективным закономерностям, являются истинными, а противоречащие им — ложными. Однако одной объективной истинности недостаточно для того, чтобы данная правовая цель могла быть реализована. Помимо этого необходимо, чтобы данная цель обладала также признаком реальности. Реальна та цель, для осуществления которой уже в наличии, а не только потенциально имеются достаточные средства. Истинность и реальность в правовой цели не всегда совпадают. Истинная цель может быть в данный конкретный момент нереальной, и в то же время не всякая реальная правовая цель является истинной. Невозможность немедленного осуществления данной правовой цели сама по себе еще не снимает вопроса о ее объек-

---

[1] См. также *П. Н. Лебедев.* Вопросы теории управления социальными процессами в социалистическом обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Л., 1969, стр. 15—16.

тивной истинности. Для истинной цели, однако, характерно, что рано или поздно, но она непременно будет осуществлена. В некоторых случаях могут быть реализованы и такие правовые цели, которые противоречат объективным закономерностям. Но от этого они вовсе не становятся истинными. Правовые цели, основывающиеся на случайных правовых возможностях, будучи реализованы, не ведут к исчезновению тех правовых целей, которые возникают на основе необходимых правовых возможностей [1].

Для реализации цели необходимы соответствующие средства. Средства выступают в качестве связывающего звена между субъектом цели и объектом его деятельности, направленной на достижение определенного результата. Без средств цели нереальны, неосуществимы, равно как и при отсутствии целей существующие средства не приводят к какому-либо результату. Более того, при наличии и целей, и средств нужна еще деятельность, которая при помощи средств превращает цели в результат. Следовательно, цель и средства соотносительны, едины. Определенная цель предполагает, требует и определенных средств, по отношению к которым эта цель выступает первичной, детерминирующей, руководящей [2]. Но благодаря средству реализованная цель обретает объективность, определенность и конкретность [3].

Цель права определяет те правовые средства, с помощью которых эта цель достигается. При этом в зависимости от характера самой цели правовые средства являются общими (нормативность, общеобязательность, обеспеченность государственным принуждением) или специфическими (гражданско-, административно- или уголовноправовые методы правового регулирования общественных отношений). По отношению к этим средствам (как общим, так и специфическим) цель права высту-

---

[1] См. *А. И. Экимов.* Категория «цель» в советском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, стр. 9—12. Данные положения воспроизведены с некоторыми сокращениями, уточнениями и дополнениями.

[2] Гегель писал: «Цель есть... всеобщее, руководящее, и мы обладаем средствами и орудиями, деятельность которых мы определяем соответственно этим целям» (*Гегель.* Соч., т. I, стр. 48).

[3] См. *Н. Н. Трубников.* О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968.

нает в качестве определяющей доминанты (поскольку в цели права выражена воля государственно организованного господствующего класса или народа в целом). Но с другой стороны, цель права, реализуясь в своих средствах, сама превращается в средство осуществления воли государственно организованного господствующего класса (или народа в целом). Здесь проявляется общая закономерность перехода, превращения целей в средства достижения определенных результатов через материальную и духовную деятельность людей [1]. Подобно тому как в определенных условиях происходит как бы «сдвиг мотива на цель» [2], так и право в процессе своей реализации как бы «сдвигается» с цели на средство ради практического достижения того результата в регулировании общественных отношений, который имелся в виду целью права. Тем самым право выступает в единстве цели и средства достижения этой цели. Благодаря этому единству оно не только обретает характер ориентира, «установки» должного или возможного поведения членов общества, но и становится силой, способной обеспечить реализацию этой «установки», властной воли государственно организованного господствующего класса.

Однако наличие цели и средств права, как было отмечено, недостаточно для достижения предусмотренного его велениями результата. Необходимы еще действия людей, использующих правовые средства для объективизации правовой цели в регулируемых общественных отношениях. И здесь мы вплотную подошли к правореализующей деятельности, к проблеме целесообразности права и практики его осуществления на основе законности.

Правовая норма носит общий характер и именно поэтому допускает различные варианты ее осуществления.

---

[1] Т. А. Казакевич пишет: «Цель и абсолютна и относительна. Абсолютность цели связана с тем, что всегда, при всех условиях деятельность человека целеполагающая.

Относительный же характер цели проявляется, во-первых, в том, что нет раз навсегда данных и неизменных целей. У разных социальных групп и в разные эпохи они различны и даже противоположны. Во-вторых, относительность цели состоит в ее диалектическом взаимодействии со средством, они меняются местами» (*Т. А. Казакевич.* Целесообразность и цель в общественном развитии. Л., 1969, стр. 47).

[2] См. *А. Н. Леонтьев.* Проблемы развития психики, стр. 300.

Не говоря уже о том, что в процессе реализации права не исключено искажение заключающейся в нем цели, может случиться (и случается) и так, что избранный путь достижения данной цели окажется далеко не оптимальным. В связи с этим в каждом отдельном случае реализации права и встает вопрос о максимальном рациональном варианте практического осуществления его велений ради достижения того конкретного результата, который целью в праве предусматривается. Это и есть вопрос о соотношении целесообразности и законности, который достаточно подробно разработан в нашей правовой теории [1].

Отметим лишь, что целесообразность в реализации правовых норм есть не что иное, как определенное соотношение между целью, закрепленной в праве, и практическими поступками, действиями, деятельностью субъектов права по осуществлению этой цели. А. И. Экимов отмечает, что средством осуществления цели во всякой социальной норме выступает предписание, требующее соблюдения определенного круга прав и обязанностей. Но в отличие от иных социальных норм правовая норма не просто апеллирует к тому или иному субъекту, добиваясь с его стороны добровольного признания, но и основывается на возможности применения к нему государственного принуждения. Поэтому правовая цель выступает в качестве силы, побуждающей людей к конкретным действиям, результатом которых является ее «опредмечение» в соответствующих связях и отношениях. Целесообразность этого действия определяется только в соотношении с целью, с тем, как действие способствует воплощению в жизнь данной цели. Поэтому необходимо четко дифференцировать цели, в соответствии с которыми рассматриваются те или иные действия, определить ведущие, главные цели и уже в соотношении с ними рассматривать целесообразность или нецелесообразность действий по реализации норм права. Лишь целесообразные

---

[1] См., например, *П. Е. Недбайло.* Вопросы обоснованности и целесообразности применения норм советского права. — «Вопросы общей теории советского права». М., 1960; *Л. С. Галесник.* Нормы права и практика коммунистического строительства. — Там же; *П. М. Рабинович.* Социалистическая законность и целесообразность в советском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1966, и др.

действия по реализации правовых предписаний соответствуют законности [1]. Следовательно, законность и целесообразность едины: законность возникает на почве целесообразности, целесообразность основывается на законности.

Возникнув на почве целесообразности, законность в свою очередь воздействует на целесообразность, является необходимым фактором, обеспечивающим целесообразность правовых предписаний. «Возможность целесообразности, — отмечает М. Г. Макаров, — заложена в закономерности обратного воздействия следствия на порождающую его причину» [2]. Именно это единство обеспечивает разумность социалистического правопорядка, обеспечивающего советским людям наиболее благоприятные условия для личной жизни и активного, творческого участия в строительстве коммунизма.

§2. Цель права, прогноз и социальное планирование

Строительство коммунизма немыслимо представить без теоретического анализа и прогнозирования тех объективных закономерностей, в соответствии с которыми определяется научная обоснованность этого строительства. «Теоретическое осмысление явлений общественной жизни, ее главных тенденций, — подчеркивал Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — позволяет партии предвидеть ход общественных процессов, вырабатывать верный политический курс, избегать ошибок и субъективистских решений» [3].

Научное познание не только отображает состояние действительности в настоящем, но и, основываясь на тенденциях ее закономерного развития, намечает предполагаемые результаты целенаправленного воздействия на

---

[1] См. *А. И. Экимов.* Побудительное воздействие правовых целей. — «Вестник Ленинградского университета», 1969, № 11, вып. 2, стр. 97—98; *его же.* Категория «цель» в советском праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, стр. 15.

[2] *М. Г. Макаров.* Цель. — «Некоторые вопросы диалектического материализма». Л., 1962, стр. 140.

[3] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 101.

нее [1]. Отсюда следует, что и наука, призванная составить основу руководства правовым развитием, должна в совершенстве владеть прогностическим орудием познания [2]. Приходится, однако, констатировать тот факт, что до последнего времени правоведение в основном ограничивалось выполнением диагностической и этиологической функций и меньше заботилось о своих прогностических обязанностях. Между тем хорошо известно, что марксизм-ленинизм требует подходить к явлениям общественной жизни «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предви-

---

[1] Буржуазные идеологи, как правило, отрицают возможность прогнозирования социального развития. Так, еще К. Пирсон писал: «Наука представляет собой по отношению к прошлому описание, по отношению к будущему — веру» (*К. Пирсон.* Грамматика науки. СПб., 1911, стр. 141). Аналогичной позиции придерживаются и современные авторы. Например, К. Поппер пишет: «Хотя социальная система и обнаруживает некоторые черты собственной логики, все же она работает вслепую, неразумно. Люди, которые попадают в ее механизм, также в целом слепы или почти слепы. Они не могут предвидеть даже наиболее важные результаты своей деятельности» (*K. R. Popper.* Falsche Propheten — Hegel, Marx und die Folgen. Bern, 1958, S. 141). Фурастье пишет: «Наука доказывает, что будущее существует и что в настоящее время оно в значительной степени непознаваемо для человека» (*J. Fourastie.* Die große Metamorphose des 20. Jahrhunders. Düsseldorf — Wien, 1964, S. 96). И тем не менее буржуазная наука пытается предвидеть хотя бы в пределах ближайшего будущего, о чем свидетельствует, например, широко рекламируемая ныне «футурология». По поводу буржуазного предвидения В. И. Ленин указывал: «...наш расчет, в большом масштабе взятый, оказывается более правильным, чем их расчет. И не потому, что у них нет людей, которые умеют правильно рассчитывать,— наоборот, у них их больше, чем у нас,— а потому, что нельзя рассчитывать правильно, когда стоишь на пути к гибели» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 44, стр. 303).

[2] М. Д. Шаргородский по этому поводу пишет: «Прогноз социальных явлений может вызвать у государства, общественных, политических организаций и т. д. целенаправленные действия, в частности издание новых правовых норм, которые должны привести к изменениям в прогнозируемых общественных процессах, к изменениям с точки зрения их ускорения, создания, преобразования, сдерживания и других модификаций последних. Таким образом возникают прогнозы с информационной обратной связью. Именно эти прогнозы, между которыми и деятельностью человека имеется информационная обратная связь, представляют для правовой науки особый интерес» (*М. Д. Шаргородский.* Прогноз и правовая наука.— «Правоведение», 1971, № 1, стр. 42).

дения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»[1].

Но теперь и в правовую науку стало проникать социальное прогнозирование[2], которое требует не только глубокого осмысления правовых явлений, но и всестороннего теоретического развития их. Очевидно, эта задача может быть успешно решена коллективными усилиями. Поэтому в данном случае ограничимся лишь некоторыми общими соображениями и их практическим «выходом», в частности, в область социального планирования.

Прежде всего важно указать, что прогнозирование является необходимым этапом становления цели в праве, которая всегда включает в себя те моменты предвидения, которые наиболее достоверны, строго основаны на объективных закономерностях действительности, ее реальных возможностях.

Если действительность порождает правовые возможности, часть из которых выражается и закрепляется в цели права и тем самым определяет пути дальнейшего развития этой действительности, то, следовательно, всестороннее познание данной цели в конкретно-исторических условиях ее образования и реализации означает вместе с тем прогнозирование перспектив правовой жизни общества[3]. При этом, однако, следует иметь в виду, что цель в праве и правовое прогнозирование — категории, не совпадающие не только в количественном, но и в качественном отношении: во-первых, в отличие от цели

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 75.

[2] См. *Р. А. Сафаров.* Прогнозирование и юридическая наука.— «Советское государство и право», 1969, № 3; *его же.* Прогнозирование — функция социалистического государственного управления. — «Советское государство и право», 1969, № 10; *В. Н. Кудрявцев.* Причинность в криминологии (О структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968, стр. 151—174; *М. Д. Шаргородский.* Прогноз и правовая наука.—«Правоведение», 1971, № 1; *Г. А. Аванесов.* О методологии криминологического прогнозирования. — «Правоведение», 1971, № 3, и др.

[3] «Закон,— пишет М. Д. Шаргородский,— определяет лишь поле возможностей, которые при реализации условий действия закона превращаются в действительность. Задача заключается в том, чтобы внутри поля объективных возможностей определить посредством прогноза свободу действия в принятии решений» (*М. Д. Шаргородский.* Прогноз и правовая наука. — «Правоведение», 1971, № 1, стр. 43).

в праве (цели, «возведенной в закон») правовое прогнозирование может быть не только официальным, но и доктринальным; во-вторых, цель в праве, будучи выражением общей воли господствующего класса, носит нормативный характер и обеспечена государственным принуждением, в то время, как правовое прогнозирование приобретает такой же характер лишь тогда, когда оно закреплено правовой целью; в-третьих, на основе одного и того же правового прогноза могут закрепляться различные цели права. Правовое прогнозирование не само по себе, а только посредством цели в праве может быть практически реализовано в соответствующем регулировании общественных отношений. Однако содержание правового прогноза может оказаться таковым, что цель права будет направлена не на его реализацию, а, наоборот, на ликвидацию возможностей и условий его осуществления (или во всяком случае на торможение осуществления) [1].

Право достигает своей цели, как ранее отмечалось, лишь при его реализации. Следовательно, правовая цель имеет как бы две органически взаимосвязанные стадии своего развития: на первой стадии она намечает, планирует, определяет характер правового регулирования соответствующих общественных отношений; на второй — представляет собой активные действия, направленные на последовательное осуществление этой цели. Отсюда вы-

---

[1] Т. Шибутани пишет: «Человек, который понимает, что и как происходит, может манипулировать некоторыми из условий, с тем чтобы ход событий изменился в его пользу» (*Т. Шибутани.* Социальная психология. М., 1969, стр. 505). Развивая это положение, М. Д. Шаргородский отмечает: «При оценке прогноза социальных явлений следует иметь в виду, что социальный прогноз — это большей частью не одновариантное «пророчество», которое обязательно должно «сбыться». Прогноз социальных явлений, как правило, вариантен, он сам воздействует на человеческое поведение, и развитие событий может пойти вопреки прогнозу и с учетом этого прогноза... Самые добросовестные прогнозы могут не оправдаться, а ценность прогноза заключается часто и, может быть, чаще всего в том, что он вызывает силы, способные помешать его наступлению. Прогноз не одновариантен, не фатален, а многовариантен. Не предсказывая неизбежность наступления какого-либо события, он сам создает возможность путем внесения определенных изменений в цепь детерминирующих факторов добиться того, чтобы наступил иной результат» (*М. Д. Шаргородский.* Прогноз и правовая наука.— «Правоведение», 1971, № 1, стр. 41).

текает двуединая задача прогнозирования в праве: в сфере правотворчества и в сфере правореализации. Синтез прогнозов в этих двух сферах будет наиболее надежным критерием научной обоснованности цели в праве.

Прогнозирование в правоведении — это, на наш взгляд, определение комплекса возможных вариантов перспективного развития правовой действительности путем использования широкого диапазона специальных методов, обеспечивающих научную обоснованность и относительную точность выдвинутых предложений. Отсюда вытекает, что горизонт прогнозирования в правоведении чрезвычайно широк; он может и должен охватывать как непосредственно практические вопросы правового строительства (например, прогноз состояния преступности по определенной категории дел в такой-то области в предстоящем году), так и глобальные, фундаментальные, крупномасштабные проблемы будущего изменения правовой надстройки в перспективе (например, прогноз дальнейшего развития системы социалистического права, перспектив кодификации действующего законодательства и т. д.). При этом, бесспорно, как непосредственно практические, так и общетеоретические прогнозы должны быть тесно и органически между собой увязаны, и только в этом случае они представят собой юридическую ценность [1].

---

[1] М. Д. Шаргородский полагает, что «проблема прогноза в правовой науке, являясь общей для всех отраслей права, выходит за рамки теории права и должна рассматриваться как одна из проблем социологии права» (*М. Д. Шаргородский.* Прогноз и правовая наука. — «Правоведение», 1971, № 1, стр. 40). Автор прав, когда говорит, что проблема прогноза выходит за рамки теории права. Но дело в том, что любая проблема теории права, поскольку она является общей, выходит за ее пределы и конкретизируется отраслевыми юридическими науками. Что же касается того, что эта проблема входит лишь в предмет «социологии права», то, как справедливо говорят (критикуемые М. Д. Шаргородским) В. В. Орехов и Л. И. Спиридонов, данное утверждение должно быть подкреплено достаточно убедительной аргументацией (см. *В. В. Орехов, Л. И. Спиридонов.* Социология и правоведение. — «Человек и общество», вып. V. Л., 1969, стр. 62), что, к сожалению, в указанной статье М. Д. Шаргородского не сделано. Я полагаю, что в известном смысле общая теория права и является общесоциологической теорией права. Поэтому в ее предметные интересы должна входить и общая проблематика правового прогнозирования, применяемая и конкретизируемая во всех специальных правовых исследованиях.

Если попытаться, конкретизировать направления правового прогнозирования, то их можно обозначить по крайней мере следующим комплексом основных проблем: а) какие общественные отношения (или их стороны) предполагается в будущем подвергнуть правовому регулированию, т. е. в каком направлении будет развиваться ныне действующее законодательство; б) каковы пути дальнейшего совершенствования действующего законодательства (научная обоснованность правового регулирования, перспективы инкорпорации и кодификации законодательства, повышение уровня законодательной техники и т. д.); в) какова будет роль права в тех или иных областях коммунистического строительства (в правовом регулировании общественных отношений, в повышении уровня управления, в укреплении социалистической законности, в коммунистическом воспитании различных слоев трудящихся и т. д.); г) какова эффективность действия отдельных норм, институтов и отраслей права в зависимости от предполагаемых изменений в экономической, политической, социальной и культурной жизни общества; д) каковы последствия (результаты) действия правовых установлений как в разрезе общей динамики общественного развития, так и в разрезе группового или индивидуального сознания, действия и поведения; е) какова вероятность изменения в количественном состоянии и качественной характеристике преступности, правонарушений, антиобщественных явлений и процессов; ж) каковы будут наиболее действенные меры по борьбе с преступностью и причинами, ее порождающими; з) каковы пути дальнейшего укрепления социалистической законности и правопорядка в стране.

Само собой разумеется, что решение всех этих проблем правового прогнозирования окажется тем более успешным, чем в большей степени оно будет научно обоснованным.

Определяя смысл прогнозируемых событий в сфере правовой жизни, их связи и тенденции развития, мы обретаем способность так воздействовать на соответствующие условия, среду и факторы, что эти события изменяются в нужном нам направлении. При этом наши прогнозы должны основываться только на объективных закономерностях общественного развития, на естествен-

ных, необходимых и существенных связях и отношениях развивающейся правовой действительности. Нельзя прогнозировать (тем более в правовой сфере), рассчитывая на случайное стечение обстоятельств, поскольку оно может и не наступить [1]. Вместе с тем при исследовании будущего необходимо считаться «со *всеми* возможными, даже со всеми вообще *мыслимыми* комбинациями» [2].

В. И. Ленин подчеркивал, что к каждому вопросу следует подходить «с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [3]. Только такой подход, в частности, к правовым явлениям позволяет предвидеть их будущее, поскольку право, как и любое другое социальное явление, развивается «по своей внутренней логике» [4]. Лишь изучив действительное состояние правовых явлений в настоящем, можно предсказать неизбежность того или иного направления их развития в будущем. Следовательно, знание объективной внутренней логики процесса движения права есть тот необходимый *базис*, на основе которого оказывается возможным предусмотреть закономерные последствия его действия в грядущей перспективе.

Существенное значение для методологии прогнозирования правовых явлений имеют два обстоятельства. Во-первых, к процессу прогнозирования перспектив развития правовой действительности следует подходить не только с точки зрения внутренних тенденций закономерного движения правовых явлений, но и со стороны тех внешних факторов, которые неизбежно будут или смогут оказывать воздействие как на процесс превращения правовой возможности в действительность, так и на результат этого превращения. Глубокая зависимость права от той социальной среды, в которой оно развивается, требует прогнозирования и изменения самой этой среды.

---

[1] Д. Гвишиани и В. Лисичкин отмечают, что «интуитивные или волюнтаристские прогнозы вряд ли могут быть положены в основу научного составления планов, программ или управления каким-либо процессом» (*Д. Гвишиани, В. Лисичкин.* Прогностика. М., 1968, стр. 127).

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 239.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 119.

Только в этом случае может быть обеспечена достоверность соответствующих правовых прогнозов.

Во-вторых, правовая действительность, как было отмечено ранее, порождает не одну, а множество возможностей ее развития. В этих условиях прогнозирование развития правовых явлений должно не только выявить «спектр возможностей» и вероятность их превращения в действительность, но и избрать ту именно возможность, реализация которой окажется наиболее действенной с точки зрения социальной эффективности предстоящего правового регулирования общественных отношений. Ценность правового прогнозирования состоит в однозначном ответе на вопрос, какую из правовых возможностей следует избрать в качестве единственной для превращения в действительность правовой жизни.

Если цель является отражением определенной возможности и установкой ее превращения в действительность, то план представляет собой конкретную программу этого превращения. В плане определяются этапы, последовательность, темпы, сроки, средства реализации прогноза, выраженного в цели. Тем самым план учитывает общественные возможности, существующие средства и наличные силы, на основе которых устанавливает конкретные показатели и их взаимную связь. Следовательно, цель не только пронизывает содержание плана, но и конкретизируется им. В плане локализуется прогностическая цель в пространственно-временном отношении, которая вместе с тем получает четкую определенность, ориентацию на осуществимость[1]. Если, далее, прогнозирование есть прежде всего результат теоретического поиска и исследование возможных путей изменения соответствующего объекта, то план является фиксацией желаемого движения к цели. Следовательно, прогноз представляет собой ту научно-информационную основу, из

[1] «Зависимость плана от цели, — пишет Т. А. Казакевич, — не исключает и его относительной самостоятельности, проявляющейся прежде всего: 1) в активности плана, в его обратном воздействии на цель; 2) в том, что план более конкретен и подвижен, чем цель; 3) в том, что могут быть различные варианты планов для достижения одной и той же цели, а также ряд последовательных промежуточных, поэтапных планов, охватывающих в своей совокупности весь процесс реализации цели» (*Т. А. Казакевич.* Целесообразность и цель в общественном развитии, стр. 68).

которой выводятся цель и план. Реализация же цели и плана в порядке обратной связи является критерием правильности прогноза [1].

Сознательное, планомерное и целенаправленное управление всеми сферами общественной жизни вытекает из сущности социализма, действия объективных законов его развития. «...Мы теперь получили, — писал В. И. Ленин, — довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений, и мы ясно видим теперь, *что* можно сделать в пять лет и для чего нужны гораздо большие сроки...» [2]

Опираясь на эти возможности, В. И. Ленин выдвинул задачу ввести «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества...» [3].

По мере успехов в строительстве социализма сфера действия объективного закона пропорционального, планомерного развития народного хозяйства все более интенсивно расширяется, не только охватывая процесс производства, но и проникая в иные области общественной жизни. При этом характер действия этого закона зависит от основного экономического закона социализма в двояком отношении: с одной стороны, его содержание обусловлено целью этого закона — все более полное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей человека, а с другой — реализация этой цели осуществляется планомерно. Отсюда следует, что оптимальное использование объективных законов социализма требует на основе народно-хозяйственного планирования и в строгом соответствии с ним осуществлять также планирование социальных процессов, гармоничного развития трудового коллектива и личности, повышения благосостояния, образования, культурного уровня личности и т. д. В. И. Ленин еще на заре Советской власти указывал: «...начиная социалистические

---

[1] См. *М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган.* Марксистская социология, социальное прогнозирование и планирование.— «Философские науки», 1971, № 3, стр. 5.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 385.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 86.

преобразования, мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям» [1].

Это становится тем более очевидным в современных условиях общественного развития, требующих научно обоснованного решения всех проблем жизни и деятельности нашего общества [2]. В свою очередь широкое проникновение науки в практику общественного развития предполагает и детерминирует планирование всех сфер социального прогресса.

Современный этап коммунистического строительства характеризуется дальнейшим углублением научного подхода к управлению, организации и планированию технического, экономического и социального прогресса общества.

Высокие темпы роста производительных сил, широкое внедрение механизации и автоматизации производственных процессов, увеличение номенклатуры и улучшение качества изделий настоятельно потребовали дальнейшего совершенствования методов и форм народнохозяйственного руководства. Хозяйственная реформа создала наиболее благоприятные условия для ускорения развития производства, повышения его экономической эффективности. Растут отчисления от прибылей в фонды развития производства, материального стимулирования трудящихся, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Расширяется хозяйственная самостоятельность и инициатива коллективов предприятий, повышается их материальная заинтересованность в результатах своей деятельности, значительно возрастает их роль не

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 44.

[2] «Современная научно-техническая революция и происходящие в нашу эпоху изменения социальных форм существования людей,— пишет Г. Эделинг, — делают научно обоснованные прогнозы о будущем человека и общества необходимым условием дальнейшего развития» (*Г. Эделинг.* Прогнозирование и социализм. М., 1970, стр. 17).

только как производственной единицы, но и как одного из основных элементов социальной структуры общества. Это в свою очередь вызывает все более широкое внедрение научной организации труда, оптимальное планирование и наиболее рациональное управление социальными процессами жизни коллектива предприятий.

В условиях новой системы планирования и экономического стимулирования неизмеримо повышается значение перспективного и комплексного прогнозирования как в общегосударственных масштабах, так и в масштабах отдельного предприятия.

Теоретически определяя перспективы в той или иной области общественного развития, прогнозы представляют собой тот фундамент, на основе которого осуществляется научное управление жизнедеятельностью социалистического общества, и в частности экономическое и социальное планирование. Именно поэтому, как отмечал Л. И. Брежнев, у нас ведется работа по составлению прежде всего «долгосрочных прогнозов развития экономики нашей страны» [1]. При этом обсуждение научных прогнозов, указывал А. Н. Косыгин, «должно предшествовать разработке планов по развитию отраслей народного хозяйства... Мы должны располагать научными прогнозами по развитию каждой отрасли промышленности, чтобы вовремя дать дорогу передовому, прогрессивному, знать, в каком направлении разрабатывать план» [2].

Следовательно, прогноз — это не только основа планирования, но и показатель реальности его осуществления. С другой стороны, планирование — это не только воплощение прогноза в комплексе конкретных заданий, но и условие его практической реализации.

Оптимальное управление производством и социальной жизнью предприятия, комплексное перспективное планирование не могут осуществляться без взаимосвязанного учета всех экономических и социальных факторов. Такой подход полностью соответствует ленинским принципам планирования. Наши планы, указывал В. И. Ленин, — это планы «экономического и социального строительства» [3].

[1] «Правда», 23 февраля 1968 г.
[2] «Плановое хозяйство», 1965, № 4, стр. 4, 5.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 45, стр. 352.

В современной практике государственного планирования наряду с определением перспектив экономического развития формируются также основные направления социальных преобразований в плановом периоде. Под планомерное воздействие подпадают такие закономерные социальные процессы, как преодоление социально-экономических различий между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, объективно ведущие к нарастанию социальной однородности общества и полной ликвидации социально-экономического неравенства между людьми.

Подчеркивая органическую связь планов экономического и социального строительства, А. Н. Косыгин говорил, что планирование — «не просто экономическая деятельность, как часто многие считают. Это разработка социальных проблем, проблем, связанных с повышением уровня жизни народа. План мы рассматриваем как комплекс экономических и социальных задач, которые предстоит решить в плановом периоде, как комплекс всех вопросов, связанных с жизнью человека» [1].

Однако, если в общегосударственных планах развития народного хозяйства все более значительное место занимают проблемы социального строительства, то планирование на отдельных предприятиях до последнего времени ограничивалось в основном технико-экономическими показателями. Между тем органическая увязка экономического и социального развития, глубокая и всесторонняя научная разработка мероприятий, закладываемых в планы социального развития промышленных предприятий на длительную перспективу, имеют огромное значение, не только социально-политическое, но и социально-экономическое. Во-первых, конкретные производственные задания общегосударственного плана развития народного хозяйства наиболее успешно выполняются, если стимулируются столь же конкретными социальными благами. Во-вторых, социальные мероприятия, предусмотренные общегосударственным планом, окажутся тем эффективнее, чем в большей мере они конкретизированы и доведены до непосредственных исполнителей.

Разработка планов социального развития коллективов предприятий имеет и более отдаленный, но не менее

[1] «Плановое хозяйство», 1965, № 4, стр. 3.

глубокий общественный смысл. Научно-техническая революция несет в себе огромные потенции преобразования всей системы социальных отношений. Она неминуемо вызывает существенные изменения в соотношении человека и техники, а в условиях социалистического общества, кроме того, повлечет за собой более высокий уровень организации, управления и руководства социальными процессами, совершенствования производственных и иных отношений в трудовых коллективах.

Каждое предприятие — это, с одной стороны, производственная ячейка, с другой — социальный коллектив, где развиваются все те отношения и процессы, которые характерны для нашего социалистического общества. Новая система планирования и экономического стимулирования привела к значительному повышению не только хозяйственной, но и социальной роли промышленных предприятий. В резолюции XXIV съезда КПСС указано: «В общественно-политической жизни, в коммунистическом воспитании трудящихся велика роль трудового производственного коллектива. Забота коллектива о каждом труженике, внимание к его нуждам, взаимная помощь и взыскательность — неотъемлемые черты нашего образа жизни, которые необходимо укреплять и развивать»[1].

Располагая необходимыми экономическими рычагами воздействия на социальные условия труда и быта, каждое предприятие получает возможность разработать перспективную программу своей деятельности в области техники, экономики и организации производства, а также определить, какими средствами оно будет располагать для материального поощрения и проведения социально-культурных мероприятий.

В производственном коллективе и через его посредство трудящийся включается в общую систему экономических, политических и идеологических отношений, становится сознательным и активным участником, творцом социального прогресса. Очевидно также, что весь социально-психологический уклад жизни общества воспринимается в значительной мере через призму той социальной среды, в которой непосредственно осуществляется общественно полезная деятельность индивида. Нередко

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 205.

оценка реальных отношений отдельными трудящимися и их группами складывается, как об этом свидетельствуют конкретно-социологические и социально-психологические исследования, под влиянием не только общей структуры общественных отношений, но и их конкретных форм в данном коллективе. Вот почему необходимо через систему мероприятий плана социального развития совершенствовать те формы труда, общения и познания, в которых общее выражается в особенном и отдельном.

Широкая программа социальных преобразований, намеченная Директивами XXIV съезда КПСС по девятой пятилетке, будет осуществлена при условии распространения опыта социального планирования. Основной смысл социального планирования состоит во внедрении планомерности, оптимальности и рациональности в управлении жизнедеятельностью трудовых коллективов на основе научного познания объективных закономерностей развития социалистического общества, прогнозирования научно-технического прогресса и их наиболее эффективного использования [1].

---

[1] М. Н. Руткевич и Л. Н. Коган отмечают: «Социальное планирование неотделимо от прогнозирования. С другой стороны, прогнозирование, особенно научно-технического прогресса и его последствий, получило и у нас, и в других социалистических странах, и в странах развитого капитализма в последние годы чрезвычайно мощное развитие, методы прогнозирования разработаны с применением весьма совершенного математического аппарата. Эти два потока пока что мало связаны между собой и оба вместе — с социологической теорией» (*М. Н. Руткевич, Л. Н. Коган.* Марксистская социология, социальное прогнозирование и планирование. — «Философские науки», 1971, № 3, стр. 3).

Соглашаясь с этой мыслью, мы вместе с тем полагаем, что авторы напрасно ставят в один ряд социальное прогнозирование и планирование в социалистическом обществе с лишь внешне сходными тенденциями в странах развитого капитализма. Если при этом имеется в виду доктрина так называемых человеческих отношений в промышленности (Human relations in industry), то ее цели прямо противоположны социальному планированию при социализме, что признают даже многие буржуазные социологи. Так, например, Уайт пишет, что если раньше управляющий «хотел заполучить от тебя прежде всего твой пот», то теперь, вооруженный доктриной «человеческих отношений», он «хочет получить и твою душу» (*W. H. Whyte.* Organization Man. New York, 1957, p. 440).

Еще более определенно высказывается Миллс, который вскрывает истинные цели этой доктрины, состоящие в том, чтобы «снизить издержки производства, смягчить напряженность внутри предприятий» и «найти новое оправдание для системы большого бизнеса

План социального развития коллектива предприятия представляет собой научно обоснованную и материально обеспеченную систему мероприятий, направленных на планомерное изменение структуры и условий жизни производственных коллективов, формирование и наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей трудящихся, всестороннее развитие личности. Он позволяет увязать технико-экономические показатели деятельности предприятий с задачами социального развития трудовых коллективов, тем самым способствуя совершенствованию производства, повышению производительности труда и воспитанию у работников коммунистического отношения к труду. Активное и творческое участие широких трудящихся масс в становлении и реализации планов социального развития знаменует собой возникновение новой формы социалистической демократии.

При социализме планирование социальных процессов получает необходимую материальную и научную базу, может осуществляться не только в масштабе всей страны, но и на каждом отдельном предприятии. При этом цель социального планирования оказывается достигнутой лишь в том случае, если в его основе лежит экономически обоснованный план народнохозяйственного развития. И наоборот, эффективность реализации народнохозяйственного плана во многом зависит от социальных мероприятий, осуществляемых в плановом порядке. Данная взаимосвязь обусловлена тем, что, с одной стороны, производство создает материальную основу для функционирования всех социальных институтов, а с другой стороны, состояние самого производства находится в зависимости от уровня развития этих институтов, поскольку именно последние определяют, в каком качестве выступает работник.

в условиях все возрастающей пропасти между маленьким островком владельцев корпораций и морем их наемных работников» (*C. W. Mills.* White Collar. New York, 1956, p. 182). А один из профсоюзных деятелей, Баркин, хотя и стоящий на позициях «классового сотрудничества», назвал «использование таких двусмысленных и медоточивых слов, как «человеческие отношения»... подлым обманом» (*S. Barkin.* Trade Unionist Apraises Management Personnel Philosophy.— «Research in Industrial Human Relations». A Critical Appraical. New York, 1957, p. 118).

Итак, создание материально-технической базы коммунизма, научно-техническая революция, успешная реализация новой экономической реформы порождают своеобразную социальную ситуацию, требующую научно обоснованного социального планирования.

Как известно, в последние годы партия осуществила ряд весьма важных мероприятий по преодолению элементов волюнтаризма в экономической сфере, внедрению научно обоснованных принципов руководства народнохозяйственной жизни на основе познания и использования объективных экономических законов. Социальное планирование есть не что иное, как продолжение и распространение этой линии, этой политики на социальную сферу, на область надстройки нашего общества.

Осуществляется естественный процесс приведения в соответствие надстройки с базисом общества, что необходимо для нормального функционирования социалистической формации. Эта необходимость обусловлена рядом важных обстоятельств. Так, если в сфере хозяйственной жизни социалистического общества элементы субъективизма ограничиваются строгими рамками требований экономических закономерностей, не позволяющими выходить за их пределы на сколько-нибудь отдаленный и продолжительный период времени, то в социальной области выступающие на поверхность требования соответствующих объективных закономерностей характеризуются относительно меньшей степенью стабильности, «нормативности», четкости, определенности выражений и т. д. Не недостаточная ли изученность объективных закономерностей в области социального развития нередко порождает использование таких неопределенных терминов в правовых и иных решениях социальных проблем, как «поднять», «преодолеть», «сгладить» и т. п., вместо ясных, четких и точных данных, показателей, нормативов?

Реализация планов социального развития, как показал опыт ведущих отраслей промышленности, помогает своевременно готовить коллективы трудящихся, каждого работника к решению как текущих, так и перспективных производственных задач, создает условия для наиболее производительного труда, повышает эффективность производства на основе роста технического уровня и культуры производства, внедрения научной организации тру-

да. Улучшается работа по подбору, расстановке и воспитанию кадров, стабилизируется контингент работающих, сокращаются потери рабочего времени. Повышается материальное благосостояние трудящихся, растет их общеобразовательный и культурный уровень, профессиональная подготовка и квалификация. Укрепляется производственная дисциплина, атмосфера товарищества и доверия, взаимного уважения и требовательности, повышается активность трудящихся в управлении производством, в общественно-политической жизни страны.

Программа работ по социальному планированию развития трудового коллектива, по нашему мнению, должна включать три основные последовательно осуществляемые части: а) цель социального планирования; б) содержание плана социального развития; в) меры по обеспечению внедрения заданий плана социального развития.

Любой план социального развития должен исходить из цели основного экономического закона социализма и в соответствии с ней намечать мероприятия. Оптимальные же величины данных мероприятий определяются путем тщательного анализа условий и возможностей объекта (например, завода) и тем периодом (например, пятилетием), который охватывается планом.

Для определения конкретной цели социального планирования необходимо всесторонне изучить не только статику, но и динамику развития объекта, а также совокупность тех общих тенденций, которые влияют на его развитие. Необходим анализ фактического положения дел на объекте, соответствующих директивных указаний, законодательных актов (так сказать, правового статуса объекта) и многого другого. В частности, должны быть определены основные параметры социального развития предприятия на конец планируемого периода, исходные рубежи, с которых начнутся социальные изменения в перспективе, а также сформулированы те основные задачи социального развития коллектива предприятия, которые необходимо прежде всего решить в планируемый период. Важно также учитывать, что при социальном планировании нельзя ограничиваться лишь определением нормативов, поскольку даже на одном объекте трудящиеся обладают самыми различными социальными потребностями и интересами, взаимодействие которых

создает в коллективе своеобразные ситуации, стимулы, движения.

Хорошая подготовка социального планирования путем правильного определения его цели, формулируемой в зависимости от конкретного состояния и тенденций развития объекта, окупается в последующей работе, в частности при разработке содержания самого плана социального развития.

Отмеченные выше соображения о характере, содержании и реализации плана социального развития показывают, сколь многогранными и комплексными являются проблемы, которые должны быть разрешены при его разработке. Здесь в своеобразном единстве представлены экономические и социологические, философские и юридические, психологические и антропологические, этические и эстетические проблемы.

Социальные прогнозы будут реальны лишь в том случае, если они прежде всего экономически обоснованы. В связи с этим следует заметить, что в процессе разработки плана социального развития нередко приходится возвращаться к чисто производственным или хозяйственным вопросам, без урегулирования которых исключается возможность аргументированно, с учетом резервов предприятия рекомендовать соответствующие мероприятия по совершенствованию социальных отношений трудового коллектива.

С другой стороны, выдвинутые экономическим развитием социальные проблемы могут быть наиболее квалифицированно решены привлечением специалистов в области психологии, философии, правоведения, этики и эстетики, социологии и медицины и т. д. Без такой кооперации немыслимы эффективное и рациональное использование материальных, финансовых и трудовых ресурсов, выбор наиболее оптимальных путей экономического и социального развития в их единстве, подъем материального благосостояния, научно-технического и культурного уровня трудящихся, совершенствование практики регулирования общественных отношений и решение других вопросов движения нашего общества. Возьмем, например, вопрос о текучести кадров. Ясно, что только с помощью административно-правовых методов решить эту проблему невозможно. Известно также, что и одного лишь повышения заработной платы далеко не

достаточно для закрепления рабочей силы на данном предприятии. Решение этой проблемы требует серии мероприятий, закладываемых в планы социального развития коллективов предприятий на длительную перспективу. Эти мероприятия должны быть строго взаимосвязаны, всесторонне учитывать взаимодействие социальных, экономических, психологических и других особенностей изучаемого коллектива.

Особенно глубокую связь социальное планирование имеет с политикой. Не только весь комплекс мероприятий плана социального развития должен выражать требования политики Коммунистической партии и Советского государства, но и сам план обязан содержать определенные политические мероприятия. Повышение уровня политического сознания, воспитание коммунистического мировоззрения трудящихся является необходимым условием всех мероприятий, всей деятельности по социальному планированию. План социального развития предприятия должен содержать серию политико-воспитательных, и в частности пропагандистских, мероприятий, основанных на конкретно-социологических исследованиях и учитывающих уровень политической подготовки различных слоев трудового коллектива предприятия.

Но если основу плана социального развития составляет экономика, в конечном счете определяющая содержание его комплексных мероприятий, то решение ряда правовых вопросов является условием их успешной реализации.

Разработанный проект плана социального развития должен быть, очевидно, обсужден коллективом предприятия и после уточнения, дополнения и одобрения утвержден администрацией предприятия по согласованию с ФЗМК. Основные показатели плана должны быть включены в коллективный договор профсоюзной организации предприятия с администрацией, а также в техпромфинплан предприятия в качестве его составной части.

Представляется целесообразным, далее, рассмотрение и утверждение планов социального развития предприятий исполкомами Советов депутатов трудящихся, а также соответствующими министерствами и ведомствами (при двойном подчинении), оказание этими органами необходимого содействия и помощи предприятиям в реализации заданий плана, а также осуществление дейст-

венного контроля за выполнением предусмотренных планом мероприятий.

Принятие выдвинутых рекомендаций не только придает планам социального развития правовой характер со всеми отсюда вытекающими последствиями (четкость и определенность в правоотношениях, своевременность осуществления соответствующих мероприятий и обеспеченность их государством, контроль и ответственность за исполнение заданий плана и т. д.), но и позволяет местным Советам, как и вышестоящим органам, координировать деятельность предприятий, общественных и государственных организаций в социальном строительстве.

Однако правовой аспект проблемы социального планирования этим не ограничивается. Как видно из содержания плана социального развития, в составлении почти всех его разделов целесообразно участие юристов. Так, например, едва ли нужно доказывать полезность работы юристов при разработке мероприятий плана социального развития по повышению оплаты труда и его нормированию. Эти мероприятия должны прежде всего основываться на действующем законодательстве. В первую очередь социальное планирование должно осуществляться в полном соответствии с постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г.[1] и «О мероприятиях по дальнейшему повышению благосостояния советского народа» от 26 сентября 1967 г.[2] На основе этих и других правовых предписаний планы социального развития предусматривают меры по экономически более целесообразному и эффективному использованию фонда заработной платы и коллективных поощрительных фондов, устанавливают перспективу повышения заработной платы основным категориям трудящихся, указывают пути повышения заработной платы каждой категории работников предприятий (выполнение норм выработки, увеличение размеров премиальных выплат, повышение квалификации и разряда работ, совмещение профессий и т. д.).

Наряду с решением указанных и аналогичных проб-

[1] См. СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153.
[2] См. СП СССР, 1967, № 23, ст. 161.

лем на долю юристов выпадает и ряд специальных исследований. Среди них важное значение имеют, например, анализ состояния и определение путей укрепления трудовой дисциплины на предприятиях. Дисциплина труда, как известно, является фактором, значительно влияющим на ход выполнения производственных планов. Нарушениями трудовой дисциплины наносится помимо материального ущерба также большой вред совершенствованию социальных отношений в коллективе. Поэтому исследование данного вопроса дает возможность целенаправленно воздействовать на отрицательные факторы, влияющие на состояние трудовой дисциплины, прогнозировать развитие данного явления, определять эффективность мер воздействия, применяемых к правонарушителям.

Разработка и внедрение планов социального развития только на отдельных промышленных предприятиях, оправданные на первых этапах нашей работы в качестве постановки экспериментальных поисков, в будущем должны стать повсеместными. В противном случае окажется, что социальные блага будут «потреблять» в максимально возможных объемах лишь трудящиеся в тех отдельных, как правило, крупных промышленных предприятиях, которые располагают значительными материальными и финансовыми ресурсами и на которых плановые социальные мероприятия были внедрены. Тот же, кто работает на мелких промышленных предприятиях, не имеющих планов социального развития, будет лишен возможности оптимально пользоваться этими благами. Не касаясь сугубо экономических последствий такого положения, следует обратить внимание и на вероятность появления социального неравенства. Один из путей разрешения этого возможного противоречия состоит, по-видимому, в том, что следует проводить социальное планирование на основе кооперирования мелких предприятий в определенных территориальных и ведомственных пределах. Кроме того, и сам анализ планов социального развития отдельных коллективов показывает, что по целому ряду решаемых проблем интересы одного коллектива могут и часто должны быть увязаны с интересами и возможностями отрасли народного хозяйства в целом или соответствующей административно-территориальной единицы.

Вот почему в ряде городов страны на основе анализа планов социального развития коллективов предприятий райкомы и горкомы КПСС совместно с райсоветами и горсоветами приступили к разработке перспективных планов развития административных районов.

План социального развития оказывается наиболее эффективным, если он носит долгосрочный перспективный характер. Он должен быть органически связан по важнейшим показателям с перспективным производственным планом. Поэтому наряду с разработкой очередных пятилетних планов развития народного хозяйства страны необходимо проводить работу по составлению планов социального развития с тем, чтобы каждый производственный коллектив (отрасль народного хозяйства и административно-территориальная единица страны), вступая в новое пятилетие, имел четкие перспективы своего социального развития.

В дальнейшем социальное планирование, очевидно, будет осуществляться не только на предприятиях и объединениях, но и в отрасли народного хозяйства в целом, не только в масштабе района, города, области и республики, но и в масштабе всей страны. Все более широкое распространение социального планирования потребует научной разработки единой методологии, методики, системы показателей и организации работ по составлению и реализации планов социального развития различных уровней [1].

Все эти мероприятия будут способствовать выполнению решений XXIV съезда КПСС по дальнейшему повышению материального благосостояния советского на-

---

[1] К настоящему времени разработаны и изданы методические рекомендации по планированию социального развития лишь коллектива предприятия, подготовленные с участием научных организаций и с учетом опыта социального планирования на ряде предприятий страны. ВЦСПС, Госплан СССР и Госкомитет Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы направили эти рекомендации министерствам и ведомствам страны, указав в сопроводительном письме, что они предназначены для оказания помощи при разработке перспективного плана предприятия и заключении коллективных договоров (см. «Планирование социального развития коллектива предприятия. Методические рекомендации». Редакционная коллегия: Д. А. Керимов (главный редактор), Ю. Е. Волков, Л. Н. Коган, Е. С. Кузьмин, Л. А. Олесневич, В. Р. Полозов, С. Ф. Фролов. М., 1971).

рода и удовлетворению его растущих духовных потребностей, интенсификации производительности труда и развитию социалистической демократии.

Широкое внедрение социального планирования открывает новые каналы проникновения достижений науки в производство и вместе с тем является еще одной формой привлечения трудящихся к активному управлению социальными процессами, к строительству коммунистического общества.

ПРАВО КАК РЕАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ

§1. Необходимость — основа свободы и права

Человеческая жизнь приобретает смысл лишь в условиях подлинной свободы. Лишь свобода все человеческое превращает в разумно человеческое, и лишь в условиях свободы личность получает возможности для своего гармоничного совершенствования.

Многие столетия лучшие люди нашей планеты мечтали о свободном обществе, воспевали его как прекрасный, но далекий идеал. Ценой больших страданий и жертв искали трудящиеся массы правду жизни, пробиваясь к своей заветной мечте — к свободе. И лишь теперь, в нашу эпоху, эта мечта стала превращаться в реальность благодаря Великому Октябрю, открывшему путь практической реализации гениального учения марксизма-ленинизма. Впервые в истории человеческой мысли в этом учении свобода обрела свое подлинно научное истолкование и развитие, а затем и воплощение в практике строительства социализма. В чем же состоит действительная суть свободы? Каково ее соотношение с правом?

Ф. Энгельс указывал, что невозможно рассуждать о праве, не касаясь вопроса об отношении между необходимостью и свободой [1]. Поэтому, прежде чем ответить

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 115.

на вопрос о соотношении свободы и права, следует рассмотреть отношения между необходимостью и свободой.

Впервые в истории философии с подлинно научных позиций к вопросу о соотношении необходимости и свободы подошли классики марксизма-ленинизма. Критически изучив развитие идей в этой области в античной философии, в материализме XVII—XVIII вв., в трудах Гегеля, они дали глубокий научный анализ категорий свободы и необходимости, определили действительное соотношение между этими категориями.

Как известно, Гегель превзошел все предшествующие ему достижения в постановке и в решении проблемы необходимости и свободы.

По Гегелю, свобода есть подлинная сущность духа. «...Субстанцией, сущностью духа, является свобода»[1]. Всемирно-исторический процесс «есть не что иное, как развитие понятия свободы»[2]; движение духа народа по пути «освобождения духовной субстанции»[3] есть прогресс «в сознании свободы»[4].

Будучи сама по себе «только понятием, принципом духа и сердца», свобода приобретает форму действительности, получает *«форму необходимости»*, поскольку «сама определяет себя к развитию до степени предметности...»[5]. Здесь, следовательно, преодолевается сосуществование (Фихте, Кант) свободы и необходимости, которые выступают скорее как ступени развития действительности. При этом необходимость находится на низшей ступени развития духа, представляя собой «как раз то, о чем не умеют сказать, *что* оно делает, каковы его определенные законы и положительное содержание...»[6]. Возвышаясь над необходимостью, дух переходит из сферы необходимости в сферу свободы, т. е. в сферу понятия[7]. При этом существенная особенность духа — его деятельность, создающая «из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обы-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VIII, стр. 17.
[2] Там же, стр. 422.
[3] См. *Гегель.* Соч. т. III, стр. 329.
[4] См. *Гегель.* Соч., т. VIII, стр. 19.
[5] *Гегель.* Соч., т. III, стр. 292, 293, 292.
[6] *Гегель.* Соч., т. IV, стр. 194.
[7] См. *Гегель.* Соч., т. VI, стр. 289.

чаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах». Действительностью конкретной свободы являются только государство, нравственность, право. Гегель писал, что «система права есть царство реализованной свободы». И далее: «Право есть нечто *святое вообще,* святое только потому, что оно есть наличное бытие абсолютного понятия, самосознательной свободы... Каждая ступень развития идеи свободы обладает свойственным ей особым правом, так как она есть наличное бытие свободы в одном из ее определений» [1].

Крайняя идеализация, абсолютизация разума, духа, идеи, извращение действительного исторического развития настолько очевидны у Гегеля, что здесь нет смысла подробно на них останавливаться и опровергать. «История человечества, — писал К. Маркс, критикуя Гегеля, — превращается в историю *абстрактного* и потому для действительного человека *потустороннего духа* человечества». Между тем ««история» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека» [2]. Вместе с тем известно, что Ф. Энгельс и В. И. Ленин положительно оценивали принцип историзма в философии Гегеля, его мысли о единстве свободы и необходимости. Гегель, писал Ф. Энгельс, «первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще поразительна... В «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии» — повсюду красной нитью проходит это великолепное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной, связи с историей» [3].

Попытка Гегеля понять исторический процесс как прогресс в развитии свободы потерпела крах. Гегелевский «дух» не смог, конечно, показать и объяснить, ка-

---

[1] *Гегель.* Соч., т. VII, стр. 31, 54.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 93, 102.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 496; см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 116.

ким образом в историческом процессе необходимость превращается в свободу. Именно поэтому классики марксизма-ленинизма решительно отвергли гегелевское сугубо идеалистическое понимание необходимости, которая существует не в самих явлениях, вещах и предметах, а в «сущности бога». «Законы внешнего мира, природы... — писал В. И. Ленин, — суть основы *целесообразной* деятельности человека»[1]. Следовательно, действительная, а не иллюзорная свобода вытекает не из самой себя, не из всеобщего разума и духа как некой тотальности и целостности, а может иметь место лишь тогда, когда действия людей исходят из познанной, реально существующей необходимости, когда они опираются в своей практической деятельности на объективные законы природы и общества, используют их в своих интересах. Противопоставляя гегелевской философии материалистическую диалектику, В. И. Ленин указывал, что, согласно последней, «человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»[2]. В другом случае В. И. Ленин пишет: «...«свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу (наравне с превращением непознанной, но познаваемой, «вещи в себе» в «вещь для нас», «сущности вещей» в «явления»)»[3].

Отсюда следует, что право не есть «наличное бытие абсолютного понятия», которого фактически не существует, а является отражением конкретно-исторической действительности.

В противоположность гегелевскому и любому иному идеализму марксизм-ленинизм исходит из того, что условием существования человека, а следовательно, и общества является производство. Производство в конечном счете лежит в основе воли и сознания людей. Воздействуя на природу и изменяя ее, люди в процессе труда вместе с тем изменяют и свою собственную природу, основные свойства и черты которой также объективны.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 169.
[2] Там же, стр. 169—170.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 53.

Уровень материального производства в определенную историческую эпоху является результатом деятельности предшествующих поколений, а поэтому не зависит от сознания и воли того поколения, которое вступает во владение этим производством. Люди последующих поколений, следовательно, не по своему усмотрению выбирают тот или иной способ производства, ибо их деятельность ограничена условиями, в которые они поставлены уже достигнутым уровнем производительных сил. Как указывал К. Маркс, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [1].

В процессе материального производства люди вступают друг с другом в производственные отношения, характер которых определяет все другие отношения между людьми и многообразие идеологических форм вообще [2].

Люди необходимо связаны с природой и друг с другом. Поэтому их деятельность протекает в целом и в конечном счете в строго определенном порядке, в определенной последовательности, подчиняясь законам общественного развития, в такой же мере объективным и независимым от воли и сознания людей, как и законы природы.

Аналогично необходимости в природе историческая необходимость вытекает из общего взаимодействия всех членов общества, из существенных связей этого взаимодействия, независимых от желания и воли членов общества. Но в отличие от развития природы «в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» [3]. Именно поэтому, как справедливо отмечает Ф. В. Константинов, «общество, историческое развитие — наиболее трудный объект исследования, так как общественно-исторические процессы несравненно более многообразны и сложны, чем природные. Общественное развитие, в отли-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 119.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 6—7.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 306.

чие от природы, происходит по законам человеческой деятельности. Следовательно, объективность этих законов существенно отличается от объективности природных законов: это субъект-объектные отношения, образующие диалектическое единство субъективного и объективного, единство, заключающее в себе различие, противоречие, столкновение интересов и т. д.»[1].

Объективные законы вытекают из самой сущности, из внутренней связи вещей, явлений, событий и процессов материального мира. Необходимость этих законов обусловливается тем, что любые явления, события и процессы в природе и обществе при соответствующих условиях развиваются в главном именно так, а не иначе. Поэтому в своем существовании и деятельности люди зависят от объективных законов бытия, они не могут их игнорировать, не могут с ними не считаться. Как указывал В. И. Ленин, «необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное. Последние должны, неизбежно и необходимо должны, приспособляться к первой...»[2]. И далее: «...общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рожаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда»[3].

Историческое развитие общества представляет собой закономерный процесс революционной смены социально-экономических формаций на основе развития производительных сил. Эта общая материальная основа обусловливает единство всего исторического процесса, наличие ряда общих для всех социально-экономических формаций объективных законов общественного развития (например, закон о зависимости всех сторон общественной жизни от исторически сложившегося способа производства, закон о единстве сторон способа производства, закон о соответствии производственных отношений характеру производительных сил и другие), выражаю-

---

[1] *Ф. В. Константинов.* Марксизм и наше время.— «Философия и современность». М., 1971, стр. 46.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 196.

[3] Там же, стр. 345.

щих объективно существующие связи, взаимозависимости и взаимообусловленности явлений общественной жизни.

При переходе от одной социально-экономической формации к другой общие законы не исчезают, но формы их проявления, характер их действия видоизменяются в зависимости от конкретных исторических условий. Наряду с этим качественное различие социально-экономических формаций порождает специфические объективные законы, которые действуют либо в пределах нескольких формаций (например, закон стоимости), либо в пределах одной формации (например, закон прибавочной стоимости). Эти законы, так же как и общие законы, в зависимости от конкретных исторических условий их существования проявляются в различных формах (например, в период домонополистического капитализма действует закон средней нормы прибыли, а в период монополистического — закон высокой прибыли).

Объективная сторона общественного развития определяет его субъективную сторону. Если же субъективная сторона определяется объективными закономерностями, объективным бытием, то, как отмечал К. Маркс, человечество может ставить перед собой только такие задачи, которые оно в состоянии разрешить в данных исторических условиях, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее разрешения либо уже существуют, либо находятся в процессе становления [1]. Критикуя взгляды Прудона, считавшего произвол и усмотрение правителей решающей причиной экономической жизни общества, К. Маркс писал: «Поистине нужно не иметь никаких исторических познаний, чтобы не знать того факта, что во все времена государи вынуждены были подчиняться экономическим условиям и никогда не могли предписывать им законы. Как политическое, так и гражданское законодательство всего только выражает, протоколирует требования экономических отношений» [2].

Следовательно, право, действующее законодательство зависит от тех конкретно-исторических и прежде все-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 112.

го экономических условий, при которых оно существует.

Подчеркивая объективный характер развития материального мира, марксизм-ленинизм в то же время не допускает фетишизации законов природы и общества. Люди, познав эти законы, могут их использовать в своих интересах, могут управлять ими, а тем самым и господствовать над ними. Ф. Энгельс писал: «Общественные силы, подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно, пока мы не познали их и не считаемся с ними. Но раз мы познали их, поняли их действие, направление и влияние, то только от нас самих зависит подчинять их все более и более нашей воле и с их помощью достигать наших целей» [1].

Объективные законы выражают не только соотношение между наличными данными явлениями, но также и отношение к тому, что должно существовать, выражают основную тенденцию развития явлений. Именно поэтому, познав объективную закономерность общественного развития, люди получают возможность предвидеть результаты действия объективных общественных сил, сознательно и планомерно использовать их в интересах общества.

Все более глубоко проникая в сущность явлений, люди могут сочетать действия различных законов или противопоставлять действие одного закона другому и таким образом достигать определенных желаемых целей. Следовательно, положение марксизма-ленинизма о том, что человечество не в силах отменить объективные законы, не противоречит тому факту, что люди, познав объективные законы и научившись ими пользоваться, в состоянии способствовать их более эффективному действию, а в случае возникшей необходимости — ограничить сферу их действия путем создания соответствующих условий. Общество, «если даже оно напало на след естественного закона своего развития... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов» [2].

Существуя в определенных условиях объективного

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 290.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 10.

мира, люди неизбежно должны приспособляться к этим условиям, познавать их, овладевать ими, чтобы использовать объективные закономерности для удовлетворения своих потребностей, достижения своих желаний, интересов и целей. Этот процесс начинается уже с момента производства, когда человек, чтобы присвоить вещество природы в известной форме, пригодной для его собственной жизни, приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы и благодаря этому достигает соответствующей цели.

Целесообразная деятельность людей является не чем иным, как осознанием закономерностей общественного развития и использованием этих закономерностей в своих интересах. Познание закономерности того или иного явления позволяет людям ставить перед собой определенные цели, предвидеть результаты своих действий, руководить своими действиями и тем самым управлять, овладевать, по крайней мере частично, этой закономерностью, господствовать над ней.

До тех пор, пока люди в своей деятельности руководствуются лишь чувственной видимостью, которая, как правило, отличается от рациональной сущности, они остаются рабами слепой необходимости, будучи бессильными перед ней. Их волевые действия могут случайно совпадать с объективной необходимостью и достигать желанной цели. Но в большинстве подобных случаев нет возможности гарантировать достижение преследуемых результатов. Когда же волевые устремления людей основаны на знании объективных закономерностей, они достигают желаемых результатов, их деятельность приобретает не только необходимый, но и свободный характер.

Следовательно, «не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека...»[1].

Поэтому действительная свобода может иметь место лишь тогда, когда действия людей исходят из познан-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.

ной необходимости, когда их деятельность соответствует объективным закономерностям бытия, когда они опираются в своей практике на объективные законы природы и общества. Отсюда вытекает прежде всего, что свобода — это деятельность, основанная на познании необходимости, направленная на достижение сознательно поставленных целей. Но эти цели также обусловлены познанной необходимостью. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное» [1]. Поэтому ясно, что свобода в качестве своей обязательной предпосылки имеет необходимость [2]. Нет волевой, целесообразной, свободной деятельности людей вне необходимости, вне закономерности.

Если люди в своем существовании, деятельности и развитии зависят от объективных законов природы и общества, то познание этих законов является не только условием их существования, деятельности и развития, но и необходимой предпосылкой достижения ими своей свободы. Уровень свободы людей тем именно и определяется, насколько ими познаны объективные закономерности общественного развития и насколько их действия сообразуются с этими закономерностями и достигают сознательно поставленных целей, результатов. Если бы в природе и обществе отсутствовала объективная необходимость, не действовали бы ее законы, регулирующие ход событий, то люди были бы лишены возможности принять решение о каких-либо, в том числе

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 171.

[2] Различая понятия необходимости и неизбежности, Н. В. Пилипенко указывает, что «на первом этапе возникновения необходимость того или другого явления, процесса еще не является неизбежностью. Но есть такая степень нарастания противоречий в необходимых явлениях, процессах, когда они могут развиваться только в одном направлении. В данном случае мы имеет такую необходимость, развитие которой приводит лишь к одному результату. В этом смысле она (необходимость) может быть отождествлена с неизбежностью. Но это лишь тогда, когда условия уже сложились. В общественной жизни — когда полностью о себе дали знать объективные и субъективные факторы. Вот почему необходимость и неизбежность полностью не тождественны друг другу» (*Н. В. Пилипенко.* Проблема необходимости и случайности в философии и естествознании. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1966, стр. 6).

и простейших, действиях, не могли бы осуществить их, ибо они не знали бы, что надо сделать для достижения необходимых результатов[1]. Целесообразность мышления и деятельности возможна только потому, что реально существуют и действуют объективные законы природы и общественного развития, что в человеческом сознании так или иначе отражаются эти законы. Чем глубже человеческое сознание овладевает знанием закономерностей развития природы и общества, тем более точно оно предвидит тенденции этого развития, тем более успешно воздействует на внешний мир[2]. Чем яснее, всесторонне и глубже люди познают необходимость, тем более обоснованны их целенаправленные действия, тем выше уровень их свободы, тем свободнее их воля.

Достижение цели в соответствии с познанными объективными законами и приводит к свободе: активная целенаправленная деятельность на основе знания необходимости преобразует возможности в действительность и тем самым превращает эту необходимость в свободу. Здесь, таким образом, обнаруживается синтетический характер категории свободы, аккумулирующей в себе органическую связь действительности, возможности, необходимости и цели. Познание действительности и порождаемых ею возможностей, необходимость преобразования возможности в действительность в соответствии с установленной целью, наконец реализация цели в результате действия суть высшие проявления свободы.

Итак, нельзя не только провозглашать, но и представлять себе свободу без необходимости, вне объективных законов природы и общества, если мы намерены рассуждать о свободе в строго научном и действительном ее значении. Поэтому патетические разглагольствования буржуазных идеологов о свободе, независимой от необходимости, могут быть расценены лишь как попытка отвлечь народные массы от задач борьбы за свободу.

Еще К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Свобода определялась до сих пор философами двояким образом.

---

[1] См. *Морис Корнфорт*. Диалектический материализм. М., 1956, стр. 463.

[2] См. *Б. Бьярнасон*. Философские этюды. М., 1955, стр. 85; *Arthur Baumgarten*. Bemerkungen zur Erkenntnistheorie des dialektischen und historischen Materialismus. Berlin, 1957, S. 61.

С одной стороны, она определялась как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид: так она определялась всеми материалистами. С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира, как — мнимая только — свобода духа: так она определялась всеми идеалистами...» [1]

Положение не изменилось в этом вопросе и в наши дни. Если внимательно проанализировать многочисленные определения категории свободы в современной буржуазной идеалистической философии, то можно легко заметить тенденцию к конструированию такого понятия, в котором свобода изображается как некий ограниченный участок, в котором замыкается человек, на котором он прячется и защищает себя от окружающего мира. Но такого ограниченного участка, изолированного от общества, в действительности не существует. Стремление же замкнуться в самом себе, заставить себя отвлечься от окружающего мира — это и есть не что иное, как несвобода [2].

Экзистенциалисты, например, отрицая существование объективных законов бытия и объявляя субъекта творцом самого себя, приходят к выводу, что бытие, реально существующее вне сознания, не является необходимым условием свободы, что свобода является внутренним отрицанием реальности. «Свобода,— пишет Ж.-П. Сартр, — это именно ничто, которое было в сути человека и которое принуждает человеческую реальность становиться вместо *быть*» [3]. Свобода так же неопределима, как и само существование. Поэтому она «есть бытие человека» [4], смысл которого сводится к выбору самого себя как сущности. Отсюда вывод, что «формулировка «быть свободным» не означает «достигать того, чего хотел», а означает «определять самого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 292, примечание.

[2] См. *М. Б. Митин*. О XII Международном философском конгрессе в Венеции. — «Вопросы философии», 1958, № 12; *его же*. Несостоятельность экзистенциалистского понимания личности. — «Коммунист», 1965, № 8; *его же*. В. И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971.

[3] *J. P. Sartre*. L'Etre et le néant. Paris, 1948, p. 516.

[4] Там же, стр. 513.

себя в отношении желания (в широком смысле — в отношении выбора)»»[1].

Другой представитель этого направления современной буржуазной философии, М. Хейдеггер, проповедуя экзистенциональное одиночество, дошел до утверждения о том, что для человека не остается другой свободы, кроме собственной смерти[2]. И эта философия одиночества, обреченности и гибели именуется экзистенциалистами «философией свободы»!

Однако такого рода пассивная философия в определенном аспекте не устраивает идеологов империализма, ибо при отрицании активности невозможно также вести борьбу за сохранение существующего общественного строя. Так, например, прагматист Д. Бёрнхэм писал, что, с его точки зрения, «полезность» понятия свободы состоит лишь в том, что данное понятие можно употреблять вместо выражения «война». Другой прагматист, Д. Ружмон, «высшую гарантию личной свободы в наше время» видит в «самом радикальном сопротивлении» силам социализма[3].

Однако ни отрицание объективной реальности и законов ее развития, ни призывы к самоусовершенствованию и обладанию внутренней, психической свободой, ни пропаганда свободы войны или свободы смерти, характерные для современной буржуазной идеалистической философии, не могут, разумеется, поколебать того очевидного факта, что достигнуть свободы могут лишь те, кто опирается на познанную необходимость.

Научное понимание свободы не устраняет, таким образом, зависимости от объективных закономерностей природы и общества, но превращает эту зависимость в условие господства над ними. Подобно тому как «вещь в себе» в результате познания превращается в «вещь для нас», так и необходимость становится свободной,

---

[1] *J. P. Sartre.* L'Etre et le néant, p. 564. На XIII Международном философском конгрессе эти идеи отстаивал М. Шакк: «Быть свободным, — говорил он, — это не только «иметь» свободную волю и осуществлять ее, но и прежде всего формировать самого себя, согласно свободной воле» («Memerias del XIII. Congreso Internacional de Filosofia», vol. I. Mexico, 1963, p. 39).

[2] *M. Heidegger.* Sein und Zeit. Haale a. d. Saale, 1951, S. 33.

[3] «Die Zukunft der Freiheit. Sonderbeilage». — «Der Monat», 1956, N 89, S. 99

коль скоро она познана[1]. В «Философских тетрадях» В. И. Ленина приводится гегелевское положение: «...если мы рассматриваем понятие свободы как абстрактную противоположность необходимости, то это только рассудочное понятие свободы; истинное же и разумное понятие свободы содержит внутри себя необходимость как снятую»[2].

В противоположность идеализму марксистско-ленинская материалистическая философия считает, что на основе познания действительности люди могут преобразовать ее в своих интересах, в интересах своей свободы. В. И. Ленин, отмечая этот важный момент в понимании единства свободы и необходимости, писал, что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»[3]. При этом сознательное (а не стихийное) достижение людьми своей свободы может иметь место лишь при условии познания ими всей совокупности основных факторов окружающей их действительности и определения на этой основе закономерных тенденций ее развития[4].

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 197.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 29, стр. 163.

[3] Там же, стр. 195.

[4] Идеологи антикоммунизма часто пишут, будто бы марксизм и построенное в соответствии с ним общество отрицают человеческую личность, ее индивидуальность. Так, А. Этшевери заявляет: «Марксизм отрицает существование человеческой натуры, обладающей абсолютной ценностью, не зависящей от исторических и географических условий. Он не признает за личностью существенных достоинств, которые возвышались бы над социальными интересами. Он не может видеть в личности носителя священных прав, уважение которых обязательно при любых обстоятельствах». Отсюда делается вывод: «Человек не принимается в расчет. Личностью жертвуют — такова плата за материализм» («Le Conflict Actual des Humanismes». Paris, 1958, p 171, 177).

Марксизм отрицает возможность существования человеческих личностей вне географических условий, вне социальных условий, созданных обществом, ибо без этих условий жизнь человека практически просто немыслима. Для марксизма человек не абстрактная, извечно данная экзистенция, а реальный, обусловленный конкретно-исторической обстановкой индивид. Но это совсем не значит, что марксизм отрицает наличие индивидуальных особенностей у каждого конкретного человека, принижает роль отдельной личности в обществе. Наоборот, социалистический общественный строй утверждается прежде всего для того, чтобы обеспечить простор полному и всестороннему расцвету личности. Человек при этом не только не подавляется, а выступает как властелин своей судьбы, как творец и созидатель нового общества.

Марксистские философские положения о необходимости и свободе имеют огромное значение для понимания сущности правотворчества, права и его реализации, для определения их роли в жизни общества, для их развития и совершенствования. Данные положения со всей очевидностью доказывают, что правосознание и воля господствующего класса, направленные на создание права и выраженные в нем, определяются материальными условиями жизни общества; что свободное, подлинно научное правотворчество возможно лишь на основе познания необходимости; что созданное в результате правотворчества право окажется средством достижения свободы только в том случае, если оно исходит из объективных законов и на них опирается, если оно отражает необходимые, назревшие потребности общественного развития.

Следует в этой связи заметить, что в буржуазном правоведении даже в тех случаях, когда существование объективных законов так или иначе признается, действие их объявляется фатальным и возможность использования этих законов законодателем исключается. Выражая «волю всего общества», заявляют представители буржуазного правоведения, законодатель должен исходить при создании правовых норм не из действительности и объективных закономерностей ее развития, а из идеальных категорий типа «основная норма» или «вечная справедливость», опираясь на свою собственную интуицию, предчувствия, откровения [1]. Понятно, что такого рода правовые теории, преследуя цель представить право в виде неизменных «вечных» истин, потустороннего установления, сверхъестественного дара, лишают практику правотворчества ее научной основы.

Стремясь к свободе, человек постоянно расширяет и углубляет познание необходимости, все в большей мере достигает господства над стихийными силами природы и общественной жизни. Движение человека к свободе тем успешнее и быстрее, чем полнее и правильнее он познал действительность и объективные закономерности ее развития.

---

[1] См., например, *H. Kelsen.* Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, 1911, S. 6, 14, 55; *Bengamin N. Cardazo.* The Growth of the Law. Seventh Printing, 1944, p. 44—45; *Bernard C. Gavit.* Introduction to the Study of Law. Brooklyn, 1951, p. 3—4.

Внутренняя закономерная связь и диалектическое единство свободы и необходимости дали основание Ф. Энгельсу сделать вывод: «...чем *свободнее* суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей *необходимостью* будет определяться содержание этого суждения...» [1]

Применяя эту глубокую мысль Ф. Энгельса к проблемам права, можно сказать: чем свободнее решение законодателя по вопросу об определенных общественных отношениях, подлежащих правовому регулированию, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого решения; чем глубже и полнее познана законодателем действительность и объективные законы ее развития, тем большей степени свободы он достигнет в правотворчестве, тем с большей обоснованностью будет осуществляться правовое регулирование общественных отношений; чем свободнее правореализующая практика, тем с большей необходимостью будет определяться ее содержание; чем глубже и полнее познаны объективные условия правореализующего процесса, тем большей степени достигается свобода в этом процессе, тем эффективнее будут его результаты.

Познание характера, тенденций и условий развития объективной реальности внешнего мира, обнаружение предпосылок и возможностей прогрессивного преобразования действительности еще не делают людей полностью свободными, ибо свобода — это не только познанное состояние человечества, но и практическое изменение, преобразование этого состояния. «Одного только познания... — писал Ф. Энгельс, — недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*» [2].

Познание объективных закономерностей развития действительности является непременной предпосылкой, условием господства над этой действительностью, необходимым этапом на пути к свободе людей. Но на каждом данном этапе перехода от теоретического познания к практическому преобразованию действительности реша-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.
[2] Там же, стр. 329, 330.

ющее значение для достижения свободы имеет субъективный фактор. Его значение в преобразовании мира тем больше, чем глубже и всестороннее знание объективной действительности. Подобно тому как люди действуют более свободно, если они расширяют и углубляют свою власть над природой, предвидя максимально точные результаты своего воздействия на нее, так и их действия все более свободны по мере расширения и углубления знаний о закономерностях развития событий и процессов, происходящих в обществе [1].

Вся история эксплуататорских формаций развивается как своего рода двоякий процесс. Познавая объективные законы природы, используя их в своей практике, люди овладевали естественными стихийными силами и развивали производительные силы общества. Наряду с этим исторические типы производственных отношений, основанные на рабстве, крепостничестве, наемном капиталистическом труде, обусловили прогрессирующее порабощение человека стихийными силами общественного раз-

---

[1] С такими научно обоснованными и на практике давно проверенными выводами многие представители буржуазной идеалистической философии не соглашаются. Сейчас они, как и много лет назад, продолжают отрицать не только объективное существование материального мира и закономерностей его развития, но и возможность познания реальных явлений, в том числе и самой свободы. В такого рода утверждениях современная идеалистическая философия не ощущает недостатка. Так, один из новоявленных «ниспровергателей» диалектического и исторического материализма, некто Т. Андреас, пишет: «В действительности все было бы познаваемым, если бы могло быть сохранено теоретическое утверждение о том, что весь мир состоит из «реальности». Но он, помимо «реальности», состоит еще из непознаваемых вещей» (*Theodor Andreas.* Zum Widerlegung des dialektischen und historischen Materialismus. Pfaffenhofen, 1954, S. 30). К числу этих «непознаваемых» вещей относится, в частности, свобода. Обобщая итоги международной сессии так называемого «Конгресса за свободу культуры» (Милан, 1955 г.), прагматист Ф. Вонди отмечал: «В противоположность идеологам, которые «взяли в аренду» будущее, партнеры бесед в Милане единодушны были в том, что будущее нельзя предвидеть и что... эта невозможность предвидения остается собственно шансом будущего и вечным шансом свободы» («Die Zukunft der Freiheit».— Sonderbeilage «Der Monat», 1956, N 89, S. 83). Экзистенциалист К. Ясперс также приходит к выводу, что свобода сама по себе непознаваема, ее можно лишь представить посредством мышления (*K. Jaspers.* Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Frankfurt a. M.— Hamburg, 1955, S. 153).

вития. По мере ослабления личной зависимости в период перехода от рабства к крепостничеству, а затем к капитализму происходит возрастание зависимости человека от стихийно складывавшихся общественных отношений.

Анализ естественноисторического развития общества, основанного на эксплуатации, вскрыл необходимость отличать объективную природу закономерностей, управляющих им, от стихийного характера действия самих этих закономерностей.

Стихийность, будучи формой действия объективных закономерностей в эксплуататорском обществе, достигает своей кульминации при капитализме.

Стихийность действия объективных законов в условиях капитализма, равно как и в условиях предшествующих ему антагонистических формаций, отнюдь не исключает возможности их использования, которое, однако, не следует смешивать с подчинением этих стихийно действующих законов контролю общества. Между тем такого рода смешение обнаружилось в литературе. Одни авторы подчеркивают, что использование объективных законов на практике может иметь место и до того, как они познаны, а отсюда делают вывод о возможности бессознательного их использования. Другие, наоборот, считают, что понятие «бессознательное» использование объективных законов лишено смысла, ибо это и есть стихийное действие данных законов, подчиняющее себе людей [1].

Отмечая это логическое противоречие, Г. Е. Глезерман пишет: «Об использовании законов можно говорить лишь при условии активной деятельности человека, его активного отношения к ним, а последнее предполагает сознательность. Вместе с тем эта сознательная деятельность не требует обязательного знания самого закона... Стало быть, необходимо различать эмпирическое и основанное на научном знании использование закона. Точно так же можно различать эмпирическое предвидение, основанное на известных догадках, и научное пред-

---

[1] См. *А. Румянцев.* Об использовании экономических законов в интересах общества. — «Коммунист», 1956, № 2, стр. 18.

видение. Последнее дает возможность перейти от деятельности на ощупь к деятельности, опирающейся на точный научный расчет»[1].

В условиях капитализма объективные законы действительно подчиняют себе поступки и волю людей, как силы, стоящие над ними. «...Эти законы, — писал Ф. Энгельс, — прокладывают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и могут быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они прокладывают себе путь помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства. Продукт господствует над производителями»[2].

Вместе с тем Ф. Энгельс отмечал, что у людей возникает сознание «сперва условий отдельных практических полезных результатов, а впоследствии, на основе этого... понимание законов природы, обусловливающих эти полезные результаты»[3].

Это относится не только к законам природы, но и к законам общественного развития. Возьмем, например, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. На заре буржуазной революции, когда буржуазия представляла собой передовую силу, она опиралась на этот закон (а следовательно, и использовала его) в борьбе против отжившего феодализма, низвергла феодальные производственные отношения, создала простор для развития новых, капиталистических производственных отношений и привела их в соответствие с характером производительных сил, выросших в недрах феодального строя. Вскоре после буржуазной революции наступил период, когда капиталистические производственные отношения соответствовали характеру производительных сил. Свобода конкуренции, которая

---

[1] *Г. Е. Глезерман.* О законах общественного развития, стр. 104—105.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 215.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 358.

присуща домонополистическому капитализму, в основном соответствовала капиталистическим производительным силам и стимулировала их развитие. Именно поэтому капитализм и развивался в тот непродолжительный период столь стремительно. В дальнейшем же, когда вновь возникшее противоречие между производственными отношениями и производительными силами, требовавшее приведения их в соответствие, стало угрожать классовому господству буржуазии, она уже не опиралась на этот закон, а, наоборот, препятствовала его использованию пролетариатом, вступившим на историческую арену борьбы за социализм. В эпоху империализма, превратившись из передовой в контрреволюционную силу, буржуазия всячески стала сопротивляться необходимости заменить отжившие капиталистические производственные отношения новыми, дать простор дальнейшему развитию производительных сил. Господство монополий при империализме давно перестало соответствовать производительным силам и тормозит их развитие.

В соответствии с этим объективным процессом правовые идеи буржуазии и буржуазное право претерпели серьезные изменения. Свергая феодализм, буржуазия стремилась правовыми средствами устранить препятствия, тормозившие развитие капиталистического производства, сковывавшие конкуренцию и прогрессирующее извлечение прибылей. Поэтому самим ходом исторического развития она должна была в процессе правотворчества опереться на закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Тем самым буржуазия действовала прежде всего в своих интересах, которые в этот исторический период совпадали в известной мере с интересами общества. В эпоху подъема буржуазной революции правовые взгляды борющейся за утверждение капиталистического базиса буржуазии, будучи классовыми, в основе своей эксплуататорскими, являлись, однако, в тех исторических условиях прогрессивными. Эти взгляды способствовали разрушению старого, прогнившего феодального базиса и тем самым открывали простор для развития новых производительных сил, в чем не могло быть не заинтересовано общество. В этот период буржуазия еще нуждалась в демократическом (в буржуазном смысле) праве для ликвидации феодальных привилегий и укрепления выгодных

ей отношений. Именно этим объясняется то, что она юридически закрепляла буржуазно-демократические свободы, провозглашала «святость, незыблемость и верховенство» своих законов как проявления «чистого разума», «вечной справедливости», «реализованной свободы» и т. д. Но в период, когда буржуазия защищает изживший себя капиталистический строй, чтобы не допустить утверждения нового общества — социалистического, правовые взгляды и право теряют какие бы то ни было прогрессивные черты, превращаются в реакционную силу, тормозящую дальнейшее поступательное развитие общества.

По мере роста противоречий между производственными отношениями и производительными силами отступления от принятых законов, их нарушения в практике капиталистических стран непрерывно возрастают. В эпоху империализма отпадают те причины, которые на заре буржуазных революций обусловили «святость, незыблемость и верховенство» буржуазных законов. Выбрасываются за борт закрепленные основными законодательными актами принципы буржуазно-демократических свобод как путем подмены их актами управления и судебными решениями, так и путем открытого отказа от них.

Все это свидетельствует о том, что буржуазия вовсе не пассивно следует за стихийно действующими законами капитализма. Она искусно их использует в своих интересах, хотя и не устраняет стихийности их действия. В этой связи значительный интерес представляет убедительная критика В. И. Лениным фальшивых рассуждений Н. Михайловского, утверждавшего, будто европейская жизнь складывалась так же, как течение реки, что шлюзы, плотины, обводные и отводные каналы хотя и устраиваются по инициативе человеческого разума, но его воздействие на естественный ход событий «было ничтожно». В. И. Ленин по этому поводу писал: «Люди устраивали тогда, в здравом уме и твердой памяти, чрезвычайно искусные шлюзы и плотины, загонявшие непокорного крестьянина в русло капиталистической эксплуатации; они создавали чрезвычайно хитрые обводные каналы политических и финансовых мероприятий, по которым (каналам) устремлялись капиталистическое накопление и капиталистическая экспроприация, не

удовлетворявшиеся действием одних экономических законов»[1].

Следовательно, не всякая сознательная деятельность означает использование объективных законов, ибо такая деятельность может быть направлена также против использования объективных законов общественного развития. Кроме того, не всякая сознательная деятельность означает научное использование объективных законов. Выступая, в частности, против феодального строя, против феодальных порядков, буржуазия опиралась на закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил, но была далека от его научного использования. Буржуазия, не имея научного представления об объективных закономерностях общественного развития, не могла использовать этот закон с полным знанием дела, свободно, а могла лишь опереться на него эмпирически, стихийно, при отсутствии научного понимания действительной экономической основы своих интересов, воли, требований. Поэтому нельзя смешивать вопрос о стихийно вынужденной всем ходом исторического развития необходимости опереться (хотя бы даже сознательно) на объективные общественные законы с вопросом о научном использовании этих законов; нельзя отождествлять сознательную деятельность людей, опирающихся на объективные законы общественного развития, с научным их использованием.

В настоящее время империалистическая буржуазия, противясь вполне созревшей необходимости ликвидировать резкое противоречие между производственными отношениями и производительными силами, вместе с тем стремится удовлетворить свои частнособственнические интересы, достигнуть своих узкоклассовых целей путем использования специфических объективных законов капитализма. Не имея научного представления о действии, например, основного экономического закона капитализма, империалистическая буржуазия тем не менее использует именно этот закон в своей практической деятельности, так как она не может не использовать его в силу своего классового положения. Отсюда следует, что само по себе стихийное действие объективных законов капитализма не исключает возможности их позна-

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 416.

ния и использования, не исключает в соответствующих случаях сознательности в практических действиях буржуазии. Но наличие сознательности в использовании объективных законов отнюдь не означает, что такое использование осуществляется в интересах общества. Действие основного экономического закона капитализма, равно как и других законов этой формации, само по себе направлено против трудящихся масс, против значительного большинства членов данного общества.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы. Капиталистическое общество, равно как и предшествующие ему социально-экономические формации, развивается стихийно. Однако стихийность развития капитализма отнюдь не исключает использования его объективных закономерностей, хотя такое использование ничего общего с научным управлением процессами общественного развития не имеет и осуществляется не в интересах общества, а, как правило, во вред ему. Преследуя в условиях стихийности развития данной формации свои ближайшие цели, руководствуясь своими частными, узкопрактическими интересами, члены капиталистического общества не учитывают и не могут учитывать более отдаленные общественные последствия своих действий, из-под их контроля ускользают социальные последствия их суммарных действий [1]. Их разрозненное и противоречивое воздействие на общественные процессы не только не устраняет, но и, наоборот, усиливает стихийность действия объективных законов. Будучи разъединенными господством частной собственности, они не могут поставить перед собой общую, единую цель и добиваться ее осуществления объединенными усилиями. В связи с тем, что каждый индивид в стихийно развивающемся обществе преследует в основном только свой особый, частный интерес, не совпадающий с интересами других индивидов, общее становится для него чуждой, противостоящей силой. В таких условиях исключается научное использование объективных законов в интересах всего общества и каждого его члена.

---

[1] Ф. Энгельс отмечал, что при капитализме «как в отношении естественных, так и в отношении общественных последствий человеческих действий принимается в расчет главным образом только первый, наиболее очевидный, результат» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 499)

Исключительные возможности преобразования природы, создания огромных материальных богатств, умножения творческих способностей человека, открываемые современной научно-технической революцией, государственно-монополистический капитализм использует во вред обществу, обращая бóльшую часть достижений науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, усиливая эксплуатацию трудящихся, увеличивая прибыли монополий и расточая национальные богатства. «Монополии, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии, — широко используют достижения научно-технического прогресса для укрепления своих позиций, для повышения эффективности и темпов развития производства, для усиления эксплуатации трудящихся и их угнетения»[1].

Обобществление средств производства, возникновение и упрочение социалистической собственности устранили экономические условия, порождавшие стихийность общественного развития, анархию производства. В противоположность капиталистическому производству, главной целью которого является получение прибавочной стоимости, цель социалистического производства — максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей народа. В условиях социализма действует объективный закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, закон распределения по труду и другие законы. Изменилось не только содержание, но и форма действия объективных законов: место стихийности заняла планомерность.

Означает ли это, что при социализме произошло коренное изменение соотношения объективных условий и субъективного фактора, такое изменение, при котором определяющую роль играют уже не объективные условия, а субъективный фактор? Нет, такое представление, как правильно отмечает Г. Е. Глезерман, было бы ошибочным. Коренным образом меняется не соотношение между объективным и субъективным, а соотношение между стихийным и сознательным. Общество становится сознательно управляемым целым, которое подчиняет себе стихийные силы, господствовавшие над людьми в предшествующих формациях.

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 15

Объективное не тождественно стихийному. Понятие объективного сохраняет при социализме тот же смысл, что и раньше: оно обозначает существующее вне и независимо от сознания людей, не определяемое их волей и сознанием. Стихийное же означает непреднамеренное, то, что не контролируется людьми, не подчинено их воле, а, напротив, господствует над ними [1].

При социализме отсутствует частная собственность на средства производства и общественное целое уже не выступает в форме разобщенных частей, действующих по своему произволу. Здесь нет множества противоречивых перекрещивающихся сил, стремлений, столкновений и борьбы враждебных социальных групп, слоев и классов; здесь нет господства общественных отношений над людьми, господства продукта над производителем, анархии производства, кризисов, безработицы и других стихийных бедствий, порождаемых капитализмом. Вместо этого с установлением, упрочением и развитием социалистической собственности образуется и укрепляется экономическое и политическое единство трудящихся масс.

Все это создает условия не только для реальной возможности, но и для необходимости сознательного, научного использования объективных законов в интересах всего общества, рационального, эффективного и оптимального управления процессами общественного развития [2]. Следовательно, с переходом к социализму, как писал Ф. Энгельс, «условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ни-

---

[1] См. *Г. Е. Глезерман.* Исторический материализм и развитие социалистического общества, стр. 38—39.

[2] Прав поэтому Н. В. Пилипенко, когда отмечает: «Необходимость в общественном развитии, являясь результатом деятельности людей, действует по-разному, сообразно тому, находится она под контролем общества или нет» *(Н. В. Пилипенко.* Проблема необходимости и случайности в философии и естествознании. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук, стр. 21).

ми законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают»[1].

Следовательно, при социализме существенно возрастает и расширяется роль субъективного фактора и как одного из средств его выражения и реализации — права. Но это возрастание и расширение субъективного фактора, и в частности права, при социализме отнюдь не означает, что это происходит за счет объективного фактора, что будто бы в новых условиях они меняются местами. Общественное бытие, материальные условия, объективный фактор всегда остаются первичными, а общественное сознание, их отражающее, — вторичным, никогда не охватывающим его полностью. Субъективный фактор, в том числе и право, оказывает в условиях социализма огромное воздействие на прогрессивное общественное развитие, но в тех лишь пределах и мере, которые определяются самим объективным фактором — условиями материальной жизни общества, достигнутым уровнем производства, характером и развитостью производственных отношений. На это обстоятельство многократно обращалось внимание в нашей философской литературе[2].

Однако в силу того обстоятельства, что субъективный фактор лишь отражает объективный и никогда не охватывает его полностью, между ними и при социализме возникают противоречия. Они выражаются, например, в неравномерности развития общественного сознания, в борьбе нового со старым, в производственной и общественно-политической активности передовых слоев населения и пассивности отдельных его групп.

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 294—295.

[2] См. *П. Н. Федосеев.* Диалектика современной эпохи, стр. 165—169

Преодоление этих противоречий, не носящих антагонистического характера, и на этой основе дальнейшее возрастание роли субъективного фактора в коммунистическом строительстве обеспечиваются постоянным расширением и углублением социалистической демократии, теоретическим осмыслением явлений общественной жизни, ее главных тенденций, что позволяет Коммунистической партии — руководящей силе социалистического общества — предвидеть ход общественных процессов, выработать верный политический курс, избегать ошибок и субъективистских решений. Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии говорил: «Главное в деятельности Коммунистической партии — выработка генеральной перспективы развития общества, правильной политической линии и организация трудящихся в целях претворения ее в жизнь. Вся наша действительность свидетельствует, что КПСС с честью выполняет роль политического руководителя рабочего класса и всех трудящихся, ведет советский народ верной дорогой, ленинским курсом. Чем шире размах нашей созидательной деятельности, чем сложнее проблемы, которые приходится решать, тем выше роль и ответственность Коммунистической партии, идущей во главе масс»[1].

Важнейшими следствиями существования общественной собственности на средства производства являются четыре основных объективных обстоятельства: во-первых, исключается возможность эксплуатации человека человеком и устанавливается единство коренных интересов всех трудящихся в развитии и умножении общественного богатства, материальных и духовных ценностей; во-вторых, изменяется цель общественного производства, суть которой состоит в наиболее полном при имеющихся реальных возможностях удовлетворении материальных и духовных потребностей общества и личности; в-третьих, становится необходимым планомерное функционирование и развитие экономики; в-четвертых, развитие экономики требует научно обоснованного, рационального и оптимального управления на основе принципов демократического централизма.

Эти обстоятельства определяют экономическую политику Коммунистической партии и Советского государст-

[1] «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 91—92

ва, одним из эффективных средств реализации которой является право. При этом право не только закрепляет и охраняет существующие отношения собственности, но и превращается в инструмент позитивного решения проблем, вытекающих из действия объективных экономических законов социализма. Так, исходя из цели действия системы экономических законов социализма, оно способствует замене устаревших отношений новыми, соответствующими назревшим условиям, в зависимости от экономических возможностей каждого данного исторического периода устанавливает соответствующие плановые показатели и нормативы, конкретные количественные соотношения в производстве и распределении материальных благ, определяет темпы и пропорции экономического роста, организацию производства и систему его стимулирования и т. д.

Следовательно, на каждом данном этапе перехода от теоретического познания к практическому преобразованию действительности решающее значение в достижении свободы имеет субъективный фактор, приобретающий еще большую силу, будучи закрепленным в правовых установлениях.

Отсюда ясна полная несостоятельность «критики» многими буржуазными идеологами марксистско-ленинской философии, будто бы «проповедующей фатализм», «абсолютную зависимость людей и общества от механического действия объективных законов природы и общества», якобы отрицающей значение субъективного фактора в деле преобразования действительности [1]. Однако известно, что, согласно марксистско-ленинской философии, революционная практика людей, основанная на всестороннем и глубоком познании объективных закономерностей развития реальной действительности, является могучим средством преобразования природы и обще-

---

[1] См., например, *P. Sorokin.* Contemporary Sociological Theories. New York — London, 1928; *M. M. Bober.* Karl Marx's Interpretation of History. Cambridge, 1948; *W. Theimer.* Menschen und Geschichte bei Marx.—«Gewerkschaftliche Monatshelf», 1953, N 3; *K. Merlean-Ponty.* Les Avetures de la Dialectique. Paris, 1955; *M. G. Lange.* Marxismus — Leninismus — Stalinismus. Stuttgart, 1955. S. 150; *S. Hook.* Marx and the Marxists. New York, 1955; *H. Chambre.* Le Marxisme en Union Sovietique. Paris, 1955, p. 466; *J. Gregor.* Marxism as Philosophy.— «The European», 1956, N 42, p. 26.

ства. Опираясь на эту философию, социалистическое право приобретает передовой, прогрессивный характер и глубокую научность, служит революционным средством преобразования общества в соответствии с великими идеями и принципами социализма и коммунизма, способствует достижению и закреплению подлинной свободы общества и его членов.

Созидательная роль права, которая выражается в его обратном воздействии на экономическое движение при социализме, обусловлена тем, что оно опирается, отражает и является средством реализации действия системы объективных экономических законов, и, следовательно, это ничего общего не имеет с его трактовкой в качестве метода голого администрирования, орудия маоистской «командной силы» политики. Но если нельзя сводить созидательную роль социалистического права лишь к административной функции, то нельзя и вовсе сбрасывать со счетов эту функцию как специфически правового средства централизованного воздействия на экономическое развитие. Право, отражая объективные закономерности экономического развития через политику, как концентрированное и обобщенное выражение этого развития, возводит отражаемое в общеобязательное правило. Тем самым в праве синтезируется экономика в ее указанной политической форме с властным велением, определяющим и устанавливающим пути, сроки и средства реализации этой политики.

С другой стороны, поскольку право является системой общеобязательных правил, постольку недопустимо его «размывание» интересами отдельных «производственных единиц». В этом случае оно потеряет качество централизованно-демократического средства, с помощью которого осуществляется планомерное развитие крупного социалистического производства в масштабе всей страны или народного хозяйства в целом.

Реализация объективных законов экономического развития при помощи права окажется тем более эффективной тогда, когда оно будет не только отражать действие этих законов, но и устанавливать пути их наиболее целесообразного использования. Но решение этой задачи зависит не от права, как такового, а от науки, от овладения ею механизмом использования экономических законов.

Отсюда следует, что правоведение не может ограничиться лишь сугубо юридическим анализом механизма правового регулирования (что, разумеется, само по себе очень важно и необходимо, хотя и недостаточно), оно должно проникать в экономическую науку, в полной мере использовать ее достижения в области использования объективных экономических законов, действующих при социализме. Тогда механизм правового регулирования окажется «обогащенным» механизмом использования экономических законов, а тем самым будет более совершенным средством эффективного воздействия на экономическое развитие. Но это положение может быть с полным основанием распространено не только на экономические, но и на все иные объективные законы социализма. Поэтому каждая отрасль правоведения в зависимости от предмета ее изучения должна в максимальной мере аккумулировать достижения в использовании механизма действия соответствующих объективных закономерностей тех наук, без которых достаточная эффективность правового регулирования едва ли будет достигнута.

Каждый объективный закон выражает одну из существенных тенденций развития соответствующих общественных отношений. Но поскольку объективные законы и их тенденции в реальном историческом процессе действуют не изолированно, а комплексно, во взаимной связи и зависимости, взаимодействуют и обусловливают друг друга, вступают при общей объективной направленности в противоречие друг с другом, то и познание механизма их использования должно носить системный характер. Такой подход позволит конкретно определить общий характер проявления объективных законов и специфику механизма действия каждого из них, степень взаимного ограничения или, наоборот, стимулирования тенденций их развития, выяснить условия, при которых эти тенденции наиболее благоприятно для общества проявляются, учесть ближайшие и перспективные результаты использования этих законов и т. д. Такое изучение механизма использования объективных законов для целей наиболее эффективного правового регулирования окажется тем успешнее, чем глубже будет установлена связь правоведения не только с соответствующими науками, но и внутри него самого — между отдельными его отраслями.

Сказанное представляется тем более оправданным не только потому, что правоведение имеет некоторую тенденцию замыкаться в специально юридической проблематике, но и прежде всего потому, что, лишь используя механизм действия объективных законов социализма в правовом регулировании общественных отношений, мы сможем в максимальной мере овладевать процессами общественного развития, господствовать над ними, управлять ими и тем самым все в большей мере достигать свободы.

Однако не только общий анализ объективных законов социализма, но и всесторонняя разработка механизма использования их действия оказывается еще недостаточной для достижения свободы, поскольку нужны, как отмечалось ранее, также определенные, соответствующие данным познания, действия людей.

Но практические действия людей, направленные на овладение силами природы и общества, предполагают сознательное руководство своими собственными силами. Именно поэтому свобода понимается марксизмом-ленинизмом не только в смысле господства людей над окружающей их внешней действительностью, над обстоятельствами и отношениями бытия, в котором они существуют, но и над своими собственными влечениями, действиями, поведением. Свобода в ее наиболее полном значении включает в себя как необходимую составную часть также господство человека над собой. Свобода людей, указывал Ф. Энгельс, «состоит в основанном на познании необходимостей природы (Naturnotwendigkeiten) господстве над ними самими и над внешней природой...»[1].

Следовательно, для того чтобы овладеть стихийными силами природы и общества и подчинить эти силы своему господству, люди должны не только познать объективные закономерности, управляющие ходом развития материального мира, но и подчинить движение своих собственных сил целесообразному использованию этих закономерностей в своих интересах, т. е. подчинить разуму свои естественные силы. Именно благодаря господству человека над собой его действия приобретают осмысленный, разумный и практически целесообразный результат. Причем целесообразность результата дейст-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 116.

вий — и это особенно важно подчеркнуть — должна расцениваться прежде всего не с точки зрения частной выгоды самого деятеля, а с точки зрения общественной полезности этого результата, поскольку лишь свобода общества является условием свободы его членов. Господство человека над собой в том и состоит, что его естественные силы подчинены достижению общественно значимых целей, благодаря чему человек достигает и своей личной свободы. Поэтому лишь общественно целесообразные действия людей, направленные на прогрессивное развитие бытия, являются свободными действиями.

Однако выбор наиболее целесообразного решения вопроса и действия в соответствии с этим решением зависит не только от знания дела, но и от условий, в которых осуществляется это действие.

Следовательно, свобода зависит от тех условий жизни общества и его членов, в которых она осуществляется. Лишь в той общественной системе, в которой действует истинная демократия и подлинно справедливое право, обеспечивается реализация свободы, ее реальное бытие.

В отличие от умозрительного, формально-теоретического и отвлеченно-иллюзорного рассмотрения свободы воли, свойственного буржуазной философии, социологии и правоведению, В. И. Ленин ставил проблему свободы на реальную почву действительности, рассматривал ее в связи с конкретными условиями жизни общества, с деятельностью людей, с практикой классовой борьбы. Он писал:

«Свобода для кого?
» от кого? от чего?
» в чем?» [1]

И далее:

«С точки зрения пролетариата, вопрос становится только так: свобода от угнетения каким классом? равенство какого класса с каким? демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности? и т. д.»[2].

И наконец:

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 264.
[2] Там же, стр. 281.

«Свобода от какого ига или от ига какого класса? Свобода для какого класса?» [1]

Лишь при такой постановке вопроса оказывается возможным решение проблемы о действительной свободе.

Прежде всего следует подчеркнуть, что свобода людей может быть осуществимой только в обществе и через посредство общества. Свобода личности, взятой вне общества, вне социальной среды, вырванной из всего комплекса причинных связей и зависимостей, в реальной действительности не существует и существовать не может.

Свобода людей зависит от условий их жизни в обществе, от характера общественного труда, в котором они участвуют, от достижений общества, к которому они принадлежат, от помощи, которую им оказывает общество, и т. д.

Живя в обществе, человек не может быть изолирован или независим от исторически сложившихся норм отношений данного общества. Вместе с тем он и индивид, обладающий своими особенностями, характерными чертами, специфическими проявлениями. Именно благодаря своей индивидуальности личность — это не только продукт общественных отношений, но и их творец. В этом и проявляется прежде всего активная взаимозависимость общества и личности.

Отметим, кстати, что соотношение общества и личности понимается буржуазными теоретиками как простое сочетание целого и части. Между тем общество — это нечто большее, чем отдельные составляющие его личности, хотя оно и не может иметь ни блага, ни цели, ни оправдания своего существования вне личностей, его составляющих. Личности состоят в различных отношениях, многообразных связях друг с другом, определяемых в конечном счете социально-экономической основой общества. Все необходимое для существования, деятельности и развития личности создается обществом. Именно поэтому задача действительно прогрессивного, передового общества — это задача личностей, заключающаяся в улучшении человеческой жизни для всех членов этого общества. «Если человек по природе своей общественное существо, — писал К. Маркс, — то он, стало быть,

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 286.

только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества»[1]. С другой стороны, «если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нем познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами»[2].

Этой цели, однако, не достигает общество, основанное на частной собственности и эксплуатации человека человеком. Она достигается лишь в условиях социализма и коммунизма, где окружающий человека мир обладает истинно человеческой природой, где интересы общества и личности гармонически сочетаются, благодаря чему и становится возможной подлинная свобода как общества, так и личности.

Итак, степень свободы индивида зависит от того, в какой мере общество предоставляет ему демократические условия, возможности и права пользоваться достижениями, благами и ценностями этого общества. Подобно тому как сама объективная необходимость так или иначе проявляется в зависимости от конкретных условий реальной действительности, так и степень господства людей над силами природы и общества зависит от условий их существования, от способа производства и уровня демократизма общественного строя в целом, от фактических и юридических прав и обязанностей членов этого общества и т. д.

На самом деле для того, чтобы свободное познание необходимости и превращение порождаемых ею возможностей в действительность могло быть успешно реализовано, нужно иметь такие демократические, благоприятные условия общественной и государственной жизни, такую подлинно демократическую систему общественных отношений, такие широкие, подлинно демократические

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 146.
[2] Там же, стр. 145.

права граждан, которые максимально способствовали бы познанию объективных закономерностей и их использованию в интересах общества и личности. Если личность лишена демократических условий, возможностей и прав использовать все то, что имеется в распоряжении общества для удовлетворения своих нужд и потребностей, то о свободе этой личности говорить не приходится. Если же общество создает подлинно демократические условия и возможности для развития талантов и способностей личности, если эта личность обладает всеми необходимыми ей правами, если все достижения, блага и ценности общества предоставлены в полное распоряжение личности, то тогда открывается путь к истинной свободе каждой личности, всех личностей, всего общества.

Положение человека в эксплуататорском обществе, признание или непризнание его личностью, объем прав, которыми его наделяют, зависят прежде всего от наличия у него частной собственности. Если, однако, во всех докапиталистических социально-экономических формациях ценность личности откровенно и недвусмысленно определялась ее частной собственностью, то капитализм пытается эту связь, хотя бы внешне, завуалировать. Зародившись и экономически окрепнув в недрах феодального общества, буржуазия вступила в борьбу за политическое господство под лозунгом: «Свобода, равенство и братство!» Однако с самого начала они толковались таким образом, что отражали только интересы буржуазии: «...вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции... равенство свелось к гражданскому равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была... буржуазная собственность» [1].

Объективная природа буржуазного общества определила и его господствующую идеологию, отправным пунктом которой является отдельный индивид, некая изолированная личность. Выдвижение индивидуализма на первый план, как отмечает Г. Аптекер, «весьма логически вытекает из всех постулатов буржуазной теории свободы» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 190.

[2] *H. Aptheker*. The Nature of Democraty, Freedom and Revolution. New York, 1967, p. 54.

Эта «свободная» от общества личность обладает побуждениями, чувствами и мышлением, не связанными якобы с той средой, в которой она существует. «Абсолютно независимая» личность считается центром общества, ее ценность измеряется наличным капиталом, успехами в конкурентной борьбе, эффективностью эксплуатации других личностей. Отсюда не только противопоставление личности обществу, но и презрение к «толпе», жестокость и ненависть к тем, кто своим трудом и творчеством создает материальные и духовные ценности. Отсюда и провозглашение буржуазных идеалов: «свобода частной собственности», «свобода частного предпринимательства», «свобода договора» и т. д. Но ведь именно «свобода частной собственности» породила и порождает эксплуатацию, угнетение и нищету большинства народа. «Свобода договора» на рынке труда между капиталистом — владельцем средств производства и пролетарием, располагающим только силой своих рук, позволяет последнему «свободно» выбирать себе хозяина, но выбирать для того, чтобы существовать. «Свобода предпринимательства» дает право капиталисту свободно диктовать условия трудового соглашения, а рабочему — «свободу» принимать эти условия или, не приняв их, пополнить и без того огромную массу безработных. В странах капитализма сейчас насчитывается около 8 млн. безработных.

Вопреки утверждениям о «революции в доходах», о «социальном партнерстве» капиталистическая эксплуатация усиливается, продолжает ухудшаться положение мелкого крестьянства, труднее становятся условия существования значительной части средних слоев населения. Лидеры социал-демократической партии ФРГ пишут: «К освобождению человеческой личности могут привести лишь средства свободы... Кто исключает все возможности свободного развития хозяйства, тот разрушает основы свободного общества, базирующегося на свободном развитии личных прав. Поэтому свободный выбор потребления, свободный выбор рабочего места и свободная инициатива предпринимателей являются решающими основами, а свободное соревнование является важным средством свободной хозяйственной политики»[1].

[1] «Entwurf eines Grundsatzprogrammes der SPD».— «Vorwärts», 2.V. 1958, S. 13. Следует заметить, что иногда сами западногерман-

Известно, однако, что как раз «свободное развитие хозяйства» и осуществление «свободной хозяйственной политики» на основе «свободного предпринимательства» приводят общество к состоянию анархии и стихийности развития, которое исключает возможность научного использования объективных закономерностей в интересах народа, а следовательно, и возможность достижения действительной свободы личности. Наоборот, капиталистическая экономическая система противоположна свободе личности. Даже буржуазные авторы вынуждены это признать. Так, Т. Куинн пишет: «Когда тонны картофеля и бесчисленное множество рогатого скота и свиней должны уничтожаться для того, чтобы поддержать рыночные цены, в то время как нуждающиеся в этих продуктах люди должны обходиться без них, то сама неестественность этого явления выглядит как убедительный приговор всей нашей системе» [1]. Тот же автор в другой работе отмечает: «Вся наша система... построена на эгоистическом стремлении к прибыли» [2].

Буржуазное государство в силу своей эксплуататорской природы не в состоянии разрешить проблему освобождения труда. Осуществляя политику «свободного предпринимательства» на основе частной капиталистической собственности, буржуазное государство по существу порабощает труд, т. е. ту именно деятельность, через посредство которой развивается личность. Свобода личности оказывается лишь пустым звуком, демагогией, украшением, скрывающим реальное порабо-

---

ские правые социалисты понимают, что проповедуемая ими свобода оказывается, как вынужден был признать один из апологетов буржуазной свободы, Э. Гейман, «скорее свободой собственности, чем свободой человека» (*Eduard Heimann.* Vernunftglaube und Religion in der modernen Gesellschaft. Tübingen, 1955, S. 3). Однако тот же автор отрицает социалистическую свободу, которую он клеветнически изображает как основанную на «социальном и расовом равенстве минус свобода или плюс тирания» и которой он противопоставляет буржуазную свободу, основанную на «свободе, включающей социальное и расовое неравенство» (там же). Таким образом, идеал «свободы» Э. Геймана отнюдь не исключает социального и расового неравенства, которые и являются непосредственными причинами эксплуатации и угнетения трудящихся масс.

[1] *T. Quinn.* Giant Business, Threat to Democracy. The Autobiography of an Insider. New York, 1953, p. 291.

[2] *T. Quinn.* Unconsions Public Enemies. New York, 1962, p. 53.

щение трудящихся. В результате рабство без лицемерия заменяется в капиталистическом обществе рабством, лицемерно скрытым. «Но это лицемерно скрытое рабство,— пишет Ф. Энгельс,—признает, хотя бы на словах, право на свободу; оно склоняется перед свободолюбивым общественным мнением; и в этом заключается исторический прогресс по сравнению со старым рабством: признан, по крайней мере, *принцип* свободы, а угнетенные уже сами позаботятся о том, чтобы этот принцип был проведен в жизнь» [1].

Осуществить этот принцип, провести его в жизнь — это значит совершить социалистическую революцию, преобразовать частную собственность в общественную и тем самым создать условия, при которых труд превратится в сферу действительно свободного развития творческих сил человека.

Лицемерно прикрытое экономическое рабство при капитализме дополняется еще более лицемерно скрытым духовным порабощением личности, провозглашением на словах прав граждан и ограничением или даже лишением этих прав на деле, отстранением трудящихся от общественной, и прежде всего политической, жизни. Ограничительные цензы, давление на избирателей путем подкупа, шантажа и угроз, прямое насилие и даже убийства политических деятелей, подтасовка результатов голосования, махинации по купле-продаже государственных должностей, коррупция и скандальные политические авантюры — все это вошло в повседневную практику империалистических государств. Так индивидуальная свобода личности в буржуазном обществе повисает в воздухе, а теория индивидуализма разбивается о суровую действительность капиталистического мира.

Вот как характеризуют капиталистический мир, в частности его бастион — США, сами буржуазные авторы. Профессор права Йельского университета Ч. Райх пишет, что США превратились в «иерархическое, элитарное общество», провозгласив смыслом жизни борьбу за успех в поисках места в системе «организованного общества». Лицемерие, продажность, потеря себя во имя достижения успеха в сфере потребления способствовали раздвоению личности человека, содействовали легкому

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 412.

усвоению всякого рода фальшивых, навязанных извне мифов, норм поведения и вкусов. «Корпорированное общество», утвердившееся в США,— это общество, где беззаконие проникло во все его институты, где нищета процветает наряду с богатством, где производится масса ненужных продуктов, в то время как потребности людей в образовании, медицинском обслуживании полностью игнорируются, где конституция, демократия, права человека превратились в простую фикцию, где власть сконцентрировалась в руках «гигантских управленческих институтов и корпораций». Американская нация оказалась расколотой на малочисленную «элиту власти» и огромную массу эксплуатируемых, бесправных. Техника превратилась в величайшее зло человека, разрушающее все на своем пути: окружающую среду, традиции, саму жизнь человека, превращая его в «производственную единицу». Здесь закон стал средством прикрытия всякого рода беззаконий — убийств, войн, преследований идеологических противников, подкупа, взяточничества и т. д. Он устраняет «левых» профессоров из университетов, преследует борцов за мир, противников войны во Вьетнаме, которая ведет не только к опустошению другой страны, но и к еще большим трудностям самого американского народа.

Наряду с крайним индивидуализмом капитализм выдвинул социально-политическую теорию, которая, являясь прямой противоположностью индивидуализму, в то же время представляет собой логический результат последней. Эта теория наиболее полное выражение получила в трудах Гегеля и неогегельянцев о соотношении общества и личности. Общество, согласно этой теории, разумно, несмотря на противоположность воль и желаний отдельных личностей, поскольку оно прошло историческую эволюцию, является продуктом многовекового развития, выдержало испытание временем. Социальное целое стоит выше субъективной воли отдельной личности, оно воплощенный объективный разум. Без общества в лице государства личность ничто; государству и его институтам личности обязаны всем тем, что они имеют, всем тем, чем они являются, даже тем, что они являются личностями, как таковыми. Поэтому свобода личности состоит именно в отказе от своей индивидуальности, в признании как своих собственных, так и всех велений,

традиций и институтов государства, которое как будто бы является воплощением воли и интересов всех, как богатых, так и бедных, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых.

Нетрудно понять реакционно-политический смысл этих теорий. Личность свободна по отношению к «толпе», которую она может эксплуатировать, угнетать и грабить. Вместе с тем каждый член общества, оказывается, достигает свободы тогда, когда беспрекословно подчиняется государству, которое в условиях капиталистической действительности, как известно, для того и существует, чтобы охранять свободу элиты в эксплуатации, угнетении и ограблении огромной массы трудящихся.

Такую «свободу» буржуазное государство действительно предоставляет эксплуататору, а буржуазные идеологи пытаются уверить эксплуатируемых, что будто бы только такие «свободы» и могут существовать в природе, что только они представляют собой ценности культуры и вполне соответствуют нравственности. Так, Т. Парсонс, пытаясь найти «теоретическую формулировку отношений между социальной системой и личностью», указывает, что личность усваивает те или иные образцы господствующей в данном обществе «культуры», преобразуя их в свои «ценности». Многие из этих «ценностей» санкционируются обществом в качестве господствующих «норм», соблюдение которых позволяет личности удовлетворять свои интересы и превратиться в социальную личность [1]. Ю. Биндер также пишет, что нравственное сознание человека требует «подчинения правовому порядку; велением нравственности является одобрение и уважение государственного и правового порядка как учреждения, коренящегося в природе человека; нравственность требует действовать согласно велениям этого порядка...» [2].

Безусловно, подобный «порядок» отнюдь не приводит к той гармонии общества, государства и личности, о которой мечтают буржуазные идеологи, а апологетика

---

[1] *T. Parsons.* Social Structure and Personality. Glencoe, 1964, p. 194—195.

[2] *Julins Binder.* Rechtsnorm und Rechtspflicht. Leipzig, 1912, S. 47.

капитализма[1] приходит во все более острое противоречие с практикой наступления на жизненные права и интересы широких народных масс.

Противоречие между обществом, государством и личностью хорошо понимают некоторые буржуазные авторы. Так, один из видных представителей экзистенциализма в буржуазной философии права, Э. Фехнер, отмечает, что воля граждан отсутствует при решении общих проблем государства. «Везде, — пишет он, — жалуются на то, что этой воли нет». Между тем «желание участвовать в общем соответствует естественной склонности человека», о чем свидетельствуют «неоспоримые успехи тоталитарных государств (так кощунственно называют буржуазные идеологи социалистические государства.— *Д. К.*) при активизации молодежи». Отсутствие же такой активности в капиталистическом мире автор объясняет, в частности, «трудностью борьбы за существование», «безнадежностью общественных обстоятельств», являющихся причиной того, что индивид оказывается «замкнутым и ориентируется только на самого себя». Указывая, что в целях ликвидации пассивности масс недостаточно лишь красивых слов о самопожертвовании, которые им «уже надоели», Э. Фехнер рекомендует давно известное, но в такой же мере безнадежное мероприятие, а именно предоставить трудящимся «право хозяйственного соучастия в предприятиях».

Но тот же Э. Фехнер признает, что «свобода» и «права», закрепленные буржуазным законодательством за трудящимися, не будучи обеспеченными материальными, политическими и юридическими гарантиями, остаются риторическими украшениями, призванными прикрыть действительное отсутствие свободы и равенства при капитализме. Он пишет: «Чем более свободным является, например, содержание части конституции по вопросам трудового права, тем обычно интенсивнее фактическое принуждение к труду». Более того, оправдывая наступ-

[1] Один из представителей официальной академической науки США, К. Бей, пишет, что центральная задача американской политической науки состоит в том, чтобы «превозносить нынешний порядок, критиковать другие системы и ниспровергать радикальные и утопические политические идеи» (*T. Roszak (ed.)*. The Dissenting Academy. London, 1969, p. 209).

ление реакции на буржуазно-демократические свободы граждан, он заявляет: «Ограничение свободы принуждением осуществляется — это со временем становится неизбежным — в той же мере, в какой необходимые общие задачи в дальнейшем не могут быть осуществлены свободно»[1]. Но почему же «общие» задачи, если они действительно общие, не могут быть осуществлены свободно?! Не потому ли, что по привычке «общими» задачами называются на международном буржуазном языке лишь задачи капиталистических кругов? И не результатом ли этого является тенденция, все более интенсивно в наше время развивающаяся в капиталистическом мире, на замену даже буржуазной свободы прямым принуждением (как по закону, так и вопреки ему)? Итак, вместо свободы принуждение — вот итог развития капитализма.

Как же в этих условиях буржуазные идеологи представляют себе будущее своей демократии и свободы? Они пытаются, как бы это парадоксально ни выглядело, доказать, что в современных условиях демократия... противоречит свободе или даже что демократия и свобода угрожают существованию общества, а поэтому и то и другое должно быть ликвидировано. Так, С. Герц считает, что вообще «идеал свободы — явление противоестественное», против которого действуют «все естественные тенденции и силы»[2]. Еще дальше идет В. Кюннет, утверждающий, что демократическое большинство является опасностью для демократии, что оно влечет за собой опасность «господства черни». Поэтому «на определенное время» необходимо отменить демократические «права и свободы личности»[3]. Л. Фрейнд, предостерегая от «неосторожного» обсуждения темы свободы, которое свойственно современным, по его словам, сторонникам просветительских доктрин XVIII в., указывает на опасность либеральной демократии и рациональной концепции свободы. Эта опасность будто бы состоит в том, что предоставление широких свобод народным массам

---

[1] *Erich Ferchner.* Freiheit und Zwang in sozialen Rechtsstaat. Tübingen, 1953, S. 11, 20, 21, 23.

[2] *S. M. Herz.* Political Realism and Political Idealism. Chicago, 1951, p. 137.

[3] *W. Künnet.* Politik zwischen Dämen und Goot. Berlin, 1954. S. 182, 158.

может привести к использованию ими своих свобод для уничтожения капиталистического строя [1].

Наконец, Д. Майкл рисует, как он сам выражается, «удручающую» картину будущего капиталистического общества в США. По его мнению, социальные кризисы могут «начисто уничтожить нашу демократию. Общей тенденцией для всей страны будет создание двух обществ — белого, привилегированного, занятого квалифицированным умственным и техническим трудом, и негритянского, занятого в сфере обслуживания и на неквалифицированной, черной работе». Более того, в городах усилится тенденция к образованию негритянских гетто. «В последующие несколько лет контраст между одной частью нашего населения, обездоленной и влачащей нищенское существование, и другой, наслаждающейся высоким уровнем жизни, будет вопиющим укором нашему чувству равенства... в том мире, куда мы идем, различие между «имущими», «менее имущими» и «неимущими» возрастет... растущая взаимозависимость большого бизнеса и федерального правительства... еще более уменьшит различие между ними. Кадры технократов, стоящих у пульта управления всей жизнью страны, составят элиту, а рядовая молодежь будет все острее испытывать чувство отчуждения и неполноценности» [2].

Но если не только теперь, но и в будущем в капиталистическом мире нет и не будет места подлинной свободе, то на каком основании этот мир именуется буржуазными идеологами свободным? Какой смысл его называть свободным? Оказывается, очень простой! «В поисках лозунга, который стал бы аксиомой и саморекламой,— пишет С. Ниринг,— современные западные лидеры перебрали целый ряд эпитетов, как-то: «цивилизованный», «христианский», «западный», отвергнув их по причине неэффектности и неубедительности. Они остановились на слове «свободный», услышав в его звучании самый вдохновенный, всеобъемлющий и убедительный панегирик западному образу жизни» [3].

---

[1] *L. Freund.* Politik und Ethik. Frankfurt a. M.— Berlin, 1955, S. 274.

[2] *D. Michael.* The Next Generation. New York, 1965, p. XXIII, 43—44, 51, 139, 157, 170, 185.

[3] *С. Ниринг.* Свобода: обещание и угроза. М., 1966, стр. 75—76.

Из сказанного становится очевидным, что в наше время происходит неизменное и нарастающее углубление общего кризиса мировой капиталистической системы. Резко усиливаются неравномерность, скачкообразность, конфликтность развития капитализма; все более обостряются его внутренние и внешние противоречия. Разлагаются устои старого, обветшалого мира. Капитализм изжил самого себя, запутался в собственных антагонизмах, с нарастающими темпами движется к своей неизбежной и полной катастрофе. В условиях нарастания новых политических, экономических и социальных потрясений он еще более усиливает нажим на народные массы, в предсмертном неистовстве обрушивается на все передовое и прогрессивное. Империалистическая реакция не гнушается никакими методами и средствами в борьбе против революционного движения трудящихся. «В борьбе против рабочего движения империализм попирает демократические права и свободы, применяет открытое насилие, жестокие методы полицейских преследований, антирабочее законодательство. В то же время он использует демагогию, буржуазный реформизм, оппортунистическую идеологию и политику, постоянно изыскивает новые методы для того, чтобы подорвать рабочее движение изнутри, попытаться «интегрировать» его в систему капитализма» [1].

Этому наступлению реакции противостоит все развивающийся процесс борьбы сил прогресса за мир, демократию и социализм. Стремление к подлинной свободе и борьба за справедливый общественный строй являются характерной особенностью в жизни всех народов нашей планеты. Несмотря на ожесточенное сопротивление империалистической реакции, мир сегодня неуклонно развивается по пути глубоких социальных преобразований. В порядке дня стоит вопрос о полной ликвидации позорной системы колониализма. Социалистические, народно-демократические и национально-освободительные антиимпериалистические революции сливаются в единый мощный революционный поток, разрушающий все формы эксплуатации, национального гнета, бесправия и произвола.

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий». Документы и материалы. М., 1969, стр. 287.

В этих условиях лицемерные попытки буржуазных идеологов уверить трудящихся в том, что для них существуют политические права и социально-экономические свободы в мире капитализма, терпят неизменный крах, ибо все более широким массам становится ясно, что в обществе, основанном на власти денег, обществе, где «тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной» [1].

Возможность достижения свободы и на ее основе расцвета личности может стать реальной и действительной лишь в социалистическом обществе, исключающем частную собственность, эксплуатацию и нищету, не знающем ни анархии производства и стихийности общественного развития, ни классового антагонизма и духовного порабощения личности.

Для достижения свободы необходима борьба за политические, экономические и социальные права и свободы. Завоевав эти права и свободы, люди смогут достигнуть господства над природой, обществом и над собой, т. е. достигнуть свободы как познанной необходимости, действовать в соответствии с этой необходимостью в интересах общества [2].

Обобщая марксистско-ленинское решение вопроса о свободе, югославский философ Богдан Шешич пишет:

«Классики марксизма-ленинизма, твердо стоя на почве революционной практики, пришли в отношении свободы к совершенно ясным выводам:

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 103.

[2] Следовательно, политические, экономические и социальные свободы суть конкретные проявления (аспекты, формы или стороны) свободы как философской категории. Но это соотношение, разумеется, ничего общего не имеет с теорией так называемого наслоения свободы известного немецкого философа Э. Блоха, изложенной им, в частности, на конференции «Проблема свободы в свете научного социализма» в Берлине в 1956 г. *(Ernst Bloch.* Freiheit, ihre Schichtung und ihre Verhältnis zur Wahrheit.— «Das Problem der Freiheit im Lichte des wissenschaftlichen Sozialismus». Konferenz der Sektion Philosophie der Deutschen Akademie der Wissenschafte zu Berlin, 8—10 März 1956. Protokoll. Berlin, 1956, S. 161). Э. Блох представляет себе свободу как эволюционное развитие, которое ведет от свободы товаровладельца к конкуренции, ко все более высоким слоям «моральной» свободы и наконец находит свое воплощение в «мире свободы», в «истинной свободе». Эта теория была подвергнута справедливой критике с позиций марксизма-ленинизма на той же конференции (см. там же, стр. 256—257).

Первое. Все предшествующие концепции свободы... являются абстрактными, утопичными и иллюзорными.

Второе. Реальное и конкретное понимание свободы представляет собой действительную свободу людей определенного класса в определенную историческую эпоху.

Третье. С развитием общества свобода расширяется не только для господствующих классов, но и для всех представителей человеческого общества.

Четвертое. Демократия, буржуазное равенство и буржуазная свобода... иллюзорны и лицемерны... так как в классовом обществе не может быть одинаковой свободы и равных прав для всех членов общества.

Пятое. Классики марксизма-ленинизма, наконец, показали, что высшая ступень и высший тип демократии могут быть достигнуты только при социализме и только рабочим классом, который... создает свободное человеческое общество»[1].

Впервые в истории человечества прочные политические, экономические, социальные и духовные свободы для трудящихся были завоеваны в результате победы Октябрьской революции и построения социализма в СССР. «Только Советская Россия,— писал В. И. Ленин,— дала пролетариату, и всему гигантскому трудящемуся большинству России, невиданную, невозможную и немыслимую ни в одной буржуазной демократической республике *свободу и демократию...*»[2]

Конечно, провозглашение первыми декретами Октября политических, экономических и социальных свобод для трудящихся отнюдь еще не означало достижения ими полного господства над природой, обществом и самими собой. Такое представление было бы упрощением того неизведанного ранее и сложнейшего пути, который прошел наш народ в исторической борьбе за социализм. Но юридическое закрепление политических, экономических и социальных свобод в советском праве позволило ему постепенно, но все убыстряющимися темпами познавать объективные закономерности и овладевать ими, господствовать над действительностью и революционно ее преобразовывать. За более чем полувековой период

[1] *Богдан Шешич.* Учение В. И. Ленина о необходимости, случайности и свободе. — «Ленинизм и развитие марксистской философской мысли за рубежом». М., 1970, стр. 258—259.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 105.

своего развития советское право постоянно обогащалось научными достижениями, опытом труда и творчества народа, все более демократизировалось, укреплялось и совершенствовалось. Отражая исторический путь движения от капитализма к развитому социализму и от него к коммунизму, право превращалось в величайшую созидательную силу трудового народа. Тем самым совершилось невиданное в истории общества преобразование: право из орудия борьбы против свободы, каким оно было во всех эксплуататорских формациях, стало при социализме мощным средством борьбы за свободу.

Социалистическое право способствует созданию таких условий жизнедеятельности, при которых каждая личность имеет все возможности для своего гармоничного развития и достижения свободы.

Однако одних внешних условий свободы, закрепляемых правом, недостаточно, чтобы каждая личность стала внутренне свободной [1]. Если верно, что истинно человеческие условия жизни создаются самими людьми в процессе борьбы за свободу, то, очевидно, сами эти люди должны быть в достаточной степени подготовленными для борьбы за эти условия, за свою свободу. Если, далее, верно, что для свободы личности необходимы подлинно человеческие условия, то, очевидно, личность тогда лишь овладеет свободой, когда научится использовать эти условия в своей практической деятельности. Если, наконец, верно, что не существует конечной свободы, поскольку она вечно развивается вместе с развитием общества и всего человечества, то, очевидно, личность обретает свободу лишь при постоянном повышении уровня своих знаний и их использовании, при систематическом совершенствовании своей практической деятельности. Вот почему при наличии внешних условий свободы личность становится внутренне свободной, если она, овладевая передовым мировоззрением, современными научными знаниями, ценностями культуры и ци-

[1] В советской философской литературе правильно проводится разграничение между внешними условиями жизни и труда человека — существующими в обществе экономическими и политическими отношениями, т. е. естественной средой, определяющей степень свободы общества, и внутренней свободой человека (см., например, *В. И. Стемпковская*. Развитие свободы личности в условиях перехода к коммунизму. М., 1963).

вилизации, творчески и активно участвует в производстве материальных и духовных благ, в управлении социальными процессами, в революционном преобразовании мира.

Именно в этом и состоит глубочайший смысл объединения людей в общество при социализме, о котором говорил Ф. Энгельс. Именно единство социалистического общества и его членов создает гармонию внешней и внутренней свободы, которая, постоянно укрепляясь и развиваясь, обеспечивает успешное строительство коммунизма.

Основанная на научном познании объективных закономерностей, сознательная деятельность многомиллионного советского народа в условиях социалистической демократии организованно и планомерно подчиняет своему господству естественные и общественные силы, направляя их по пути, наиболее целесообразному для общества, используя их на благо народа, на удовлетворение его постоянно растущих материальных и духовных потребностей, на строительство коммунизма.

В социалистической демократии интегрируются в единое органическое целое научное познание, свобода и творчески созидательная активность широких народных масс.

Цель свободы — строительство коммунизма. На всех этапах движения к этой цели свобода развивается и совершенствуется, умножаются ее потенции, реализация которых все в большей степени утверждает господство людей над силами природы и общества. Расширение сферы сознательной, научно целесообразной деятельности людей по преобразованию действительности сопровождается повышением уровня свободы общества.

Сознательное участие советских людей в строительстве коммунизма является формой, в которой проявляется свобода каждого из них. В процессе этого строительства товарищеская взаимопомощь и творческое содружество советских людей во всех сферах их деятельности способствуют развитию, обогащению и совершенствованию их личного опыта, талантов и дарований. Овладевая теоретическими знаниями, применяя эти знания в практическом преобразовании объективной реальности, советские люди удовлетворяют свои общественные и личные потребности и интересы.

Люди в социалистическом обществе — творцы своей жизни, они сами управляют своим государством и регулируют отношения между собой. Тем самым они все в большей мере устанавливают свое господство над бытием, достигают все большей степени свободы во всех областях деятельности, все с большей эффективностью используют в своих интересах объективные законы общественного развития и преобразуют действительность.

Использование объективных законов в том объеме и качестве, в каком это требуется для прогрессивного развития общества, оказывается возможным лишь коллективными усилиями тружеников общества. В соответствии с этим Коммунистическая партия и Советское государство вырабатывают наиболее целесообразные пути и средства познания и использования объективных законов в конкретных условиях места и времени, вносят единство и целеустремленность в практику всенародного строительства коммунизма.

Целенаправленное руководство Коммунистической партии и Советского государства деятельностью трудящихся нередко изображается буржуазными идеологами противоречащим свободе «творчески мыслящей» личности [1]. Но если под свободой понимается не анархический произвол, а деятельность на основе познанной необходимости, то тогда это «противоречие» существует лишь в извращенных представлениях данных идеологов. Всякая целенаправленная деятельность требует своей организации. Роль Коммунистической партии и Советского государства в том и состоит, что они вносят в массовые действия и движения трудящихся организующее и плановое начало.

Руководящая роль партии зиждется на демократическом централизме, при котором решения партийными организациями вырабатываются в процессе работы с массами, совместно с трудящимися. В этом процессе выдвижение мыслей, идей и предложений трудящимися не только возможно, но и необходимо в целях поиска и обнаружения наиболее правильного, целесообразного и оптимального решения. Но после того как на основе опыта и интересов трудящихся, на основе обобщения

---

[1] См., например, *L. Schulte.* Dynamil der freien Welt. Osnabrück, 1961. S. 68—70.

практики данных наук такое решение принято, его неуклонное, твердое и последовательное осуществление, претворение в жизнь является, естественно, обязательным ради организованного и эффективного достижения его цели. Но и эта обязательность отнюдь не исключает творческой инициативы, определения наиболее целесообразных путей, выбора наиболее подходящих средств качественного выполнения совместно принятого решения. При демократическом централизме, как отмечал В. И. Ленин, «единство в основном, в коренном, в существенном не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу, в *способах* осуществления контроля...»[1].

Необходимость постоянного роста инициативы и энергии трудящихся масс в познании и овладении объективными закономерностями общественного развития диктуется тем, что общая тенденция этих закономерностей проявляется через особенное и отдельное в зависимости от конкретных условий места и времени, тем самым неизбежно предполагая демократическое их использование.

Итак, подлинная свобода личности может иметь место лишь в условиях социалистической демократии. Предоставляя широкие и вместе с тем гарантированные права гражданам, социалистическая демократия стимулирует развитие инициативы, самодеятельности и активности трудящихся во всех областях общественной жизни, создает все условия для свободы личности и всего общества. Эта свобода охраняется, защищается, обеспечивается социалистическим правом. Социалистическая демократия немыслима без законности и правопорядка.

Органическая связь социалистической демократии, права и свободы обеспечивает прогрессивное развитие общества, способностей, дарований и талантов его членов. Вне демократии не может существовать свобода, развитие которой обеспечивается правом. Только при наличии действительной демократии и правопорядка может быть свобода общества и личности. Демократия и правопорядок являются действенными средствами достижения и постоянного роста, углубления и расширения

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 203.

свободы. Поэтому достигнутый обществом уровень демократизма и правопорядка определяет и степень свободы этого общества и его членов. С другой стороны, свобода отнюдь не представляет собой пассивного слепка демократии и права. Свобода является активным стимулом развития демократии и права, постоянного и систематического их приспособления к нуждам развивающейся свободы. Будучи отражением и воплощением необходимости, свобода детерминирует необходимость демократии, права, законности, их движения, развития, совершенствования и укрепления в целях прогрессивного развития социалистического общества, успешного строительства коммунизма.

§ 2. Законность в условиях свободы

Закрепленные действующим законодательством права членов общества оказываются на практике малоэффективными или вовсе бесплодными, если их реализация не обеспечена соответствующими материальными, политическими и юридическими гарантиями. Степень реальной свободы личности измеряется не только правами, которые провозглашены законодательством, но и условиями, при которых эти права могут быть свободно и беспрепятственно реализованы на практике. К. Маркс, имея в виду буржуазную демократию, писал: «На бумаге легко можно прокламировать конституции, право каждого гражданина на образование, на труд и прежде всего на известный минимум средств существования. Но тем, что все эти великодушные желания написаны на бумаге, сделано еще далеко не все; остается еще задача оплодотворения этих либеральных идей материальными и разумными социальными учреждениями» [1].

«Оплодотворение» законодательства материальными и разумными социальными учреждениями в условиях буржуазного общества в силу отмеченных ранее причин исключается. Вместе с нисходящей линией развития капитализма глубокий кризис переживает ныне и буржуазная законность. В. И. Ленин указывал, что если свободной конкуренции соответствовала демократия, то мо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. III, изд. 1, стр. 687—688.

нополиям стала соответствовать политическая реакция [1]. Мы являемся свидетелями этого процесса, идущего по всем линиям, во всех областях жизни современного капиталистического общества [2].

В противоположность этому социализм немыслим без свободы, демократии и законности, органически связанных между собой. Подобно тому как свобода может быть осуществлена лишь в условиях демократии, так и демократия может быть реальной и действительной лишь на основе законности. При социализме законность составляет необходимую черту, характерную особенность, неотъемлемое свойство демократии. Именно благодаря законности обеспечиваются демократические формы деятельности государственных органов и общественных организаций, взаимоотношения их между собой и с гражданами, гарантируется строгое и неукоснительное соблюдение прав и свобод членов социалистического общества.

Развитие и совершенствование советского законодательства, расширение и углубление прав советских граждан предполагают соответствующее укрепление социалистической законности. Обеспечивая соблюдение и исполнение правовых предписаний, социалистическая законность вместе с тем сама зависит от природы и характера действующего законодательства.

Свобода правотворчества и воплощение свободы (как познанной необходимости) в советском праве предопределяют методы и способы, посредством которых государство обеспечивает осуществление прав и юридических обязанностей членами общества. Если советское право закрепляет общую волю народа, свободно выраженную и основанную на познанной необходимости, то, естественно, его реализация осуществляется сознательно

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 93.

[2] См. подробно: *Б. А. Шабад.* Политическая философия современного империализма. М., 1966; *Н. М. Кейзеров.* Власть без будущего. М., 1967; «Современные буржуазные учения о капиталистическом государстве». М., 1967; *К. Кульчар, З. Петери, В. Пешка, И. Сабо, Л. Стодольник.* Критика современной буржуазной теории права. М., 1969; *В. Е. Гулиев, Э. Л. Кузьмин.* Лабиринты буржуазной демократии. М., 1969; *В. Е. Гулиев.* Демократия и современный империализм. М., 1970; *Д. А. Керимов, Е. М. Чехарин.* Социалистическая демократия и современная идеологическая борьба. М., 1970, и др.

и добровольно значительным большинством советских людей.

Гуманная, рациональная и выражающая волю всего советского народа цель советского права является моральным стимулом, фактором, который воспитывает уважение к авторитету советского права, предопределяет сознательное, добровольное соблюдение, а в надлежащих случаях и активное исполнение правовых предписаний. При этих условиях подчинение воли индивида воле народа, выраженной в советском праве, приобретает качественно иную природу, коренным образом отличную от угнетательского и порабощающего характера подчинения правовым велениям в буржуазном обществе. К сожалению, этот скачок в характеристике правового подчинения остается не замеченным в нашей юридической литературе. Так, например, П. С. Элькинд пишет: «...будучи сознательным и добровольным, подчинение участников уголовного судопроизводства выраженной в нормах уголовно-процессуального права государственной воле не перестает быть подчинением, подобно тому как свобода не заменяет и не устраняет необходимости, а необходимость, став познанной и подчиненной воле человека, не перестает быть необходимостью» [1].

На наш взгляд, это положение является односторонним. Автор упускает из виду, что познанная человеком необходимость, хотя и не перестает быть необходимостью, вместе с тем приобретает новое качество: становится сознательно управляемой, превращается в свободу. Сознательное, добровольное подчинение нормам социалистического права качественно преобразует это подчинение, превращает его из подчинения в моральную потребность, в которой и выражается истинная свобода советского гражданина. В этом именно и состоит разумность свободы, содержащей внутри себя подчиненность (необходимость) в снятом виде, о которой писал В. И. Ленин.

Советское право указывает наиболее рациональные и эффективные пути использования объективных зако-

---

[1] *П. С. Элькинд.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Л., 1963, стр. 18.

номерностей в интересах общества, воплощает в себе принципы социалистической морали, носит исключительно справедливый, интернациональный и гуманный характер. Именно благодаря этому советское право завоевало высокий авторитет в народных массах, обладает огромной убеждающей силой, активно используется народом как мощное средство строительства коммунизма. В этих условиях роль государственных органов сводится в основном к разъяснительной работе среди населения, к организации целесообразного исполнения трудящимися массами предписаний советского законодательства.

Однако это вовсе не означает, что социалистическое право не обеспечено в случае его неисполнения или нарушения принудительной силой государственного механизма (в этом случае оно потеряло бы качество права).

Каждый советский гражданин не может не считаться с правовыми нормами поведения, определяющими его обязанности по отношению к обществу в целом, к другим гражданам и даже к самому себе. Он обязан неуклонно соблюдать эти правовые правила, с тем чтобы обеспечить возможность свободно развиваться всему коллективу, а следовательно, и самому себе. При этом, подобно тому как объективные закономерности развития природы и общества не обрекают члена социалистического общества на слепое подчинение им, так и выполнение обязанностей, предписанных советским правом, не лишает его свободы.

В условиях, когда правовые нормы служат освобождению трудящихся от какой бы то ни было эксплуатации и созданию подлинно счастливой жизни, человек не может испытывать на себе их гнетущее влияние. Советские граждане, осознавшие цели и задачи советского права, понимающие значение успешного выполнения этих целей и задач для строительства коммунизма, не заинтересованы в совершении таких поступков и действий, которые противоречили бы требованиям права. Напротив, советские граждане внутренне заинтересованы в исполнении правовых предписаний, поскольку лишь при этих условиях возможно процветание и прогрессивное развитие социалистического общества и обеспечение личного благополучия и счастья каждого его члена. Поэтому, действуя в соответствии с требова-

ниями права, выполняя свои правовые обязанности, подавляющее большинство советских граждан не ощущает сколько-нибудь серьезных противоречий между необходимостью соответствующего внешнего поведения и внутренним личным желанием или стремлением. Следовательно, осознание необходимости соблюдения и исполнения советского права и соответствующее этой необходимости поведение делают члена социалистического общества подлинно свободным.

Поскольку свобода человека не только означает господство над обстоятельствами и отношениями бытия, но и включает господство над собой, постольку целесообразное исполнение права возможно лишь при сознательном, разумном и добровольном подчинении своих собственных сил, действий и поведения требованиям законодательства. Именно господство человека над собой позволяет ему свободно исполнять правовые нормы, действовать в соответствии с правовыми предписаниями. Причем результат действия должен расцениваться не с точки зрения частной выгоды исполнителя велений права, а с точки зрения общественной полезности этого результата, поскольку лишь свобода общества является условием свободы его членов. Господство человека над собой в сфере реализации права в том и состоит, что его действия и поведение подчинены требованиям права, достижению прежде всего общественно значимых целей, благодаря чему человек становится и лично свободен.

Следует в этой связи отметить, что в советской юридической литературе при анализе преступного деяния в социалистическом обществе иногда допускается смешение избирательного момента в сознании и поведении преступника со свободой воли как философской категорией. В результате утверждается, что будто бы свобода воли является необходимой предпосылкой виновности лица, совершившего преступление [1].

С этим выводом нельзя согласиться по следующим основаниям. Во-первых, преступление, даже совершенное в соответствии с познанной действительностью, «со знанием дела», отнюдь еще не означает, что оно совер-

---

[1] См., например, *О. С. Иоффе*. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955, стр. 113.

шено на основе познанной необходимости развития этой действительности. Осознав действительность, индивид свободен в выборе направления своих действий, но свобода выбора того или иного поведения еще не означает достижения свободы этим индивидом, поскольку избранный путь поведения может противоречить необходимости. В том-то и дело, что индивид, совершивший преступление, при всем знании действительности действует в противоречии с ходом ее закономерного движения, опирается не на необходимость, а на случайность, которая не только не является выражением внутреннего развития действительности, но и находится с ней в противоречии [1].

Во-вторых, господство индивида над действительностью возможно, как известно, лишь в условиях господства всего общества над действительностью, предполагающего такую деятельность членов этого общества, которая основана на познанной необходимости и направлена на достижение общественно значимых целей. Совершенно естественно поэтому, что общественно опасные действия являются не только несвободными, но и противоправными. Поэтому, несмотря на то, что преступление совершено «со знанием дела», оно не может характеризоваться как подлинно свободный акт, поскольку находится в противоречии с интересами самого преступника как члена этого общества.

Наконец, в-третьих, свобода индивида представляет собой способность принимать решения не на основе произвола, нарушения общепризнанных и научно обос-

[1] Адольф Грюнбаум пишет, что «детерминист не утверждает на манер фаталиста, что будущее состояние общества не зависит от решений, которые принимаются людьми в ответ на (a) факты (как физические, так и социальные), (b) их собственную интерпретацию этих фактов (которая, конечно, часто бывает ошибочной) и (c) их ценностные устремления. И именно поэтому, согласно детерминистической теории, решения, принимаемые людьми, каузально зависят от тех факторов, которые при выборе оптимальных направлений действий и социальных мероприятий, как разумно ожидать, приведут к успешным результатам, а не от тех, которые не имеют значения в силу их случайности. Короче говоря, каузальная детерминированность результатов процесса человеческого выбора вовсе не делает бесполезными те решения, которые основываются на уверенности в эффективности определенных действий» (*Адольф Грюнбаум.* Свобода воли и законы человеческого поведения. — «Вопросы философии», 1970, № 6, стр. 66).

нованных норм поведения, а исходя из познанной необходимости и в соответствии с правилами (нравственными и юридическими), выражающими общую волю советского народа. Свобода индивида как раз и состоит в подчинении своей воли, своих побуждений, своих поступков осознанным общественно значимым целям, что обеспечивает господство разума над чувствами, самообладание, организованность и самодисциплину, направление своей деятельности не во вред, а на пользу общества. Поскольку деятельность каждого индивида является необходимым составным звеном в общественном движении, постольку господство над самим собой каждого отдельного члена коллектива имеет смысл лишь в той мере, в какой оно опирается на сознание необходимости принимать участие в прогрессивном развитии общества. Именно эта глубокая связь личного сознания с развитием объективной реальности порождает свободу личности, ибо только с этого момента начинается сознательное направление своих чувств, желаний и поступков на революционное преобразование действительности [1]. Подчинив же свои действия целям, навеянным пережитками капитализма или влиянием империалистического мира, индивид теряет господство над самим собой, вступает в противоречие не только с интересами народа, но и со своими интересами как члена данного общества.

Разумеется, потерю господства над самим собой нельзя понимать в абсолютном смысле, как слепую, неизбежную, фатальную зависимость индивида от пережитков капитализма или влияния империалистического мира. «Детерминизм,— указывал В. И. Ленин,— не только

---

[1] Таким образом, как правильно отмечал В. Мюллер в докладе «Свобода решений и общественный прогресс» на XIV Международном философском конгрессе (г. Вена, сентябрь 1968 г.), речь может идти лишь о детерминированной свободе, а не о детерминации вне свободы или о свободе вне какой бы то ни было детерминации. Если решение влечет за собой ответственность (а эти понятия действительно предполагают одно другое), то мы не могли бы установить критериев этой ответственности вне объективной детерминации человеческих действий (подробный анализ обсуждения проблем свободы, ответственности, выбора и решения на XIV Международном философском конгрессе см.: *О. Г. Дробницкий, Т. А. Кузьмина.* Проблемы свободы, выбора и ответственности. — «Философия и современность», стр. 157—186).

не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования»[1].

Всякое действие индивида причинно обусловлено, но не всякое причинно обусловленное действие является необходимым. Если же признать всякое причинно обусловленное действие необходимым, то пришлось бы оправдать все без исключения поступки людей, в том числе и преступные. Несвобода преступника выражается не в том, что его действия фатально неизбежны, а в том, что он, несмотря на осознание общественной опасности своих действий, не воздержался от их совершения, сознательно посягнул на интересы общества и его членов[2]. Следовательно, детерминированность действий индивида, в том числе и преступных, не лишает его волю избирательного момента и именно поэтому «нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»[3].

Характер цели, как и пути ее достижения, избранные лицом на основе познания порождаемых действительностью возможностей, позволяет судить не только о сво-

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 449.

[2] Гегель по этому поводу писал: «Часто выражаются так: моя воля была определена такими-то *мотивами, обстоятельствами,* соблазнами и побуждениями. Это выражение содержит прежде всего ту мысль, что я был при этом пассивен. На самом же деле я был при этом не только пассивен. Я был также и существенно активен в том именно, что моя воля приняла эти обстоятельства как мотивы, допускает их как мотивы. Причинно-следственное отношение при этом не имеет места. Обстоятельства не являются причинами, а моя воля — их следствием. Согласно причинно-следственному отношению, то, что содержится в причине, должно последовать необходимо. Я же в качестве рефлексии могу выйти за пределы всякого определения, установленного обстоятельствами. Если человек ссылается на то, что с истинного пути его совратили обстоятельства, соблазны и т. д., то этим он хочет как бы отстранить от себя поступок, но тем самым лишь принижает себя до несвободного существа — существа природы, в то время как на самом деле его поступок всегда является его собственным поступком, а не поступком кого-то другого, т. е. не является следствием чего-либо вне этого человека. Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» (*Гегель.* Работы разных лет в двух томах, т. 2, стр. 26).

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 159.

боде данного лица, но и о правомерности или неправомерности его поведения, о наличии в его действиях состава преступления[1]. Способность лица принимать то или иное решение, сознавая цель, значение и последствия своих действий, определяют, в случае противоправного поведения, его вину, а следовательно, и ответственность за свои поступки.[2]

С этими выводами не соглашаются некоторые авторы. Так, И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин полагают, что «деятельность в соответствии с познанной необходимостью и выбор различных вариантов поведения — два самостоятельных аспекта свободы воли человека»[3]. И отсюда делается вывод, что свобода воли является необходимой предпосылкой ответственности человека

---

[1] Глубоко ошибочным является довольно распространенное в буржуазной философии мнение, согласно которому субъект действия лучше других знает, истинны или ложны утверждения о его действиях, поскольку у него исключена возможность ошибиться в знании своих действий по сравнению с теми, кто наблюдает за его действиями (*B. Powell.* Knowledge of Actions. London, 1967, p. 86). Это мнение не только противоречит, в частности, данным судебной практики, но и вообще исключает возможность отправления правосудия. На самом деле, если высшим авторитетом в суждениях о действии является его субъект, то только он и может быть судьей своих поступков.

[2] Гегель писал: «Человек может считать нечто совершенно противным своей воле, хотя оно тем не менее есть его воля. Преступник, которого наказывают, может, конечно, желать, чтобы его избавили от наказания, всеобщая же воля ведет к тому, что преступление наказывают. Необходимо, следовательно, предположить, что абсолютная воля самого преступника требует, чтобы его наказали. Поскольку преступника наказывают, это предполагает требование, чтобы и он понимал, что его наказывают справедливо, и если он понимает это, то, хотя он и может желать, чтобы его освободили от наказания как внешнего страдания, тем не менее его всеобщая воля, поскольку он признает, что его наказывают справедливо, согласно с наказанием» (*Гегель.* Работы разных лет в двух томах, т. 2, стр. 28).

Эти рассуждения были бы правильными, если бы в обществе, которое имеется в виду (т. е. в эксплуататорском обществе), существовала всеобщая воля. Но в том-то и дело, что ее в действительности нет и быть не может ни в одной классово антагонистической формации. Поэтому справедливость наказания может быть осознаваема преступником как его собственная всеобщая воля лишь в тех условиях, когда она реально существует, т. е. в социалистическом обществе.

[3] *И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин.* Ответственность по советскому законодательству. М., 1971, стр. 22.

за свои противоправные поступки. На первый взгляд такой вывод кажется вполне естественным. Но при более глубоком рассмотрении проблемы он оказывается ошибочным. На самом деле избирательный момент (который в данном случае отождествляется указанными авторами со свободой воли) отнюдь не всегда является свободным в смысле действия в соответствии с познанной необходимостью и, следовательно, не всегда является проявлением его свободы воли. Если лицо избирает поведение, хотя и основанное на познанной действительности, но противоречащее ее закономерно необходимым тенденциям развития, то, очевидно, такое поведение нельзя характеризовать как свободное.

Следовательно, не всякий вариант поведения, как бы «свободно» он ни был избран, является действительно свободным. А поэтому и нельзя такой вариант поведения называть «аспектом» свободы воли человека, поскольку он не только противоречит, но и вступает в непримиримый конфликт с действительной свободой. Свобода и свобода воли не противоположные, а однопорядковые категории. Философское понимание свободы как действия в соответствии с познанной необходимостью нельзя противопоставлять свободе воли, которая не есть произвольное, анархическое действование, а представляет собой продолжение и конкретное проявление свободы, т. е. избрание человеком такого поведения и деятельности, которые соответствуют познанной необходимости.

В том же случае, когда человек избирает поведение в противоречии с необходимостью закономерного развития действительности, речь должна идти не о его свободе, в том числе и не о его свободе воли, а лишь о том, что, имея все возможности для действительно свободного действования, он избрал противоположный путь поведения. Действовал ли он в данном случае свободно? Разумеется, нет. «Свободно» ли он избрал путь своего поведения? Конечно, да, но «свободно» лишь в том смысле, что сознательно действовал вопреки объективной необходимости, тенденции развития которой знал или во всяком случае мог и должен был знать. Не во всех случаях такое поведение влечет за собой правовую ответственность, но в тех случаях, когда оно социально опасно, наносит вред обществу, право-

вая ответственность в соответствии с действующим законодательством и на его основе неотвратимо должна иметь место.

Это понимают и И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшин, когда пишут, что «непознанность объективных закономерностей развития природы и общества препятствует господству человека над обстоятельствами и над самим собой, хотя и не исключает возможности выбора им в конкретной ситуации различных вариантов поведения. Однако в данном случае этот выбор не будет опираться на познанную необходимость, что в свою очередь подрывает эффективность человеческой деятельности и, более того, может вызвать вредные для общества или класса последствия. Лишь тогда, когда выбор поведения основывается на познании закономерностей естественного и общественного развития, обеспечивается целесообразность и эффективность деятельности людей» [1].

Трудно предложить более подходящие доводы, которые бы так удачно показали несостоятельность «двухаспектного» понимания свободы воли, предложенной теми же авторами. Из цитированного положения со всей очевидностью вытекает ошибочность отождествления избирательного момента, выбора различных вариантов поведения лица с его свободой воли. И тем не менее авторы считают, что отрицание относительной свободы воли человека (которую никто не отрицает, а лишь рекомендует не смешивать с любым выбором поведения) является «источником взглядов, согласно которым нарушитель норм общественного поведения есть «жертва обстоятельств», его вина и наказание исключается, его исправление невозможно, к нему можно применять лишь меры «социальной защиты»» [2]. Однако марксистский детерминизм, как известно, вовсе не исключает в каждом конкретном случае множества вариантов поведения, в том числе и противоречащего объективной необходимости, и именно поэтому предполагает и ответственность, и наказание, и исправление нарушителей норм социалистического общежития.

---

[1] *И. С. Самощенко, М. Х. Фарукшин.* Ответственность по советскому законодательству, стр. 24.

[2] Там же, стр. 26.

Если же предположить, что человек действует во всех случаях свободно, проявляет свою свободную волю, то тогда-то именно и получается парадоксальная картина, исключающая его ответственность, ибо за свободу в социалистическом обществе не судят.

Таким образом, строго логически конструкция И. С. Самощенко и М. Х. Фарукшина не выдерживает критики. Но с другой стороны, следует признать, что как отстаиваемая, так и критикуемая позиции не преодолели еще трудностей последовательного восхождения мысли от всеобще абстрактного к тому многообразию конкретного, в котором богатство данного всеобщего своеобразно проявляется в юридически значимых явлениях. Не допускаем ли мы здесь той ошибки, что стремимся из всеобщей философской абстракции прямо и непосредственно вывести своеобразие отдельного?! Рассуждая о свободе и ответственности в юридическом смысле, мы пытаемся, минуя посредствующие звенья (которые еще не обнаружены) прямолинейно решить проблему. Между тем абстрактно-философское понятие свободы не только восходит к многообразию конкретного через ряд посредствующих звеньев, но и проявляется различно на различных уровнях, «срезах», направлениях. Едва ли нужно доказывать, что избирательный момент в противоправном поведении в такой же отдаленной степени связан с общефилософским пониманием свободы, как, например, и павловский «рефлекс свободы». Но если оправданно было показать, что свобода как всеобщая философская категория не может быть непосредственно распространена и тем более отождествлена с поведением субъекта, совершившего преступное деяние, то тем более необходимо в юридическом исследовании обнаружить причины, характер и специфику избирательного момента в поведении данного субъекта. В этом и состоит задача наших дальнейших поисков, которые окажутся успешными лишь при использовании новейших и тех предполагаемых достижений, которые обоснованно ожидаются в ближайшем будущем на «пограничных» зонах физиологии мозга, высшей нервной (психической) деятельности и комплекса наук о социальном поведении человека.

Особое внимание, которое в данном случае было уделено философскому осмыслению поведения лица,

совершившего преступное деяние, вполне естественно в работе, посвященной теории права. Что же касается поведения значительного большинства советских граждан, то их свобода состоит не в том, что они свободно нарушают законы, выражающие их же общую волю, а в том, что они сознательно, добровольно соблюдают и активно исполняют предписания этих законов.

Организованная и целесообразная реализация советским народом действующего законодательства обеспечивает эффективное воплощение правовых предписаний в жизнь, в практику коммунистического строительства. Следовательно, не только содержание советского права, отражающего познанную необходимость, но и его реализация, осуществляемая сознательно, добровольно и с полным знанием дела, является подлинно свободной.

Сознательное участие советских людей в реализации права является одной из форм, в которой проявляется свобода каждого из них. В процессе исполнения правовых предписаний товарищеская взаимопомощь и творческое содружество советских людей способствуют развитию, обогащению и совершенствованию их личного опыта, талантов и дарований. Вместе с тем активная деятельность советских людей по неуклонному, точному и последовательному исполнению требований права обеспечивает режим твердого и устойчивого правопорядка, в условиях которого осуществляется успешное строительство коммунизма.

Твердый правовой режим и устойчивость правопорядка в нашем обществе создают атмосферу уверенности каждого гражданина в своих правах и обязанностях, обеспечивают условия спокойной и нормальной деятельности для всех граждан. Каждый советский гражданин уверен в том, что он всегда найдет необходимую защиту своим законным интересам, что нарушение его прав не останется безнаказанным. С другой стороны, каждый советский гражданин знает, что в осуществлении его прав и обязанностей заинтересовано социалистическое государство, так как благодаря осуществлению этих прав и обязанностей поднимается уровень сознательности граждан, развивается их инициатива и творчество, повышается их активность в хозяйственной, политической и культурной жизни страны, в строитель-

стве коммунизма. Существующая в нашей стране непосредственная внутренняя связь между производительностью общественного труда, развитием производства и условиями жизни трудящихся создает общество, в котором интересы отдельной личности сливаются с жизнью коллектива, целого, а целое находит свое отражение в сознании и деятельности каждой отдельной личности. Каждый советский человек, участвуя в созидательном труде своего народа, во всей общественно-политической жизни страны, вносит свою долю в изменение мира и одновременно изменяет свою собственную природу. Осознав объективную необходимость строительства коммунизма, определив свое место и роль в общественном движении, советские люди подчиняют свои желания, помыслы и действия достижению этой великой и благородной цели. Тем самым они достигают господства не только над природой и обществом, но и над самим собой, то есть обретают всестороннюю свободу: «Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными» [1].

Достижение свободы в социалистическом обществе не следует, разумеется, понимать так, будто бы развитие свободы на этом прекратилось; с развитием бытия развивается как познание этого бытия, так и господство над ним, а следовательно, развивается и свобода. Уже имеющийся в нашей стране уровень свободы является необходимой предпосылкой достижения «царства свободы», являющегося высшим этапом ее развития. В условиях расцвета социалистической демократии и упрочения социалистической законности люди все в большей и большей мере утверждают свою власть над природой, силами общества и самими собой, приближаясь тем самым все ближе к «царству свободы», к коммунизму.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 229—230.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Общий путь познания права 40
§ 1. Понятия сущности и явления в праве, их взаимоотношение 40
§ 2. Проникновение от правовых явлений к сущности права 51
§ 3. Восхождение от сущности права к конкретным правовым явлениям . .73

Глава II. Сущность права 98
§ 1. Потребности, интересы и право образование 98
§ 2. Право - государственное выражение воли господствующего класса . 135
§ 3. Нормативность права и его регулирующая функция 160
§ 4. Общеобязательность права и его обеспечение 179
§ 5. Определение сущности права 190

Глава III. Содержание и форма права 196
§ 1. Понятие содержания права 196
§ 2. Понятие формы права и ее соотношение с правовым содержанием . . 215

Глава IV. Отдельное, особенное и общее в праве 229
§ 1. Понятие отдельного, особенного и общего в праве 229
§ 2. Соотношение отдельного, особенного и общего в праве 237

Глава V. Целое и часть в праве 244
§ 1. Понятие целого и части в праве 244
§ 2. Взаимодействие целого и части в праве 259

Глава VI. Система в праве 270
§ 1. Понятие системы в праве 270
§ 2. Система права и ее подсистемы 287

Глава VII. Структура и элементы в праве 309
§ 1. Понятие структуры и элементов в праве 309
§ 2. Структура права и вопросы законодательной техники 326

Глава VIII. Действительность и возможность в праве 345
§ 1. Понятие действительности и возможности в праве 345
§ 2. Соотношение действительности и возможности в праве 351

Глава IX. Цель в праве 367
§ 1. Понятие цели в праве 367
§ 2. Цель права, прогноз и социальное планирование 384

Глава X. Право как реализация свободы 407
§ 1. Необходимость - основа свободы и права 407
§ 2. Законность в условиях свободы 457

Керимов Д. А.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА

Редактор *Н. А. Шипелева*
Младшие редакторы *Л. М. Лурье, А. Н. Мамлин*
Оформление художника *М. З. Шлосберга*
Художественный редактор *М. Н. Сергеева*
Технический редактор *С. П. Лебедева*
Корректоры *Ч. А. Скруль, А. И. Зотова*

Сдано в набор 16 мая 1972 г. Подписано в печать 14 ноября 1972 г.
Формат бумаги 84×108 1/32, № 1. Усл. печатных листов 24,78.
Учетно-издательских листов 26,78. Тираж 5 000 экз. А04654.
Заказ 1963. Цена 1 р. 95 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71,
Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 5 «Союзполиграфпрома»
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.